4 Per. 88 e
3,1

ЖИВОПИСНОЕ

ОБОЗРѢНІЕ

ДОСТОПАМЯТНЫХЪ ПРЕДМЕТОВЪ

ИЗЪ

НАУКЪ, ИСКУСТВЪ, ХУДОЖЕСТВЪ,

ПРОМЫШЛЕННОСТИ и ОБЩЕЖИТІЯ,

СЪ

ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ

ЖИВОПИСНАГО ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ЗЕМНОМУ ШАРУ И ЖИЗНЕОПИСАНІЙ ЗНАМЕНИТЫХЪ ЛЮДЕЙ,

ИЗДАВАЕМОЕ

Августомъ Семеномъ.

Часть третья.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

1837.

4° Per. 88 e/3,1

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Іюня 18 дня 1837 года.

Цензоръ Д. Перевощиковъ.

Bayerische Staatsbibliothek München

194 H

20/88/162

МОГАММЕДЪ-АЛИ, ПАША ЕГИПЕТСКІЙ.

Достопамятное имя Египта не разъ встрѣчалось въ листахъ Ж. О. (т II, стр. 212 и 317-я). Читатели наши видѣли краткій очеркъ древней, полу-баснословной Исторіи Египта; видѣли и взглядъ на природу великолѣпной страны, окружающей благодатный Нилъ. Страна бѣдствій избраннаго народа, подвиговъ Іосифа, Моисея, и потомъ великихъ событій всемірной Исторіи, была, и, кажется, долго будетъ предметомъ искренняго любопытства для всякаго образованнаго человѣка. Но что̀ дѣлается теперь въ Египтѣ, гдѣ за много вѣковъ гремѣло оружіе Александра Македонскаго, стонала земля подъ легіонами желѣзныхъ Римлянъ, и еще такъ недавно, въ послѣдніе годы XVIII-го столѣтія, герой нашего вѣка, Наполеонъ, тогда *Генералъ Бонапарте*, умѣлъ соединить блескъ военныхъ подвиговъ съ прочною славою ученой экспедиціи?... Теперь Египетъ подъ властью человѣка, также достойнаго замѣчанія, хотя и не похожаго на Бонапарте. Вглядитесь въ черты портрета, приложеннаго къ этой статьѣ: это Могаммедъ-Али, Паша Египетскій, нынѣшній повелитель Египта и Сиріи, котораго жизнь составляетъ почти всю Исторію Египта, уже болѣе двадцати пяти лѣтъ. Но чтобы понять странное явленіе человѣка, не знатнаго родомъ и захватившаго во власть свою одну изъ прекраснѣйшихъ странъ міра, надобно разсмотрѣть, какія обстоятельства способствовали ему въ этомъ и какъ умѣлъ онъ ими пользоваться.

Могаммедъ-Али родился въ Македоніи, въ Кавалѣ, въ 1769-мъ году, памятномъ рожденіемъ многихъ славныхъ людей (Наполеонъ, Шатобріанъ, Веллингтонъ, и проч.) Въ ранней юности лишился онъ отца, начальника дорожной стражи, и былъ воспитанъ чужими. Подъ руководствомъ благодѣтеля своего, сборщика податей, онъ занимался торговлей, показалъ въ ней рѣдкую смѣтливость, и сверхъ того пособлялъ благодѣтелю сбирать подати, что̀ въ Турціи не рѣдко бываетъ похоже на военные подвиги. Благодѣтель, довольный имъ, отдалъ за него свою дочь, которая разошлась съ первымъ мужемъ, можетъ быть отъ того, что Могаммедъ-Али уже имѣлъ отъ нея трехъ сыновей: Ибрагима, Туссуна и Измаила. Потому-то, вѣроятно, многіе почитаютъ *Ибрагима* только пріемышемъ его; но онъ настоящій сынъ его. Послѣ у Могаммеда-Али было много другихъ дѣтей, но Ибрагимъ остается любимцемъ его, и онъ достоинъ страшной славы своей, какъ увидимъ дальше. Во время похода Французовъ въ Египетъ, Могаммедъ-Али вступилъ въ военную службу, отличился во многихъ сраженіяхъ и остался въ Египтѣ. Тамъ вскорѣ онъ обратилъ на себя вниманіе. Начальствуя корпусомъ Албанцевъ, онъ умѣлъ сѣять раздоръ между своевольными Пашами и буйными Мамелюками, и казался необходимымъ для возстановленія порядка. Въ 1806 году Порта утвердила его правителемъ области и наименовала Трехъ-Бунчужнымъ Пашею. Въ 1807 году онъ умѣлъ отразить Англичанъ, сдѣлавшихъ высадку въ Египетъ, и показалъ при этомъ еще болѣе ловкости нежели мужества. Но главнымъ подвигомъ этого времени его жизни было покореніе Мамелюковъ и истребленіе Вехабитовъ или Вагабисовъ. Могущественная секта Вехабитовъ обладала Меккою, Мединою, многими важными приморскими городами, и послѣдователи ея могли вооружать многочисленныя арміи. Нѣсколько лѣтъ боролся съ нею Могаммедъ-Али, и наконецъ, около 1820 года, былъ уже полнымъ властителемъ всѣхъ областей, гдѣ прежде господствовали Вехабиты. Тутъ въ первый разъ показалъ свои воинскія дарованія сынъ его Ибрагимъ. Между тѣмъ пламенѣло междоусобіе въ Греціи. Султанъ требовалъ отъ своего Египетскаго правителя флота и войскъ, и Могаммедъ-Али послалъ ихъ. Чтобы объяснить себѣ это странное повиновеніе, въ то время, когда Паша обдумывалъ и отчасти выполнялъ свое намѣреніе: отдѣлиться отъ Порты, надобно вспомнить о нѣкоторыхъ важныхъ обстоятельствахъ. Могущество Могаммеда-Али основано, прежде всего, на огромныхъ финансовыхъ средствахъ. Съ самаго начала своего властвованія, онъ обратилъ въ свою пользу всѣ доходы Египта: завелъ обширныя плантаціи хлопчатой бумаги, учредилъ многія фабрики, усилилъ торговлю. Сотни тысячь людей трудятся для обогащенія казны его. Дѣйствуя черезъ многихъ Европейскихъ спекуляторовъ, онъ захватилъ въ свои руки почти всю торговлю Египта. Можно представить себѣ, каково при этомъ его подданнымъ. Понимая свое положеніе, онъ, какъ геніяльный Азіятскій деспотъ, образовалъ для себя приверженное войско, изъ элементовъ, которыхъ, казалось, не льзя было соединить. Мы видѣли, что первымъ войскомъ его были Албанцы. Они оказали ему большія услуги, но за то сдѣлались своевольны и часто отказывались отъ повиновенія. Онъ рѣшился освободиться отъ нихъ и замѣнить буйную толпу безсловными рабами. Экспедиція, отправленная во внутренность Африки, проникла въ Кордуфанъ, и вывела оттуда двадцать тысячь Негровъ. Но эти несчастные, при новомъ для нихъ образѣ жизни,

почти всѣ вымерли года въ два. Могаммедъ-Али задумалъ предпріятіе новое, котораго дерзость устрашала всѣхъ приближенныхъ его. Не смотря на смертельную ненависть къ нему Арабовъ, онъ велѣлъ сдѣлать новый наборъ изъ нихъ, и вскорѣ составилъ армію въ сорокъ тысячь человѣкъ; въ нее вошли пять сотъ старыхъ Мамелюкскихъ воиновъ, которые почти всѣ были произведены въ офицеры, и остатокъ Негровъ. Это войско дополняется и увеличивается по правиламъ Французской конскрипціи. Въ числѣ его много регулярныхъ полковъ, хорошей конницы, и образованной артиллеріи. Отъ чего не возмущаются Арабы, покоренные и долго не признававшіе власти Могаммеда-Али? Отъ того, что состояніе ихъ перемѣнилось къ лучшему: дома они живутъ въ бѣдности, а Паша одѣваетъ ихъ щегольски, даетъ имъ большое жалованье и поступаетъ съ ними правосудно. Къ этому присоединена строгая дисциплина. Призывая на помощь предпріимчиваго вассала, Порта сдѣлала ему самыя обольстительныя предложенія. Послѣ усмиренія Грековъ, Кипръ, Родосъ, Кандія, Эпиръ, Пелопонпезъ, поступили-бы въ его управленіе. Паша надѣялся управлять ими такъ-же какъ Египтомъ, то есть независимо. Вотъ что обольстило его и заставило изъявить временную покорность Султану. Сверхъ того, онъ удалялъ этимъ Албанскіе и всѣ другіе полки, на вѣрность которыхъ не надѣялся. Но преднамѣренія его не исполнились: Наваринская битва окончила походъ, и Могаммедъ-Али съ радостью согласился на предложеніе Адмирала Кодрингтона: удалить Египетскія войска изъ Греціи. Съ этого времени начинается новый ходъ дѣлъ въ Египтѣ. Порта видѣла какъ опасенъ для нея могущественный Могаммедъ-Али, и, стараясь сколько нибудь уравновѣсить его силу, поддерживала Пашу Акрскаго, Абдаллу. Могаммедъ-Али безпрестанно заводилъ ссоры съ этимъ сосѣдомъ своимъ, и наконецъ пошелъ на него открытою силою. Въ концѣ Октября 1831 года, Ибрагимъ выступилъ противъ Акры съ многочисленною, хорошо обученною арміею и сильнымъ флотомъ. Это было явнымъ бунтомъ, потому что Порта приказывала Египетскому властелину окончить мирно всѣ несогласія съ Пашею Акрскимъ. Онъ не слушалъ ея повелѣній и началъ осаду Акры, знаменитой сопротивленіемъ своимъ Бонапарте, и почитавшейся неприступною. Въ самомъ дѣлѣ трудно было взять ее. Между тѣмъ Порта справедливо встревоженная, объявила Могаммеда-Али мятежникомъ и отнеслась объ этомъ ко всѣмъ Европейскимъ Посланникамъ въ Константинополѣ. Въ то-же время начала она собирать армію, и съ величайшею торжественностью ввѣрила начальство надъ нею Гуссейну-Пашѣ, знаменитому участіемъ въ истребленіи Янычаровъ и въ послѣдней войнѣ съ Россіею. Но успѣхи Ибрагима разстроивали всѣ планы новаго главнокомандующаго. Послѣ упорнаго и отчаяннаго сопротивленія, Акра сдалась, выдержавъ продолжительную осаду. Ибрагимъ привлекъ къ себѣ, въ продолженіе этого времени, Друзовъ, и овладѣлъ почти всею Сиріею. Побѣды при Гомсѣ и Бейланѣ чрезвычайно разстроили Турецкую армію, и показали военныя достоинства Ибрагима, такъ-же какъ и неспособность его противника. На мѣсто Гуссейна-Паши Султанъ послалъ Верховнаго Визиря своего, Решида-Мегемета. Въ это время Ибрагимъ уже занималъ Адану. Вскорѣ онъ перешелъ черезъ горы Тавра и приблизился къ Коніи. Этотъ важный городъ былъ оставленъ побѣдителю, и вблизи него должна была рѣшиться судьба похода.... Но всѣ эти событія возбудили участіе Европейскихъ Кабинетовъ. Россія великодушно предложила Султану свою всесильную помощь, и Генералъ Муравьевъ уже находился въ Константинополѣ. Дипломаты другихъ Европейскихъ Дворовъ вели переговоры съ Могаммедомъ-Али. Въ это время дана была знаменитая битва при Коніи, гдѣ Турецкая армія потерпѣла рѣшительное пораженіе и самъ Верховный Визирь попался въ плѣнъ побѣдителямъ.... Послѣ такого событія, дипломатическая переписка пришла въ новое движеніе. Россія дѣйствовала рѣшительнѣе и великодушнѣе. Три эскадры Черноморскаго флота перевезли на Азіятскій берегъ дивизію Русскихъ войскъ. Такого изъявленія воли Россійскаго Императора было довольно. Ибрагимъ-Паша, пришедшій уже въ Кутахію (за нѣсколько переходовъ отъ Константинополя), остановился и объявилъ, что онъ не пойдетъ далѣе, ожидая повелѣній своего отца. Наши Русскія войска и нашъ побѣдительный флотъ пировали вблизи Царяграда, и одно присутствіе ихъ окончило все. Султанъ принялъ условія, на которыхъ предложилъ мириться Могаммедъ-Али, и этотъ призналъ его всегдашнимъ, неизмѣннымъ своимъ повелителемъ. Теперь Паша Египетскій обладаетъ всѣмъ Египтомъ, островомъ Кандіею, какъ прежде, и сверхъ того пріобрѣлъ послѣднею войною: области Дамаскъ, Триполи Сирійскій, Саиду, Сафадъ, Алеппо, округи Іерусалимскій и Наплузскій, и наконецъ важную для него своими лѣсами область Адану. Ибрагимъ Паша снова получилъ титулъ Шеиха-Эль-Гарема Мекки и округа Джедды.

КОЛИБРИ-ТОПАЗЪ И КОЛИБРИ ГАИТСКАЯ.

Въ двухъ статьяхъ о крошечной породѣ *мухъ-птицъ* и *колибри* (Ж. О. т. II, стр. 76 и 85), мы описали различіе ихъ, и говорили какъ многочисленны породы этого прелестнаго созданія. Для насъ онѣ тѣмъ любопытнѣе, что непремѣнно надобно ѣхать въ Америку, если хотите увидѣть колибри. А, право, трудъ путешествія вознаградился-бы прелестнымъ зрѣлищемъ для охотника до милыхъ рѣдкостей.... Но вы не хотите ѣхать въ Америку, смотрѣть колибри?... Вотъ вамъ еще двѣ породы ихъ, однѣ изъ самыхъ прелестныхъ, хотя онѣ всѣ хороши. Та, которая сидитъ ни-

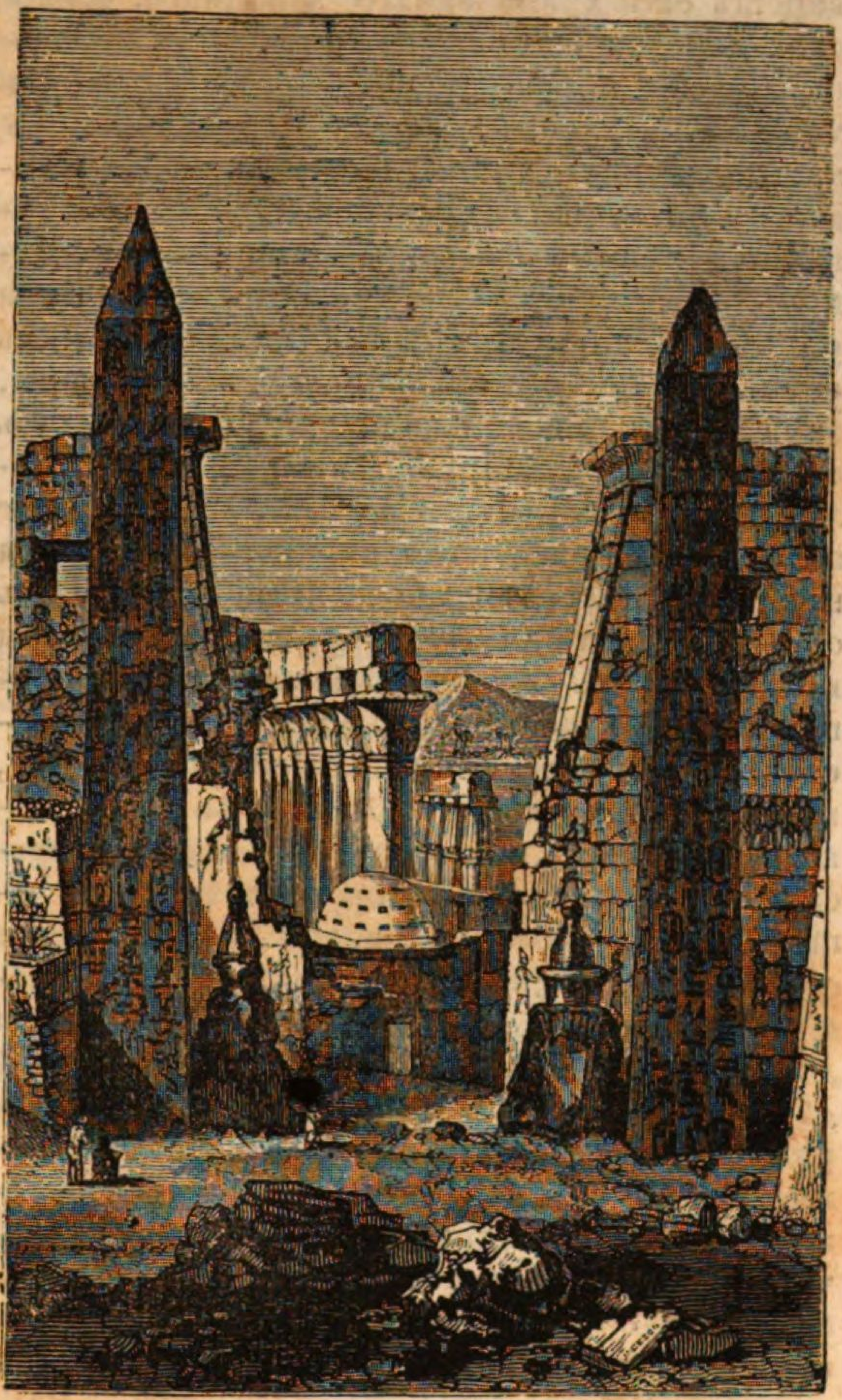
же, съ двумя длинными перышками въ хвостѣ, *колибри-топазъ;* другая, *колибри Гаитская.*

Колибри-топазъ самая большая изъ всѣхъ колибри, гигантъ между собратьями, хотя вся она менѣе шести Французскихъ дюймовъ въ длину. Горлышко и верхняя часть груди ея покрыты перышками яркаго топазоваго цвѣта: со стороны это блестящее пятно кажется золотисто-зеленымъ, а снизу чисто-зеленымъ; голова колибри чернаго бархатистаго цвѣта, которымъ обрамлено и топазовое пятно; нижняя часть груди, верхъ шейки и спина ярко-пурпурныя; брюшко еще больше блещетъ пурпуромъ, съ красно-золотымъ отливомъ; перья крылевъ темно-фіолетовыя. Все это перемѣшано со множествомъ другихъ, блестящихъ оттѣнковъ, такъ что вѣчно движущаяся колибри кажется составленною изъ всѣхъ цвѣтовъ радуги. Два длинныя пера на хвостѣ особенно отличаютъ самцовъ этой породы. Самки ея нѣсколько различны расположеніемъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. — *Колибри Гаитская* получила названіе отъ острова, гдѣ всего чаще она встрѣчается. Не описываемъ подробно ея плѣнительнаго наряда: это было-бы опять исчисленіемъ всѣхъ восхитительныхъ цвѣтовъ, расположенныхъ въ новомъ видѣ. Но можно-ли по-

нять прелесть этого милаго созданія намъ, Европейцамъ, изъ какого-бы то ни было описанія? Колибри никогда не посѣщали нашей холодной Европы. Правда, разсказываютъ, что одинъ молодой Англичанинъ, за нѣсколько дней до отплытія изъ Ямайки, нашелъ колибри въ гнѣздѣ: она сидѣла на яйцахъ, и по инстинкту матери не оставляла ихъ. Молодой человѣкъ отрѣзалъ вѣтку, къ которой было прикрѣплено гнѣздо, и отнесъ его вмѣстѣ съ птичкою на корабль. Милое созданіе скоро привыкло къ своему хозяину и даже питалось медомъ изъ рукъ его. Между тѣмъ, во время пути, изъ яичекъ вышли два дѣтеныша (колибри не несетъ больше двухъ яичекъ). Мать вскорѣ умерла, но двѣ крошки доставлены были въ Англію живыя. Нѣсколько времени оставались онѣ у Леди Гемонъ, и одна прожила около двухъ мѣсяцевъ. Онѣ такъ привыкли къ новой хозяйкѣ, что сами прилетали брать пищу изо рта ея. Если не сказка — это единственный примѣръ, что колибри живыя были въ Европѣ.

ЛУКСОРСКІЕ ОБЕЛИСКИ.

Для любителя памятниковъ Древности, Египетъ, со своими тысячелѣтними развалинами, представляетъ обширное и мало изслѣдованное поле. Мы видѣли раздѣленіе его на Верхній, Средній и Нижній. Особенное вниманіе въ Верхнемъ Египтѣ заслуживаютъ остатки знаменитыхъ *Ѳивъ*. Этотъ *стовратный* городъ, нѣкогда изумительный своею обширностью, своимъ великолѣпіемъ и чудесами искуства, теперь не иное что какъ развалины, посреди которыхъ гнѣздится, въ бѣдныхъ деревенькахъ, ничтожное число полудикихъ жителей. Такова судьба древнихъ царствъ!... Ѳивы, памятникъ цвѣтущаго состоянія Египетскаго царства, былъ построенъ въ темныя для Исторіи времена. Одни приписываютъ построеніе его Бузирису, сыну Нептунову, другіе Озирису, сыну Юпитера и Ніобеи. Эти миѳологическіе намеки показываютъ однакожь древность основанія его. Гомеръ воспѣвалъ *стовратный* городъ; Библія называетъ его *многонароднымъ*. Почти всѣ древніе историки описываютъ Ѳивы съ изумленіемъ, хотя они уже не видали ихъ во всей славѣ. Около Рождества Христова этотъ городъ занималъ болѣе двадцати верстъ въ длину. И это еще мало вравненіи съ тѣмъ, что̀ былъ онъ прежде раззоренія его Камбизомъ. Тогда, какъ говорятъ, длина его простиралась почти на девяносто верстъ. Изъ каждыхъ ста воротъ своихъ, онъ могъ выводить по десяти тысячь воиновъ, и съ ними двѣсти колесницъ. Въ эпитафіи Рампсеса, Царя Египетскаго за 1500 лѣтъ до Р. Х., сказано, что въ то время было въ Ѳивахъ семь сотъ тысячь воиновъ. Каково-же было все народонаселеніе? Современникъ Августа, Діодоръ Сицилійскій,

пишетъ, что Египетскіе цари одинъ передъ другимъ старались обогащать Ѳивы работами изъ золота, серебра, слоновой кости, такъ-же какъ множествомъ колоссальныхъ статуй. «И не было подъ солнцемъ города,» прибавляетъ онъ, «гдѣ-бы находилось такое множество цѣльныхъ колоннъ (монолитовъ). Зданія существовали еще недавно; только всѣ драгоцѣнности разграблены Персами, когда Камбизъ жегъ храмы Египетскіе.» Въ первый разъ Ѳивы были ограблены Ассирійцами и Вавилонянами, во второй Персами, въ третій Римлянами. Птоломей Латиръ, Египетскій царь, осаждалъ Ѳивы три года, когда онѣ взбунтовались противъ него. Онъ взялъ городъ за 81 годъ до Рождества Христова, и довершилъ раззореніе его. Съ тѣхъ поръ Ѳивы уже не возставали. Но самыя разва-

лины ихъ доказываютъ, даже теперь, что не даромъ пользовались онѣ такою славою. Двѣ непрерывныя цѣпи горъ показываютъ мѣста памятниковъ; могилы покрываютъ долины западныя и далеко простираются въ пустыню. Обширный храмъ въ восточной части города, почти за тринадцать верстъ отъ храма самаго западнаго. Арабская деревня Карнакъ выстроена на небольшой части пространства одного изъ этихъ храмовъ. Луксоръ, другая деревня, также на развалинахъ храма: онъ меньше Карнакскаго, но лучше сохранился. Описывая Карнакскій храмъ, извѣстный антикварій, Денонъ говоритъ: «Сто колоннъ составляли одинъ портикъ его; самыя малыя изъ нихъ семи футовъ съ половиною въ діаметрѣ, самыя большія двѣнадцати футовъ. Въ окружности, которую занималъ храмъ, цѣлыя озера и горы!... Словомъ, если хотите вообразить это великолѣпіе, вы должны представить себѣ несбыточный сонъ. Путь отъ Карнака до Луксора, на протяженіи почти трехъ верстъ, обставленъ съ обѣихъ сторонъ непрерывнымъ рядомъ сфинксовъ и всякихъ фантастическихъ фигуръ, перемежающихся обломками стѣнъ, небольшихъ колоннъ и статуй.» Самые колоссальные остатки Луксорскаго храма — четырнадцать колоннъ, почти одиннадцати футовъ въ діаметрѣ, и двѣ гранитныя статуи у воротъ входа, углубившіяся въ землю до половины рукъ. Онѣ были напротивъ двухъ обелисковъ, самыхъ огромныхъ и лучше сохранившихся, изъ всѣхъ какіе извѣстны. Одинъ изъ этихъ-то обелисковъ перевезенъ нынѣ въ Парижъ.... Но прежде окончимъ описаніе обоихъ, на прежнемъ ихъ мѣстѣ. Оба они изъ цѣльнаго гранита.... и новѣйшее искуство не представляетъ ничего подобнаго этимъ обелискамъ. Варвары, опустошители Верхняго Египта, какъ будто уважили въ нихъ безсмертный трудъ искуства, и хотя старались подрыть и повалить одинъ изъ обелисковъ, но не прикоснулись къ изваяніямъ, покрывающимъ его. Эти изваянія расположены въ три ряда: средній рядъ сдѣланъ углубленіемъ на два дюйма; два другіе углублены меньше. Это различіе производитъ оттѣнки удивительные. Всѣ четыре стороны усѣяны именами и прозваніями Рамсеса и Сезостриса, великаго завоевателя Египетскаго.

На картинкѣ изображены оба обелиска въ прежнемъ ихъ видѣ. Они углублялись въ землю на пятнадцать футовъ. Теперь одинъ изъ этихъ обелисковъ украшаетъ столицу Франціи. Г. Леба, инженеръ ученой экспедиціи, отправленной на кораблѣ *Луксорѣ* для перевезенія этого чуда рукъ человѣческихъ, избралъ меньшій обелискъ, потому что онъ лучше сохранился и былъ удобнѣе для перевоза. Вышиною онъ 72 фута и вѣситъ 500,000 фунтовъ. Перевозка и постановка его должны составить особую статью.

ПЕТРО-ПАВЛОВСКІЙ СОБОРЪ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

Великій Петръ, основывая свою сѣверную столицу, хотѣлъ прежде всего сдѣлать ее оплотомъ противъ Шведовъ, тогда еще близкихъ сосѣдей Невы. Плѣненный красотою широкой, многоводной рѣки, онъ имѣлъ въ виду и твердость мѣстоположенія для своего будущаго города. Вслѣдствіе этой мысли, однимъ изъ первыхъ его попеченій было заложить крѣпость, на самомъ берегу Невы, при одномъ изъ рукавовъ ея, называемомъ теперь Малою Невою. И въ какое время исполнялъ онъ свою мысль!... только что разгромивъ Шведовъ, взявъ Нотебургъ и Ніеншанцъ, и овладѣвъ нѣсколькими мѣлкими судами въ самомъ устьѣ Невы!... 6 Мая 1703 года было это послѣднее, жаркое сраженіе, а 16-го Петръ, своими руками, заложилъ первый камень новой крѣпости, почти въ виду непріятелей. Но Петръ дѣйствовалъ съ увѣренностью, потому что лучше современниковъ понималъ свою силу и предугадывалъ будущее. Въ честь дня своего ангела, онъ назвалъ новый городъ *Санктпетербургомъ*, а однимъ, изъ первыхъ зданій въ крѣпости былъ соборъ, посвященный святымъ Апостоламъ Петру и Павлу. Вначалѣ этотъ храмъ, столь знаменитый въ наше время, былъ деревянный, окрашенный снаружи подъ желтый мраморъ. Въ 1712 году заложенъ, на томъ-же мѣстѣ, обширный каменный соборъ, оконченный лѣтъ черезъ двадцать, и освященный уже въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, въ 1733-мъ году. Высокая колокольня его, столь славная въ Россіи, отстроена въ 1723-мъ году. Она особенно замѣчательна длиннымъ своимъ шпилемъ, подъ которымъ находятся прекрасные часы съ курантами: Петръ любилъ ставить такіе часы въ мѣстахъ своего жительства. Величественной наружности храма соотвѣтствуетъ и внутренность его, наполненная, сверхъ того, предметами, драгоцѣнными для сердца Русскаго. Исчислимъ здѣсь самое достопамятное... Русскій! прежде всего склонись передъ гробомъ великаго благодѣтеля твоего отечества, твоихъ предковъ, тебя самого: ты видишь гробъ Петра!... Послѣ непрерывныхъ, царственныхъ трудовъ своихъ, Безсмертный Преобразитель Россіи скончался 28-го

числа Января 1725 года, въ первую четверть шестаго часа по полуночи.... Въ Петро-Павловскомъ соборѣ покоится прахъ его, душа у Престола Бога, и покровительствуетъ Россіи во всѣхъ ея поколѣніяхъ.... Усладительно видѣть, съ какимъ глубокимъ чувствомъ приближаются вѣрные сыны отечества къ могилѣ своего благодѣтеля.... Иногда видите слезу на лицѣ, одушевленномъ благоговѣйнымъ чувствомъ.... Примѣръ въ этомъ, какъ и во всемъ прекрасномъ и высокомъ, подаютъ сами Монархи Русскіе: Екатерина Великая, въ 1772-мъ году, Августа 29-го, собственными руками положила при гробѣ Своего Великаго Предшественника главное знамя, взятое Графомъ Орловымъ въ Архипелагѣ, при разбитіи Турецкаго флота.... Превосходное выраженіе признательности творцу Россійскаго флота!... Императоръ Александръ приказалъ положить на гробѣ Петра медаль, выбитую въ 1803-мъ году, по случаю празднованія столѣтія Петербурга.... Въ Петро-Павловскомъ соборѣ видите вы, подлѣ гробницы безсмертнаго Петра, и гробницы державныхъ преемниковъ его, всѣхъ, кромѣ Петра II-го, скончавшагося въ Москвѣ.... Тутъ-же покоится прахъ царственныхъ особъ Императорскаго Дома, скончавшихся въ прошедшемъ и нынѣшнемъ столѣтіи.... Храмъ, столь новый всравненіи съ древнѣйшими храмами Россіи, достопамятенъ и многими историческими драгоцѣнностями. Вотъ два большія паникадила изъ слоновой кости, выточенныя рукою Петра Великаго! Вотъ напрестольный крестъ, выточенный Имъ-же!... Независимо отъ благоговѣйнаго чувства къ памяти Великаго Художника, не льзя не удивляться изяществу работы въ этихъ богатыхъ предметахъ. Петру суждено быть Великимъ во всемъ!... Вотъ трофеи, завоеванные громоноснымъ воинствомъ Русскимъ въ прошедшемъ столѣтіи, и въ нѣкоторыхъ войнахъ текущаго. У трехъ стѣнъ церкви видите вы цѣлый лѣсъ знаменъ Турецкихъ, Прусскихъ, Польскихъ.... Тутъ есть и Французскіе орлы, взятые во время похода въ 1806-мъ и 1807 году.... Вотъ ключи Варшавы, покоренной Суворовымъ, и хлѣбъ, поднесенный ему Варшавскими жителями: отъ времени хлѣбъ истлѣлъ и зашитъ въ нѣсколько бархатныхъ подушекъ.... Но одни-ли эти ключи видите вы здѣсь: тутъ цѣлая Исторія войнъ, знаменитыхъ для Россіи!... На столѣ, у правой стѣны отъ входа, гдѣ хранятся эти достопамятности, есть много и другихъ воинскихъ трофеевъ. Память не можетъ вмѣстить всего, что встрѣчаете вы внутри Петро-Павловскаго собора. И все это пробуждаетъ народную, высокую гордость, все напоминаетъ знаменитыя событія и еще болѣе знаменитыя имена.

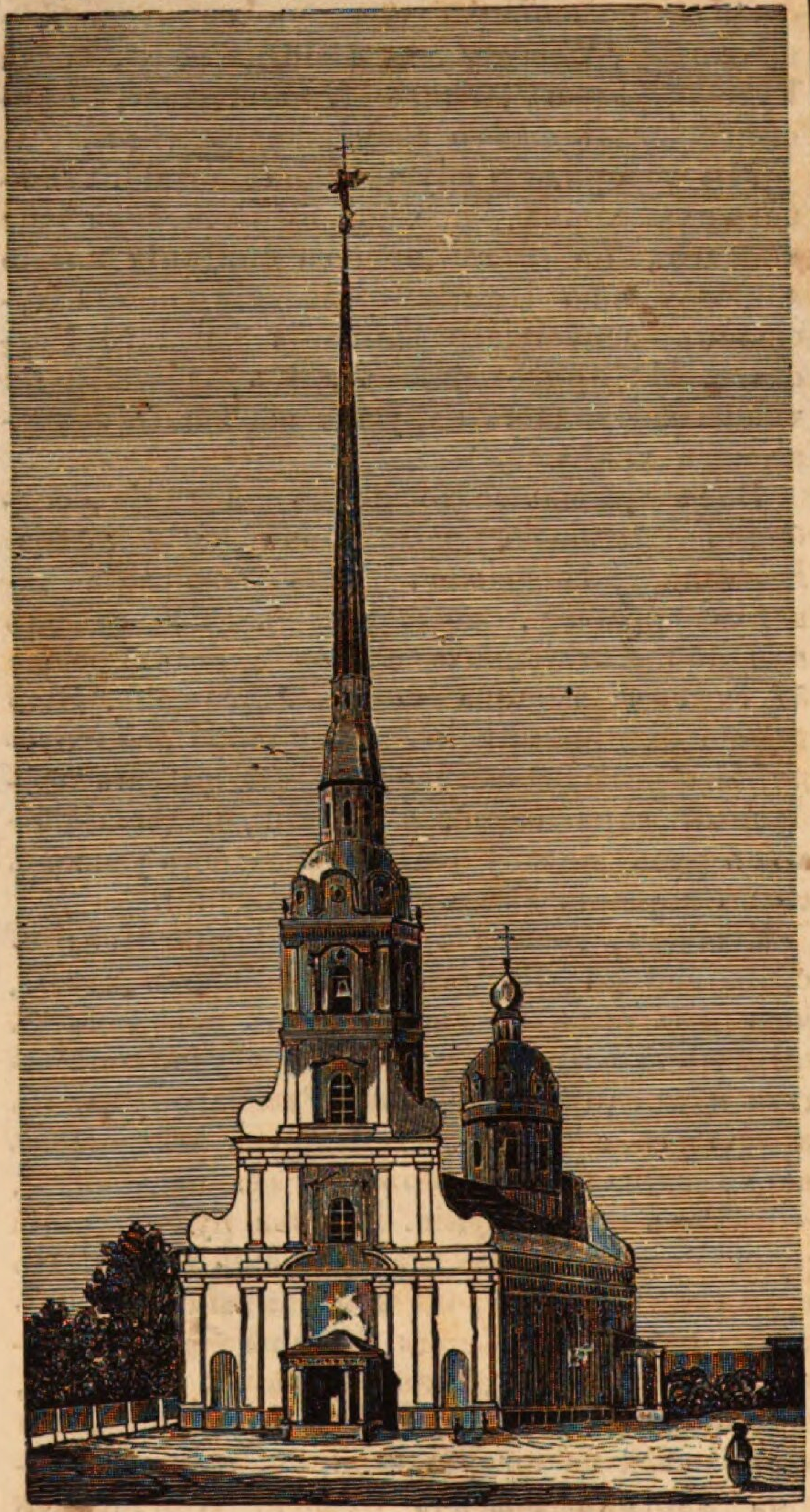
Подлѣ самой церкви замѣтьте небольшую каменную палатку, гдѣ хранится *ботикъ* Петра Великаго, названный *дѣдомъ Россійскаго флота*. Мудрый Потомокъ Великаго отдалъ достойную почесть этому достопамятному ботику, въ 1836-мъ году, когда Русскій флотъ, близъ Кронштата, привѣтствовалъ своего знаменитаго *дѣда*....

Мы говорили о внутреннихъ достопамятностяхъ храма, и хоть не исчислили еще многаго, но и изъ нашего описанія можно видѣть, что Петро-Павловскій соборъ достоинъ особеннаго вниманія каждаго Русскаго. На приложенномъ здѣсь изображеніи читатели видятъ наружность этого знаменитаго храма.

Видъ его также достоинъ вниманія, особенно высотою колокольни и шпиля. Вышина колокольни, отъ основанія до верха креста, составляетъ 65 саженъ или 455 Англійскихъ футовъ; безъ креста 57 саженъ; вышина шпиля 26 саженъ. Это почти безпримѣрно!... Отъ того колокольня Петро-Павловскаго собора имѣетъ особенный характеръ, и всякій, видѣвшій ее хоть разъ, не забудетъ никогда: онъ узнаетъ ее въ первомъ вѣрномъ изображеніи.

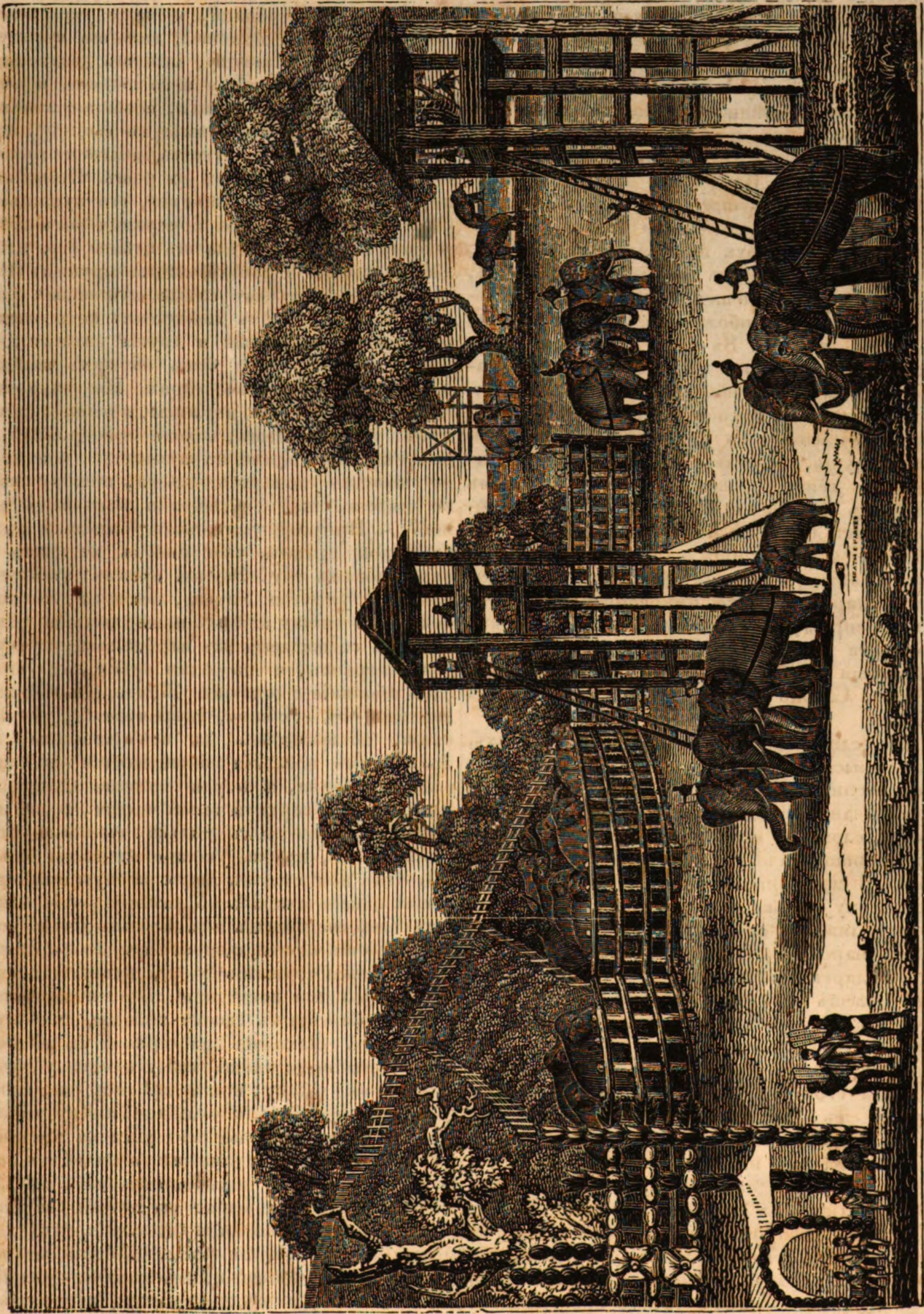
Кстати, говоря о шпилѣ Петро-Павловскаго собора, не льзя не вспомнить здѣсь, что онъ недавно еще служилъ поводомъ къ выказанію всего досужества, неустрашимости и предпріимчивости Русскаго ума. Въ крестѣ и ангелѣ, находящихся на самомъ верху шпиля, и утвержденныхъ въ яблокѣ, оказались поврежденія. Ни чья рука, кромѣ руки времени, немогла сдѣлать этого. Но время сдѣлало свое, по неизмѣннымъ физическимъ законамъ, а люди должны были поправить это. Начали дѣлать смѣту, и оказалось, что одни лѣса, по которымъ можно было-бы взобраться на такую вышину, должны стоить многихъ тысячь рублей. Причисливъ къ этому издержки самаго исправленія, нашли, что починка возвысится до суммы огромной и займетъ много рукъ и времени... Но тутъ-то явился Русскій умъ во всемъ блескѣ своемъ! Простой мужикъ, крестьянинъ Телушкинъ, подалъ просьбу начальству, и вызывался въ ней «одинъ, *лично* «произвесть всѣ исправленія въ крестѣ и «ангелѣ, безъ пособія лѣсовъ, прося плате-«жа только за матеріялы, которыхъ тре-«буетъ работа; награду-же трудовъ сво-«ихъ предоставляя усмотрѣнію начальства.» Такой вызовъ изумилъ всѣхъ; но мужичекъ, кровельщикъ ремесломъ, говорилъ о своемъ предпріятіи такъ умно, просто, увѣрен-

но, что его допустили къ работѣ. Въ Октябрѣ 1830 года онъ началъ выполнять свой невѣроятный трудъ. Первымъ намѣреніемъ его было: выйдти изъ верхняго люка, или отверстія, сдѣланнаго на десяти саженяхъ отъ основанія шпиля, и окинуть вокругъ него веревку, которая придержи-

вала-бы работающаго при опасномъ восхожденіи вверхъ. Но это оказалось невозможно. Шпиль такъ широкъ въ этомъ мѣстѣ, что вокругъ него не льзя окинуть веревки Доказательство, что Телушкинъ дѣйствовалъ только по вдохновенію, не имѣлъ вѣрнаго плана, и надѣялся единственно на свою смѣтливость, въ какомъ-бы то ни было случаѣ. Надобно замѣтить еще, что этотъ мужичекъ одаренъ необыкновенною силою и особенно твердостью въ рукахъ: при такомъ пособіи, онъ не раздумывалъ долго. Привязавъ конецъ шести-саженной веревки къ одной изъ внутреннихъ перекладинъ шпиля, другой конецъ онъ опоясалъ вокругъ себя, и по наружности кровли спустился во всю длину веревки. Потомъ, хватаясь за фальцы, или загибы мѣдныхъ листовъ, которые выставляются на два вершка во всю длину шпиля, онъ полѣзъ вверхъ спиральною линіею, таща привязанную къ себѣ веревку. Тутъ все было основано на силѣ его и на крѣпости пальцевъ, потому что утвердившись правою ногою въ одинъ загибъ, или фальцъ, ту-же ногу переносилъ онъ на ближайшій, держась въ это время только пальцами рукъ: усиліе было такъ тяжко, что изъ подъ-ногтей его выступала кровь. Но подвигаясь такимъ образомъ все влѣво и вверхъ (спиральною линіею) Телушкинъ дошелъ до люка, изъ котораго спустился, и тамъ отвязавъ конецъ веревки, прикрѣпленный къ перекладинѣ, продѣлъ въ узелъ его другой конецъ, за который былъ привязанъ самъ во время своего воздушнаго путешествія. Этимъ дѣйствіемъ онъ обвязалъ шпиль веревочнымъ кольцомъ. Но до яблока оставалось еще сто футовъ. Телушкинъ воспользовался тутъ крючьями, укрѣпленными въ шпилѣ, на разстояніи $4\frac{1}{2}$ аршинъ одинъ отъ другаго, идущими до самаго верха. Взявъ двѣ веревки, оно завязалъ на концахъ ихъ глухія петли, и сдѣлавъ родъ стременъ, закидывалъ на ближайшій крюкъ веревку, завязанную узломъ и посрединѣ. Потомъ онъ становился въ стремена, и постепенно стягивая ихъ, возвышался отъ одного крюка до другаго, къ самому яблоку. Но ему оставалось еще перейдти на яблоко, гдѣ утвержденъ крестъ. Препятствіемъ для этого было самое яблоко, потому что діаметръ шпиля подъ нимъ нѣсколько болѣе аршина, а оно болѣе четырехъ аршинъ. Телушкинъ привязалъ свои ноги, надъ самымъ подъемомъ, двумя веревками къ шпилю; третью веревку, которая обвивала шпиль, и, привязанная къ поясу Телушкина, была, по мѣрѣ восхожденія, стягиваема имъ, онъ отпустилъ на столько, чтобы можно было, упершись въ шпиль, свѣситься спиною почти горизонтально. Въ этомъ положеніи, обѣими руками онъ бросилъ конецъ главной веревки вокругъ основанія креста, такъ что веревка обогнула его и свѣсилась концомъ: это, съ помощью узловъ, составило для него родъ лѣстницы. Тогда смѣльчакъ взлѣзъ на самое яблоко, и крестясь взглянулъ на радостный народъ, окружавшій церковь. Послѣ этого уже не трудно было ему прикрѣпить къ яблоку настоящую веревочную лѣстницу, по которой ходилъ онъ свободно вверхъ и внизъ, и скоро окончилъ всѣ исправленія. Хвала досужеству и смѣлости Русскаго!

СЛОНЫ И ЛОВЛЯ ИХЪ.

Слонъ (по-Франц. l'éléphant, по-Англ. the elephant, по-Латински elephantus, barrus), величайшее четвероногое современнаго намъ міра, и одно изъ самыхъ замѣчатель-

ныхъ силою, проницательностью, смѣтливостью, и другими качествами, которыя ставятъ его на одной изъ первыхъ ступеней послѣ человѣка. Потому-то люди искони уважали этого умнаго великана. Древніе видѣли въ немъ чудо природы, и не безъ основанія, потому что это было ея крайнее усиліе соединить въ животномъ всѣ высокія качества; прибавимъ: «кромѣ ума.» Вотъ что упускали изъ виду Плиній, Эліанъ, Солинъ, Плутархъ, и приписывали слону многія умственныя способности и нравственность; вслѣдъ за ними, даже нѣкоторые изъ новыхъ писателей, повторяли, что у слоновъ есть врожденная религія, что они поклоняются лунѣ и солнцу, дѣлаютъ омовенія, обожаютъ небесныя тѣла, и проч. и проч. Въ наше время, когда, въ самыхъ мѣстахъ рожденія слоновъ, Англичане разливаютъ свѣтъ просвѣщенія изъ своихъ торговыхъ факторій, одни дикіе Индійцы, убѣжденные въ необходимости переселенія душъ, вѣрятъ, что въ слонахъ обитаютъ души героевъ и царей. Въ самомъ дѣлѣ, въ Лаосѣ, въ Сіамѣ, въ Пегу, и нѣкоторыхъ другихъ областяхъ Индіи, они почитаются перерожденными царями. Бѣлые слоны въ такомъ уваженіи у тамошнихъ народовъ, что имъ строятъ особенные дворцы, кормятъ ихъ отборными кушаньями изъ золотой посуды, одѣваютъ дорогими тканями, и преклоняются передъ ними. Славно быть бѣлымъ слономъ въ Индіи!

Но если и отбросимъ всѣ басни древнихъ, всѣ вымыслы и глупые предразсудки невѣждъ-современниковъ, слонъ все таки твореніе чрезвычайно замѣчательное. Дикій, на свободѣ, слонъ не кровожаденъ и не свирѣпъ: онъ кротокъ и не употребляетъ во зло своей силы и страшныхъ своихъ орудій; они служатъ ему только для защиты. Благоразуміе и смѣтливость слона вошли въ пословицу у всѣхъ народовъ, потому что онъ въ самомъ дѣлѣ одаренъ такими способностями, какихъ не имѣетъ ни одно животное. Глаза его очень малы въ отношеніи къ объему тѣла, но они блестящи и въ нихъ свѣтится что-то похожее на умъ. Особеннымъ отличіемъ взгляда его служитъ спокойствіе: онъ какъ будто съ размышленіемъ поворачиваетъ глаза, всматривается въ предметы, и рѣшается на что нибудь послѣ какого-то соображенія, не спѣша. На хозяина своего онъ глядитъ съ добротой, внимательно, когда онъ говоритъ ему, и часто старается угадывать его желанія. Слухъ и обоняніе слона превосходны, и конечно не отъ того, что для нихъ органы у него преогромные. Уши его, даже сравнительно съ размѣромъ тѣла, больше нежели въ такомъ-же отношеніи уши осла, но они висячія, вплоть подлѣ головы, такъ что онъ можетъ ими поворачивать свободно, и даже утираетъ себѣ глаза. Онъ, кажется, любитъ музыку, привыкаетъ къ такту, можетъ двигаться въ кадансъ. Обоняніе у него тонкое, и онъ любитъ всякія благоуханія, особенно запахъ цвѣтовъ: онъ рветъ цвѣты по выбору, составляетъ изъ нихъ букетъ, долго нюхаетъ его и наконецъ кладетъ въ ротъ. Померанцевые цвѣты самое лакомое его кушанье. Онъ очищаетъ дерево померанца отъ всей зелени, и потомъ съѣдаетъ цвѣты его, плоды, листочки и даже молодые прутья. На лугахъ онъ щиплетъ самыя душистыя растенія, а въ лѣсахъ выбираетъ кокосовыя, банановыя, пальмовыя и другія нѣжныя деревья, потому что ѣстъ съ нихъ также все: даже вырываетъ корни. Но чѣмъ-же *щиплетъ, срываетъ, держитъ, носитъ* слонъ? Рукъ у него нѣтъ, голова преогромная и такъ крѣпко сидитъ на туловищѣ, что онъ не можетъ поворачивать ея, потому что не имѣетъ шеи собственно такъ называемой?... Природа умнѣе насъ: она дала слону такой органъ, что иногда не грѣхъ и позавидовать ему! Этотъ органъ: *хоботъ*, длинная, упругая кишка, похожая на хоботъ или кишку нашихъ пожарныхъ трубъ. Хоботъ составленъ изъ перепонокъ, мускуловъ, нервовъ, и въ одно время есть органъ обонянія и осязанія. Животное можетъ двигать его, сгибать, укорачивать, удлиннять, повертывать во всѣ стороны, и брать имъ все. На оконечности хобота есть закраина, которая можетъ дѣлаться длиннѣе въ верхней своей части, и тогда представляетъ родъ пальца: ею-то слонъ дѣлаетъ все, на что употребляемъ мы пальцы. Онъ поднимаетъ самую мѣлкую монету, рветъ цвѣты и травы по выбору, развязываетъ узлы, отпираетъ и запираетъ двери, повертываетъ ключъ, отдвигаетъ засовы; даже выучивается чертить буквы, такою крошечною вещью какъ наше перо. Все это дѣлаетъ онъ прибавкою къ своему хоботу, похожею на палецъ. Находясь на верхней части хобота, она оставляетъ внизу пустоту, похожую на чашку: тамъ двѣ ноздри, проводники дыханія и обонянія. Такимъ образомъ можно сказать, что у слона носъ въ рукѣ, и онъ присоединяетъ къ пальцамъ силу своихъ легкихъ, подымая сильнымъ вдыханіемъ всякую жидкость: для этого стоитъ ему только приставить къ ней конецъ хобота и дохнуть въ себя. Хоботъ также даетъ ему средство имѣть вѣрное понятіе о предметахъ и пространствѣ, тогда какъ всѣ другія животныя, не имѣющія ни рукъ,

ни хобота, лишены чувства осязанія, слѣдовательно остаются безъ понятія о свойствѣ тѣлъ и о разстояніи своемъ отъ нихъ: для этого они должны толкнуться или приставить морду къ тому предмету, который хотятъ узнать. Напротивъ, слонъ издалека ощупываетъ его своимъ хоботомъ, и имъ-же повѣряетъ чувство зрѣнія. Не нужно прибавлять, какъ возвышается природа животнаго отъ одного лишняго чувства: это понятно всякому.

Послѣ сказаннаго здѣсь ясно однакожь, что слонъ превосходитъ другихъ животныхъ только своимъ хоботомъ, въ которомъ заключены всѣ его *нравственныя* способности. Впрочемъ, онъ безобразенъ видомъ и тѣломъ. Въ огромной и неподвижной головѣ его чрезвычайно мало мозгу (въ прямомъ смыслѣ), то есть меньше нежели у другихъ животныхъ, сравнительно съ объемомъ. Тѣло его жестко и твердо какъ камень; ноги чрезвычайно толсты и прямы; ступни такъ коротки и малы, что ихъ почти не видно; кожа непроницаемая, твердая, почти какъ кость, и покрытая рѣдкою шерстью, почти всегда темнаго цвѣта. Слонъ единственное четвероногое, у котораго шерсть не на всемъ тѣлѣ, а только на сгибахъ кожи, надъ глазами, въ ушахъ, на затылкѣ и на внутренней сторонѣ ногъ. Остальное все покрыто столько толстою кожею, что ея не пробиваетъ пуля. Такое устройство тѣла невыгодно: неповоротливый слонъ съ трудомъ защищается, когда на него нападаютъ сзади; покуда онъ успѣетъ повернуться, непріятель уже опять забѣжалъ и наноситъ ему ударъ. Когда онъ молодъ, ноги его сгибаются довольно легко въ колѣняхъ; но подъ старость онъ даже спитъ стоя, и если поваляютъ его на колѣни, для поклажи груза на спину, онъ не можетъ встать, и случалось, что слона подымали на ноги машинами. Клыки, столь драгоцѣнные и извѣстные въ художествахъ подъ именемъ *слоновой кости*, вставлены у слона почти къ низу, въ видѣ рычаговъ, и, увеличиваясь вмѣстѣ съ годами, дѣлаются наконецъ такъ тяжелы, что клонятъ голову его къ землѣ, и онъ, чтобы облегчить себя отъ этой тяжести, кладетъ ихъ на деревья, или въ дыры, которыя дѣлаетъ въ своемъ жилищѣ. Ротъ его удаленъ отъ органа обонянія, такъ что онъ, со своею *непреклонною* головой, ничего не можетъ взять имъ, и принужденъ брать пищу и питье хоботомъ, а потомъ относить ихъ въ ротъ. Естествоиспытатели не согласны въ одномъ: какъ сосутъ молодые слоны? Бюффонъ увѣренъ, что они должны сосать хоботомъ; но другіе увѣряютъ, что слонёнокъ, не имѣющій ни клыковъ (которые мѣшали-бы ему), ни привычки дѣйствовать хоботомъ, долженъ сосать ртомъ. Намъ кажется, что у животныхъ нѣтъ *привычекъ*: какъ скоро у нихъ есть способность, есть и инстинктъ пользоваться этою способностью. Только мы, безсильные люди, должны всему учиться!... Климатъ, пища и содержаніе конечно много дѣйствуютъ на ростъ и величину слона, такъ что взятые дѣтенышами и воспитанные въ неволѣ никогда не достигали настоящаго роста. Величайшіе слоны водятся въ Восточной Индіи и на восточныхъ берегахъ Африки; самые малые въ Африкѣ Западной. Внутренность этой части свѣта невѣдома: о ней нечего и говорить. Слоны есть еще на нѣкоторыхъ большихъ островахъ въ жаркомъ климатѣ, напримѣръ на Цейлонѣ. Болѣе нигдѣ не видывали ихъ. Самая большая вышина слона четырнадцать футовъ; самая малая одиннадцать; всѣ приводимые въ Европу слоны не имѣютъ и этихъ размѣровъ, потому что они молодые. Длина, отъ глазъ до хвоста, бываетъ у нихъ почти равна вышинѣ, считая ее отъ самой высшей точки хребта. Самки обыкновенно меньше самцовъ. Дѣтей носятъ онѣ по одному, въ два и даже три года. Но неплодовитость ихъ вознаграждается числомъ лѣтъ: судя по всѣмъ изслѣдованіямъ, слонъ можетъ жить около двухъ сотъ лѣтъ. Впрочемъ, не страшась другихъ животныхъ, ни даже человѣка, который съ большимъ трудомъ покоряетъ слона, благородная порода ихъ не истребляется и спокойно живетъ на однихъ мѣстахъ съ незапамятныхъ временъ. Слоны истинные любители родины: опытъ доказываетъ, что они могли-бы жить и въ умѣренномъ климатѣ, однако они не оставляютъ своихъ кокосовыхъ и банановыхъ лѣсовъ, можетъ быть потому, что тамъ лучше для нихъ пища. Никогда не приближались они къ Европѣ: не потому-ли, что боятся нашей дѣятельной промышленности? Они испытали это во время Александра Великаго, Пирра и Аннибала. Да, кстати, слоны играютъ нѣкоторую роль и въ Исторіи. Гомеръ упоминаетъ о слоновой кости, но животнаго самого, кажется, онъ не видывалъ. Александръ, сколько извѣстно, первый привелъ въ Европу слоновъ, завоевавши ихъ у Пора, въ Индіи. Невѣроятно чтобы эти плѣнники расплодили слоновъ въ Греціи; однако мы опять встрѣчаемъ ихъ въ войскѣ Пирра, когда этотъ отважный боецъ, Мюратъ своего времени, воевалъ съ грознымъ Римомъ. Они пособили ему одержать не одну побѣду, потому что люди и лошади страшились ихъ, оружіе не брало, а лошадей особенно отвращалъ запахъ сло-

новъ. Но безразсудный Пирръ потерялъ наконецъ и слоновъ и всѣ свои завоеванія. Аннибалъ также привелъ съ собой изъ Африки слоновъ, и громилъ ими Римскіе легіоны. Но не въ силѣ вещественной было могущество Римлянъ, и Аннибала не спасли ни храбрость, ни военный геній, ни слоны его.... Шагнувъ черезъ тысячи лѣтъ, мы находимъ, что слоны бывали и у насъ въ Россіи, но не какъ завоеватели, а какъ добрые гости и даже вѣстники мира. Къ намъ обыкновенно присылалъ ихъ съ вѣжливостями Персидскій Дворъ: при Петрѣ I-мъ, кажется, гостилъ у насъ первый слонъ; при Александрѣ Благословенномъ, въ 1815-мъ году, если не ошибаемся, удивлялъ Москву и Петербургъ послѣдній такой-же посѣтитель. Россія рада гостямъ: только завоевателей не пускаетъ она къ себѣ, и имъ бывало всегда жарко на нашихъ

ледяныхъ поляхъ.... Но обратимся опять въ Индію, къ домашнему быту слоновъ. Какъ могъ человѣкъ, это небольшое, безсильное созданіе, покорить себѣ слона? Онъ умѣлъ найдти средство поймать его, лишить свободы, пріучить къ новому роду жизни, и заставилъ перевозить тяжести изъ одной страны въ другую. Ловля слоновъ чрезвычайно любопытна: читатель видитъ изображеніе ея при началѣ нашей статьи, а здѣсь скажемъ мы о ней нѣсколько объяснительныхъ словъ, слѣдуя описанію одного изъ новѣйшихъ путешественниковъ.

Мѣсяца за два до выѣзда на ловлю слоновъ, жители дѣлаютъ огорожу на обширномъ пространствѣ земли, и всегда среди кокосоваго лѣса, окруженнаго болотомъ. Огорожа дѣлается изъ толстыхъ бревенъ, связанныхъ крѣпкими веревками, и ее закрываютъ вѣтвями деревьевъ, такъ чтобъ не льзя было примѣтить. Когда это кончено, собираютъ множество людей, цѣлыми семействами, съ женами ихъ и дѣтьми. Вся толпа начинаетъ двигаться, стуча въ барабаны, звеня желѣзомъ, и прибавляя къ этому крикъ. Она идетъ по лѣсу и на ночь зажигаетъ факелы. Еще за нѣсколько дней прежде, окружаютъ народомъ всѣ источники и озера, куда слоны приходятъ пить, не пускаютъ ихъ къ водѣ, преслѣдуютъ шумомъ и воплями, и бѣдняжки, томимые жаждою и зноемъ, вступаютъ въ лѣса, убѣгая отъ шума и стука, надѣясь успокоиться въ своихъ мирныхъ, прохладныхъ убѣжищахъ. Но тамъ ожидаетъ ихъ предательная хитрость человѣка: промежутки, оставленные не загороженными, окружаютъ люди, и начинаютъ опутывать слоновъ веревками. Если который изъ нихъ оказываетъ сильное сопротивленіе, на него выпускаютъ нѣсколько пріученныхъ слоновъ, и тѣ стѣсняютъ своего собрата, начинаютъ бить его хоботами, и даютъ человѣку возможность управиться съ огромнымъ противникомъ.

Другой способъ ловить слоновъ гораздо проще: для него нужно нѣсколько человѣкъ, ловкихъ и увертливыхъ. Они отыскиваютъ небольшое стадо слоновъ, и начинаютъ пугать и гнать ихъ, до тѣхъ поръ, покуда слоны не станутъ уходить скорыми шагами. Тогда охотникъ старается кинуть подъ заднія ноги слона крѣпкую веревку съ глухимъ узломъ, и не выпускаетъ другаго конца ея, покуда не успѣетъ обвертѣть его вокругъ толстаго дерева. Слонъ не вдругъ можетъ сорваться съ такой привязи, а между тѣмъ на него выпускаютъ пріученныхъ слоновъ, и тѣ убѣждаютъ его,

ударами своихъ хоботовъ, остаться въ неволѣ у человѣка.

Третій способъ самый предательскій. Нѣсколько пріученныхъ самокъ пускаютъ въ лѣсъ, гдѣ есть стадо слоновъ. Онѣ всегда умѣютъ привлечь какого нибудь неосторожнаго поклонника своей красоты, и лишь только онъ отдѣлится съ ними отъ своего стада, на это стадо кидается толпа охотниковъ и гонитъ его прочь, а неосторожнаго окружаютъ другіе охотники, и при помощи обученныхъ слоновъ ведутъ куда имъ надобно.

Мы еще не сказали, что слоны всегда живутъ и разгуливаютъ стадами. Въ нихъ есть какой-то инстинктъ общественности, и каждая толпа ихъ составляетъ отдѣльное общество, которое не смѣшивается съ другими, даже старается избѣгать встрѣчи съ ними. На походѣ или при перемѣнѣ мѣ-

ста, самые старые, вооруженные огромными клыками, идутъ впереди; въ срединѣ самки и дѣти ихъ; назади опять старые слоны. При переходѣ черезъ рѣки, большіе становятся одинъ подлѣ другаго въ водѣ и передаютъ дѣтенышей на хоботахъ, одинъ другому; потомъ возобновляется прежній порядокъ.

Есть однакожь и у слоновъ какіе-то отшельники, одиноко странствующіе въ пустыняхъ: ихъ не принимаютъ ни въ какое стадо, и гонятъ если они приближаются. Это вѣрно негодяи, изгнанные за шалости. Вотъ доказательство: вы можете прогнать цѣлое стадо слоновъ, и оно даже не станетъ поджидать васъ: уйдетъ, какъ только увидитъ человѣка. Но одинокіе бродяги ихъ смѣло ждутъ встрѣчи съ человѣкомъ, бросаются на него и убиваютъ. Сила слона ужасна и убить его самого очень трудно. Потому-то опасны слоны приходящіе въ бѣшенство. Единственное спасеніе отъ такого сумасшедшаго — выпустить на него пріученныхъ слоновъ: они умѣютъ управиться съ нимъ. За то въ обыкновенномъ состояніи своемъ слонъ оказываетъ великія услуги человѣку: переноситъ огромныя тяжести, возитъ его самого съ маленькимъ домомъ, любитъ, слушается добраго хозяина, и при случаѣ защититъ отъ врага. Цвѣтъ кожи слоновъ обыкновенно темный пепельный; однако они встрѣчаются и рыжіе; всѣхъ необыкновеннѣе и рѣже бѣлые. Мы упомянули какъ суевѣрно уважаютъ ихъ Индійцы. Впрочемъ, теперь измѣнилось и это. Слоны остаются въ своихъ лѣсахъ, и для перевоза тяжестей скоро и въ Индіи заведутся пароходы, *паровозы, парокаты* и *паролёты*.... Пирровъ и Анниваловъ нѣтъ; вмѣсто слоновъ ведутъ войну пушки и тощія клячи.... За что-же Индійцы станутъ лелѣять и обожать бѣлыхъ слоновъ?

ЛИНЕЙНЫЙ КОРАБЛЬ И КУПЕЧЕСКІЙ БРИГЪ.

Нигдѣ умъ человѣка не является съ такою торжественностью, какъ на кораблѣ, посреди моря! Тутъ все принадлежитъ ему, нравственной силѣ его, и могуществу его ума. Природа почти не была здѣсь путеводительницею человѣка: на кораблѣ видите вы собственную изобрѣтательность его, доведенную до величайшихъ послѣдствій и крайнихъ предѣловъ ея.... Изумительное зрѣлище! Слабый тѣлесными силами, не вооруженный отъ природы ничѣмъ кромѣ своего ума, человѣкъ двигаетъ огромною крѣпостью, городомъ (потому что корабль можно уподобить имъ обоимъ), и, не страшась разъяренныхъ стихій, смѣло идетъ къ предназначенной цѣли по безд-

намъ океана. Любопытно было-бы читать исторію кораблеплаванія, отъ тѣхъ временъ, когда сплоченныя двѣ-три доски служили для переправы черезъ рѣки, и до нашихъ дней, когда корабль изумляетъ огромностію, устройствомъ и совершенствомъ всѣхъ частей своихъ. Не наше дѣло слѣдовать за этимъ постепеннымъ ходомъ совершенствованія. Удовольствуемся немногими намёками.

Надобно различать смѣлость дикихъ мореходовъ, которые въ утлыхъ ладьяхъ переплываютъ моря, и правильное совершенствованіе, Искуство кораблеплаванія. И теперь дикіе и полудикіе народы не меньше смѣлы, не меньше ловки нежели предки наши Скандинавы, Норманны или Руссы; но тутъ мы видимъ одну смѣлость. Напротивъ, у народовъ просвѣщенныхъ, Финикіянъ, Грековъ, Карѳагенянъ, постройка кораблей совершенствовалась временемъ, опытностью, открытіями. Впрочемъ, искуство кораблеплаванія оставалось въ младенчествѣ до тѣхъ поръ, пока не было открыто склоненіе магнитной стрѣлки, примѣненное къ направленію морскаго пути. Открытіе неизмѣримое, повернувшее цѣлый міръ, лучше Архимедова рычага! Устройство компаса, въ которомъ магнитная стрѣлка показываетъ съ неизмѣнною точностью страны свѣта, и потомъ успѣхи Астрономіи, Механики, изобрѣтеніе многихъ инструментовъ, способствующихъ правильности морскаго пути, все это скоро поставило мореплаваніе на высокую степень. Приморскія государства, одно за другимъ, играли первую роль въ мореплаваніи (Итальянскіе города, особенно Генуя и Венеція, потомъ Испанія, Португалія, Голландія, и въ наше время Англія и Сѣверо-Американскіе Штаты). Почти съ начала XVIII-го столѣтія, и даже въ настоящее время, не смотря на блистательное соперничество Франціи, Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, и Россіи, Англія первенствуетъ на моряхъ. Флотъ ея чрезвычайно многочисленъ; торговое мореплаваніе неизмѣримо. Этому особенно способствуютъ географическое положеніе Великобританіи, окруженной со всѣхъ сторонъ морями, и заморскія владѣнія ея во всѣхъ частяхъ свѣта: природа и Исторія дали морскую роль Англіи.. . Надобно признаться, она и пользуется своими благопріятными обстоятельствами какъ не льзя лучше. Устройство кораблей, искуство въ управленіи ими, превосходство инструментовъ, орудій и всѣхъ принадлежностей, словомъ, все въ ихъ флотѣ доведено до послѣдней степени совершенства. Мы, юные на всѣхъ поприщахъ, по привычкѣ, данной намъ Петромъ Великимъ, догнали Европейскія государства и въ устройствѣ своего флота. Наваринская битва показала, что мы не уступаемъ самой Англіи въ этомъ отношеніи: о храбрости, мужествѣ, неустрашимости и говорить нечего. Но у насъ флотъ лишь часть необъятнаго цѣлаго: мы можемъ, но не имѣемъ надобности сдѣлаться морскою державою, и предоставляемъ Англіи разсѣкать волны океана безчисленными флотами.

Большой военный корабль, въ нынѣшнемъ своемъ устройствѣ, представляетъ зрѣлище, можно сказать, восхитительное. Вы приближаетесь съ невольнымъ изумленіемъ къ этой огромной махинѣ, которая будто выростаетъ передъ вами. Изящная форма ея, совершенство отдѣлки во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ, ряды батарей въ амбразурахъ, огромныя цѣпи якорей, реи, паруса, мачты, и наконецъ бравые матросы: и солдаты, образованные офицеры, все это поражаетъ васъ, по мѣрѣ того какъ вы приближаетесь и всходите на корабль. Для посѣтителей, и особенно посѣтительницъ, есть особенная, удобная лѣстница; для людей опытныхъ спускаютъ обыкновенную веревочную. Но вотъ вы на кораблѣ, *на палубѣ* корабля: такъ называется помостъ, гдѣ вы подъ открытымъ небомъ.

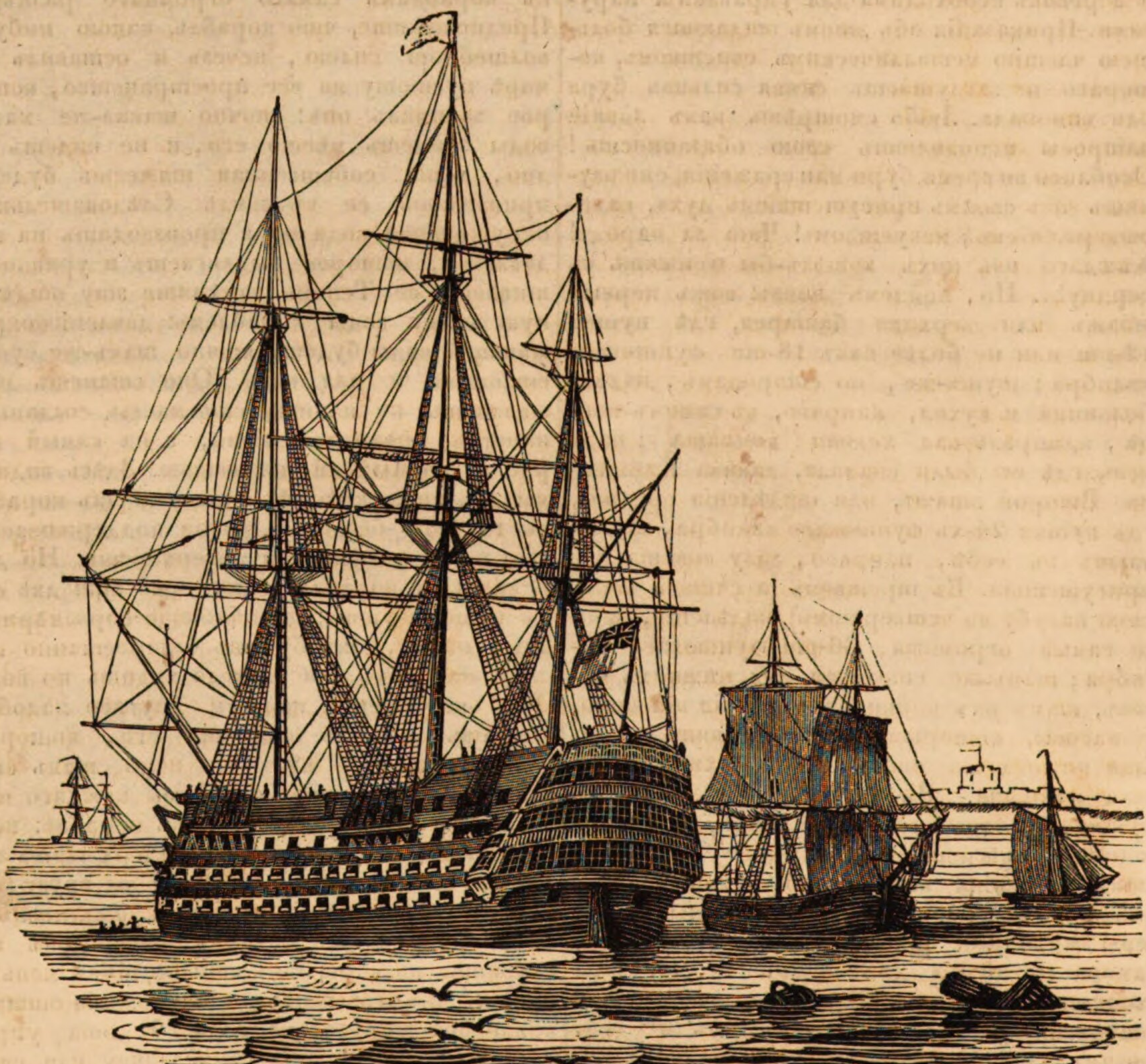
Во всѣхъ флотахъ корабли раздѣляются на многіе классы. Самые большіе называютъ *линейными*, потому что во время сраженія они становятся въ одну линію, рядомъ понѣскольку. Ихъ также много разрядовъ: первый разрядъ тѣ, гдѣ не менѣе ста пушекъ и восьми сотъ пятидесяти человѣкъ *экипажа* (матросовъ, артиллеристовъ, солдатъ и прочихъ); второй, гдѣ не менѣе девяноста пушекъ и около семи сотъ человѣкъ экипажа; третій, гдѣ отъ шестидесяти до осьмидесяти пушекъ, и отъ шести сотъ до шести сотъ пятидесяти человѣкъ экипажа. Корабли, на которыхъ менѣе сорока четырехъ пушекъ, называются *фрегатами*. Это названіе даютъ и такимъ кораблямъ, гдѣ пушекъ болѣе, но устройство и форма отличны отъ линейныхъ. Мачтъ на кораблѣ бываетъ по три и по двѣ, сообразно величинѣ и объему его. *Бригъ, корветъ, шлюпъ, люгеръ*, и прочія названія, употребительныя во флотѣ, зависятъ отъ величины и устройства корабля и числа мачтъ. Мы не говоримъ здѣсь о пароходахъ, или паровыхъ судахъ: предоставляемъ себѣ сдѣлать это при случаѣ; теперь займемся единственно судами парусными.

Если вы въ первый разъ на кораблѣ, васъ изумитъ безчисленное множество канатовъ, веревокъ и веревочекъ, разнымъ образомъ протянутыхъ отъ мачтъ къ кораблю, и

перепутанныхъ взаимно. Однако не думайте, чтобы въ этомъ не было строжайшаго порядка: напротивъ, ничего не встрѣтите вы тутъ лишняго; во всемъ царствуетъ отчетливость совершенная, такъ что каждой веревкѣ, каждому блоку, палкѣ, брусу, есть свое назначеніе и названіе. Паутина канатовъ и веревокъ необходима для управленія парусами. Приказанія объ этомъ отдаются большею частію металлическимъ свисткомъ, котораго не заглушаетъ самая сильная буря или канонада. Любо смотрѣть какъ ловкіе матросы исполняютъ свою обязанность! Особливо во время бури или сраженія, они изумятъ васъ своимъ присутствіемъ духа, самоотверженіемъ, искуствомъ! Что за народъ! Каждаго изъ нихъ хотѣлъ-бы прижать къ сердцу!... Но, пойдемъ внизъ: вотъ первый этажъ или верхняя батарея, гдѣ пушки 12-ти или не болѣе какъ 18-ти фунтоваго калибра; тутъ-же, по сторонамъ, налѣво больница и кухня, направо, въ самомъ концѣ, адмиральская *каюта* (комната); надъ нею, гдѣ мы были сначала, каюта Капитана. Второй этажъ, или отдѣленіе среднее, гдѣ пушки 24-хъ фунтоваго калибра, заключаетъ въ себѣ, направо, залу совѣта или присутствія. Въ третьемъ (а считая верхнюю палубу въ четвертомъ) отдѣленіи, пушки самыя огромныя, 36-ти фунтоваго калибра; тамъ-же столовая для нижнихъ чиновъ, тамъ ихъ койки или висячія кровати, и насосы, которыми откачиваютъ воду. Еще ниже есть отдѣленіе, гдѣ хирургическая комната. Въ самомъ низу, или въ *трюмѣ*, хранятся запасные якори, бочки съ водой и съѣстными припасами, словомъ, тамъ магазины всего, что нужно для корабля и его обитателей. Магазины раздѣлены крѣпкими перегородками. Пороховая камера доступна для немногихъ: туда не входятъ съ огнемъ. Все это устройство измѣняется, по обстоятельствамъ и удобствамъ, но въ главномъ оно одинаково почти во всѣхъ флотахъ.

Когда въ первый разъ увидите вы какъ наклоняется корабль своими боками, отъ внезапнаго порыва вѣтру, вы конечно подумаете, что онъ сей часъ исчезнетъ и погибнетъ въ безднѣ. Но едва миновался порывъ, онъ опять становится прямо, наклоняется на другой бокъ, и нѣсколько времени остается въ такомъ колебаніи. Какая-же сила могла поднять и выпрямить этотъ колоссъ? Конечно не одна собственная тяжесть корабля, потому что если-бы онъ упалъ на берегу или на мѣлководіи, эта тяжесть клонила и углубляла-бы его въ землю больше и больше. Упругость воды, не смотря на свою отталкивающую силу, также не произвела-бы этого дѣйствія. Да, сила, которая выпрямляетъ корабль, есть собственная тяжесть его, соединенная съ тяжестію воды. Короткое объясненіе покажетъ намъ великое начало равновѣсія корабля, тѣмъ больше, что оно относится ко всѣмъ *плавающимъ* тѣламъ: къ орѣховой скорлупѣ, и къ кораблямъ самаго огромнаго размѣра. Предположите, что корабль, какою нибудь волшебною силою, исчезъ и оставилъ въ морѣ пустоту на все пространство, которое занималъ онъ: точно такая-же масса воды займетъ мѣсто его, и не падетъ на дно, хотя собственная тяжесть будетъ привлекать ее къ землѣ. Слѣдовательно, окружающая вода моря производитъ на нее давленіе, которое выдвигаетъ и уравновѣшиваетъ ее. Теперь, замѣните эту отдѣльную массу воды кораблемъ: давленіе окружающей воды будетъ точно такъ-же существовать и для него. Оно станетъ дѣйствовать не на тяжесть массы, созданной нашимъ предположеніемъ, а на самый корабль, равный ей тяжестью. Здѣсь видимъ мы двѣ силы вмѣстѣ: одна тянетъ корабль въ глубину бездны, другая поддерживаетъ его и выдвигаетъ на поверхность. Но для равновѣсія корабля мало, что эти двѣ силы существуютъ: надобно еще соразмѣрить ихъ; иначе, онъ будетъ безпрестанно падать на бокъ, или тяжело ходить по водѣ. Для отвращенія того и другаго надобно сыскать центръ тяжести его, который есть въ каждомъ тѣлѣ: въ немъ, такъ сказать, сосредоточена тяжесть каждаго тѣла. Есть этотъ центръ и въ кораблѣ: поддерживать его, значитъ поддерживать корабль. Чѣмъ больше положите вы грузу (который у моряковъ называется *балластомъ*) въ глубину корабля, тѣмъ больше онъ погрузится въ море; чѣмъ меньше, тѣмъ меньше будетъ онъ оказывать сопротивленія отталкивающей упругости воды. И эта упругость имѣетъ также свою точку или свой центръ въ кораблѣ, такъ что если въ трюмъ положено надлежащее количество балласту (желѣза, чугуну, свинцу, даже песку), то центръ тяжести опустится ниже центра упругости или давленія, и тогда, какъ-бы ни клонили корабль порывы вѣтра, онъ всегда будетъ выпрямляться. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ наклонится съ одной стороны только центръ упругости, или сопротивленія, а съ другой подымется центръ тяжести; но первый всегда стремится выдвигать себя, другой опускаться; слѣдовательно корабль выпрямится. Чтобы яснѣе понять это, вообразимъ какую нибудь гирьку или шаръ, повѣшенные на ниткѣ; вообразимъ паникадило, ви-

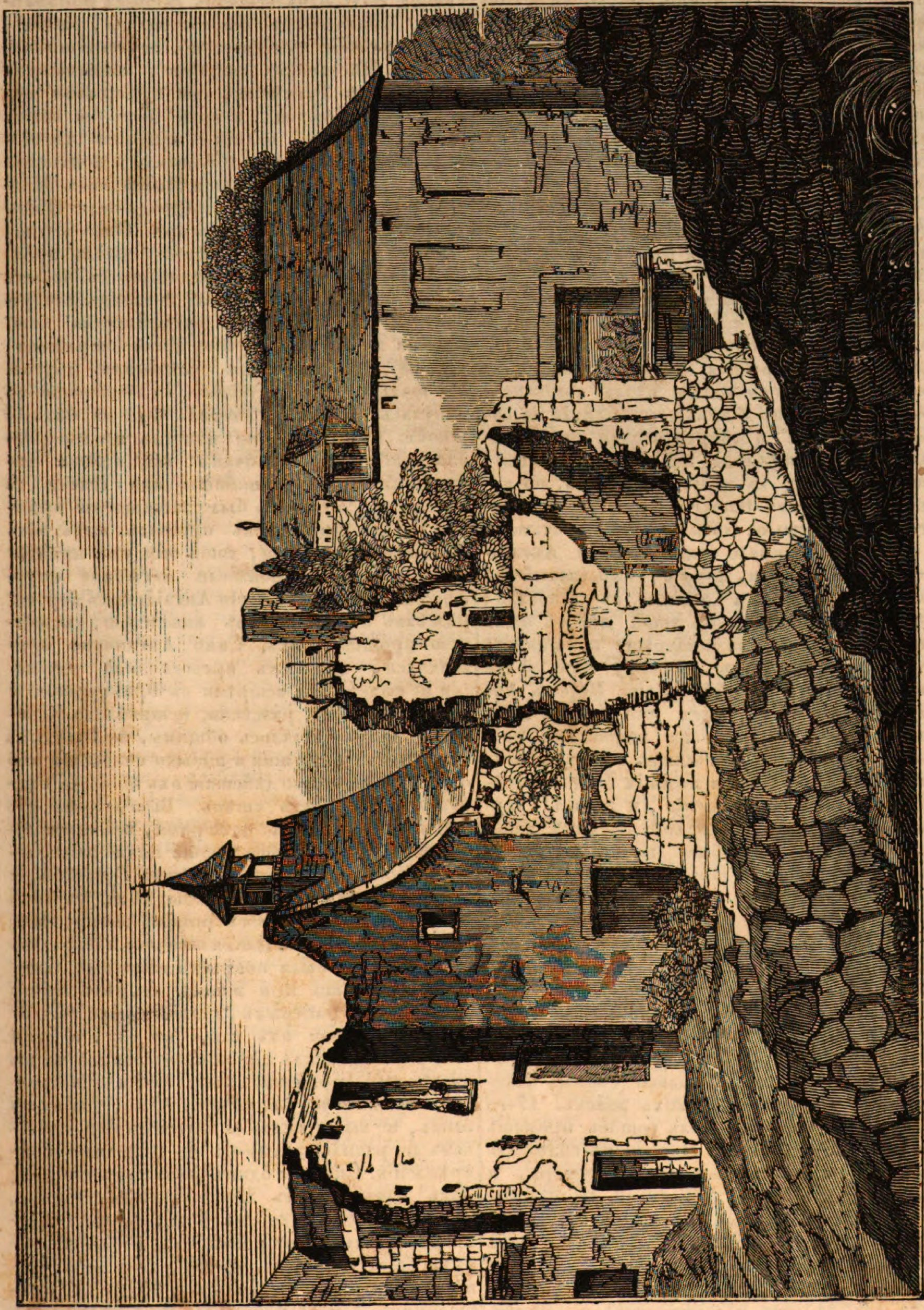
сящее въ церковномъ сводѣ. Тяжесть влечетъ ихъ къ землѣ; нитка или веревка удерживаетъ въ одной точкѣ потолка или свода Точно такъ-же корабль поддерживается двумя силами. Удалите шаръ или паникадило отъ той линіи, которую занимаютъ они, когда нитка или веревка въ вертикальномъ положеніи, и оставьте качаться: послѣ нѣсколькихъ движеній въ обѣ стороны, они придутъ въ первое свое положеніе. Точно тоже дѣлаетъ корабль во время качки, и сопротивленіе воды установитъ его въ истинномъ центрѣ упругости и тяжести. Если, напротивъ, дурнымъ и недостаточнымъ

размѣщеніемъ груза, корабль подымется центромъ своей тяжести выше центра сопротивленія, онъ будетъ такъ-же валокъ, какъ шпага, поставленная на кончикѣ: при малѣйшемъ потрясеніи, онъ упадетъ и уже не подымется. Легко понять, какія условія надобно выполнить при нагрузкѣ корабля, если вы вспомните, что маятники и церковныя лампады качаются тѣмъ сильнѣе и медленнѣе, чѣмъ длиннѣе проволока или веревка, къ которой прикрѣплена ихъ тяжесть. Такъ-же и корабль, если у него центръ тяжести слишкомъ низко и далеко отъ центра сопротивленія, будетъ подверженъ слишкомъ большой или размашистой качкѣ: этимъ боковымъ движеніемъ онъ станетъ вымѣщать слишкомъ много воды и потеряетъ быстроту хода. Но если балластъ положенъ слишкомъ высоко, и центръ тяжести слишкомъ близко центра сопротивленія, качка корабля будетъ частая, и это можетъ повредить оснасткѣ его, потому что снасти качаются вмѣстѣ съ кораблемъ и получаютъ удары отъ каждаго изъ этихъ перемѣнныхъ, быстрыхъ движеній.

Купеческіе корабли, или бриги, тоже самое что военные корабли, только въ маломъ видѣ. Дѣйствія ихъ еще изумительнѣе при ограниченныхъ средствахъ и малочисленности экипажа, котораго бываетъ человѣкъ шесть, семь, и рѣдко болѣе десяти. Эти *единицы* управляютъ громадой и переплываютъ на ней океаны!

ГУГУМОНЪ.

«Чѣмъ-же достопамятны эти безобразныя развалины?» спроситъ читатель, и съ любопытствомъ разсмотритъ ихъ, когда вспомнитъ, что Гугумонъ былъ самою огненною точкою Ватерлооской битвы. Можетъ быть, читатели припомнятъ наше описаніе этого исполинскаго боя (Ж. О. Т. 1-й, стр. 377-я). Тамъ представили мы очеркъ самаго событія, здѣсь поговоримъ о мѣстѣ его, гдѣ такая знаменитая участь ожидала за̀мокъ Гумонъ или Гугумонъ.

На Брюссельской дорогѣ есть маленькая деревушка Ватерлоо. Позади ея, съ обѣихъ сторонъ дороги, густой буковый лѣсъ, рѣдкій на опушкѣ. Впереди, на длинной возвышенности, называемой Монъ-Сенъ-Жанъ, была ферма, также на Брюссельской дорогѣ. Тутъ уже совсѣмъ нѣтъ деревьевъ и далѣе идетъ открытая долина. Англійскія войска были расположены вдоль возвышенности Монъ-Сенъ-Жанъ: первая линія на самомъ гребнѣ ея, а вторая позади, защищенная отъ выстрѣловъ непріятеля. Влѣво, окольная дорога къ тѣмъ дефилеямъ, по которымъ пришелъ Блюхеръ: она была защищена мѣстностью, довольно неприступною, и плетнемъ. Вправо отъ центра Англійской позиціи, или фермы, называемой La Haie-Sainte, дорога идетъ въ Нивелль; крайнимъ пунктомъ по этой дорогѣ былъ за̀мокъ Гугумонъ, за которымъ помѣщалось уже немного войскъ, потому что далѣе есть довольно глубокій оврагъ. Передъ Англійскою позиціею, какъ уже мы сказали, была долина, покатая на нѣкоторое разстояніе; но далѣе она опять возвышается, такъ что Французскія позиціи были на противоположномъ возвышеніи, и замокъ Гугумонъ приходится въ самой срединѣ этой долины. Тогда онъ былъ не развалина, а старинный за̀мокъ Фламандской архитектуры, принадлежавшій какому-то помѣщику. Огромныя башни, часовня, крѣпкія стѣны, садъ въ Голландскомъ вкусѣ, много разныхъ строеній внутри ограды: вотъ что составляло Гугумонъ. Англійскій Главнокомандующій понялъ важность этого пункта для защиты своей позиціи, и занялъ его гвардейскимъ отрядомъ, къ которому присоединилъ онъ еще нѣсколько сотенъ Нассаускихъ и Брауншвейгскихъ войскъ. 17-го Іюня (1815 года) онъ былъ готовъ принять сраженіе. Между тѣмъ Наполеонъ сближалъ свои войска послѣ пораженія Блюхера, и спѣшилъ атаковать Англичанъ. Приготовленія дѣлались, не смотря на ужасную грозу, которая свирѣпствовала во всю ночь съ 17-го на 18 число, и должна была смѣниться другимъ громомъ, больше страшнымъ для бѣднаго человѣчества! . . . Битва началась тѣмъ, что дивизія Французскихъ войскъ, тысячь въ 10-ть, двинулась къ Гугумону подъ начальствомъ Жерома Бонапарте... Атака была стремительна, ужасна, сопротивленіе мужественно, неустрашимо. Только Нассаускіе стрѣлки, защищавшіе рощу подлѣ Гугумона, не выдержали натиска и побѣжали... за̀мокъ былъ-бы взятъ въ эту минуту, если-бы храбрая Англійская гвардія не оказала чудесной стойкости. Тутъ особенно отличился Полковникъ Макдонелль, братъ одного предводителя Шотландскихъ горцевъ, Глангарри. Онъ, видно, вспомнилъ рыцарскія битвы своихъ предковъ, и, что̀ большая рѣдкость въ новыхъ сраженіяхъ, нашелъ случай показать личную силу и храбрость въ рукопашномъ бою. Первая атака Французовъ была отражена, но за нею тотчасъ слѣдовала другая. Не только съ мужествомъ, съ бѣшенствомъ кинулась дивизія Генерала Фуа на бѣдный за̀мокъ. Тутъ уже не помогла хладнокровная храбрость Англичанъ: всѣ войска вокругъ за̀мка были побиты или взяты въ плѣнъ; но стѣны его были защищаемы крѣпко. Усилія Французовъ противъ нихъ оказывались тщетными, хотя они уже прошли гораздо далѣе и произвели жестокое опустошеніе въ первой линіи Англійскихъ войскъ, разсѣявъ и уничтоживъ кавалерію, высланную противъ нихъ. Сами Англичане признаются, что ихъ превосходная кавалерія не выдержала встрѣчи съ Французскою и была изрублена, разсѣяна, истреблена. Сраженіе давно сдѣлалось общимъ, но Гугумонъ еще держался. Пушки и штыки очистили всю окружность его, но дѣйствіе ихъ не могло принудить къ сдачѣ стѣнъ. Выведенные изъ терпѣнія большими потерями, которые заставилъ ихъ сдѣлать этотъ ничтожный за̀мокъ, Французы рѣшились сжечь Гугумонъ, и начали кидать въ него бомбы. Отъ первыхъ посылокъ ихъ загорѣлся огромный скирдъ сѣна, а потомъ и за̀мокъ. Пламя взвилось и скоро вся окрестность была покрыта облаками дыма. Говорятъ, что при этомъ сгорѣло много Англійскихъ раненыхъ, отнесенныхъ въ комнаты: вынести ихъ было нѣкому, а сами они не имѣли силъ выйти; остальная часть маленькаго гарнизона была слишкомъ занята отчаянною защитою. Она, можетъ быть, не выдержала бы наконецъ боя, слишкомъ не равнаго, если-бъ не получила подкрѣпленія. Сначала одинъ батальонъ гвардіи, подъ начальствомъ Полковника Гепборна, пробился сквозь войска Фуа, и присоединился къ гарнизону; потомъ, когда Французы были отбиты, пришло еще два батальона: одинъ Ганноверскій, другой Брауншвейгскій. За̀мокъ удержался и не былъ взятъ

Французами... Общее окончаніе этой знаменитой битвы извѣстно нашимъ читателямъ.

Но что-же заставляло Наполеона дѣлать такія страшныя усилія для взятія Гугумона? Одна дивизія Фуа потеряла тутъ около 3000 человѣкъ, а всю потерю, убитыми и ранеными, полагаютъ тысячь до 10-ти. Англичане сознаются, что защита стоила имъ болѣе 1000 человѣкъ. За что-же погибла эта огромная масса людей, при спорѣ за бѣдный зáмокъ?... Гугумонъ былъ ключемъ Англійской позиціи. Могъ-ли не видѣть этого Наполеонъ, величайшій изъ всѣхъ полководцевъ? Если-бы онъ овладѣлъ Гугумономъ, онъ могъ-бы сдѣлать рѣшительное нападеніе на прáвое крыло Англійской арміи, слабѣйшее по мѣстному положенію. Напротивъ, онъ не могъ безопасно атаковать его, оставляя зáмокъ занятымъ, потому что всегда имѣлъ-бы въ тылу сильный отрядъ. Сверхъ того, выдавшееся мѣстоположеніе Гугумона позволяло защитникамъ его тревожить войска, шедшія противъ центра, такъ-же какъ противъ праваго крыла.

Вальтеръ Скоттъ, посѣтившій Ватерлооское поле тотчасъ послѣ битвы, описываетъ и замокъ Гугумонъ. Приводимъ здѣсь слова его. «Гугумонъ, названный такъ, кажется, по ошибкѣ нашего великаго полководца, потому что настоящее названіе его *зáмокъ Гумонъ* (le Château-Goumont), конечно останется въ Исторіи съ этимъ именемъ. Это одно значительное мѣсто, истребленное совершенно. Черныя, закоптѣлыя развалины его лежатъ посреди садовъ, гдѣ изстрѣлянныя, разбитыя деревья показываютъ, что когда-то было здѣсь очень хорошо, даже изящно. Но громъ войны разразился надъ мирнымъ жилищемъ, и теперь наши путешественники покупаютъ персики и рвутъ орѣхи въ саду его, съ благочестивымъ намѣреніемъ вырастить въ своихъ садахъ деревцо, котораго зерно взято на мѣстѣ знаменитой битвы. Боскетъ, окружавшій Гугумонъ, опустошенъ картечью и ружейнымъ огнемъ. Я замѣтилъ одно дерево, прострѣленное въ двадцати мѣстахъ; да и нѣтъ ни одного, которое осталось-бы цѣло.»

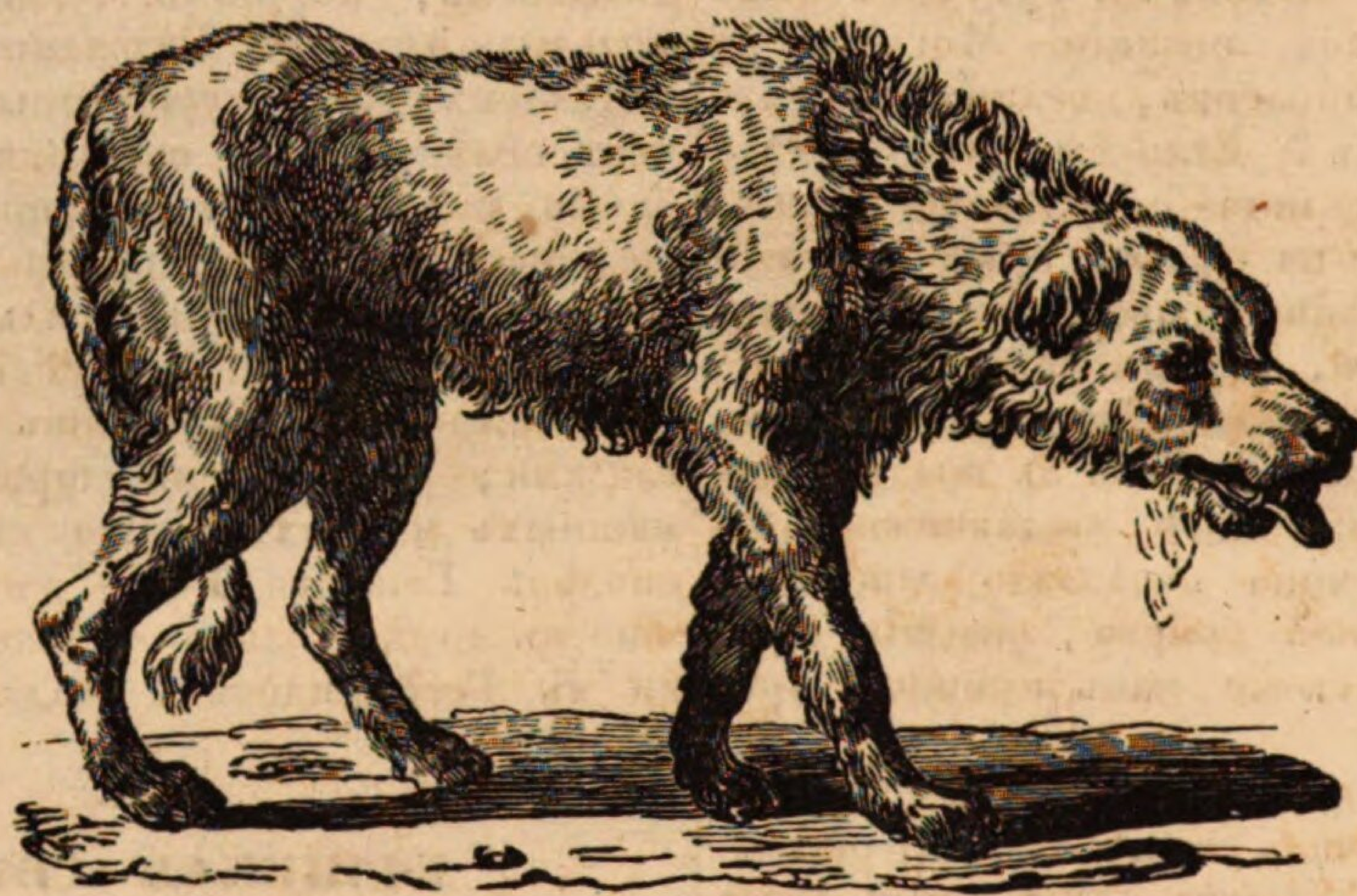
Замѣчательно, что посреди всего этого опустошенія, посреди огня, града пуль, картечь и ядеръ, неприкосновенною осталась небольшая часовня Гугумонскаго зáмка. Она и теперь возвышается надъ развалинами... Туземцы почли это чудомъ, и питаютъ особенное уваженіе къ ней. Нѣсколько рáзъ огонь охватывалъ ее и даже на крестѣ видны слѣды его; но этотъ деревянный крестъ остался цѣлъ; по крайней мѣрѣ былъ цѣлъ еще недавно.

Сколько краснорѣчія въ развалинахъ, ознаменованныхъ какимъ нибудь достопамятнымъ событіемъ! Владѣлецъ Гугумона, если онъ богатъ, долженъ хранить какъ святыню свой зáмокъ, въ развалинахъ, со всѣми слѣдами дня, утвердившаго освобожденіе народовъ. Въ самомъ дѣлѣ, не льзя безъ негодованія видѣть нашего глубокаго равнодушія къ историческимъ памятникамъ! Мы или не знаемъ ихъ, или безсмысленно передѣлываемъ, портимъ... Намъ надобно все *пользы, пользы!* Развалинъ въ садахъ мы надѣлаемъ себѣ искуственныхъ (крайняя степень нелѣпости), а историческія, краснорѣчивыя развалины превратимъ въ увеселительные домы, подновимъ, устроимъ въ нихъ гостинницу, постоялый дворъ... Слава Богу, что у насъ въ Россіи просвѣщенное Правительство смотритъ на это иными глазами; но объ иностранныхъ достопамятныхъ мѣстахъ часто слышимъ, что въ спальнѣ Генриха IV-го живетъ сапожникъ, что въ домѣ Мольера трактиръ... и чуть-ли въ Гесперидскихъ садахъ не заведено огорода...

БѢШЕНАЯ СОБАКА.

Кто-бы могъ думать, что собака, это вѣрное, преданное человѣку животное, дѣлается иногда жесточайшимъ врагомъ его, убійцею неотразимымъ?... Да, опытъ, къ несчастію слишкомъ часто видимый, удостовѣряетъ, что укушеніе бѣшеной собаки смертельно, и остеречься отъ него тѣмъ труднѣе, что бѣшенство ея бываетъ незамѣтно сначала. Да позволятъ-же намъ читатели и милыя читательницы наши, сказать здѣсь, какъ надобно быть внимательнымъ къ добрымъ друзьямъ ихъ, бѣленькимъ, коричневымъ, безшерстымъ и всякимъ другимъ собакамъ и собачкамъ. Эти друзья, и, кстати сказать, еще волки, лисицы и кошки (гадкія животныя!), приходятъ въ бѣшенство, особенно лѣтомъ, въ жары, и зимою. Если собака стала тосковать, прятаться въ уголъ, часто ворчать безъ видимой причины, отказываться отъ питья и пищи, скорѣе удалите ее въ безопасное мѣсто. Это можетъ быть и другая какая нибудь болѣзнь, но всего скорѣе начало бѣшенства. Дни черезъ два-три, признаки усиливаются, и собака вдругъ убѣгаетъ изъ дома, бѣжитъ безъ цѣли; но тутъ уже состояніе ея очень замѣтно: невѣрный, торопливый бѣгъ; шерсть, поднятая къ верху; поджатый хвостъ; глаза мутные, неподвижные; голова наклоненная; высунутый языкъ, и пасть покрытая пѣнистою слюнею (такъ изображена собака здѣсь на картин-

кѣ): вотъ несомнѣнные признаки бѣшенства. Въ этомъ состояніи, непреодолимое чувство заставляетъ ее кусаться, и потому она кидается на первое животное, которое встрѣтится ей. Она уже не ѣстъ и не пьетъ ничего, не узнаетъ своего хозяина, и находится въ совершенномъ омраченіи всѣхъ чувствъ. Отъ того, часто она пробѣгаетъ мимо встрѣчающихся ей, и даже кидается въ рѣку и переплываетъ ее: слѣдовательно не всегда вѣренъ признакъ водобоязни въ этой болѣзни. Каждый добрый хозяинъ долженъ заботиться о здоровьѣ домашнихъ животныхъ своихъ, и особенно собакъ: этого требуетъ обязанность его, какъ гражданина, человѣка и отца семейства. При первыхъ описанныхъ нами признакахъ болѣзни, собаку надобно запереть или убить. Для многихъ покажется это жестокимъ; но что если вслѣдствіе неу-

мѣстной жалости *къ собакѣ*, она укуситъ вашего роднаго, или какого-бы ни было *человѣка?*... Страшно и подумать объ участи этого несчастнаго. Но, если несчастіе уже случилось, немедленно должно обмыть рану водою, и выдавить изъ нея кровь съ разныхъ сторонъ; еще лучше, если можно, обмывать рану водою теплою, или съ солью, съ мыломъ; известковая вода, или щелокъ, также очень дѣйствительны. Обмывать надобно по крайней мѣрѣ десять минутъ, и потомъ прижечь рану раскаленнымъ желѣзомъ, или вытравить чѣмъ нибудь крѣпкимъ, но во всякомъ случаѣ сдѣлать это надъ всѣми укушенными мѣстами. Если такія средства употреблены немедленно, останется только рана, и спасеніе надежно...

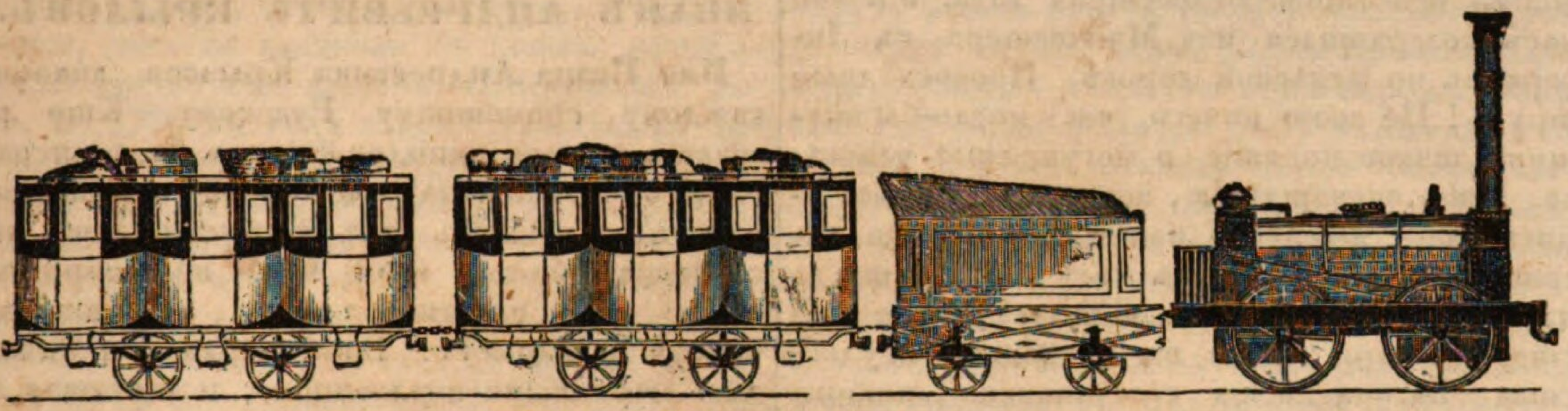
Не описываемъ разныхъ средствъ, имѣющихъ славу исцѣлять отъ этой ужасной болѣзни. Сколько писано было о *водяномъ шильникѣ*, о *крови утокъ*, и проч!... Всего вѣрнѣе испытанное и близкое. Гдѣ есть искусный врачъ, тамъ надобно обратиться къ нему.

Въ деревняхъ и даже въ большихъ городахъ, въ столицахъ всей Европы, бродятъ цѣлыя арміи собакъ. Для чего эта *ходячая опасность?* Для сохраненія дома отъ воровъ? Но въ такомъ случаѣ надобно держать собаку на привязи. Для собственнаго удовольствія (впрочемъ непонятнаго для насъ)? Тогда зачѣмъ выпускать ее изъ дому? Это просто небреженіе, часто самое пагубное. Одинъ филантропъ очень умно предлагалъ наложить подать за каждую собаку, обязать хозяевъ имѣть на каждой ошейникъ со своимъ именемъ, и отъ городовъ платить полицейскимъ служителямъ за всякую собаку, убитую ими на улицѣ.

ПАРОВЫЯ КАРЕТЫ.

«Быстрота сообщеній есть отличительный характеръ нашей эпохи,» сказалъ одинъ Англичанинъ. Справедливо, но односторонне, и потому даже несправедливо. Правда, Индѣйцы, Греки, Римляне, даже люди XVIII столѣтія, не знали паровыхъ каретъ и слѣдовательно быстроты въ поѣздкахъ, извѣстной въ наше время. Но это-ли характеръ нашъ? Вѣкъ подвинулся впередъ не на паровыхъ машинахъ, а на успѣхахъ наукъ и искусствъ. Пароходы всѣхъ родовъ, маленькое изъ многихъ великихъ послѣдствій. Не думайте, что это слишкомъ дерзко сказано. Мы отнюдь не утверждаемъ, будто паровое сообщеніе не сдѣлало великаго переворота въ мірѣ. Нѣтъ, оно сдѣлало его, и сдѣлаетъ еще многое. Но таково-же и общее слѣдствіе нашихъ успѣховъ. Исполинскіе шаги во всемъ мірѣ, нравственномъ и вещественномъ! Англичане уже перелета-

ютъ черезъ Ламаншскій проливъ... *перелетаютъ!* Кто поручится, что лѣтъ черезъ пятьдесятъ не будетъ *воздушныхъ* сообщеній? И тогда вѣкъ нашъ станутъ называть *воздушнымъ, воздухоплавательнымъ!*... Назовемъ его просто XIX-мъ, великимъ вѣкомъ, и покуда еще мы на землѣ, посмотримъ, какъ въ этотъ вѣкъ успѣховъ образовалось пароходство. Описывая жизнь Ватта (Ж. О. Т. I, стр. 149), мы упомянули объ этомъ, потому что Ваттъ есть истинный создатель нынѣшнихъ паровыхъ машинъ. Но *сила паровъ* была замѣчена, и даже приведена къ нѣкоторымъ законамъ давно. Въ нынѣшнемъ году возобновился любопытный споръ о первомъ изобрѣтателѣ паровыхъ машинъ. Спорящіе: знаменитый Французскій ученый Араго, и многіе Англійскіе ученые. Обѣ стороны приписываютъ честь изобрѣтенія паровыхъ машинъ своему отечеству; но намъ кажется, что Араго правъ несомнѣнно, и что честь эта принадлежитъ Франціи. Вотъ краткій очеркъ постепенныхъ усовершенствованій паровой машины.

За 120 лѣтъ до Рожд. Христова, *Геронъ Александрійскій* писалъ о силѣ паровъ и даже объ изобрѣтенной имъ машинѣ, которая приводится въ движеніе парами.

Въ 1615 году Саломонъ Каюсъ, или правильнѣе *Косъ*, изобрѣлъ и описалъ паровую машину.

Вр 1663 году Маркизъ Ворчестеръ описывалъ паровую машину, и Англичане признаютъ его первымъ изобрѣтателемъ ея.

Въ 1683 году сдѣлалъ въ этомъ нѣкоторыя усовершенствованія Сиръ Самуилъ Морелендъ.

Около 1695 года, Французъ Папенъ, извѣстный многими важными открытіями, первый придумалъ сдѣлать паровой насосъ и примѣнить его какъ движущую силу.

Около 1700 года, Севери, Ньюкоменъ и Коулей сдѣлали нѣкоторыя усовершенствованія въ паровой машинѣ и взяли на это привиллегію.

Въ 1769 году Джемсъ Ваттъ воспользовался всѣми прежними открытіями, усовершенствовалъ ихъ и сдѣлалъ нынѣшнія паровыя машины, въ огромномъ ихъ размѣрѣ.

Выводомъ изъ этого хронологическаго указанія будетъ: 1-е, Изобрѣтатель паровыхъ машинъ есть Французъ Косъ (Caus), потому что описаніе Герона Александрійскаго слишкомъ недостаточно; 2-е, Всѣ главныя усовершенствованія принадлежатъ Французу Папену; 3-е, Настоящую паровую машину, въ огромномъ размѣрѣ, съ безчисленными примѣненіями и усовершенствованіями, сдѣлалъ Джемсъ Ваттъ, справедливо заслужившій памятникъ въ Вестминстерѣ. Но первое изобрѣтеніе принадлежитъ Французамъ.

Примѣненіе паровой силы къ кораблеплаванію, то есть изобрѣтеніе пароходовъ, долго приписывали себѣ Сѣверо-Американцы и выставляли имя Фультона. Теперь извѣстно, что Фультонъ только воспользовался чужою мыслью, которая принадлежитъ опять геніяльному Папену, хотя имя его извѣстно было до сихъ поръ только по *горшку Папенову*. Фультонъ сдѣлалъ первый извѣстный пароходъ: вотъ всѣ права его на славу, и конечно права огромныя. И давноли вошли въ общее употребленіе пароходы? Первый былъ построенъ Фультономъ въ 1807 году, въ Нью-Іоркѣ, и въ томъ-же году плавалъ въ Албани. Въ Англіи, первый пароходъ началъ свои дѣйствія не прежде 1812 года. Мы еще помнимъ, какъ въ Кронштатѣ указывали на пароходъ, пришедшій изъ Ливерпуля. Это было около 1820 года, и почиталось тогда смѣлою попыткою, не больше. Теперь, какихъ морей не разсѣкаютъ пароходы?...

Конечно не послѣднее, но важное примѣненіе паровой силы сдѣлано къ повозкамъ и каретамъ. Мысль эта выполнена Ваттомъ. Небольшой снарядъ двигаетъ огромныя тяжести по нарочно-устроенной желѣзной дорогѣ, и съ такою быстротой, что это можетъ испугать привыкшаго ѣздить *на своихъ лошадяхъ*, по грязнымъ дорогамъ. Паровая карета названа по-Русски *паровозомъ*. Впрочемъ, употребленіе сдѣлаетъ и это названіе не страннымъ, когда по первой же-

лѣзной дорогѣ въ Россіи (между Петербургомъ и Павловскомъ) станутъ безпрерывно мелькать *паровозы*. Политипажъ, приложенный къ статьѣ нашей, показываетъ наружный видъ этого дѣйствія. Каретъ и повозокъ можно тащить паровою машиною нѣсколько. Мы не входимъ здѣсь въ истолкованіе механизма ея, но приведемъ слова одного путешественника, прекрасно изображающія, какое ощущеніе производитъ при этомъ непостижимо-быстрая ѣзда. «Я сей часъ возвратился изъ Манчестера въ Ливерпуль по желѣзной дорогѣ. Превосходный трудъ! Не знаю ничего, что могло-бы внушить такое понятіе о могуществѣ человѣка. Есть впечатлѣнія, которыхъ не льзя описывать; таково, напримѣръ, когда несешься по 12-ти льё въ часъ (60 верстъ въ часъ, или 1 верста въ минуту), и не чувствуешь при этомъ ни малѣйшаго неудобства. Безопасность совершенная, потому что съ самаго открытія дороги (въ Сентябрѣ 1830 года), былъ только одинъ несчастный случай, и то отъ собственной неосторожности погибшаго. Вы летите выше дорогъ, каналовъ, рѣкъ, а иногда подъ ними; пересѣкаете другія желѣзныя дороги, ѣдете наровнѣ со множествомъ простыхъ дорогъ, и все это съ легкостью удивительною. Необыкновенная предусмотрительность и духъ порядка, который всасываютъ съ молокомъ въ Англіи, являются здѣсь во всемъ и дѣлаютъ невозможными встрѣчу или столкновеніе каретъ и вагоновъ съ неосторожными прохожими или съ телѣгами земледѣльцевъ. Вездѣ заставы, которыя отпираются и запираются во время; вездѣ внимательные сторожа. Какъ полезно было-бы многимъ Французамъ сдѣлать это маленькое путешествіе: они понаучились-бы порядку и предусмотрительности, и перестали-бы удивляться многому, что ѣздятъ смотрѣть за тридевять земель. Что̀ вашъ Роландовъ проломъ, гроты Кампанской долины, и даже сама Аппіева дорога, передъ проѣздомъ Оливной горы, Уаппингскимъ тоннелемъ, и дорогой сквозь болота Чатъ-Моссъ! И, право, иная колонна, по которой струится дымъ изъ паровой машины, не меньше плѣнительна размѣрами какъ и Помпеева колонна. Къ тому-же, глядя на искры, разсыпаемыя машиною по желѣзной дорогѣ, можно, безъ всякихъ усилій воображенія, представить себѣ, что вы несетесь на огненной колесницѣ; а это конечно самая поэтическая изъ всѣхъ каретъ.»

Нигдѣ нѣтъ такого множества желѣзныхъ дорогъ и паровозовъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Въ этомъ далеко отстала отъ нихъ даже Англія. Тамъ паровыя машины сдѣлались модою, страстью, и уже по всѣмъ главнѣйшимъ сообщеніямъ летаютъ паровозы, съ товарами, тяжестями, и съ людьми, сквозь лѣса, по которымъ прорублены дороги, сквозь горы и рѣки. Американцы сыплютъ на это милліоны и получаютъ за то богатыя вознагражденія. Если гдѣ произвели чудеса паровыя машины, это конечно въ Сѣверной Америкѣ.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ КРЫЛОВЪ.

Имя Ивана Андреевича Крылова знакомо каждому грамотному Русскому. Кто не знаетъ нашего неподражаемаго баснописца, нашего Лафонтена, философа народнаго? Кто не прочтетъ вамъ наизусть хоть нѣсколькихъ басенъ его? Кто не говоритъ, часто самъ не замѣчая того, выраженіями басенъ Крылова?.. Эти выраженія сдѣлались народными пословицами, и заключая въ себѣ умную правду, въ самомъ дѣлѣ замѣняютъ для народа нравственную философію. Надобно прибавить, что едва-ли кто изъ Русскихъ писателей пользовался такою славою какъ И. А. Крыловъ. Чтобы подтвердить это событіями, мы, прежде всего, разскажемъ жизнь его.

И. А. Крыловъ родился въ Москвѣ, 2 Февраля 1768 года. Онъ воспитывался въ домѣ своихъ родителей, которые, во время его младенчества, переѣхали въ Тверь. Тамъ началъ и службу свою Иванъ Андреевичъ. Съ 1785 года онъ служилъ въ С. Петербургѣ, въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ. Въ 1802 году находился Секретаремъ при Рижскомъ Военномъ Губернаторѣ. Послѣ того жилъ попеременно въ С. Петербургѣ и Москвѣ. Въ 1811 году поступилъ въ Императорскую Публичную Библіотеку, и тамъ продолжаетъ службу понынѣ, имѣя чинъ Статскаго Совѣтника. Крыловъ Кавалеръ, и Членъ многихъ ученыхъ обществъ.

Таковъ *послужной списокъ* нашего знаменитаго писателя. Но жизнь Крылова гораздо занимательнѣе въ его сочиненіяхъ. Онъ началъ писать въ самомъ раннемъ возрастѣ, и еще въ портфелѣ его хранится опера *Кофейница*, написанная имъ на 16-мъ году. Въ 1789-мъ году издавалъ онъ, вмѣстѣ съ другими, сатирическій журналъ, подъ заглавіемъ: *Почта Духовъ*; въ 1792 году журналъ *Зритель*; въ 1793 году *Санктпетербургскій Меркурій*. Теперь эти журналы извѣстны немногимъ; но читатели изумились-бы, если-бы мы представили имъ нѣкоторыя письма и отрывки, напримѣръ изъ *Почты Духовъ*... Остроуміе не нашего времени; но умъ всегда видѣнъ, въ какую-бы ни завернулся онъ одежду. Такъ и въ этихъ забытыхъ журна-

лахъ, много ума, много подмѣченнаго на дѣлѣ, не выписаннаго изъ книгъ, не взятаго на прокатъ у Вольтера или Скаррона, хотя эти два остроумца владѣли тогда умами всѣхъ. Жаль, что Ив. Андреевичъ не выберетъ изъ журналовъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, своихъ статей, и не издастъ ихъ особою книгою. Мы ручались-бы ему за успѣхъ. Покуда Бальзакъ не прославился во Франціи, первыя сочиненія его были забыты; но теперь они изданы вновь, и всѣ дивятся, какъ не замѣчали въ этихъ прекрасныхъ созданіяхъ автора *Шагреновой кожи.* Въ 1793-мъ году издана Крыловымъ комедія въ 5 дѣйствіяхъ: *Проказники,* и опера въ 3 д. *Бѣшеная семья;* въ 1794 комедія въ 3 дѣйствіяхъ: *Сочинитель въ прихожей.* Этимъ на нѣсколько лѣтъ прекратились литтературныя занятія нашего автора: онъ началъ вести разсѣянную жизнь, сообразную съ его характеромъ, котораго любезность и оригинальность извѣстны всѣмъ, кто имѣетъ счастіе бывать въ одномъ обществѣ съ Иваномъ Андреевичемъ. Неистощимое остроуміе его разговора является внезапнымъ блескомъ, столько-же поразительнымъ какъ остроуміе его басенъ. Онъ всегда спокоенъ и кажется не внимателенъ къ окружающему его; но это спокойствіе характера, опытности, а не ума, который въ семидесятилѣтнемъ Крыловѣ живъ и блестящъ какъ умъ рѣзваго юноши. Свѣтъ произвелъ обыкновенное свое дѣйствіе на нашего неподражаемаго баснописца: показалъ свое ничтожество, свою суетность, и далъ ему много матеріяловъ для басенъ и комедій. Съ 1807 г. начинается новая эпоха литтературной жизни Крылова: онъ издаетъ свои остроумныя комедіи, *Урокъ дочкамъ* и *Модную лавку,* обѣ въ 1807 году. Если онѣ не сдѣлали вдругъ такого впечатлѣнія какъ *Недоросль* Фонъ Визина, это надобно приписать только частности ихъ предмета, который одинъ въ обѣихъ пьесахъ. Авторъ хотѣлъ представить *тогдашнее Французское воспитаніе* Русскихъ *барышней,* и выполнилъ это какъ не льзя лучше. За то комедіи его остаются на театрѣ до сихъ поръ. Если-бы онъ посвятилъ себя театру исключительно, Богъ знаетъ гдѣ остался-бы за нимъ Фонъ Визинъ, и какъ высоко вознесся-бы Крыловъ, этотъ истинно Русскій умъ, тонкій, образованный, одушевленный великимъ поэтическимъ дарованіемъ. Но опера *Илья богатырь,* въ 1807 году, и *Драматическій Вѣстникъ* въ 1808-мъ, были послѣдними услугами его театру. Онъ началъ новое поприще, гдѣ сдѣлался первымъ, и едва-ли будетъ имѣть на немъ соперниковъ; мы разумѣемъ его *Басни.* Первое изданіе ихъ напечатано въ 1808 году: тамъ было всего десятка три басенъ, большею частію подражаній Лафонтену. Но онѣ обратили на себя общее вниманіе читателей, легкостью и вѣрностью языка, настоящаго Русскаго. Жуковскій написалъ пространный, умный разборъ ихъ въ *Вѣстникѣ Европы,* который издавалъ онъ тогда, и, кажется, это единственное критическое его сочиненіе. Крыловъ воспользовался нѣкоторыми замѣчаніями знаменитаго собрата своего, и подалъ этимъ благой примѣръ молодымъ писателямъ. Между тѣмъ *Басни Крылова* сдѣлались общимъ чтеніемъ всего народа, такъ что ихъ часто надобно было издавать, и во всякомъ изданіи являлись новыя басни любимаго автора. Не подумайте однакожь, что Крыловъ только писалъ басни въ это время: нѣтъ, онъ учился, много учился даже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, и пятидесяти лѣтъ выучился Греческому языку, для того только, чтобы читать въ подлинникѣ Греческихъ авторовъ. Вообще жизнь его представляетъ поучительный примѣръ истиннаго литтератора, который занимается и службой съ отличіемъ, но также находитъ время являться въ свѣтѣ, читать, учиться, и писать вѣковыя произведенія. Со временемъ, подробная біографія будетъ любопытнѣйшимъ комментаріемъ его сочиненій.... теперь еще не время.... Мы сказали, въ началѣ нашей статьи, что ни одинъ изъ Русскихъ литтераторовъ не пользовался такою славою какъ Крыловъ, и теперь спрашиваемъ: чьи сочиненія имѣютъ такую обширную публику, начиная отъ дворцовъ до хижинъ? Чьи сочиненія были изданы столько разъ во всякихъ видахъ, что мы не можемъ даже сосчитать этого? Чьи сочиненія переведены на всѣ Европейскіе языки, и особенно такъ, какъ *Избранныя басни Крылова* на Французскій? Это послѣднее обстоятельство истинно любопытно, и мы должны разсказать его.

Соотечественникъ нашъ, Графъ Григорій Владиміровичъ Орловъ, жилъ много лѣтъ за границею и занимался тамъ Литтературой; нѣкоторыя собственныя сочиненія его уважаются до сихъ поръ, хотя авторъ ихъ уже скончался: доказательство, что они заслужили не купленныя похвалы. Живя попеременно въ Парижѣ и въ Италіи, Графъ былъ въ пріязненныхъ сношеніяхъ со всѣми лучшими литтераторами, Французскими и Итальянскими. Онъ старался знакомить ихъ съ Русскою Литтературою, и перевелъ для нихъ, буквально, прозою, нѣкоторыя басни Крылова на Французскій языкъ. Чужеземцы пришли въ восторгъ: они увидѣли достойнаго соперника своему Лафонтену, и это дѣлаетъ тѣмъ больше славы Крыло-

ву, что для Французовъ басня есть исключительное достояніе Лафонтена, который въ ней то-же для нихъ, что для насъ Крыловъ. Графъ вызвался перевести имъ избранныя басни нашего великаго баснописца, во Французскую прозу, съ тѣмъ, что они переложатъ ихъ въ стихи. Предложеніе его приняли съ такимъ энтузіазмомъ, что Лемонтей, писавшій предисловіе къ этому Французскому изданію басенъ Крылова, называетъ тогдашнее рвеніе и усердіе своихъ земляковъ рыцарскимъ *турниромъ*, гдѣ каждый старался выказать свою ловкость и искусство. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ въ числѣ переводчиковъ Крылова, всѣ знаменитыя имена Французской и Италіянской современной Литтературы. Изъ Французовъ участвовали тутъ: Графъ Сегюръ, Графъ Филиппъ Сегюръ, Графъ Дарю (бывшій главный Секретарь Наполеона), Казимиръ

Делавинь, Графъ Буасси д'Англа, Арно, Жуи, Суме, Вьенне, словомъ, всѣ знаменитости приняли на себя пріятный трудъ, который раздѣляли и многія дамы, напримѣръ Княгиня Констансія Сальмъ, Софія Ге, Гжа Тастю, и проч. Изабей, Бертонъ, и другіе знаменитые художники писали рисунки, выгравированные потомъ лучшими граверами, именно для этого изданія, котораго печатаніе, съ Русскимъ текстомъ, было ввѣрено несравненному Дидоту. Да! мы чуть не забыли сказать, что почти всѣ тѣ-же басни были переведены и на Италіянскій языкъ, также лучшими литтераторами, и къ Италіянской части написалъ предисловіе Сальфи, извѣстный продолжатель сочиненія Женгене. Не надобно спрашивать, достойны-ли подлинника эти переводы, великолѣпные, блестящіе? Они не могли быть вѣрны уже по самому образу перевода, изъ третьихъ рукъ, такъ что многіе переводчики сдѣлали ихъ очень милыми, но *своими* сочиненіями: подлинникъ напоминается въ нихъ всего больше заглавіемъ. Но дѣло въ томъ: гдѣ другой примѣръ такого литтературнаго тріумфа? Богатое изданіе перевода Французскихъ и Италіянскихъ литтераторовъ есть только дань уваженія ихъ къ великому Русскому баснописцу, и съ этой стороны оно останется прочнымъ памятникомъ его славы. Для Французовъ есть другой переводъ, изданный лѣтъ десять назадъ въ Москвѣ, подъ заглавіемъ: Les Fables de Kryloff, traduites du russe par M. Hippolyte Masclet.— Moscou. Imprimerie de A. Semen. Это переводъ не блестящій, но довольно вѣрный, и Французы по немъ судятъ о нашемъ Крыловѣ. Еще не давно читали мы статью, въ Journal des Débats (15 Juin 1837), гдѣ отдаютъ всю справедливость нашему первому баснописцу.

Любимый, уважаемый, славный въ своемъ отечествѣ, И. А. Крыловъ извѣстенъ и во всей остальной Европѣ. Для собственной его и *нашей* славы, желаемъ чтобы онъ написалъ еще нѣсколько книгъ басенъ, столько-же оригинальныхъ, веселыхъ, и блестящихъ отдѣлкою, какъ его *Лжецъ, Демьянова уха, Лисица, Соловей и осель, Музыканты*... но мы готовы исчислить почти всѣ его басни, если только не задумаемся надъ нѣкоторыми. Есть какая-то безпечность у сильнаго дарованія, увѣреннаго въ своей силѣ, и этою безпечностью силы можетъ объясниться малое число произведеній Крылова въ послѣднее время...

ЛАВРОВОЕ ДЕРЕВО.

Въ природѣ есть произведенія, которыя невольно внушаютъ о себѣ какую-то опредѣленную, какъ-бы не разлучную съ ними мысль. Такъ роза есть идеалъ красоты, дубъ символъ твердости, лавръ награда героя. Кромѣ того, что исторія соединила съ ними эти опредѣленныя понятія, въ нихъ самихъ есть свойства, оправдывающія ихъ славу. Въ самомъ дѣлѣ, роза, напримѣръ, есть совершеннѣйшее изъ всѣхъ растеній, надъ которымъ природа, кажется, утѣшалась, изыскивая все что̀ можетъ плѣнять взоръ, обоняніе, и мысль, потому что роза цвѣтокъ весны, милая гостья самаго усладительнаго времени года, когда воскресаетъ природа, поетъ соловей, и теплое дыханіе лѣта оживляетъ человѣка. А дубъ? не видимъ-ли мы въ немъ выраженія спокойствія, твердости, долговѣчности, украшенныхъ самою роскошною одеждою? Дубовая вѣтка безъ словъ напоминаетъ миръ и тишину упроченной спокойствіемъ жизни. Лавръ.... но за него говоритъ и природа, и исторія, и поэтическіе вымыслы. Помните-ли баснословное происхожденіе лавроваго дерева? Аполлонъ гнался за Дафною, и уже почти настигалъ ее, когда милая Нимфа обратилась съ горячею мольбою къ богамъ, да защитятъ ее отъ преслѣдованій вѣтренаго красавца.... Совершилось чудо.... Члены ея раздвинулись; волосы на головѣ превратились въ зеленѣющіе листья; руки, протянутыя къ небу, сдѣлались вѣтвями; ноги, соперницы легкаго вѣтра, вросли въ землю какъ корни.... нѣжная кора замѣнила прозрачную кожу, и вся она явилась лавровымъ деревомъ. Аполлонъ не изумился, не испугался, не заплакалъ, потому что онъ былъ у Грековъ богъ, и при этомъ сюрпризѣ поступилъ точно какъ добрый малый, настоящій влюбленный. Онъ наградилъ безсмертіемъ чудесный лавръ, сдѣлалъ его символомъ чести, наградой дарованія и добродѣтели, знакомъ торжества, и облагородилъ какою-то нѣжною задумчивостью зелень священныхъ его листьевъ. Вотъ что̀ сказалъ при этомъ Аполлонъ: «О! если небо такъ завистливо, что не позволяетъ тебѣ быть моею женою, ты будешь, по крайней мѣрѣ, моимъ деревомъ. Пусть твои милые листья украшаютъ мою лиру, мой колчанъ и мою голову. У стѣнъ Капитолія, гдѣ побѣдныя пѣсни оглашаютъ славу гордыхъ тріумфаторовъ, ты будешь наградой и украшеніемъ героевъ; твоя таинственная вѣтка, переплетенная съ вѣткой дуба, будешь покровительницей входа во дворцы Цезарей, и, какъ юность моего божественнаго чела, твои листья не будутъ знать опустошительнаго времени, всегда показывая юную весну!» Не ручаемся, точно-ли такъ было все это сказано: мы сами не были при нежданномъ превращеніи Дафны въ дерево, и передаемъ слова по разсказу Овидія. Старикъ чуть-ли не придумалъ Аполлонова пророчества на досугѣ, послѣ событія, когда уже лавръ точно украшалъ Римскихъ героевъ и блисталъ на плѣшивой головѣ Августа. Исторически было такъ, что древніе искони питали уваженіе къ лавровому дереву, конечно за его прекрасный, благородный видъ, и за то что зелень его прочна, благоухающа, и листья вянутъ не скоро. Въ Греціи, лавровый вѣнокъ былъ наградой геройства, дарованія, символомъ побѣды. Въ Римѣ, полководцы, ѣхавшіе въ тріумфѣ, держали въ рукѣ лавровую вѣтвь, а крылатая Побѣда поддерживала на ихъ челѣ вѣнокъ изъ лавровъ, которыми украшались также воины и родственники тріумфатора. Вошедши въ храмъ Юпитера Капитолинуса, полководецъ отдавалъ ему свою вѣтвь. Светоній пишетъ, что изъ всѣхъ наградъ, какими Римляне осыпали Юлія Цезаря, ни одна не была ему такъ пріятна, какъ преимущество носить всегда лавровый вѣнокъ. Августъ также всегда носилъ его, главное потому, что лавръ, какъ полагали древніе, предохраняетъ отъ удара грома. Римляне иногда украшались лаврами во время торжествъ. Сколько-же надобно было на все это знаменитыхъ вѣтвей? Но древніе рѣшали задачу легко: Плиній и Светоній разсказываютъ сказку, что орелъ унесъ однажды бѣлую курицу, и эта уронила изо рта, съ высоты, лавровую вѣтку на колѣни Ливіи. Вѣтку посадили въ землю, и отъ нея-то развелся лѣсъ, изъ котораго брали лавры для всѣхъ праздниковъ. На мѣсто срубленнаго дерева тотчасъ садили новое. Лавръ былъ необходимъ и на родинахъ, и на свадьбахъ, и на похоронахъ; но его тратили столько, вѣроятно, уже послѣ временъ Августа, когда изъ вѣтки Ливиной разросся лѣсъ; а прежде, во время истинной славы Рима, лавры употреблялись только при великихъ торжествахъ, или при церемоніяхъ религіозныхъ. Кто шелъ узнавать свое будущее отъ оракула, тотъ самъ, и также жрецы, священнослужители, были въ лавровыхъ вѣнкахъ; жрецы жевали лавровые листья, воображая, что приходятъ отъ этого въ божественный восторгъ. Гезіодъ увѣряетъ, что онъ сдѣлался поэтомъ, когда поѣлъ лавра; Аполлоновъ треножникъ находился въ лавровой рощѣ; вѣнокъ лавровый, положенный на ночь подъ изголовье, производилъ счастливые сны. Когда угасалъ огонь на жертвенникѣ Весталокъ, его возобновля-

ли добывая огонь треніемъ двухъ лавровыхъ полѣнъ.

Оставляя Миѳологію, поэзію, Исторію, мы видимъ, что лавръ пользуется у насъ только преданіемъ славы. Мы еще говоримъ: *онъ заслужилъ лавровый вѣнокъ, онъ достоинъ лавроваго вѣнка, онъ покоится на лаврахъ*... А на что, между тѣмъ, употребляемъ мы великолѣпный лавръ?... Не побѣдоносное чело полководца, поэта, художника, нѣтъ! надобно признаться со смиреніемъ, мы вѣнчаемъ имъ сочный Вестфальскій окорокъ, и лавръ чаще встрѣчается въ мастерскихъ Карема, Яра и Маттерна, нежели на головѣ героевъ нашихъ... Sic transit gloria lauri. Счастливъ онъ и тѣмъ, что Наполеонъ велѣлъ, подъ конецъ своего поприща, изображать себя, на монетахъ и медаляхъ, въ лавровомъ вѣнкѣ; а при Англійскомъ придворномъ штатѣ есть особенный поэтъ, пишущій по заказу, что велятъ ему, и за то имѣющій титулъ poëta laureatus (увѣнчанный лаврами поэтъ). При этихъ почестяхъ знаменитому дереву, отдыхаетъ нѣжное сердце антикварія, археолога, почитателя древностей.... но истинные варвары въ царствѣ Ботаники, трудолюбивые фармацевты, нашли что ягоды лавра полезны отъ чего-то, и за то жарятъ, варятъ, давятъ ихъ, или не знаю какъ достаютъ изъ нихъ лавровое масло.

Впрочемъ, утѣшимся! И въ нашъ прозаическій вѣкъ лавръ одержитъ надъ вами побѣду, плѣнитъ васъ своею величественною красотой, если вы увидите его въ полной красѣ, въ огромныхъ размѣрахъ его, какимъ онъ изображенъ на приложенной здѣсь картинкѣ. Жители Петербурга могутъ видѣть такія лавровыя деревья въ Императорскомъ ботаническомъ саду, куда, если не ошибаемся, вывезены они изъ Польши. Московскіе жители знаютъ, что въ Кусковѣ, загородномъ домѣ или зàмкѣ Графа Шереметева (въ 6 верстахъ отъ Москвы), есть великолѣпныя, единственныя въ своемъ родѣ лавровыя деревья. Имъ конечно около ста лѣтъ: такъ они велики, многолиственны, толсты. Ихъ содержатъ и хранятъ съ должнымъ уваженіемъ къ забытому нынѣ величію лавроваго дерева. Мы упоминаемъ о нихъ потому, что у насъ на сѣверѣ они рѣдкость, и могутъ расти лишь въ теплицахъ. Въ южныхъ странахъ Европы они растутъ на открытомъ воздухѣ, а въ жаркомъ климатѣ, особенно около экватора, ихъ цѣлые лѣса.

Преобразователь Ботаники, Линней, означилъ именемъ Лавра много разныхъ породъ, которыя въ обыкновенномъ употребленіи языка имѣютъ названія совершенно различныя. Такъ, напримѣръ, дерево камфарное, сассафрасъ, корица, и много другихъ растеній, содержащихъ въ себѣ ароматическіе соки, причисляются къ разряду лавровъ. Ихъ считаютъ около шестидесяти видовъ, потому что большая часть ботаниковъ все еще держится раздѣленія Линнеева, хотя многіе уже сдѣлали свои раздѣленія. Лавры вообще возвышаются въ видѣ деревьевъ; нѣкоторые въ видѣ кустарниковъ; но у всѣхъ кора, листья, и всѣ органы пропитаны благоухающимъ масломъ и сокомъ. Можно раздѣлить всѣ роды лавра на два отдѣленія: 1-е, Лавры съ прочными листьями; 2-е, Лавры съ листьями слабыми. Первые тѣ самые, которые извѣстны были Грекамъ, Римлянамъ, и растутъ у насъ въ Европѣ. Но мы сказали уже, что истинное отечество ихъ въ жаркихъ климатахъ, въ Греціи, въ Левантѣ, въ Сѣверной Африкѣ: тамъ достигаютъ они тридцати футовъ въ вышину, и даже болѣе. Къ этому разряду принадлежатъ: Лавръ красный, Laurus borbonia; Каролинскій, carolinensis; Индійскій, indica; Коричный, изъ котораго Броунъ предлагалъ сдѣлать особенный родъ, Cinnamomum; Лавръ-кассія, cassia; камфарный, camphora, и проч. Къ второму разряду принадлежатъ: Лавръ-сассафрасъ, Laurus sassafras; L. benzoin, названный такъ по ошибкѣ: теперь извѣстно, что Styrax особеннаго рода доставляетъ намъ *бензой*. Кромѣ этихъ, есть еще множество разныхъ породъ лавроваго дерева съ слабыми листьями. Навѣрное можно сказать, что во всѣхъ этихъ раздѣленіяхъ много ошибокъ; но Ботаника страдаетъ одною болѣзнью со всѣми точными знаніями: всякой дѣлаетъ въ ней свои раздѣленія и подраздѣленія, даетъ имена друзей и благодѣтелей тому, что уже давно получило названіе, и не рѣдко судитъ о предметѣ по описанію, не видя его въ природѣ. Мы въ этомъ случаѣ остаемся эклектиками: излагаемъ для многочисленныхъ нашихъ читателей достовѣрное, впрочемъ уважая мнѣніе всѣхъ знатоковъ, достойныхъ вниманія.

ТИВЕРІАДСКОЕ ОЗЕРО.

Это озеро, или море, какъ называютъ его нѣкоторые, представляетъ зрѣлище плѣнительное. На восточномъ берегу его высятся горы, постепенно уменьшающіяся къ сѣверу и югу, гдѣ втекаетъ въ него и опять выливается Іорданъ, священная рѣка, всегда памятная для каждаго Христіанина. На западномъ берегу стоитъ Тиверіада, городъ, знаменитый историческими воспоминаніями. Поля, окружающія его, подобны

разноцвѣтному ковру. Величина озера неизвѣстна достовѣрно, но, по словамъ путешественника Кларка, оно простирается въ ширину на шесть Англійскихъ миль, въ длину на двѣнадцать. Вода въ немъ чиста какъ кристаллъ, и волны Іордана возмущаютъ ее только когда вѣтеръ дуетъ съ юга, отъ Мертваго моря, и слѣдовательно мѣшаетъ ихъ теченію. Видъ города, озера, и противолежащихъ горъ изображенъ на прилагаемой здѣсь картинкѣ. Сколько святыхъ, неизгладимыхъ впечатлѣній волнуютъ душу при взглядѣ на эти берега, и на это море! Помните-ли ночь, когда Іисусъ, Спаситель нашъ, насытивъ пятью хлѣбами пять тысячь человѣкъ, пошелъ на гору помолиться наединѣ, а ученикамъ своимъ велѣлъ переправиться на другой берегъ? Они выплыли на средину моря, и лодку ихъ ужасно било волнами, потому что сдѣлался противный вѣтеръ. Вдругъ видятъ они, что Іисусъ идетъ къ нимъ по волнамъ. «Это призракъ!» въ страхѣ закричали испуганные ученики. «Это я! не бойтесь!» отвѣчалъ имъ Іисусъ. «Если

это ты, господи! вели мнѣ придти къ себѣ по водѣ!» сказалъ Петръ. «Иди!» возгласилъ ему учитель. Петръ вышелъ изъ лодки, и пошелъ къ нему на встрѣчу, но сильный вѣтеръ испугалъ его и онъ началъ тонуть. «Господи! спаси меня!» закричалъ утопающій. Іисусъ протянулъ къ нему руку и поддержалъ его, говоря: «Маловѣрный! зачѣмъ ты усомнился?» Когда они взошли въ лодку, вѣтеръ утихъ, и они переплыли въ землю Геннисаретскую. Мы описали одно изъ дѣяній нашего Искупителя, которое было совершено на водахъ Геннисарета, и когда помыслишь, что въ нихъ отражался божественный ликъ его, душа возвышается и сердце полно благоговѣнія.... Прошла тысяча лѣтъ послѣ явленія на землѣ Спасителя рода человѣческаго, и Іерусалимъ имѣлъ Христіанскаго Царя. Сколько великихъ событій совершилось для этого! Половина Европы принимала участіе въ освобожденіи Святаго Гроба; рѣки крови пролились на пути къ Іерусалиму; но царство Іерусалимское кипѣло раздоромъ между самими освободителями. Уже давно не было сподвижниковъ знаменитаго Годфрида; мѣсто Царя занималъ ничтожный Гюи де Люзиньянъ, и несогласія подвластныхъ ему Бароновъ, Графовъ, властителей, дошли до крайней степени, когда приближался страшный врагъ, съ многочисленнымъ войскомъ. Это былъ Саладинъ, Курдъ родомъ, тогда Султанъ Сиріи и Египта. Онъ шелъ истребить Христіанское царство. Гюи де Люзиньянъ, съ своими несогласными союзниками, выступилъ на встрѣчу къ нему. Между тѣмъ Саладинъ уже осаждалъ Тиверіаду, и вблизи этого города была дана имъ страшная битва Тиверіадская. Послушаемъ разсказа извѣстнаго Историка Крестовыхъ походовъ, Мишо.

«Христіанская армія приближалась къ Тиверіадѣ, и молчаливо проходила черезъ долину (которую новые путешественники называютъ *Батуфъ*), когда стали видны ей знамена Саладина. Мусульманская армія стояла на высотахъ Луби, имѣя позади себя Тиверіадское озеро, и занимала вершины холмовъ, повелѣвая всѣми дефилеями, по которымъ должны были идти Христіане. Бароны и рыцари вспомнили, что Графъ Триполійскій предостерегалъ ихъ, но уже бы-

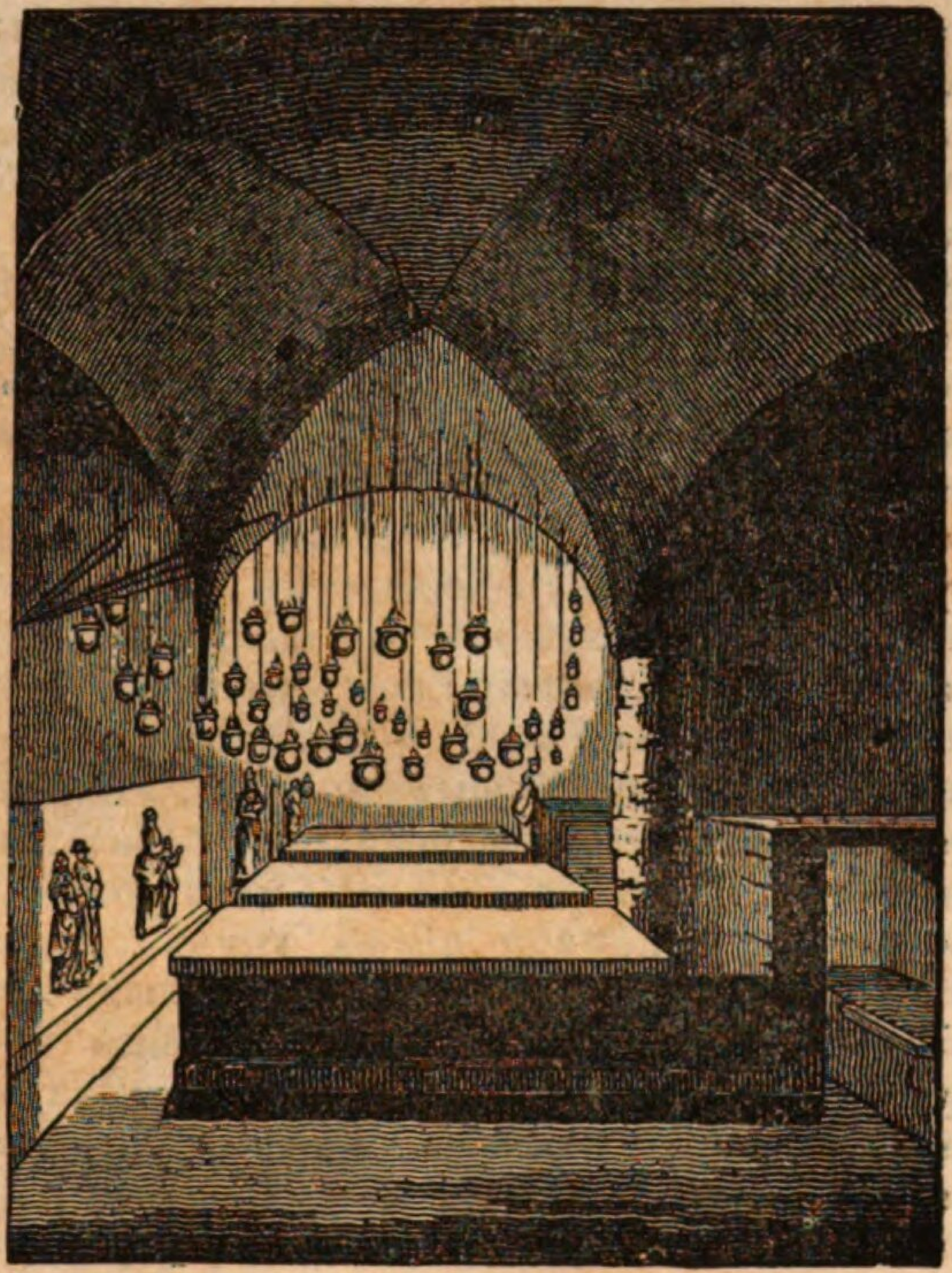
ло поздно. Храбрость солдатъ могла поправить ошибку вождей, и они приняли дерзкое, отчаянное рѣшеніе: открыть себѣ путь сквозь непріятельскую армію къ берегамъ Іордана. 2 Іюля (1187 года) они стали въ боевой порядокъ и двинулись впередъ. Сарацины со всѣхъ сторонъ осыпали ихъ градомъ камней и стрѣлъ. Вскорѣ Мусульманская конница сошла съ холмовъ и хотѣла оспорить у нихъ путь; но Христіане сохранили свой строй и не поколебались отъ быстрой атаки непріятеля. Увѣщанія вождей и священниковъ, чувство собственной опасности, и особенно присутствіе Святаго Креста поддержали неустрашимую ихъ пылкость.... Саладинъ самъ писалъ, что Крестъ былъ для нихъ твердѣйшею связью. Но у нихъ было больше мужества, нежели силы: безъ воды и пищи, въ страшный зной, самые могучіе падали отъ истощенія. Они показали чудеса храбрости, но уже не надѣялись отразить Сарациновъ, когда ночь раздѣлила обѣ арміи »

...Никто не отдыхалъ ночью: войска готовились къ новой битвѣ, и вожди старались всячески ободрить ихъ. Насталъ день, и Франки увидѣли, что войска Саладина окружили ихъ со всѣхъ сторонъ. Долго не начиналась битва, потому что Саладинъ ждалъ дневнаго зноя. Съ утра поднялся вѣтеръ, и прямо на Христіанъ несъ облака пыли. Наконецъ вождь Сарациновъ далъ знакъ, и они съ крикомъ устремились на противниковъ; Христіане защищались геройски, но когда разбитые ихъ остатки увидѣли въ рукахъ Мусульманъ священный Крестъ, все было кончено... Сто пятьдесятъ рыцарей оставалось вокругъ королевскаго штандарта, но они не могли защитить его: Гюи де Люзиньянъ, братъ его Жоффруа, Гроссъ-Мейстеръ Рыцарей Храма, Рено де Шатильонъ, и всѣ знаменитые Палестинскіе воины попались въ плѣнъ непріятелю. Немногіе спаслись бѣгствомъ. Саладинъ помиловалъ только Іерусалимскаго Царя: всѣ остальные были звѣрски умерщвлены.

Такъ рушилось, въ 1187 году, царство Іерусалимское, и его уже не могли возстановить соединенныя силы Императора Фридриха Барбароссы, Французскаго Короля Филиппа-Августа, и Англійскаго Ричарда Львинаго Сердца.

ГРОБЪ СПАСИТЕЛЯ.

Описывая святой Іерусалимъ, мы упомянули и о часовнѣ Св. Гроба (Ж. О. Т. I, стр. 163). Здѣсь, представляя читателямъ нашимъ внутренность этого святаго мѣста, выпишемъ слова знаменитаго путешественника нашего, А. Н. Муравьева, который посѣтилъ Іерусалимъ въ 1830 году, и описалъ всѣ достопамятности его съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Можемъ-ли мы прибавить что-нибудь къ его описанію?

«Самая часовня Гроба, украшенная легкимъ куполомъ, стоитъ въ видѣ малой церкви внутри храма. Во время послѣдняго пожара, когда пылалъ его кедровый куполъ и всѣ деревянныя галлереи, когда падали вокругъ раскаленные столбы, пострадала и священная часовня, потрескались изваянные на ней лики Апостоловъ, и чрезъ столько вѣковъ показалась вновь, изъ подъ роскошнаго мрамора, первобытная скала гробницы. Нынѣ не замѣтно болѣе слѣдовъ разрушенія; новый, желтый мраморъ замѣнилъ древній; внутренность гроба и его преддверіе возникли въ прежнемъ великолѣпіи.—Четыре мраморные витые столба поддерживаютъ со входа украшенную херувимами архитраву, и межь ними изсѣчены письмена псалмовъ; надъ дверьми изъ цвѣтнаго мрамора изваяна картина Воскресенія: Христосъ съ хоругвію возстаетъ изъ Гроба посреди солнца и луны; влѣво бѣжитъ стража; съ правой стороны ангелъ и мvроносицы. Еще выше есть двѣ фигуры ангеловъ съ вѣнками. Двѣ писанныя иконы Воскресенія, Армянъ и Католиковъ, привѣшены также къ священному преддверію.—Ча-

совня Гроба внутри раздѣлена на двѣ части, и каждая изъ нихъ со сводомъ. Двѣнадцать малыхъ пиластровъ приставлены къ стѣнамъ перваго придѣла, и межь ними изваяны вѣтви и херувимы. Посреди онаго вдѣланъ въ большую гранитную вазу кусокъ отъ камня, отваленнаго ангеломъ; ибо онъ былъ разбитъ на многія части усердіемъ Христіанъ. Надъ нимъ всегда горятъ 15 лампадъ, и ваза сія, покрываемая серебряною доскою, служитъ престоломъ для греческой литургіи, когда совершаютъ проскомидію на самомъ Гробѣ. Казалось-бы, приличнѣе было избрать оный престоломъ, нежели жертвенникомъ, но настоящее расположеніе удобнѣе для выходовъ обѣдни нашей, ибо въ ея продолженіе единственныя двери утеса служатъ царскими вратами, и стоящій около народъ можетъ слушать литургію. Придѣлъ пристроенъ въ память ангела, чтобы служить преддверіемъ самородному утесу, внутри коего изсѣченъ былъ покой, заваленный въ дверяхъ камнемъ. Низкими дверями, пробитыми въ скалѣ, входятъ во вторую часть часовни, погребальный чертогъ Спасителя. — Греки, одни возобновившіе послѣ пожара цѣлый храмъ, желая облегчить входъ гробницы облаченнымъ Архіереямъ, и освѣжить въ ней душный воздухъ, коснулись ея внутренности и нарушили святую древность временъ Христовыхъ, которой не смѣла измѣнить сама Елена. Они подняли выше низкія двери, расширили нѣсколько объемъ покоя и обсѣкли глубже прежній сводъ утеса, оставивъ въ немъ прежнее малое для воздуха отверстіе. Внутреннее пространство пещеры Св. Гроба составляетъ менѣе квадратной сажени; съ правой стороны во всю длину ея лежитъ мраморная плита, на каменномъ уступѣ, занимающемъ полширoты покоя. Іудеи не вѣряли землѣ своихъ мертвыхъ, но, пользуясь утесистою природою страны, изсѣкали въ скалахъ тѣсные покои и внутри ихъ клали на плитахъ открытыя тѣла. Подъ именемъ гроба разумѣлась вся пещера, и тяжелый камень вдвигался въ ея двери. И понынѣ о томъ свидѣтельствуютъ древнія гробницы царей и пророковъ, по примѣру коихъ погребенъ былъ послѣдній изъ рода Давида, терніемъ вѣнчанный на царство.

«Елена положила мраморную плиту на тридневное ложе Христово, какъ антиминсъ для совершенія литургіи, дабы не касались священнаго одра Господня, и плита сія распилена была почти на двое Христіанами, когда Арабы пожелали имѣть столь богатый мраморъ въ своей мечети. Доселѣ престолъ сей принадлежалъ Грекамъ и Католикамъ; но между ними втѣснились нынѣ Армяне, и тройная литургія служится ежедневно, одна послѣ другой, на дивномъ камнѣ. Изъ цвѣтнаго мрамора изваянъ на стѣнѣ воскресающій въ лучахъ славы Искупитель съ побѣдною хоругвію; но онъ полузакрытъ тремя живописными иконами. Надъ нимъ парятъ два ангела съ вѣнкомъ, и еще выше изваяны три подобныя-же фигуры между легкихъ аркъ. 36 лампадъ, изъ коихъ 13 Греческихъ и столько-же Католическихъ, горятъ днемъ и ночью въ куполѣ надъ Св. Гробомъ, но всѣ онѣ жестяныя, изъ опасенія къ хищности; богатыя-же приношенія царей таятся въ сокровищницѣ, и уже многихъ нѣтъ. Нѣсколько разнородныхъ подсвѣчниковъ поставлены по краямъ гробовой плиты, и ихъ расположеніе означаетъ, какая часть оной принадлежитъ исключительно каждому народу: правая треть Грекамъ, средняя Армянамъ, лѣвая Католикамъ; но во время служенія не существуетъ сего раздѣленія. Свѣжіе цвѣты разсыпаны по священному мрамору, безпрестанно омываемому розовою водою и благовоніями.

«Таковъ дивный Гробъ сей, побѣдная колесница Бога, съ которой сокрушилъ онъ смерть и разбилъ верей ада, и вмѣстѣ—мирное ложе, на коемъ опочилъ отъ искупительнаго страданія, во вторую изъ Субботъ своихъ, какъ нѣкогда почилъ онъ въ первую отъ дивныхъ трудовъ творенія!...»

Кто изъ Русскихъ хочетъ видѣть подобіе всего святаго Іерусалима, тотъ можетъ удовольствовать благоговѣйное любопытство свое въ самомъ сердцѣ Россіи. Верстахъ въ сорока отъ Москвы находится Новый Іерусалимъ, построенный усердіемъ Патріарха Никона, гдѣ покоится и труженическій прахъ его. Любопытно читать описаніе тамошняго знаменитаго храма, сдѣланное тѣмъ-же путешественникомъ, котораго слова привели мы выше. Онъ сравниваетъ всѣ подробности Новаго Іерусалима съ старымъ, показываетъ отступленія, сходство, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возносится до краснорѣчія необыкновеннаго въ наше время. Замѣчательно, какъ одинаковость зрѣлища и мѣста заставила выразиться двухъ разныхъ, но сходныхъ дарованіемъ писателей. Вотъ впечатлѣніе А. Н. Муравьева, при видѣ Гроба Господня въ Новомъ Іерусалимѣ: «Я взошелъ въ придѣлъ Ангела, я проникнулъ въ самый утесъ Св. Гроба, я опять простерся передъ каменною плитою, на коей долженствовало лежать божественное тѣло; я готовъ былъ повторить тѣ-же молитвы, какъ въ Іерусалимѣ, и мысленно повторилъ ихъ, ибо все, что окружало, переносило меня къ дивному образцу сего мѣста, и полумракъ гробоваго по-

коя, слабо освѣщаемаго одною лампадой, вмѣсто безчисленныхъ лампадъ Іерусалимскихъ, давалъ мнѣ свободу дополнять воображеніемъ внутреннее убожество вертепа. О, какъ отрадно находить посреди пустыни житейской такое близкое къ истинѣ повтореніе желанныхъ предметовъ!... Наконецъ я спросилъ Архимандрита: — «Былъ-ли здѣсь Архіепископъ горы Ѳавора Іероѳей, присланный за милостынею отъ Патріарха Іерусалимскаго? — «Былъ и плакалъ, отвѣчалъ Архимандритъ, при видѣ сего Гроба.»

Теперь посмотримъ, что̀ чувствовалъ Шатобріанъ, другой знаменитый путешественникъ, при видѣ Гроба Господня въ Іерусалимѣ:

«Я не могу вполнѣ выразить, что̀ я чувствовалъ, когда былъ подлѣ этого священнаго мѣста. Въ умѣ моемъ тѣснилось такъ много, что я не могъ остановиться ни на какой отдѣльной мысли. Почти полчаса стоялъ я въ небольшой часовнѣ Святаго Гроба, на колѣняхъ, и не могъ отвлечь глазъ своихъ отъ камня. Одинъ изъ двухъ монаховъ, которые путеводили меня, лежалъ ницъ, склонивъ чело на мраморъ; другой, съ евангеліемъ въ рукѣ, читалъ мнѣ, при свѣтѣ лампадъ, мѣста, относящіяся ко Св. Гробу. Между каждымъ стихомъ онъ возглашалъ молитву. Могу увѣрить только въ томъ, что при видѣ этого торжествующаго гроба, я чувствовалъ одну слабость свою, и когда путеводитель мой воскликнулъ, вмѣстѣ съ Св. Павломъ: Ubi est, mors, victoria tua? Ubi est, mors, stimulus tuus (Смерть! гдѣ побѣда твоя? смерть! гдѣ твое жало?)? Я прислушивался, какъ-бы готовясь услышать отвѣтъ смерти, что она побѣждена и заключена въ оковы. Не за долго передъ тѣмъ, я посѣтилъ памятники Греціи и былъ еще наполненъ ихъ величіемъ; но какъ далеко не могли они внушить мнѣ того, что я чувствовалъ при видѣ этихъ священныхъ мѣстъ!»

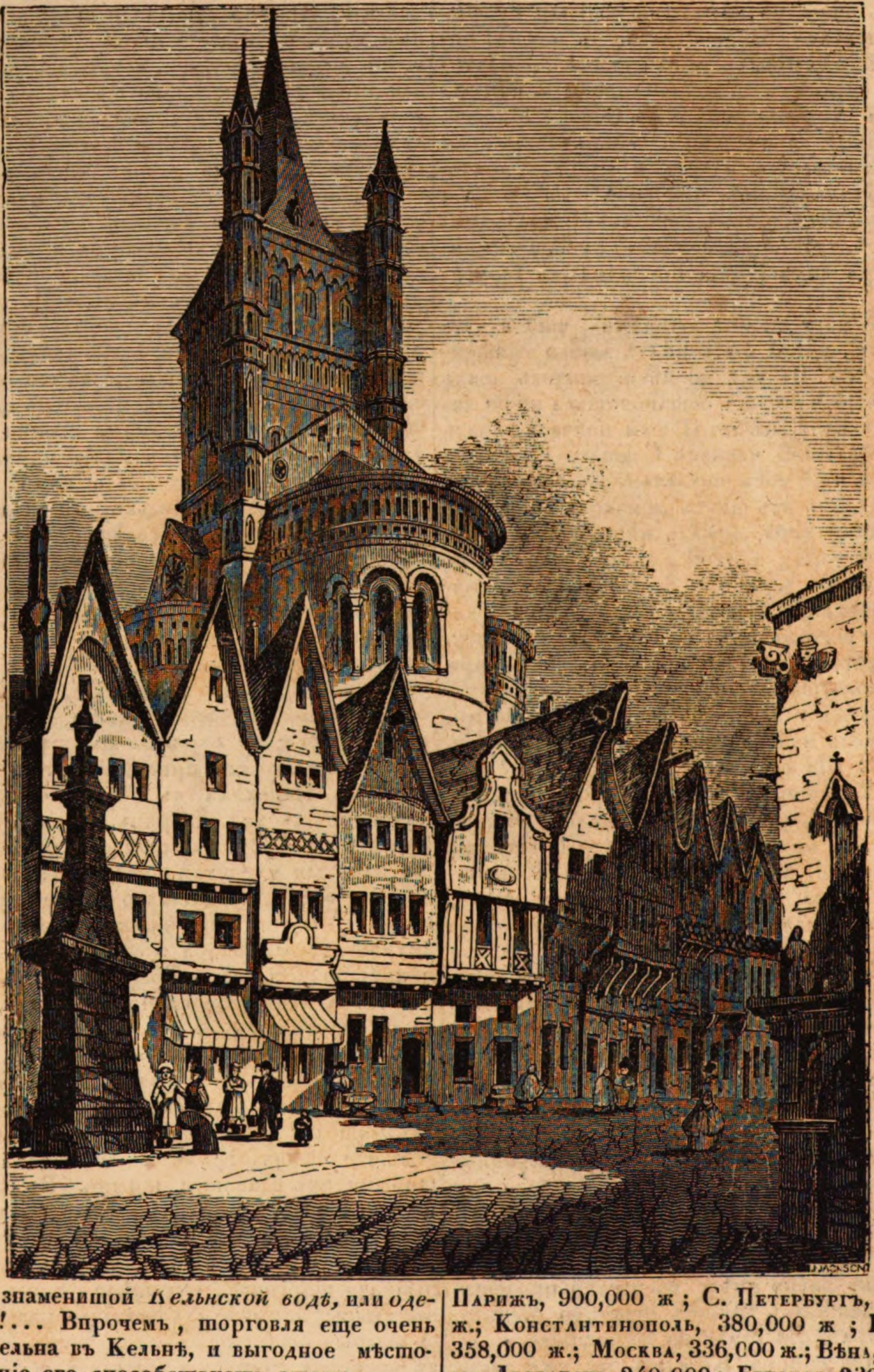
Для яснѣйшаго понятія объ Исторіи и нынѣшнемъ состояніи Іерусалимскаго храма, читатель можетъ сравнить указанное выше описаніе наше, и особенно *Путешествіе ко Святымъ мѣстамъ въ 1830 году* (сочиненіе А. Н. Муравьева). *Третье изданіе 1835 года.*

ЦЕРКОВЬ СВ. МАРТИНА ВЪ КЕЛЬНѢ.

Не такъ давно имѣли мы случай представить читателямъ нашимъ исторію Кельна, при изображеніи славнаго тамошняго недостроеннаго собора. Казалось-бы, что воображеніе архитекторовъ должно истощиться на одинъ этотъ великолѣпный, хотя не довершенный памятникъ зодчества. Но Кельнъ богатъ и другими прекрасными храмами, которыхъ образчикомъ можетъ служить изображенная здѣсь церковь Св. Мартина. Вотъ истинный старый стиль Германскій! Не красота, а достопримѣчательный характеръ этой церкви должны обращать на себя вниманіе. Остроконечныя кровли придѣловъ, массивность самого зданія, и узорчатыя украшенія его, все придаетъ ему видъ настоящаго зданія старыхъ временъ. Надобно отличать этотъ родъ архитектуры, отъ ложнаго готическаго, который означается иногда именемъ гососо. Истинная готическая архитектура замѣчательна съ перваго взгляда для глазъ, сколько нибудь опытныхъ. Она поражаетъ огромностію своихъ размѣровъ стрѣльчатыми дверями, окнами, и всѣми безчисленными украшеніями своими. Рѣзные, часто сквозные столбы и башни ея напоминаютъ то время, когда два дерева, связанныя своими вершинами, составляли храмъ для гонимаго христіанства. Въ готическомъ храмѣ видите вы этотъ символъ, только въ исполинскихъ размѣрахъ: то-же многовѣтвистое дерево, но возведенное къ идеальной красотѣ. Церковь Св. Мартина представляетъ совсѣмъ иное зрѣлище: она уже отдѣлилась отъ готическаго храма, она церковь *сама по себѣ*, но еще углы и узоры ея напоминаютъ прежнія понятія объ архитектурѣ. Круглая башня главной части зданія рѣшительно новаго вкуса; но огромность, тягость, важность цѣлаго еще принадлежатъ прежнему времени. Переходъ къ гососо отличается опять инымъ характеромъ. У насъ въ Россіи, всѣ храмы, построенные Графомъ Растрелли, или учениками его, остаются свидѣтельствами тогдашняго періода архитектуры. Мы еще обратимся къ этому роду архитектуры, говоря о старинныхъ памятникахъ зодчества въ Россіи. Теперь доскажемъ о Кельнѣ разныя подробности, которыхъ недоставало въ прежней нашей статьѣ (Ж. О. Т. II, стр. 321).

Принадлежавъ къ союзу Ганзейскихъ городовъ, Кельнъ отличался богатствомъ своихъ жителей, и въ это-то время построена большая часть огромныхъ его зданій, которыми онъ славится донынѣ. Въ немъ 20 церквей, 5 монастырей и много благотворительныхъ заведеній. Но когда рушилась Ганза, упалъ и Кельнъ: зданія его, назначенныя для торговли, опустѣли, домы начали дряхлѣть; богатое духовенство разъѣхалось въ разныя стороны. Теперь улицы въ городѣ нечисты, грязны, и только напоминаютъ прошедшее благосостояніе. Французское владычество при Наполеонѣ еще болѣе разстроило Кельнъ, столь славный въ прежнія

времена. Кто не слыхалъ о его школѣ живописи, изъ которой вышло много мастерскихъ произведеній своего рода. Кельнскій соборъ до сихъ поръ блистаетъ ими и картина надъ алтаремъ его (замѣчательно, что неизвѣстно имя ея художника!), обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ знатоковъ живописи. Теперь, имя города знаютъ всего больше по знаменитой *Кельнской водѣ*, или *одеколоню!*... Впрочемъ, торговля еще очень значительна въ Кельнѣ, и выгодное мѣстоположеніе его способствуетъ этому.

Народонаселеніе главнѣйшихъ городовъ въ Европѣ. — Лондонъ, 1,560,000 ч. жителей; Парижъ, 900,000 ж; С. Петербургъ, 440,000 ж.; Константинополь, 380,000 ж; Неаполь, 358,000 ж.; Москва, 336,000 ж.; Вѣна, 320,000 ж.; Лиссабонъ 240 000.; Берлинъ 230 000 ж; Мадритъ 200,000 ж.; Римъ 150,000 ж.; Туринъ 122,000 ж.; Копенгагенъ 119,000 ж.

РУАНЪ И ЕГО ДОСТОПАМЯТНОСТИ.

Бывшая столица Нормандіи, а нынѣ главный городъ Французскаго Департамента Нижней Сены, Руанъ замѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ. Онъ находится на правомъ берегу Сены, въ прелестной долинѣ, окруженной возвышенностями. Видъ его живописенъ, по какой-бы ни приближались вы дорогѣ, изъ Ивето, или изъ Парижа. Мѣло-

выя горы, покрытыя зеленью и обработанными пашнями; широкая полоса Сены, омывающей острова и веселыя прибрежья; бульвары въ самомъ городѣ, по широкимъ набережнымъ рѣки, и портъ, покрытый кораблями всѣхъ народовъ, эта общая картина плѣнительна. Разсматривая прилежнѣе частные предметы, вы найдете много любопытнаго. Вотъ превосходный мостъ, соединяющій городъ съ предмѣстіемъ Сенъ-Северъ, замѣчательный тѣмъ, что онъ подымается и опускается вмѣстѣ съ приливомъ и отливомъ. По наружности онъ похожъ на мостъ каменный; но устройство на баркахъ дѣлаетъ его подвижнымъ. Этотъ мостъ длиною въ 270 шаговъ; но его вскорѣ замѣнятъ новымъ, который начали строить еще по повелѣнію Наполеона, съ неслыханною роскошью. Вотъ красивыя набережныя по берегамъ Сены; вотъ огромная соборная церковь, и прежде бывшее аббатство Сентъ-Уанъ; вотъ и театръ, замѣчательный своею архитектурою. Впрочемъ, улицы въ Руанѣ вообще не хороши: грязны, темны, кривы. Домовъ гораздо больше деревянныхъ нежели каменныхъ, и изъ этихъ достойны вниманія только старинныя, общественныя зданія. Видно ужь таковъ нашъ вѣкъ, что въ немъ не думаютъ о наружномъ или не нужномъ великолѣпіи, а стараются только чтобы было тепло, свѣтло, удобно. Но при обозрѣніи Руана можно остановиться при многихъ старинныхъ достопамятностяхъ. Напримѣръ, передъ вашими глазами, на картинкѣ, одинъ изъ самыхъ любопытныхъ предметовъ стараго Руана. Его называютъ: La Grosse Horloge, или, какъ перевелъ это одинъ Англичанинъ, *толстые часы* (The Big Clock). Эти часы поставлены на высокой аркѣ, отъ которой и улица получила названіе *улицы Большихъ Часовъ* (Rue de la Grosse Horloge). Арка выстроена въ 1527 году: это извѣстно; за то никто не знаетъ, когда сдѣланы часы, и кто дѣлалъ ихъ? Нѣтъ сомнѣнія только въ томъ, что они очень старинные, можетъ быть одни изъ первыхъ въ Европѣ по древности своей, и прежде были почетнымъ измѣрителемъ времени для добрыхъ жителей Руанскихъ, показывали имъ часы радостей и горя, праздниствъ и печалей, и отъ того уважались чрезвычайно. Особенный мастеръ жилъ при нихъ и занимался единственно повѣркой дорогихъ часовъ. «Они отъ того называются *Большими,*» говоритъ одинъ Французскій писатель, «что больше ихъ не было у насъ въ Руанѣ; да не было и такихъ вѣрныхъ, дорогихъ часовъ.» Они, впрочемъ, замѣчательны теперь единственно своею древностью, и хотя наружность ихъ довольно затѣйливо изукрашена, однако *хитростей* внутри нѣтъ никакихъ. Это самое подтверждаетъ, что они сдѣланы очень давно, то есть вскорѣ по изобрѣтеніи стѣнныхъ и башенныхъ часовъ (первые часы, сколько извѣстно, сдѣланы въ 14 столѣтіи, лѣтъ за 500 до насъ). Послѣ стали придумывать разныя принадлежности къ боевымъ часамъ, и дошли наконецъ до изумительнаго изобрѣтенія нашего Волоскова.... Но обратимся къ Руанскимъ часамъ. Мы сказали, что они очень просты; это не значитъ однако, что они дурно сдѣланы. Не равняясь съ старинными Страсбургскими, они могутъ занять почетное мѣсто въ исторіи часоваго искусства, какъ памятникъ первыхъ его опытовъ. Извѣстный антикварій Милленъ написалъ объ этомъ любопытныя замѣчанія. Въ башнѣ надъ ними былъ, такъ называемый, *серебряный колоколъ,* въ который звонили при общественныхъ церемоніяхъ, при выборахъ, во время общихъ бѣдствій, и также по вечерамъ, въ девять часовъ, что Руанцы называли la retraite, то есть время, когда запирались городскія ворота, которыхъ не отворяли уже ни для кого до самаго утра, и невнимательный могъ спокойно переночевать за городомъ. Остатокъ временъ старинныхъ! Онъ уже истребился теперь, такъ-же какъ истребляется, сглаживается многое!... Теперь и славные Руанскіе часы не обращаютъ на себя вниманія жителей, которые проходятъ мимо нихъ не подымая головы.

Видъ, въ прилагаемомъ нами политипажѣ, снятъ съ окончанія *улицы Большихъ Часовъ.* На противоположной сторонѣ арки находится *Фонтанъ убійства,* какъ называютъ его.... одинъ изъ многихъ, гдѣ производилась пытка водою. Подлѣ фонтана стояли нѣкогда *Ворота убійства,* названныя такъ отъ *Улицы убійства* (rue du Massacre), которая сама получила это страшное названіе... угадайте, отъ чего?... Въ ней жило множество мясниковъ, а они, какъ извѣстно, всегда охотники проливать кровь и убивать, и дѣлаютъ это по обязанности.

Черезъ улицу отъ старинныхъ часовъ, вы увидите небольшую четвероугольную площадь, на которой была сожжена Орлеанская Дѣвственница. Слава Богу, что нѣтъ слѣдовъ башни, гдѣ содержалась, во время неправеднаго суда, прекрасная Французская героиня. Какая польза, что теперь увидите вы тутъ памятникъ ей, очень плохой, который былъ воздвигнутъ вскорѣ послѣ казни, и которому оказывали обожаніе черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ея смерти? Бѣдная Жанна д'Аркъ! Она была истинная страдалица, и въ жизни своей и послѣ смер-

ти! Явилась посреди глупцовъ, которые не понимали ея, засудили и сожгли какъ чародѣйку; была обругана Вольтеромъ, расхвалена (что едва-ли не хуже) Шапеленомъ и Сауси (Southey)! Только Шиллеръ показалъ себя передъ нею честнымъ человѣкомъ и поэтомъ, хотя исказилъ превосходный ея характеръ.

Но если вы любите древности, или по крайней мѣрѣ старину, милую, добрую старину, вамъ надобно прожить въ Руанѣ много мѣсяцевъ, чтобы осмотрѣть и узнать всѣ его достопамятности. Въ тамошнихъ церквахъ сохранилось довольно живописныхъ изображеній, рѣдкостей, остатковъ старины, какихъ нѣтъ нигдѣ; почти каждая улица запечатлѣна чѣмъ нибудь историческимъ; многія публичныя зданія могутъ служить предметомъ для цѣлой исторіи. Тамошняя библіотека славится своими рукописями и драгоцѣнными изданіями. Книгъ въ ней только 26,000 томовъ, но въ числѣ ихъ есть много старинныхъ и любопытныхъ. Прежде она была гораздо многочисленнѣе, но революція вырвала у нея много богатствъ.

Народонаселеніе нынѣшняго Руана простирается до 100,000 человѣкъ, но оно кажется гораздо больше, потому что въ этомъ торговомъ, промышленномъ городѣ вѣчное движеніе. Это настоящій рой пчелъ въ своемъ ульѣ, и, по примѣру этихъ трудолюбивыхъ насѣкомыхъ, жители Руана чрезвычайно дѣятельны. Одинъ Англійскій путешественникъ сравниваетъ Руанъ съ самыми оживленными частями Британской столицы. «Вы увидите здѣсь все движеніе и услышите весь шумъ улицъ Чипсайда и Корнгилля,» говоритъ онъ, «только въ меньшемъ объемѣ. Представьте себѣ Бюклерсбори, Каннонъ-Стритъ, Темсъ-Стритъ, и получите только слабое понятіе о толкотнѣ въ Руанскихъ улицахъ....» Оригинальность картины еще увеличивается отъ старинныхъ зданій и вообще какого-то характера среднихъ вѣковъ, которымъ запечатлѣнъ Руанъ. Тотъ-же путешественникъ восклицаетъ въ другомъ мѣстѣ: «Я протираю себѣ глаза, и думаю, не во снѣ-ли я вижу все это, когда иду по улицамъ здѣшняго стариннаго города! Право, я готовъ иногда вѣрить, что дѣйствіемъ какого нибудь волшебнаго талисмана, меня вдругъ перенесли къ людямъ и порядку дѣлъ начала шестнадцатаго вѣка: такъ этотъ городъ и все, что принадлежитъ къ нему, необычайно и любопытно!»

Дѣятельная промышленность жителей не мѣшаетъ Руану быть городомъ просвѣщеннымъ и даже ученымъ. Въ немъ есть Музей, богатый превосходными картинами, прекрасный Ботаническій садъ, два театра, Академія наукъ, словесности и изящныхъ искуствъ, Центральное общество земледѣлія, Вольное общество соревнователей (Scciété libre d'émulation), Общество медицинское, Общество фармацевтическое, и еще одно, имѣющее цѣлію споспѣшествовать успѣхамъ торговли и промышленности. Есть также Коммисія для изысканія и описанія древностей. Руанъ мѣсто рожденія Фонтенеля и обоихъ Корнелей. Петру Корнелю воздвигнутъ довольно хорошій памятникъ въ 1830-мъ году; смиренный домикъ его въ улицѣ de la Pie сохраняется тщательно. О происхожденіи имени древней столицы Нормандской, писатели разнорѣчатъ. Отъ чего происходитъ оно? отъ маленькой-ли рѣчки *Робекъ*, называемой по-Латини Rotobecum, или отъ имени идола Rotho, котораго, говорятъ, обожали *Веліокассы?* Какъ-бы ни судили, а Rothomagus былъ очень не значителенъ во время Цезаря, потому что онъ даже не упоминаетъ о немъ въ своихъ Запискахъ; Птоломей едва-ли не первый географъ, который называетъ его. Извѣстно, что Нормандія была отчиною выходцевъ Нормандскихъ, которые завоевали Англію, и потому Англичане все еще почитаютъ Руанъ чѣмъ-то роднымъ себѣ, и съ особенною любовью осматриваютъ и описываютъ старинную область его. Изъ ихъ сочиненій о Нормандіи можно получить едва-ли не больше понятія объ Исторіи этой области, нежели изъ сочиненій самихъ Французовъ, для которыхъ она не значительнѣе другихъ. Они внимательнѣе наблюдаютъ нынѣшнее состояніе ея и любуются тѣмъ, что въ Руанѣ много мануфактуръ и фабрикъ хлопчато-бумажныхъ, шалевыхъ, платковыхъ, карточныхъ, суконныхъ, сахарныхъ, и что тамъ приготовляются удивительные конфекты и восхитительныя облатки

БѢЛОГОЛОВЫЙ ОРЕЛЪ И СОКОЛЪ-РЫБОЛОВЪ.

Близъ величественнаго паденія рѣки Ніагары, обыкновенно называемаго Ніагарскимъ водопадомъ, живутъ *Бѣлоголовые орлы:* тамъ любимое мѣсто ихъ, хотя они могутъ жить подъ всѣми широтами, не боятся ни холода, ни жару, перелетаютъ огромныя пространства безъ устали, и появляются изрѣдка во всѣхъ странахъ. Орелъ съ бѣлою головою имѣетъ всѣ качества обыкновеннаго орла, и отличается только однимъ свойствомъ: онъ страшный охотникъ до рыбы, и потому-то выбираетъ утесистыя скалы надъ рѣками. Но вотъ бѣда: его величіе не умѣетъ ловить рыбы;

онъ долженъ *отымать* ее у другихъ рыболовныхъ птицъ. Онъ взвился подъ облака, прорѣзалъ полетомъ своимъ двѣ-три тучи, поглядѣлъ на солнце, и устремилъ пронзительный взглядъ на землю. Нѣсколько времени онъ наблюдаетъ множество хищныхъ птицъ, летающихъ надъ рѣкой. Тамъ, внизу, шумятъ, свистятъ, волнуются онѣ, каждая за своимъ дѣломъ: кто вылетаетъ изъ разсѣлины скалы, кто ловитъ въ рѣкѣ мѣлкую рыбу, кто расправляетъ крылья для какого нибудь инаго разбоя. Но орелъ спокоенъ. Онъ даже слетѣлъ на превысокое дерево, которое стоитъ на вершинѣ горы, и оттуда наблюдаетъ, спокойно и гордо, что дѣлается внизу, на бѣдной землѣ. Но вдругъ взглядъ его оживился; онъ вытянулъ шею, затрепеталъ крыльями;

всѣ перья его пришли въ движеніе: онъ увидѣлъ *сокола-рыболова*, и остается въ какомъ-то нетерпѣливомъ ожиданіи. Соколъ-рыболовъ, какъ показываетъ самое названіе его, великій мастеръ ловить рыбу, и не мѣлочь какую нибудь, не пискарей, а порядочныхъ рыбъ, которыя послужили-бы украшеніемъ для стола инаго гастронома. Стрѣлою спустился соколъ къ волнамъ рѣки, и онѣ только всплеснулись когда онъ схватилъ когтями рыбу, которая вздумала понѣжиться на поверхности свѣтлыхъ струй. Схвативши свою добычу, соколъ обыкновенно испускаетъ радостный крикъ, и это служитъ для орла сигналомъ къ нападенію. Онъ оставляетъ свое уединенное мѣсто, и какъ молнія низвергается на сокола; но рыболовъ и самъ легокъ и увертливъ: онъ кинулся въ сторону, внизъ, вверхъ; орелъ за нимъ, и вотъ оба они взвились въ воздухъ, описываютъ круги, углы, всѣ возможныя геометрическія фигуры. Воздухъ свиститъ и шипитъ отъ быстраго ихъ лета, и, можетъ быть, соколъ улетѣлъ-бы отъ своего жестокаго преслѣдователя, если-бъ этотъ не имѣлъ гораздо больше его крѣпости и неутомимости. Исчертивши полъ-неба въ бѣгствѣ своемъ, соколъ наконецъ выбивается изъ силъ и роняетъ свою добычу.... Орелъ этого только и ждалъ: онъ оставляетъ преслѣдуемаго, подхватываетъ рыбу, и спокойно летитъ съ нею въ уединеніе, на разбойничій пиръ чужимъ трудомъ.

Борьба орла съ соколомъ зрѣлище очень обыкновенное на берегахъ Ніагары, и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ есть высокіе, утесистые берега. Быстрота, сила и ловкость обоихъ враговъ всегда возбуждаютъ участіе, но наконецъ жаль и досадно видѣть побѣду орла: онъ какъ разбойникъ овладѣваетъ чужимъ добромъ. Замѣчательно, что почти никто не пожалѣетъ при этомъ о бѣдной рыбѣ, которая играетъ такую страдальческую ролю во время битвы птицъ.

УРАЛЬСКІЙ КАЗАКЪ, ВЪ ПРЕЖНЕМЪ СВОЕМЪ ОДѢЯНІИ.

Рѣка Уралъ выходитъ изъ хребта горъ, раздѣляющихъ Россію и Сибирь, Европу и Азію, получаетъ отъ него свое нынѣшнее названіе, течетъ около двухъ тысячь пяти сотъ верстъ на юго-западъ и впадаетъ въ Каспійское море. По правой сторонѣ рѣки, на югъ отъ Бузулукскаго и Оренбургскаго уѣздовъ, до самаго Каспійскаго моря, простирается земля Уральскихъ Казаковъ, нынѣ вѣрныхъ хранителей этой части Россійской границы, а прежде вольныхъ, буйныхъ наѣздниковъ, не умѣвшихъ признавать надъ

собою власти благоустроеннаго Правительства. Въ пятнадцатомъ столѣтіи явились тутъ первые поселенцы, Донскіе Казаки, разъѣзжавшіе по Хвалынскому (нынѣ Каспійскому морю). Извѣстенъ духъ и образъ дѣйствій первоначальныхъ Казаковъ: смѣлые набѣги, вольность, удальство были ихъ жизнію. Весною новые пришельцы пускались по морю, разбойничали до глубокой осени, и при наступленіи морозовъ оставались на берегахъ Яика (нынѣшняго Урала). Сосѣдями ихъ къ востоку были степные Татары, обломки Золотой Орды. Получивъ нѣкоторую осѣдлость на богатыхъ берегахъ Яика, пришлецы стали брать женъ изъ Татарскихъ улусовъ, и наконецъ, сами сдѣлавшись домохозяевами, почувствовали необходимость въ сильномъ покровительствѣ. Они присягнули въ 1613 году Русскому Царю на вѣчное подданство, и зажили славно въ своемъ городкѣ. Но грабежи ихъ, особенно когда объ этомъ дошла жалоба отъ Персидскаго Шаха, вступившагося за своихъ подданныхъ, заставили Царя отправить часть Яицкихъ Казаковъ на войну противъ Поляковъ и Шведовъ, а вмѣсто ихъ послать на Яикъ Стрѣльцовъ, которые тамъ и слились въ одно племя съ Казаками. Стенька Разинъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе у нихъ, но взялъ ихъ городокъ и истребилъ защитниковъ его. Оправившись, Казаки возобновили свои нападенія на степныхъ жителей и Хивинцевъ, и потерпѣли въ этомъ большія неудачи. Такъ жили они, не зная никакихъ письменныхъ законовъ, и повинуясь безпрекословно только Русскому Царю. Петръ Великій началъ вводить между ними систему общаго управленія, но смерть помѣшала ему свершить начатое, хотя Казаки возмутились и противъ первыхъ его мѣръ. Неопредѣленность состоянія ихъ длилась до царствованія Екатерины. Казаки начали горько жаловаться на притѣсненія Канцеляріи, учрежденной у нихъ Правительствомъ. Этихъ жалобъ не разо-

брали, и мятежъ усилился. Началось усмиреніе оружіемъ. Казаки не стали вовсе повиноваться, когда ихъ посылали въ погоню за Калмыками, которые въ числѣ 30,000 кибитокъ вздумали уйти въ Китай. Начальство прибѣгло къ открытой силѣ, но Казаки одержали верхъ въ довольно жестокомъ сраженіи, умертвили Генерала и всѣхъ офицеровъ Русскихъ, вздумали отражать посланныя противъ нихъ новыя войска, и навлекли на себя справедливыя наказанія. Мятежъ былъ усмиренъ; но вскорѣ надлежало ему вспыхнуть съ новою силою, которая привела въ ужасъ полъ-Россіи.

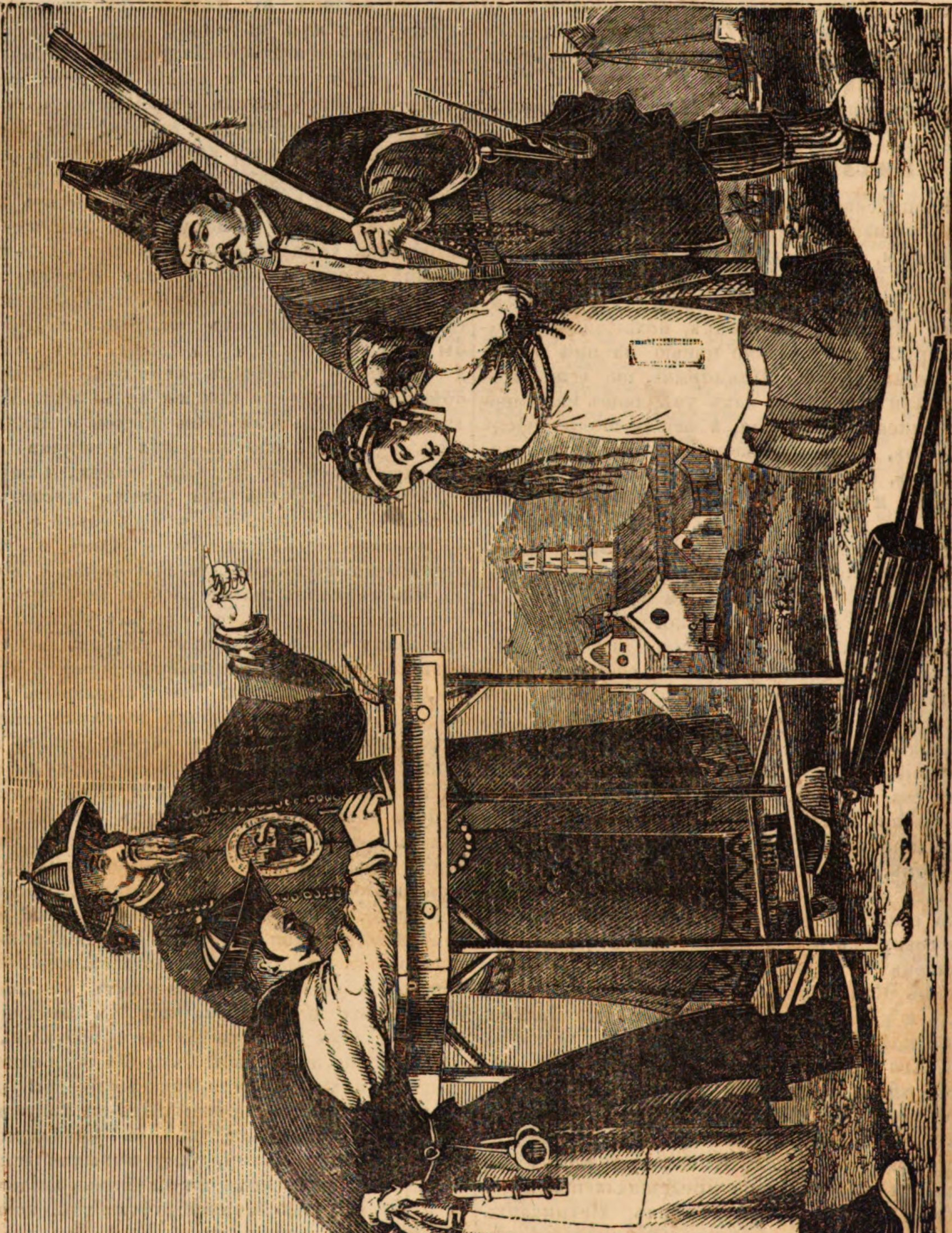
Бѣглый Донской Казакъ Емельянъ Пугачевъ явился посреди Яицкихъ Казаковъ, и обольстилъ ихъ смѣлостью и ловкостью своихъ рѣчей. Самые отчаянные изъ нихъ рѣшились на странное безуміемъ своимъ дѣло: они выдали бѣглаго Казака Императоромъ Петромъ III-мъ, и что еще страннѣе, увлекли этимъ все Яицкое войско въ общій мятежъ. Сначала противъ мужика-самозванца дѣйствовали слабо, презирая его; но вскорѣ увидѣли, что онъ усиливается до невѣроятности. Не только войско, окружные Башкиры, Татары и всякая сволочь, но и цѣлые города сдавались ему, встрѣчали его какъ Царя и умножали его средства! Безумный злодѣй уливалъ свой путь рѣками крови, душегубствовалъ, и — оказывалъ успѣхи. У него было уже регулярное войско, были пушки, и, что всего важнѣе, почти всюду легкая удача. Не смотря на благородное, смѣлое сопротивленіе гарнизона въ нѣкоторыхъ пограничныхъ крѣпостяхъ, Пугачевъ покорилъ ихъ почти всѣ и наконецъ осадилъ Оренбургъ. Въ это-то время Екатерина Великая рѣшилась принять сильныя мѣры, и для исполненія ихъ избрала достойнаго памяти мужа, Александра Ильича Бибикова. Онъ пріѣхалъ въ Казань и нашелъ дѣла въ ужасномъ положеніи. Башкирцы, Калмыки, и другія племена пограничныя, наводили ужасъ. Селенія были пусты, города осаждены или истреблены; чернь вездѣ волновалась и злодѣйствовала. Губерніи Казанская, Нижегородская и Астраханская наполнились шайками разбойниковъ; въ Перми оказывались безпокойства, которыя могли проникнуть и въ Сибирь. Но Бибиковъ принялъ быстрыя мѣры и поправилъ все. Когда сблизились войска, крѣпости и города начали освобождаться. Пугачевъ былъ разбитъ во многихъ сраженіяхъ; но въ это самое время Бибиковъ умеръ. Мятежникъ, всюду принимаемый буйною сволочью, снова воспользовался слабыми распоряженіями противниковъ, ускользнулъ отъ преслѣдованія неутомимаго Михельсона, который шелъ за нимъ по пятамъ, и несчастная, богатая Казань была ограблена и сожжена имъ. Пламя не потухало, но Пугачевъ уже бѣгалъ изъ одного мѣста въ другое. Въ это время на мѣсто Бибикова назначили Графа П. И. Панина. Онъ довершилъ преслѣдованіе преступника, при дѣятельной помощи многихъ военачальниковъ, и особенно Михельсона, который уничтожилъ послѣднія толпы Пугачева, и принудилъ ихъ отдаться... Такъ былъ усмиренъ этотъ кровавый мятежъ, отъ котораго пострадала почти вся восточная часть Велико-Россіи. Когда Пугачевъ и сообщники его были казнены (въ Москвѣ, 10 Января 1775 года), Императрица Екатерина повелѣла навсегда предать забвенію имя Яика, и называть его болѣе приличнымъ именемъ Урала, а Казакамъ тамошнимъ именоваться Уральскими. Вскорѣ зажили раны, произведенныя буйною толпою въ благословенномъ краю Уральскомъ. Заботы Правительства о порядкѣ и устройствѣ храбраго тамошняго войска принесли желаемый плодъ. Въ 1812-мъ году, Уральцы кровію запечатлѣли вѣрность свою къ Русскому Царю, и полки ихъ возвратились увѣнчанные побѣдой. Съ тѣхъ поръ мы видимъ ихъ черезъ каждые два или три года въ Москвѣ, куда приходитъ полкъ Уральскихъ и Оренбургскихъ Казаковъ, поочередно, для исправленія полицейской службы. Нынѣшняя форма одежды ихъ отлична отъ той, какая изображена здѣсь на картинкѣ. Это форма прежняя; въ ней Уральцы были во время войны 1812 года. Теперь они одѣты совершенно такъ-же какъ всѣ Казаки, и отличаются только голубыми лампасами на шараварахъ, и голубыми кистями на груди. Въ Гвардіи есть особенная *Уральская сотня.*

Главный промыселъ жителей земли войска Уральскаго составляетъ богатая рыбная ловля въ ихъ роскошной рѣкѣ. Земли подъ поселеніями находится 1870 десятинъ; пашенной, сѣнокосной и степной 1,460,124 д.; лѣсу строеваго и дровянаго 16,785 д., и неудобной земли 3,457,493 д. Жителей считается податнаго состоянія, помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей 548 душъ, и неподатнаго состоянія или Казаковъ 14,749 душъ. Городъ Уральскъ, основанный при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, находится подъ 54°11′ и 23′ сѣв. широты и 73° 29′ и 14′ долготы, въ разстояніи отъ Москвы 1551, отъ Петербурга 2250, отъ Оренбурга 269 верстъ, при рѣкѣ Уралѣ, на правой сторонѣ его, при впаденіи съ лѣвой стороны рѣчки Большаго Чагана. Онъ принадлежитъ Уральскому Казачьему войску, которымъ главнѣйше и населенъ. Въ немъ Войсковая Канцелярія, Училище, 5 каменныхъ церквей, и до

2500 обывательскихъ домовъ; жителей до 5000 чел. муж. пола. (См. *Топографическое и статистическое описаніе Оренбургской губерніи въ нынѣшнемъ ея состояніи.* Соч. Тайнаго Совѣтника І. Дебу. М. 1837 года).

КИТАЙСКОЕ ПРАВОСУДІЕ.

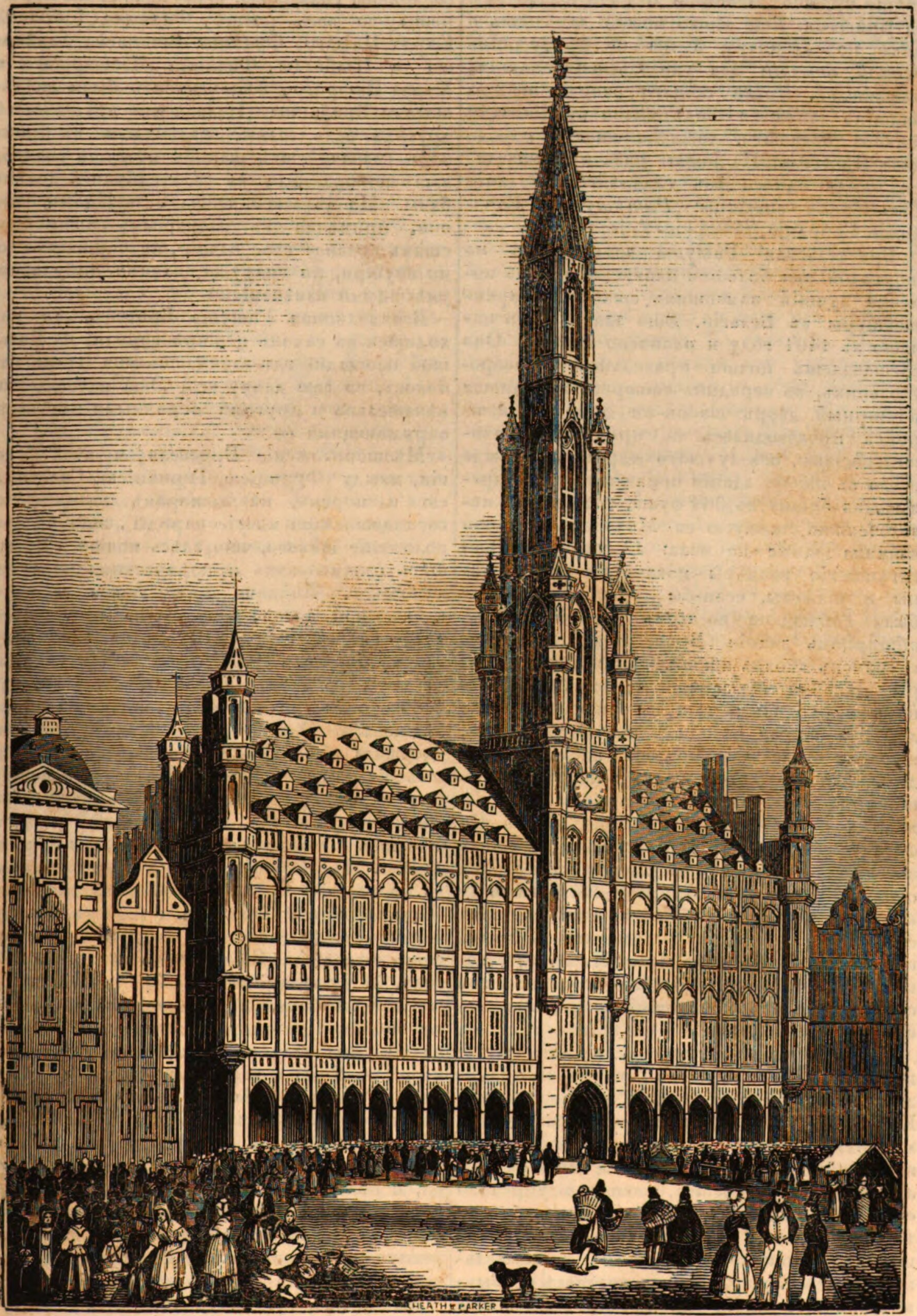
Китайское правосудіе!... Да не подумаютъ читатели, что это шутка съ нашей стороны, или игра словъ. Нѣтъ, мы въ самомъ дѣлѣ должны говорить здѣсь о Китайскомъ правосудіи. Видите-ли этого почтеннаго старичка, въ шапкѣ, похожей на шляпку гриба, съ длинною цѣпью на шеѣ и еще съ медалью? Это *Мандаринъ*, то есть Китайскій вельможа, какъ увѣряютъ насъ многіе описатели Китая; а между тѣмъ отецъ Іакинѳъ, который знаетъ Китай не по описаніямъ, смѣется и говоритъ, что о Мандаринахъ и не слыхивали въ Небесной Имперіи, что это даже слово не Китайское, а Португальское, и что Португальцы перевели имъ какой-то Китайскій терминъ, можетъ быть близкій къ нашему слову судья. Но что-же намъ дѣлать, когда мы выучили только семь сотъ девяносто одну букву Китайскаго алфавита, и намъ еще остается узнать двадцать шесть тысячь семь сотъ тридцать семь буквъ, да почти столько же знаковъ, да вдвое иноначеній, фигуръ, словоизвитій, и проч? Когда выучимъ все это, мы станемъ читать Китайскія книги и представлять самыя достовѣрныя свѣдѣнія о Мандаринахъ, Бонзахъ, Конфуціи и обо всемъ другомъ, что по новымъ изысканіямъ оказывается выдумкою, или не похожимъ на то, что есть въ самомъ дѣлѣ. Покуда, надобноже говорить о Китаѣ по описаніямъ Хинезистовъ и путешественниковъ.... Вотъ этотъ Мандаринъ, напримѣръ: онъ творитъ судъ и расправу надъ какою-то женщиною, виновною и приведенною передъ грозныя очи Его Чести. Мы видимъ тутъ всѣ аттрибуты правосудія: и жертву на колѣняхъ, и палку поднятую надъ нею, и даже секретаря, который записываетъ мудрый приговоръ. Одинъ знатокъ Китая увѣрялъ насъ, что вся эта картина представляетъ извѣстный во всѣхъ обществахъ Пекинскихъ анекдотъ. Но прежде надобно сказать нѣсколько словъ о понятіяхъ Китайцевъ касательно правоты и виновности.... У нихъ есть престранный обычай или законъ: Кто украдетъ много, тому не только прощается вина, но и отдается вся честь, какъ умному и богатому человѣку, и онъ долженъ только заплатить пошлину судьямъ, за приговоръ въ этомъ смыслѣ. Кто украдетъ мало, но умѣетъ скрыть слѣды покражи, или, какъ говорится въ Китайской пословицѣ: *опустить концы въ воду*, тотъ освобождается отъ всякаго изслѣдованія. Наконецъ кто украдетъ мало и дастъ поймать себя въ этомъ, того бьютъ нещадно, какъ вора и дурака. Престранный законъ! Но такъ ужь заведено у нихъ, кажется, тысячь двѣсти лѣтъ (NB. извѣстно, что у Китайцевъ лѣтосчисленіе ведется сотнями тысячь годовъ). Женщина, которую вы видите на картинкѣ, украла зонтикъ (смотр. тамъ-же); зонтикъ принадлежалъ самому почтенному Мандарину, и когда ее привели передъ этого грознаго судью, онъ потребовалъ, чтобы она призналась въ своей винѣ. «Да! я виновна!» отвѣчала женщина. «Однако обѣщаю впередъ не красть по мѣлочи. Тогда не станутъ меня бить палкой.» Мандаринъ удивился, что простая женщина постигаетъ глубину мудраго закона, и спросилъ у нея: «Развѣ она знаетъ нѣсколько буквъ, что судитъ такъ правильно о дѣятельности человѣческой?» — Нѣтъ, я сужу просто по внушенію смысла и опыта.» Мандаринъ получилъ такое высокое понятіе объ умѣ этой женщины, что велѣлъ уменьшить вполовину число палочныхъ ударовъ. — Таковъ подлинный Китайскій анекдотъ. Справедливъ-ли онъ, мы не отвѣчаемъ за это. Свѣдѣнія о Китаѣ противорѣчатъ одно другому: это ужь вѣрнѣе всякаго закона. Спросите у одного, путешественника, бывшаго въ Китаѣ, или хоть у когонибудь изъ нашихъ торговцевъ на Кяхтѣ: они въ восхищеніи отъ Китайскаго правосудія, отъ мудрыхъ приговоровъ судей, и отъ скорости въ исполненіи ихъ. Спросите у другаго, прочитайте замѣчанія какого-нибудь Англичанина, жившаго въ Кантонѣ или Макао, онъ станетъ увѣрять васъ, что нѣтъ ничего безтолковѣе Китайскихъ законовъ, Китайскаго правосудія; что въ Небесной Имперіи даже нѣтъ никакого правосудія, а законы существуютъ только для воли исполнителей ихъ.... Согласить этого мы нисколько не умѣемъ, почти такъ-же какъ душистаго Китайскаго чаю съ уродливыми Китайскими ножками, драгоцѣнныхъ тканей и вещицъ Китайскихъ на каминахъ нашихъ, съ премудростью Китайской азбуки, которой учатся десятки лѣтъ. Китайцы прежде всѣхъ народовъ изобрѣли порохъ, стекло, компасъ, но до сихъ поръ не умѣютъ стрѣлять изъ пушекъ, вставляютъ въ окна рѣшеточки вмѣсто стеколъ, и плаваютъ только около своихъ береговъ, на утлыхъ *джонкахъ*. Это земля противорѣчій, по крайней мѣрѣ судя по всѣмъ извѣстіямъ, какія доходятъ къ намъ въ Европу. Хинезисты наши, бывшіе въ Пекинѣ, единственные писатели,

которымъ можно вѣрить въ разсказахъ о Китаѣ. Отъ нихъ должны мы ждать свѣдѣній точныхъ, основательныхъ. Они дадутъ намъ средства разсуждать хоть-бы о Китайскомъ правосудіи.

———

БРИССЕЛЬСКАЯ РАТУША.

Мы уже имѣли случай, при описаніи церкви св. Гудулы (Ж. О. Т. I, стр. 311-я), обозрѣть кратко Исторію Бельгіи и столицы ея Брисселя. Еще много можно замѣтить о нихъ любопытнаго; а мы не пропустимъ *вѣрной оккaзіи* для удовольствія нашихъ читателей. Послѣ общаго очерка, теперь надобно заняться отдѣльными предметами такого богатаго, достопамятнаго города какъ Бриссель. На этотъ разъ представляемъ видъ одного изъ славнѣйшихъ зданій Бельгійской столицы: *Ратушу* или Городовое Собраніе (Hôtel-de-Ville).

Брисселъская Ратуша воздвигнута на торговой или большой площади, и есть конечно лучшій памятникъ старинной архитектуры въ Бельгіи. Это зданіе было начато въ 1401 году и окончено въ 1442. Оно составляетъ почти правильный четвероугольникъ, въ серединѣ котораго находится обширный дворъ такой-же формы. Постройка производилась съ примѣрною рачительностью, изъ лучшаго кирпича. Прежде всего въ этомъ зданіи поражаетъ глаза превысокая башня въ 364 фута, увѣнчанная позолоченною статуею св. Михаила, которой вышина также не мала: 17 футовъ. Эти гигантскіе размѣры показались-бы странны и тяжелы, если-бы соразмѣрность не была соблюдена во всемъ другомъ; но въ обширномъ зданіи Брисселъской Ратуши сохраненъ вполнѣ этотъ законъ архитектуры. Надобно еще замѣтить, что башня теперь приходится не надъ самою срединою дома, а ближе къ одной изъ сторонъ его, которая была возобновлена послѣ бомбардированія въ 1695-мъ году, и не въ такомъ обширномъ размѣрѣ какъ прежде. Это однакожь не вредитъ характеру цѣлаго. По фасаду видите вы девятнадцать окошекъ въ каждомъ этажѣ, и сверхъ того два окошка въ башнѣ. Промежутки богато украшены лѣпною работою, а въ нишахъ стояли прежде статуи знаменитыхъ людей и владѣтелей Нидерландовъ. На кровлѣ, покрытой аспидными досками, восемьдесятъ слуховыхъ оконъ. По всѣмъ четыремъ угламъ осміугольныя башни.

Осмотрѣвши наружность зданія, заглянемъ и во внутренность его. Она сохранила всѣ тѣ украшенія, какія были здѣсь при Карлѣ V-мъ, когда этотъ могущественный монархъ, наскучивши безпрерывными неудовольствіями и затрудненіями отъ Католическаго духовенства, которое упрекало его въ излишней терпимости, отказался, въ 1555 году, отъ обладанія полу-міромъ, въ пользу фанатика Филиппа II-го. Удивительный примѣръ утомленія въ человѣкѣ необыкновенномъ!... Залы, гдѣ прежде помѣщалась вторая Палата Генеральныхъ Штатовъ, а теперь помѣщается Городовое Правленіе, соединены галлереею: тамъ находятся портреты, во весь ростъ, Филиппа Добраго, Карла Пятаго, Филиппа Втораго, Альберта и Изабеллы, Филиппа Четвертаго и Карла Втораго, которые всѣ были владѣтелями Брабанта. Назначеніе нѣкоторыхъ другихъ залъ также измѣнилось: въ прежнемъ казначействѣ теперь пишутъ свадебные контракты; въ залѣ собраній даютъ балы. Но дѣлаетъ честь Бельгійцамъ, что они, примѣняя къ насущнымъ потребностямъ древнее свое зданіе, не портятъ его, ни внутри, ни снаружи, какими нибудь неумѣстными измѣненіями.

Великолѣпная Ратуша Брисселъская находится въ самомъ центрѣ города, на Большой площади, гдѣ занимаетъ она одинъ изъ боковъ, во всю длину его. Эта площадь замѣчательна и другими огромными зданіями, окружающими ее.

Мѣстоположеніе Брисселя, и всей Бельгіи, между Франціею, Германіею, Голландіею и моремъ, на которомъ попеременно господствовали многіе народы, это мѣстоположеніе таково, что здѣсь почти каждый шагъ ознаменованъ историческимъ воспоминаніемъ.... Пойдемъ прогуляться по этой прекрасной аллеѣ, которая называется *Зеленою* (L'Allée Verte). Здѣсь, въ 1746 году, когда Маршалъ Саксонскій взялъ городъ, солдаты его начали было рубить деревья; а побѣжденные не могутъ останавливать побѣдителей. Однако нашлась сила, которая удержала буйный порывъ солдатъ: Брисселъскія дамы послали къ Маршалу просьбу, защитить прекрасныя ихъ деревья отъ истребленія, и онъ, какъ вѣжливый рыцарь, тотчасъ исполнилъ просьбу мирныхъ гражданокъ. Надобно знать, что Зеленая Аллея, въ нѣсколько верстъ длиною, обсажена четырьмя рядами липовыхъ деревьевъ, изъ которыхъ иные посажены еще въ семнадцатомъ столѣтіи. По этой-то аллеѣ, въ 1803 году, 21 Іюля, проходилъ Консулъ Бонапарте, предшествуемый двѣнадцатью тысячами войска. При входѣ въ нее была построена тріумфальная арка, подобная Веспасіановой въ Римѣ и украшенная изображеніемъ побѣдъ Наполеоновыхъ въ Италіи. Черезъ эту-же аллею въѣзжалъ въ Бриссель, въ 1815 году, Король Нидерландовъ, привѣтствуемый радостными восклицаніями народа, и вскорѣ потомъ Герцогъ Веллингтонъ вмѣстѣ съ Брауншвейгскимъ Герцогомъ, когда они шли на защиту Европы отъ воскреснувшаго великана.... Повторяемъ, здѣсь воспоминанія на всякомъ шагу.

АНГЛІЙСКІЕ ПАРЛАМЕНТЫ.

Чтобы понять значеніе Парламентовъ въ Англіи, надобно взглянуть, или припомнить, какія историческія событія были причиной ихъ установленія ?

Первые извѣстные Исторіи обитатели Англіи, Бретоны, по происхожденію Цельтическій народъ, защищались довольно успѣшно противъ Цезаря, но не могли противиться Агриколѣ, когда онъ явился съ многочисленною арміею. Тогда Римляне сдѣлались повелителями Британіи, и остались на военной ногѣ, по причинѣ безпрестанныхъ непріятельскихъ дѣйствій съ Пиктами или жителями Шотландіи. Они основали колоніи, устроили города, но не могли ввести тамъ образованности, и туземцы не перестали быть полу-варварами. Когда пала Римская Имперія, островъ Британія былъ предоставленъ собственнымъ его силамъ; но уже Бретоны до такой степени привыкли къ подданству, что для защиты отъ горныхъ Шотландцевъ покорились новымъ завоевателямъ, Саксонамъ. За этими явились Англы, и скоро все народонаселеніе сдѣлалось смѣсью народовъ побѣдителей съ побѣжденными.

Англо-Саксоны уже имѣли нѣкоторое понятіе о правахъ, и не безусловно покорялись вождямъ своимъ, ограниченнымъ вѣковыми обычаями. Они собирались общинами для рѣшенія важныхъ дѣлъ или для дѣлежа добычи; старѣйшины были судьями ихъ въ дѣлахъ уголовныхъ. Отсюда происхожденіе суда присяжныхъ въ Англіи. Англо-Саксоны вскорѣ приняли Христіанство и нравы ихъ укротились. Между властителями ихъ достопамятенъ Альфредъ, великій человѣкъ для своего времени: онъ озарилъ нѣкоторымъ блескомъ свое властвованіе.

Между тѣмъ Англо-Саксоны съ трудомъ защищали свои завоеванія отъ другаго сѣвернаго народа, Датчанъ, которые смѣло вышли на берега Британіи и въ продолженіе двухъ вѣковъ удерживались тамъ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Эти Датчане любили свободу такъ-же какъ Англо-Саксоны, и не смотря на свои разбойничества и опустошенія, имѣли довольно приличные для нихъ уставы. Одинъ изъ ихъ повелителей, Канутъ, царствовалъ въ Англіи; но послѣ него опять Англо-Саксонскіе Князья заняли тронъ, и первый изъ этихъ, Эдуардъ, названный Исповѣдникомъ, далъ Англичанамъ уставъ, списанный съ Датскихъ и Саксонскихъ законовъ. Эдуардъ не оставилъ потомства, и мѣсто его занялъ Гаральдъ, Графъ Вестъ-Сексскій. Вильгельмъ, Герцогъ Нормандскій, оспоривалъ у него тронъ, не столько опираясь на права, сколько на свое мужество и преданную армію. Онъ сдѣлалъ въ Англію высадку, со своими рыцарями и воинами, и Гаральдъ былъ убитъ въ славной Гастингсской битвѣ, 14 Октября 1066 года. Сдѣлавшись царемъ по праву сильнаго, Вильгельмъ раздѣлилъ земли Англо-Саксоновъ между своими сотрудниками, отдалъ значительную часть духовенству, и чтобы въ большемъ покорствѣ держать туземцевъ, сдѣлалъ ихъ рабами своихъ намѣстниковъ и прелатовъ. Народъ Британскій и Англо-Саксонскій испыталъ одинакую участь почти со всѣми народами Европы: онъ потерялъ всѣ свои права и несъ иго аристократіи и духовенства. Къ счастію, наслѣдники Вильгельма поняли или увидѣли изъ обстоятельствъ, что не надобно доводить до отчаянія народъ, у котораго они отняли землю и личную свободу. Ему начали мало по малу возвращать бѣдныя его права, хотя Бароны и Прелаты упрямились, не думая что въ войнахъ Королей Англійскихъ съ Французскими необходимъ этотъ угнетаемый народъ. Короли увидѣли, что также необходимо было смирять гордость аристократовъ. При Генрихѣ I-мъ смягчены жестокіе законы о лѣсахъ; при Генрихѣ II-мъ введенъ судъ присяжныхъ. При Іоаннѣ, братѣ Ричарда Львинаго Сердца, была написана знаменитая *большая хартія* (charta magna), еще больше распространенная при сынѣ его и наслѣдникѣ Генрихѣ III-мъ (въ 1224 году). Послѣднее утвержденіе ея было въ 1300 году, при Эдуардѣ I-мъ. Эдуардъ III-й сдѣлалъ ее общимъ закономъ. Эта хартія, безъ сомнѣнія, есть важнѣйшій памятникъ законодательства Англіи въ средніе вѣка. Въ ней опредѣлены права каждаго, и назначены сословія, которыя избираютъ такъ называемые Парламенты Верхній и Нижній. Составъ ихъ увидимъ мы дальше, но замѣтимъ, что при смѣшеніи властей и владѣльцевъ, необходимъ былъ такой образъ правленія, въ которомъ участвовали-бы всѣ части Государства. Послѣ этого народъ зналъ съ чѣмъ должно было ему соображаться, и святость хартіи уважалась до такой степени, что Ричардъ II-й лишился трона за нарушеніе ея. За тѣмъ настала кровавая распря Домовъ Іоркскаго и Ланкастерскаго, которые спорили за наслѣдованіе престоломъ и властвовали въ одно время. Наконецъ междоусобіе было прекращено въ 1485 году, бракомъ Генриха VII, изъ Ланкастерскаго Дома, съ Елисаветою изъ Дома Іоркскаго. Царствованіе Тудоровъ ознаменовалось счастливыми событіями: Генрихъ VIII,

спачала ревностный защитникъ Католицизма противъ Лютера, сбросилъ иго Папы, когда этотъ не утвердилъ развода Короля Англійскаго съ его женою. Но религіозная реформа, произведенная личною страстью, не утвердилась-бы въ Англіи, если-бы народъ уже не былъ приготовленъ къ ней утѣсненіями Католическаго духовенства. Онъ принялъ ее не только съ жаромъ, но и съ фанатизмомъ, слѣды котораго не истребились донынѣ. Гоненія религіозныя и нетерпимость ознаменовали царствованіе Маріи, и отчасти Елисаветы, Государыни мудрой и бывшей совершенно по сердцу народа. Съ нею прекратился царственный Домъ Тудоровъ, и мѣсто его занялъ ближай-

шій по родству, Шотландскій Домъ Стюартовъ. Такъ соединились раздѣленныя до этого времени Королевства Шотландское и Англійское, составляющія нынѣ Великобританію. Царствованіе Стюартовъ было несчастливо; нѣсколько времени господствовало надъ Великобританіею республиканское правленіе (при Кромвелѣ); наконецъ, когда избранный самимъ народомъ Вильгельмъ Оранскій утвержденъ былъ Королемъ, вмѣстѣ съ супругою его Маріею, Парламентъ возстановилъ древнюю конституцію, и она поддерживается до сихъ поръ, безпрерывно совершенствуемая временемъ и обстоятельствами.

Такимъ образомъ, Англійское государственное управленіе не изобрѣтено кѣмъ нибудь для личной пользы, не задумано пылкимъ воображеніемъ какихъ нибудь легкомысленныхъ юношей или эгоистовъ, а составилось вѣками, постепенно, утверждалось опытомъ, и пріобрѣло незыблемую прочность отъ того только, что оно совершенно сообразно съ потребностями, съ Исторіею Англіи, и сдѣлалось, такъ сказать, вѣрою всего народа.

Мы видѣли, что начало Парламентовъ относится еще къ Англо-Саксонскому періоду, хотя они получили нѣкоторую опредѣленную форму уже во время Норманновъ, по введеніи ленной системы, когда непосредственные вассалы Короля собирались при Дворѣ его три раза въ годъ, а именно въ Рождество, на Пасхѣ, и въ Троицынъ день.

При Генрихѣ III-мъ, похититель Симонъ Монфортскій, Графъ Лейстеръ, прибѣгнулъ также къ народному собранію (въ 1265 году), созвавши по два депутата отъ дворянства (или рыцарства) каждаго Графства, и по два отъ общинъ каждаго города и мѣстечка (cities и boroughs). Если это было и нововведеніе, то Генрихъ самъ утвердилъ его, когда послѣ битвы при Эвесгамѣ снова принялъ бразды правленія. Депутаты сбирались всѣ вмѣстѣ, и только въ особенныхъ случаяхъ каждое сословіе имѣло отдѣльныя засѣданія. Сословій было три: Духовенство, Дворянство или Бароны, и простолюдины; всѣ рѣшенія ихъ, даже отдѣльныя, подносились Королю отъ общаго собранія. Не прежде

де какъ при Эдуардѣ III-мъ (1327 — 77) раздѣлились они на двѣ Палаты, въ которыхъ духовенство и знатнѣйшее дворянство составили одинъ, а рыцари и города другой Парламентъ. Сначала не всѣ Перы, а только назначенные самимъ Королемъ, имѣли право засѣдать въ Парламентѣ; но мало по малу достоинство Пера и члена Верхней Палаты сдѣлалось нераздѣльно и однозначительно. Впрочемъ, у Короля осталось право умножать число Перовъ по собственной его волѣ, хотя онъ и не можетъ отнять даннаго имъ Перства. При Георгѣ I-мъ въ Палатѣ Лордовъ былъ представленъ билль, объ ограниченіи Королевскаго права назначать Перовъ, но Нижній Парламентъ не согласился на эту мѣру, зная, что со временемъ она обратилась-бы противъ него. Ни одинъ Король не пользовался этимъ правомъ такъ разнообразно какъ Георгъ III-й. Съ 1760 по 1820-й было пожаловано: 2 Герцога, 16 Маркизовъ, 47 Графовъ, 17 Виконтовъ и 106 Бароновъ, только въ одной Англіи, не считая розданныхъ въ Шотландіи и Ирландіи титуловъ. Къ концу его царствованія (въ Февралѣ 1820) число Англійскихъ членовъ Верхней Палаты умножилось до 291-го. При Іаковѣ 1-мъ было ихъ 106, а въ 1673 году 154. Отъ присоединенія Шотландіи и Ирландіи, это число увеличилось еще 16-ю Шотландскими и 28-ю Ирландскими членами, да 4-мя Ирландскими Епископами, такъ что весь Верхній Парламентъ, съ 2-мя Англійскими Архіепископами и 22-мя Епископами, состоялъ въ 1820-мъ году изъ 363 Лордовъ (въ томъ чи-

слѣ 28 духовныхъ); а съ католическими Перами (по закону 1829 года) число ихъ доходитъ до 400. Въ 1836 году было въ Верхней Палатѣ всего 429 членовъ, раздѣляющихся слѣдующимъ образомъ: Англійскихъ наслѣдственныхъ Перовъ 343; Шотландскихъ, избираемыхъ для каждаго засѣданія, 16; пожизненныхъ Перовъ Ирландскихъ 28; Духовныхъ Англиканскаго исповѣданія 30. Къ нимъ присоединяются еще 12 Лордовъ-судей, имѣющихъ только совѣщательный голосъ.

Нижній Парламентъ или Нижняя Палата (House of commons) состоитъ нынѣ изъ 658 членовъ. Распредѣленіе городовъ и мѣстъ, которые избираютъ депутатовъ, было предметомъ продолжительныхъ и жаркихъ споровъ, еще въ недавнее время. Въ 1832 году сдѣлано преобразованіе, и нѣкоторые недостатки и злоупотребленія въ этомъ исправлены, хотя все еще осталось многое до новаго исправленія. Нынѣ засѣдаетъ въ Палатѣ слѣдующее число представителей: Англійскихъ собственно, 471; Валлисскаго Княжества 29; Шотландіи 53; Ирландіи 105; всего 658. Въ Верхней Палатѣ предсѣдательствуетъ Лордъ Канцлеръ; въ Нижней такъ называемый Ораторъ (The Speaker).

Не входя въ исчисленіе всѣхъ предметовъ, какими занимаются въ обоихъ этихъ законодательныхъ собраніяхъ, скажемъ вообще, что они, такъ сказать, повѣряютъ дѣйствія Министровъ (ибо Король въ Англіи, по коренному закону, непогрѣшителенъ: the King can do no wrong); они также распредѣляютъ налоги, утверждаютъ бюджетъ, и дополняютъ, исправляютъ и издаютъ новые законы, или отмѣняютъ устарѣвшіе. Кругъ дѣйствій обширный!

Двѣ прилагаемыя здѣсь картинки изображаютъ засѣданія обѣихъ Палатъ, Нижней и Верхней. Въ Нижнемъ Парламентѣ всѣ члены, кромѣ Президента, являются къ должности въ обыкновенномъ, общемъ костюмѣ, въ сертукахъ и фракахъ. Члены Верхняго Парламента имѣютъ особенный костюмъ: это плащъ, или родъ рясы изъ алаго сукна, подбитой бѣлымъ атласомъ. Достоинства ихъ означаются опредѣленнымъ числомъ нашивокъ золотаго галуна и горностаеваго или какого нибудь бѣлаго мѣха на правой сторонѣ груди и на плечѣ. Впрочемъ, этотъ нарядъ бываетъ необходимъ только во время присутствія Короля; его надѣваютъ также члены приносящіе утвержденный Королемъ законъ, или участвующіе въ церемоніи принятія новаго Пера.

Публичныя засѣданія начинаются обыкновенно въ четыре часа по полудни, но предварительныя занятія, перекличка, и проч., гораздо раньше. Прежде нежели приступаютъ къ дѣламъ, одинъ изъ Епископовъ читаетъ обычную молитву, и двери при этомъ остаются запертыми. Утвержденіе биллей зависитъ отъ Короля, и рѣшеніе его обыкновенно объявляется на старомъ Французскомъ языкѣ, по преданію отъ Нормандскихъ владѣльцевъ. Приводимъ здѣсь различныя формы этого объявленія. Для частнаго билля возглашается: Soit fait comme il est désiré (да будетъ по желанію); для общественнаго билля: Le Roi le veut (Король желаетъ этого); билль утвержденнаго Парламентомъ бюджета вызываетъ фразу благосклонную, и больше продолжительную: Le Roi remercie ses bons sujets, accepte leur benevolence, et ainsi le veut (Король благодаритъ своихъ добрыхъ подданныхъ, соглашается на ихъ приношеніе, и тако да будетъ). Несоглашеніе, котораго впрочемъ не бываетъ почти никогда, объявляется вѣжливыми словами: Le Roi s'avisera (Король приметъ въ разсмотрѣніе). Всѣ этѣ объявленія происходятъ въ Верхнемъ Парламентѣ, хотя важнѣйшіе вопросы, и особенно назначеніе суммъ прихода и расхода, бюджетъ, принадлежность Нижняго Парламента. Порядокъ производства дѣлъ одинаковъ въ обѣихъ Палатахъ, съ нѣкоторыми частными отмѣнами.

Засѣданія Парламентовъ происходятъ въ старинномъ зданіи бывшаго Вестминстерскаго Дворца. Прежнее помѣщеніе ихъ, которое занимали они со временъ Генриха VI, сгорѣло въ Октябрѣ 1834 года, и еще не отстроено вновь. Теперь помѣщаются они въ отдѣланныхъ наскоро залахъ уцѣлѣвшей части того-же дворца. Вотъ нѣсколько строкъ Русскаго путешественника, Н. И. Греча, который былъ въ обѣихъ Англійскихъ Палатахъ мѣсяца два назадъ (въ Іюнѣ 1837 года): «Зала Нижняго Парламента четвероугольная, продолговатая, и получаетъ свѣтъ сверху, чрезъ окна, устроенныя въ боковыхъ откосахъ потолка. Прямо противъ входа, мѣсто президента или Оратора, большія кресла въ отдѣльной деревянной нишѣ съ деревяннымъ-же балдахиномъ. Предъ ними столъ, на которомъ лежитъ позолоченный скипетръ, символъ законодательной власти. Остальная часть стола загромождена бумагами. По обѣимъ продольнымъ стѣнамъ залы идутъ въ четыре ряда скамьи для членовъ, простыя, деревянныя, съ жесткими кожаными подушками и деревянными же спинками. Насупротивъ президентскаго мѣста, спиною ко входу, расположены амфитеатромъ нѣсколько такихъ же скамей, для почетныхъ посѣтителей. Посреди ихъ коридоръ. Сверхъ того, вдоль стѣнъ идутъ три галлереи:

продольныя для членовъ Верхней Палаты; средняя, надъ входомъ, для публики. Журналисты и скорописцы помѣщаются въ особой трибунѣ. По наступленіи вечера, зала освѣщается десятью огромными люстрами. Весь полъ покрытъ тонкими, мягкими рогожами, такъ что не слышно шаговъ; въ противномъ случаѣ, отъ безпрерывной бѣготни, не льзя-бъ было ничего разслушать. — Верхняя Палата убрана покрасивѣе. Стѣны покрыты красными шпалерами; двери обиты краснымъ сукномъ. Скамьи удобнѣе и мягче. Президентъ сидитъ на простомъ диванѣ, называемомъ шерстянымъ мѣшкомъ, потому что онъ въ самомъ дѣлѣ обитъ шерстью. Въ этой залѣ нѣтъ боковыхъ галлерей; есть одна небольшая, для публики, и еще трибуна для Перовъ-недорослей. Позади президентскаго мѣста возвышается королевскій тронъ, подъ малиновымъ балдахиномъ, шитымъ золотомъ. Передняя часть залы отдѣлена перилами, за которыми становятся члены Нижней Палаты, при открытіи-ли Парламента Королемъ, или при какомъ либо другомъ случаѣ.»

ПОСЛѢДНІЕ СТИХИ ДЕРЖАВИНА.

Рѣка временъ, въ своемъ теченьи,
Уноситъ всѣ дѣла людей,
И топитъ въ пропасти забвенья
Дѣянья, царства и царей;
А если что и остается,
Чрезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется
И общей не уйдетъ судьбы.

(Написаны имъ за нѣсколько минутъ передъ смертью, на аспидной доскѣ).

ПОМЕРАНЦЕВОЕ ДЕРЕВО.

Семейство померанцевыхъ деревьевъ очень многочисленно. Лимонъ, собственно такъ называемый, цитронъ, померанецъ, апельсинъ и многіе другіе роды, принадлежатъ къ одному семейству, но виды ихъ различны. Трудно даже назначить, особенно теперь, когда искуство умножило естественныя породы, которое изъ этихъ деревъ было родоначальникомъ другихъ? Нѣтъ сомнѣнія по крайней мѣрѣ въ томъ, что отечествомъ лимона и померанца были южныя страны Восточной Азіи, Китай или Индія. Оттуда благоухающія деревья распространились по всей южной Азіи, по островамъ Океана, въ Америку, въ Африку и южную Европу. Лучшій признакъ благословеннаго климата, лимонное или померанцевое дерево, извѣстное намъ только по тепличнымъ недорослямъ, высится цѣлыми лѣсами въ Испаніи, южной Франціи и почти во всей южной Европѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мы не имѣемъ понятія, что значитъ дерево померанцевое или лимонное. У насъ они бываютъ рѣдко выше человѣческаго роста; блѣдныя, тощія выходятъ встрѣчать невѣрные лучи Майскаго солнца, и скрываются въ Сентябрѣ опять въ свою темницу, гдѣ печь замѣняетъ для нихъ живительную силу небеснаго огня. Въ Испаніи, напротивъ, лимонныя и померанцевыя деревья наполняютъ сады, не требуютъ почти никакого ухода, и даютъ хозяину своему сочные плоды и густую тѣнь, гдѣ воздухъ напоенъ благоуханіемъ. Особенно старыя померанцевыя деревья — благодѣяніе, краса и гордость южныхъ садовъ! Въ Римѣ, въ монастырѣ Св. Сабины, есть померанцевое дерево, тридцати одного фута въ вышину, которому, какъ говорятъ, около 600 лѣтъ; въ Ниццѣ еще въ 1789 году существовало такое-же дерево, пятидесяти футовъ въ вышину, и столь толстое, что едва могли охватить его два человѣка. Оно приносило ежегодно отъ 5000 до 6000 плодовъ. Толщина этихъ деревьевъ зависитъ особенно отъ лѣтъ.

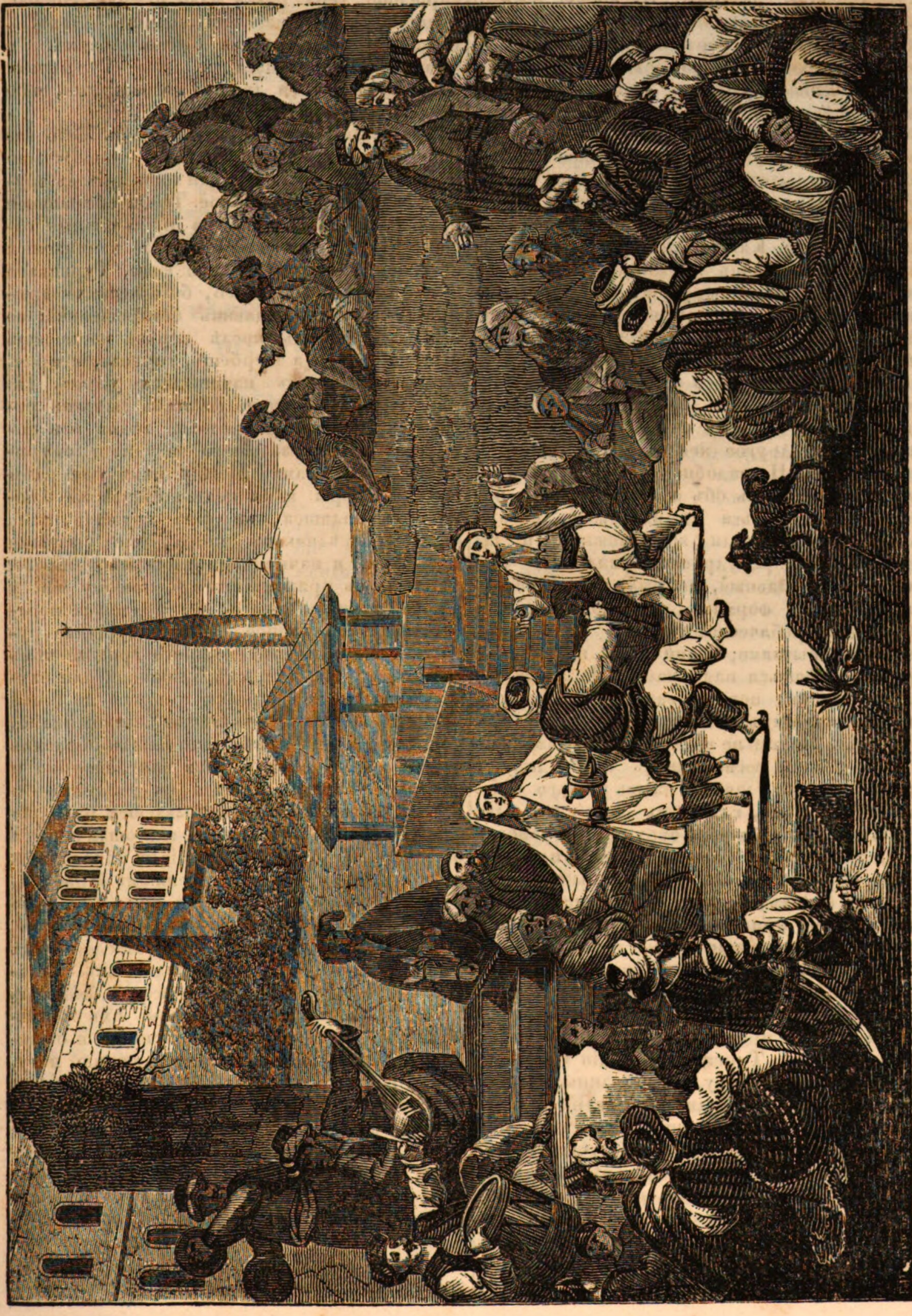
Померанцы и апельсины различаются въ Англійской торговлѣ именами Seville oranges и China oranges (Севильскіе и Китайскіе померанцы); Французы называютъ первые просто *померанцами*, другіе *сладкими померанцами* (oranges douces). Лучшіе родятся въ Португаліи, Испаніи, Франціи, Италіи и Греціи. Въ первыхъ двухъ особенно изобилуютъ ими Алгарвія и прекрасныя долины Андалузіи, на берегахъ Гвадалквивира. Оттуда развозятся цѣлые грузы ихъ въ сѣверныя страны Европы. Въ Алгарвіи и Андалузіи есть померанцевыя деревья самаго огромнаго объема. Ими покрыты горы и долины, и все это было по большей части принадлежностью монастырей, или, вѣрнѣе сказать, монаховъ. Странно, говорятъ, бродить въ лѣсахъ Кордовы, одномъ изъ главныхъ мѣстъ роскоши и величія Мавровъ! Тамъ окружаютъ васъ пяти сотъ-лѣтнія, даже семи сотъ-лѣтнія деревья померанцевыя и лимонныя. И не впадете-ли вы въ задумчивость, когда вспомните, что эти деревья пережили Мавровъ, и Французовъ, и самое счастье Испаніи и Португаліи? Сколько могуществъ пало, а слабыя произведенія земли еще красуются, и услаждаютъ дальнихъ потомковъ тѣхъ бѣдныхъ труженниковъ, которые насадили ихъ! И дѣйствительно: могущее, блестящее

Мавританское владычество пало; неизмѣримая, безграничная сила Папской и монашеской власти въ Испаніи и Португаліи — пали; множество сильныхъ властителей, героевъ, министровъ, которыхъ одинъ взглядъ приводилъ въ трепетъ, все это — пало....

И ты, исполинъ вѣка своего, глубокій, могучій, дивный Наполеонъ! и ты оставилъ только слѣды, кровавые слѣды своего владычества въ Испаніи.... а дерево, подъ которымъ отдыхалъ ты въ саду Арангуэса, еще цвѣтетъ и благоухаетъ.... Но мы замечтались; а это совсѣмъ некстати когда дѣло идетъ о померанцахъ и апельсинахъ, которые надобно ѣсть и похваливать страны, гдѣ родятся такіе вкусные плоды!... Цвѣты померанцевъ благовонны до упоенія: настоящая поэзія Мавританскихъ поэтовъ.

ТУРЕЦКІЙ ПИРЪ.

Мы недавно имѣли случай говорить, что свѣдѣнія Европейцевъ о Китаѣ сбивчивы, поверхностны, невѣрны. Пусть-бы ужь о Китаѣ! Онъ отдѣленъ отъ насъ тысячами верстъ, хребтами горъ и океанами, каменною стѣною, и своею политическою недоступностью. Гораздо непонятнѣе, изумительнѣе, что Турція, которой главная часть въ Европѣ, Турція, сосѣдка образованныхъ государствъ, извѣстна также только по сбивчивымъ, противорѣчивымъ описаніямъ. Нѣтъ почти ни одной книги о ней, на которую можно было-бы положиться съ увѣренностью. Каждое новое описаніе Турціи противорѣчитъ прежнимъ, и подвергается жестокой критикѣ, обыкновенно оканчивающейся размышленіемъ, что писатель *не понялъ, не досмотрѣлъ,* или *видѣлъ на выворотъ* описанные имъ предметы. Одни въ восторгѣ отъ всего Турецкаго; другіе отымаютъ у нашихъ почтенныхъ сосѣдей даже здравый смыслъ. Воля ваша, а ни то, ни другое невѣрно. Все зависитъ отъ взгляда. Не надобно судить Турокъ по нашимъ понятіямъ объ образованности; надобно переселиться въ ихъ бытъ, въ ихъ умоначертаніе, если это можно, и вы безъ всякой премудрости увидите, что это народъ славный, добрый, умный, только въ своихъ формахъ, не похожихъ на наши. Мы ребячески смѣемся надъ многими ихъ обычаями; а они развѣ не имѣютъ права посмѣяться надъ нами? Да, вотъ, не далеко ходить: передъ вами картинка, гдѣ изображенъ пиръ, или, если угодно, балъ Турецкій. Но вы не видите тутъ дамъ, которыя у насъ составляютъ необходимую, существенную, главную часть всякаго бала. Что-же за балъ, гдѣ нѣтъ дамъ, гдѣ пляшутъ какіе-то мужики, окруженные сановитыми зрителями. Такъ подумаетъ или скажетъ Европеецъ. Но Турки, бывавшіе у насъ на балахъ, удивляются именно тому, что мы сами принимаемъ трудъ танцовать, и еще съ дамами: это кажется имъ и смѣшно и унизительно. «Почему не заставляете вы плясать невольниковъ, или невольницъ, если вамъ ужь непремѣнно надобны женщины на вашихъ праздникахъ?» Это говорилъ офицеръ новой Турецкой гвардіи Султана, человѣкъ, по видимому, образованный, который выражался свободно по-Англійски и по-Французски, ловко обращался въ свѣтскихъ обществахъ, и зналъ наизусть лучшихъ своихъ поэтовъ. Будемъ-ли мы смѣяться надъ его сужденіемъ? Ни мало, потому что мы сами были-бы тогда немного смѣшны, не понимая родовыхъ понятій и привычекъ, усвоенныхъ цѣлою жизнью. Отдѣлитесь на минуту отъ своихъ привычекъ и обычаевъ, забудьте вѣтреные законы обществъ нашихъ, которые измѣняются каждый день, и спросите себя: развѣ мало принужденнаго, чопорнаго, смѣшнаго на нашихъ балахъ?... Однако мы не смѣемся бывая на нихъ. Не станемъ-же смѣяться и надъ Турецкими празднествами, а лучше посмотримъ, что происходитъ на нихъ.

Такія празднества не бываютъ безъ какой-нибудь причины. Надобно, чтобы это были свадьба, рожденіе, или хоть пріѣздъ друга, и что нибудь подобное. Тогда сбираются друзья, родные, а иногда и почетные гости. Но дамъ нѣтъ. Угощеніе начинается трубкой табаку и чашкой кофе, Турецкаго кофе, чернаго, густаго, безъ всякихъ приправъ. Трубки подаютъ безпрестанно; но при слѣдующихъ послѣ первой подносятъ уже не кофе, а щербетъ, варенье, и проч. Часу въ шестомъ начинается ужинъ. Но прежде него подаютъ гостямъ вымыть руки, окропляютъ ихъ розовой водой изъ позолоченаго или золотаго сосуда, и окуриваютъ ароматами. Между тѣмъ уже разостланы ковры и на нихъ поставлены блюда. Всѣ садятся въ одинъ кружокъ, или, если собесѣдниковъ много, то разными кружками, и начинаютъ глотать кушанье, глотать въ прямомъ смыслѣ, потому что у Турокъ жевать нечего: все подается перевареное и разваренное. Берутъ кушанье руками, и это, право, не много грязнѣе чѣмъ за нашими обѣдами, гдѣ ключница или слуга вытираютъ тарелки и ложки въ своей каморкѣ, Богъ знаетъ какими полотенцами. Послѣ двадцати или больше блюдъ подаютъ фрукты, и наконецъ опять кофе, трубки и варенья. Гости садятся на диванахъ, и вскорѣ послѣ этого открывается балъ, то есть, гремитъ оркестръ, гдѣ отличаются обыкновенно Жиды, играющіе на цимбалахъ и тамбуринахъ, съ акомпаниментомъ барабана, и пляшутъ *генки,* мальчики отъ 12 до 18 лѣтъ. Это единственные танцоры Турецкіе, и въ Скутари есть особенное заведеніе, гдѣ готовы они для всѣхъ празднествъ. Замѣтимъ еще, что это почти всегда бываютъ Греки Архипелажскіе. Танцы ихъ отличаются размѣренными движеніями и обыкновенно выражаютъ сладострастную нѣгу, но въ грубомъ, варварскомъ видѣ. Надобно однакожь видѣть при этомъ изнѣженныхъ потомковъ Османа: они таютъ, плачутъ и не могутъ удерживаться отъ восторженныхъ восклицаній, хотя приличіе запрещаетъ имъ выказывать какое-бы то ни было чувство. Послѣ этого являются иногда пѣвцы, обыкновенно муэззины, привыкшіе распѣвать на минаретахъ. Для Европейца показалось-бы пѣніе ихъ какимъ-то стономъ и

завываніемъ, но Турки, понимающіе всѣ намеки и отношенія въ словахъ пѣсенъ, заслушиваются своихъ пѣвцовъ, которые сначала поютъ какую нибудь балладу, напоминающую подвиги восточныхъ героевъ, или грустно вспоминаютъ о гибели кого нибудь изъ мудрыхъ и храбрыхъ, а наконецъ переходятъ къ любовнымъ пѣснямъ, или лучше сказать къ одной пѣснѣ всѣхъ народовъ, съ той разницей, что Турокъ блещетъ своими метафорами, безпрестанно повторяя: *я превратился въ источникъ слезъ отъ твоей жестокости; я умираю по тебѣ, солнце красоты; я рабъ твой и жду твоего приговора.*

ПАРОХОДЫ СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ ШТАТОВЪ.

Есть страна въ мірѣ, гдѣ усовершенствованные пароходы измѣнили движеніе всѣхъ дѣлъ, всю исторію и весь общественный бытъ. Слѣдствія этого переворота еще продолжаются: не льзя исчислить ихъ и предугадать что̀ сдѣлаютъ они въ будущемъ; но любопытно взглянуть на нихъ въ настоящемъ. Мы имѣемъ объ этомъ повѣствователя умнаго, проницательнаго, который издалъ свои *Письма объ Америкѣ* въ нынѣшнемъ году. Мишель Шевалье провелъ въ Америкѣ не одинъ годъ, и наблюденія его надъ общественнымъ бытомъ Сѣверо-Американцевъ превосходны. Мы сдѣлаемъ здѣсь нѣсколько выписокъ изъ той главы его книги, гдѣ говорится *о пароходствѣ западныхъ областей.* Это очеркъ почти всей исторіи паровыхъ судовъ, потому что нигдѣ не сдѣлали они такихъ успѣховъ какъ въ Америкѣ.

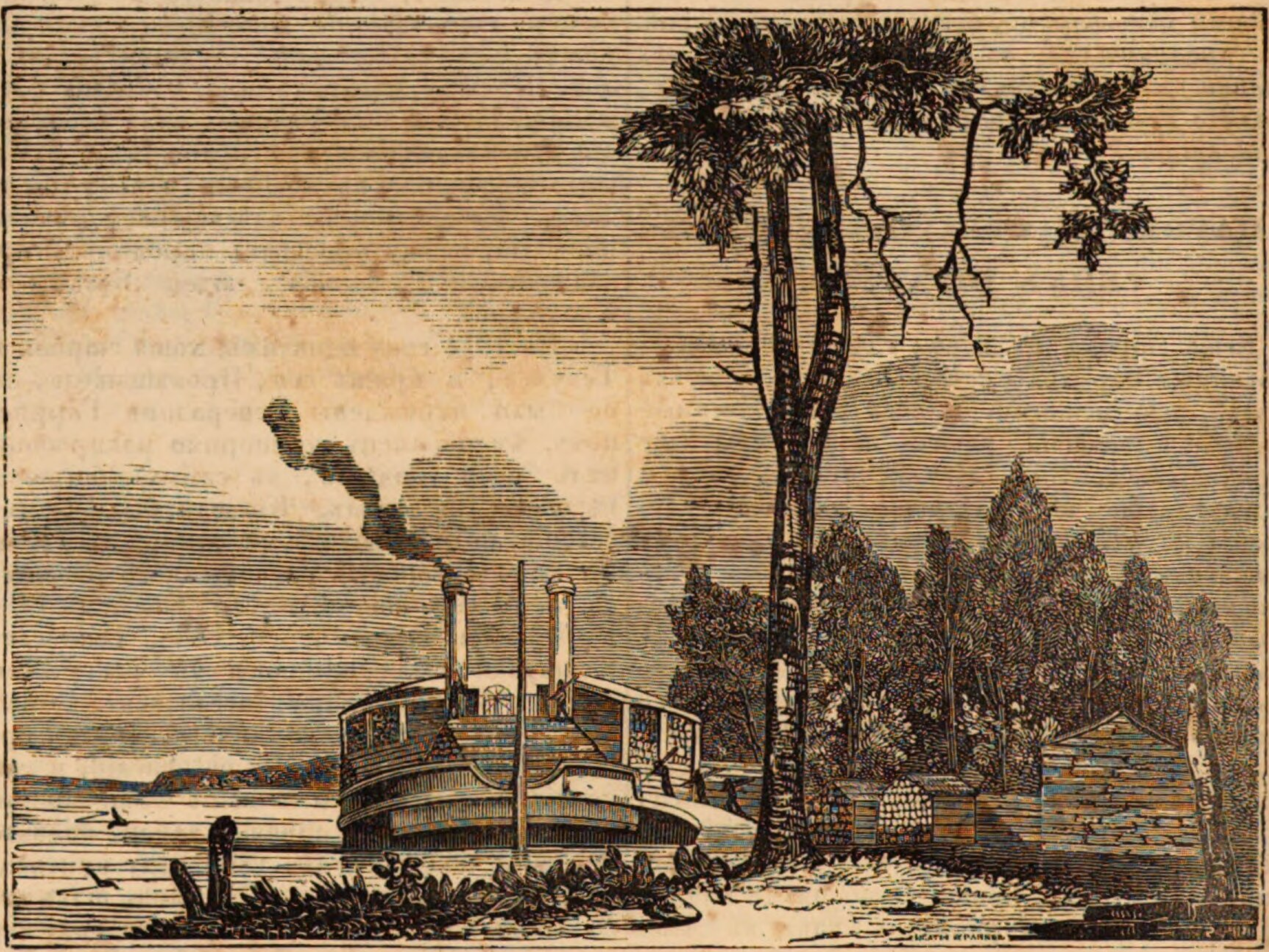
«....Завоеваніе Канады положило конецъ блестящему, но безплодному богатырству Французовъ на Огіо и Миссиссипи. Тамъ начали распространяться Англо-Американцы, тогда еще подданные Великобританіи. Первые колонисты поселились въ Кентукки и ихъ земледѣльческое искуство завоевало почву. Вскорѣ они изгладили въ этой сторонѣ легкіе слѣды Французовъ, которые почти исключительно занимались звѣроловствомъ. Вмѣсто поколѣнія щедушнаго, безпокойнаго и непромышленнаго, происшедшаго отъ Французовъ и Индѣйцевъ, новые пришлецы, избѣгнувъ смѣшенія, породили поколѣніе крѣпкое, трудолюбивое, которое, на плодоносной тамошней землѣ, подобно всѣмъ произведеніямъ природы, явилось въ гигантскихъ, характеристическихъ формахъ Кентукійца, Теннесейца и жителя Западной Виргиніи. Не разставаясь ни на минуту съ ружьемъ, которое за сорокъ лѣтъ носили тамъ на плечѣ даже во время божественной службы, въ самомъ Цинциннати, они завели прекрасныя фермы для себя и для своихъ многолюдныхъ семействъ. Трудно было жить имъ; во многихъ встрѣчахъ съ Индѣйцами, у которыхъ отняли они лѣса, пѣдали отцы и мужья подъ пулями Краснокожихъ (Les Peaux-Rouges); рабство, пытка и смерть ожидали тѣхъ, кто попадался въ плѣнъ. И теперь еще названіе Blue-Licks звенитъ въ ушахъ Кентукійца какъ въ нашихъ *Ватерлоо.* Прежде рѣшительной побѣды, одержанной Генераломъ Уэйномъ надъ дикарями, двѣ Американскія арміи претерпѣли кровавыя пораженія (въ 1790-мъ и 1791-мъ годахъ). Вы услышите здѣсь краснорѣчивыя рапсодіи, между простымъ народомъ, о продолжительной борьбѣ людей Бѣлыхъ съ Красными.

«Въ 1811 году однакожь, хотя страшный Текумсе, и братъ его, Провѣщатель, еще не были побѣждены Генераломъ Гаррисономъ, Американецъ неоспоримо распространилъ свои владѣнія, въ самыхъ богатыхъ мѣстахъ на западъ. Кое-гдѣ были тамъ и селенія: не оставалось ни одного лѣса, гдѣбы не встрѣтилось расчищеннаго мѣста, и на немъ чего-то похожаго на домъ (log-house). На лѣвомъ берегу Огіо, Теннесея и Кентукки были приняты въ число Штатовъ; West-Virginia заселялась. Порывъ эмиграціи перенесъ на правый берегъ промышленныхъ сыновъ Новой Англіи, и ихъ усиліями образовался Штатъ Огіо. Индіана и Иллиноя, тогда просто *земли,* подавали богатыя надежды. Въ 1803 году присоединилась къ Союзу наша Луизіана, такъ что во всемъ Западѣ собралось около полутора милліона жителей. Питтсбургъ и Цинциннати были значительные города. Западъ сдѣлалъ быстрые успѣхи; но отдѣленный отъ Мексиканскаго залива болотами и извилинами Миссиссипи, а отъ Востока семью или восьмью хребтами Аллеганскихъ горъ, онъ былъ запертъ и не имѣлъ выходовъ: успѣхи его могли остановиться. Зародышъ развивался трудно, отъ того что не было каналовъ, по которымъ доходилабы къ нему и распространялась отъ него жизнь.

«Теперь, со всѣхъ сторонъ пробили или пробиваютъ сообщенія, между рѣками Запада и прибрежіемъ Востока, гдѣ находятся торговыя столицы, Бостонъ, Нью-Іоркъ, Филадельфія, Балтиморъ, Ричмондъ, Чарльстоунъ. Тогда не было ни одного пути, проѣзжаго во всѣ времена года, а прокладывать ихъ не смѣли, отъ недостатка въ капиталахъ. Вся торговля западная производилась

по Огіо и Миссисипи; это, вѣроятно, и будетъ всегда самый естественный и экономическій путь. Мука и соленыя мяса шли съ Запада, вмѣстѣ съ путешественниками, на плоскихъ судахъ, похожихъ на тѣ, въ какихъ приплавляютъ въ Парижъ Луарскій уголь. Европейскіе товары и произведенія Антильскихъ острововъ тихо двигались, парусами и веслами, въ баркахъ, которыя употребляли на этотъ путь по крайней мѣрѣ сто, а иногда и двѣсти дней.

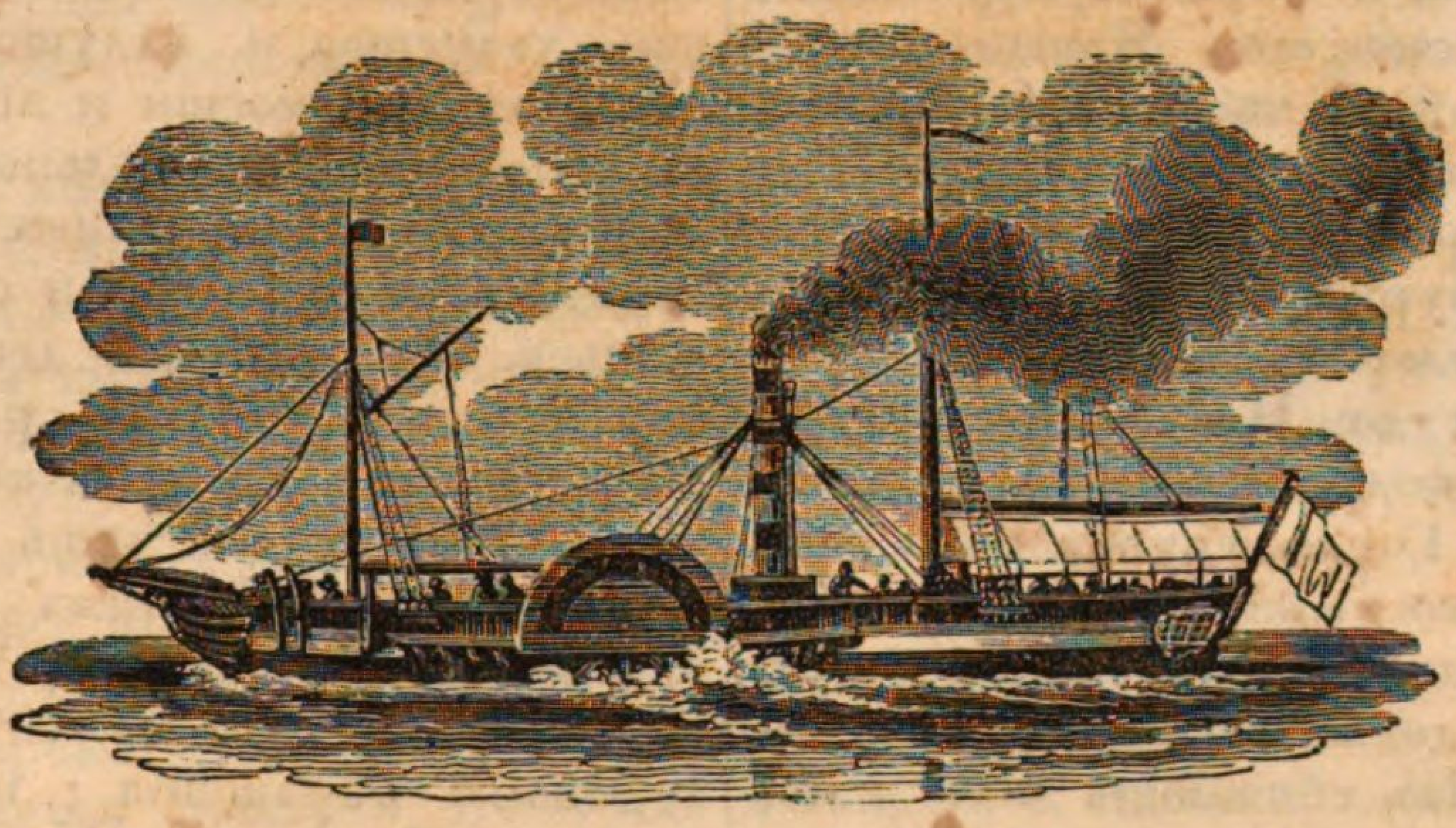
« Сто дней! Въ это время почти можно приплыть изъ Нью-Іорка въ Кантонъ мимо мыса Горна! Франція во столько времени успѣла быть завоевана два раза, одинъ разъ Наполеономъ, другой союзниками... Удивительно-ли, что западная торговля не распространялась? Жители тамошніе, отдѣ-

ленные отъ всего міра, были грубы какъ деревья. Въ тѣ времена родилась народная поговорка, гдѣ Кентукіецъ представленъ полу-лошадью и полу-крокодиломъ: half-horse. half-alligator. Число барокъ, совершавшихъ путь разъ въ годъ, не превосходило числа десяти; всѣ онѣ были тоннъ по сту. Другія суда, еще поменьше, тоннъ въ тридцать, служили для мѣлочной торговли на западныхъ водахъ. Употреблялись также плоскія суда, которыя не могутъ идти вверхъ по рѣкамъ. Цѣна доставки изъ Новаго Орлеана въ Луизвилль или Цинциннати, была отъ 700 до 1000 франковъ на тонну. Теперь, изъ Луизвилля въ Новый Орлеанъ приплываютъ обыкновенно въ восемь или девять дней по теченію, и въ десять или двѣнадцать дней противъ теченія рѣки. Доставка товаровъ на томъ-же пространствѣ стоитъ 60 франковъ на тонну.

« Въ 1811 году, первый западный пароходъ, построенный Фультономъ, отправился изъ Питтсбурга въ Новый Орлеанъ. Но такъ было затруднительно плаваніе по Миссисипи и Огіо, и такъ были несовершенны первые пароходы, что прошло почти шесть лѣтъ, прежде нежели одинъ steamboat пришелъ вверхъ по рѣкѣ, и не въ Питтсбургъ, а двѣсти пятьдесятъ льё ближе, въ Луизвилль. Это первое путешествіе было кончено въ 25 дней, и произвело страшный шумъ на западѣ: жители дали торжественный обѣдъ капитану Шрёву, который рѣшилъ задачу. Тогда-то совершилась революція на западѣ, и стодневныя въ пути суда получили отставку. Въ 1818 году число пароходовъ возрасло до двадцати, которые подымали 3,642 тонны; въ 1819-мъ, построенныхъ съ самаго начала было сорокъ, но въ дѣйствіи находилось только тридцать три.

Въ 1821-мъ, семьдесятъ два употреблялись въ дѣло. Въ томъ-же году, пароходъ Car of Commerce пришелъ изъ Новаго Орлеана въ Шаунп-Тоунъ, нѣсколько ниже Луизвилля, въ десять дней. Наконецъ въ 1825 году, послѣ четырнадцати-лѣтнихъ опытовъ и попытокъ, нашли истинный размѣръ судовъ и машинъ. Въ 1827 году *Текумсе* пришелъ изъ Новаго Орлеана въ Луизвилль въ восемь дней и два часа. Въ 1829-мъ, число пароходовъ простиралось уже до двухъ сотъ, и они подымали 35,000 тоннъ. Въ 1832-мъ году было ихъ двѣсти двадцать, а во всѣхъ 40,000 тоннъ. Теперь всѣхъ пароходовъ 240, и въ нихъ 64,000 тоннъ. По свѣдѣніямъ, полученнымъ мною отъ знающихъ людей, торговля, которая употребляетъ эти пароходы, равняется 140,000 тоннъ, считая только торговлю между Новымъ Орлеаномъ и верхними землями. Посредствующая между ними, въ углубленіяхъ Огіо, Теннесеи и Верхней Миссисипи, составляетъ также значительную массу. Чтобы имѣть понятіе о дѣлахъ, какія совершаются на водахъ запада, надобно еще прибавить отъ 160 ти до 180,000 тоннъ съѣстныхъ припасовъ и разныхъ предметовъ, сплавляемыхъ въ Новый Орлеанъ на плоскихъ судахъ. Счетъ страшный, однако, по всей вѣроятности, онъ лишь частица того, который будетъ черезъ двадцать лѣтъ выражать все что станутъ возить по западнымъ рѣкамъ. Сообразите, что по кана-

лу Эріо, второстепенной линіи сравнительно съ Огіо и Миссисипи, прошло въ одномъ пунктѣ, именно въ Утикѣ, въ 1833 году, въ семь съ половиною мѣсяцевъ, 420,000 тоннъ.

«Таково вліяніе сообщеній, гдѣ соединяется быстрота съ дешевизною. Въ Мексикѣ, гдѣ природа сдѣлала много, а люди дѣлаютъ очень мало, гдѣ пособія естественныя вдесятеро больше чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ, а человѣкъ во сто разъ меньше дѣятеленъ и трудолюбивъ, всѣ тяжести перевозятся на мулахъ, а иногда и на спинѣ человѣка, даже по равнинамъ. За то годовая перевозка отъ Вера-Круза, главнаго порта, въ Мексико, столицу, не составляетъ и 6000 тоннъ; а извнутри государства еще менѣе.

Западные пароходы очень походятъ на Сейнскія ванны Вижье. Это обширные домы, гдѣ есть нижній этажъ и бель-этажъ. Двѣ большія трубы, имѣющія форму колоннъ, кидаютъ изъ себя дымъ и тысячи искръ (на приложенной картинкѣ изображенъ такой пароходъ, остановившійся у одной изъ лѣсныхъ станцій). Изъ третьей трубы со стономъ вырывается бѣлое облако: это паръ, когда его выпускаютъ. Внутреннее убранство пароходовъ щегольское, какимъ вообще отличаются Американскіе корабли. Наружность украшена блестяще. Любо смотрѣть на нихъ. Небольшіе зеленые ставни, и окна, красиво укрѣпленныя, отдѣляясь отъ бѣлаго цвѣта корабля, заставили-бы вздохнуть отъ зависти Жанъ-Жака.

«Вмѣстимость ихъ простирается иногда до 500 и 600 тоннъ; обыкновеннѣе отъ 200 до 300. Длина вообще отъ 35-ти до 50 метровъ. Не смотря на такіе размѣры и роскошь отдѣлки, они обходятся не дорого. Нынѣ, съ машиною и со всѣмъ устройствомъ, самые красивые пароходы не становятся дороже 40,000 доллеровъ (213,000 франковъ). Прелестный пароходъ тридцати пяти метровъ въ длину, который можетъ подымать болѣе ста тоннъ, стоитъ не больше какъ отъ 7000 до 8000 доллеровъ. Полагаютъ, что большіе пароходы становятся по 500 франковъ за узаконенную тонну, а малые по 400 франковъ. Но, должно сказать, что при изяществѣ и дешевизнѣ постройки своей, Американскіе пароходы не прочны. Какъ ни наблюдаютъ за выборомъ матеріяловъ, и за ихъ сохраненіемъ, рѣдко чтобы западный пароходъ прослужилъ больше четырехъ или пяти лѣтъ. Недавно, одинъ старый капитанъ, говоря со мной о пароходѣ, который строилъ онъ со всею возможною заботливостью, сказалъ съ глу-

бокимъ вздохомъ: » Онъ умеръ трехъ лѣтъ (She died at three years).» Великолѣпныя растенія Запада, прямыя, крѣпкія деревья, передъ которыми наши дубы показались-бы карлами, выростающія быстро на толстомъ слоѣ осадочной отъ рѣкъ земли, доставляютъ лѣсъ, прочный соразмѣрно быстротѣ его возрастанія. И здѣсь оправдывается законъ, вѣрный въ примѣненіи къ славѣ людей и блеску имперій, что время щадитъ только основанное имъ самимъ.

« Эти пароходы перевозятъ множество людей; они всегда наполнены, хотя нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ Henry Clay, Homer и Mediterranean, вмѣщаютъ въ себѣ по двѣсти постель. Я былъ семьдесятъ второй на одномъ пароходѣ, который устроенъ на тридцать cabin-passengers. Прежде путешествіе по рѣкамъ было настоящимъ странствованіемъ Аргонавтовъ; теперь это дѣло самое легкое въ мірѣ. Цѣны очень понизились; отъ Питтсбурга до Новаго Орлеана платятъ по 50 доллеровъ (266 франковъ) за все; отъ Луизвилля до Новаго-Орлеана 25 доллеровъ: это приходится отъ 25 до 30-ти сантимовъ за льё. Гораздо умѣреннѣе цѣна для многочисленнаго класса судовщиковъ, которые гонятъ плоскія суда внизъ по рѣкамъ, и для этого должны одни придти изъ Новаго Орлеана. Ихъ сбиваютъ отъ пяти до шести сотъ человѣкъ, въ отдѣльномъ этажѣ парохода, обыкновенно нижнемъ. Тамъ у нихъ есть кровъ, постель, и огонь, за четыре или много если за шесть доллеровъ до Луизвилля. Они обязаны помогать всякой разъ когда надобно погрузить дровъ. Нынѣшняя скорость ихъ переѣзда не мало способствовала распространенію западной торговли. Теперь они могутъ сдѣлать три или четыре сплава въ удобное время года, а прежде дѣлали одинъ. Увеличеніе числа рукъ весьма важно, особенно тамъ, гдѣ недостаетъ ихъ. На возвратномъ пути, мѣста, которыя занимали работники, уже заняты лошадьми, скотомъ, и *невольниками*. Все это везутъ какъ товаръ или какъ средства для обработыванія сахарныхъ и хлопчато-бумажныхъ плантацій въ Луизіанѣ. Виргинія главный рынокъ постыднаго торга людьми!...

« Но, какъ ни красивы эти пароходы, какъ ни велики услуги ихъ Америкѣ, а послѣ перваго любопытства не весело быть въ нихъ человѣку образованному и привыкшему къ хорошему обращенію. Не много найдете Европейцевъ и даже Американцевъ изъ восточныхъ городовъ, которые, выходя изъ этихъ пловучихъ казармъ, не были-бы готовы, въ припадкѣ дурнаго расположенія, подтвердить все, кромѣ ошибокъ и недоглядокъ, что говоритъ Мистриссъ Троллопъ объ общежительности западныхъ жителей. Отъ того что между ними есть равенство, не для смѣха, и не на бумагѣ только. Всякій, сколько нибудь опрятно одѣтый человѣкъ, тамъ *джентлеменъ*, а всякій *джентлеменъ* стоитъ другаго, и не воображаетъ чтобы онъ могъ принуждать себя для равнаго. Онъ занятъ собой, и только собой однимъ; не ожидаетъ никакого вниманія отъ своего сосѣда, и не подумаетъ, чтобы тотъ могъ желать отъ него вниманія. Замѣтьте, что въ этой грубости нѣтъ ничего злаго; есть, напротивъ, естественность, которая обезоруживаетъ. Западный житель грубъ, но ни сколько не нахаленъ. Онъ дорожитъ собой, гордится своей особой, своей страной, гордится до излишества, но безъ всякаго чванства и надутости. Снимите эту оболочку суетности и эгоизма, вы увидите въ основаніи обязательность и даже великодушіе. Онъ разсчетливъ до послѣдней степени, но не холоденъ и способенъ воспламеняться. Онъ любитъ деньги страстно, но онъ не скупъ и часто расточителенъ. Онъ непривѣтливъ и рѣзокъ, потому что не имѣлъ времени смягчить свой голосъ и придать нѣжность своимъ движеніямъ. Грубъ онъ не потому что ему пріятно быть грубымъ; онъ желалъ-бы сдѣлаться человѣкомъ хорошаго обращенія; но онъ занимается больше обработываніемъ своей земли, нежели самого себя. Очень естественно, что первое поколѣніе носитъ здѣсь отпечатокъ тяжелыхъ своихъ работъ... Но всѣ эти размышленія, утѣшительныя для будущаго, ни сколько не пособляютъ тому, что жизнь на пароходахъ Огіо и Миссиссипи скучна для человѣка, привыкшаго къ образованнымъ нравамъ.

« Сверхъ того, путешествіе по Миссиссипи опаснѣе переѣзда по океану, не говорю уже изъ Европы въ Соединенные Штаты, а изъ Европы въ Китай. Вы подвержены тутъ опасности отъ взрыва паровой машины, отъ пожара, а при путешествіи вверхъ по рѣкѣ и отъ плывущихъ деревьевъ, которыя задерживаются корнями въ руслѣ и выставляютъ верхушку свою противъ идущихъ навстрѣчу пароходовъ. Бойтесь еще, чтобы вашъ пароходъ ночью, въ туманную погоду, не столкнулся съ другимъ пароходомъ, или не сѣлъ на песчаную отмѣль. Прибавьте ко всему этому однообразіе теченія рѣки, пустынность плоскихъ, тинистыхъ прибрежій ея, грязный видъ желтой воды, странные обычаи половины сотоварищей вашихъ въ этой клѣткѣ, и вы поймете, что все это дѣлается наконецъ тяжко. Потому-то хозяева плантацій въ Луизіанѣ, которые въ лѣтніе жары ищутъ свѣжаго, чистаго возду-

ха на сѣверѣ, отправляются изъ Новаго Орлеана и совершаютъ свои періодическія переселенія всегда на прелестныхъ пакетботахъ, безпрестанно перелетающихъ между ихъ столицею и Нью-Іоркомъ.

«Взрывъ паровыхъ машинъ случается довольно часто, отъ неискуства-ли механиковъ, или отъ дурнаго издѣлія котловъ. Это всегда соединено съ бѣдственными послѣдствіями, потому что пассажировъ бываетъ множество. Въ 1835 году на одномъ пароходѣ Majestic, убито и ранено было шестьдесятъ человѣкъ. Однако этихъ ужасныхъ несчастій не бываетъ на пароходахъ извѣстныхъ, которыхъ хозяева не жалѣютъ денегъ на хорошія паровыя машины и на жалованье механикамъ. Это необходимо, кажется, утвердить общимъ закономъ въ западныхъ областяхъ.

«Бываетъ также много пожаровъ на здѣшнихъ пароходахъ. Многіе изъ нихъ сгараютъ совершенно, со всѣми людьми, хотя ширина рѣки не чрезвычайна. Между прочимъ, извѣстно бѣдствіе парохода Brandywine, который сгорѣлъ со 110 человѣками въ 1832 году. Въ этомъ отношеніи Американцы безпечны изумительнымъ образомъ, и въ Нью-Іоркскихъ своихъ домахъ, и на пароходахъ Миссиссипи. Въ Европѣ не льзя имѣть понятія какъ часты здѣсь пожары. Въ Филадельфіи, въ Нью-Іоркѣ, рѣдко проходитъ день, въ который не звонили-бы въ набатный колоколъ. На пароходахъ курятъ посреди полуоткрытыхъ тюковъ хлопчатой бумаги, наваленныхъ вездѣ. Съ порохомъ обходятся такъ осторожно, какъ будто это пшено или солонина, и спокойно оставляютъ вещи, обернутыя соломой, на такихъ мѣстахъ, куда сыплются искры изъ трубъ парохода.

«Несчастные случаи отъ плывущихъ по рѣкѣ деревьевъ, извѣстныхъ подъ названіями logs, snags, sawyers, смотря по тому какое положеніе принимаютъ они въ руслѣ рѣки, также бываютъ очень часто. Этому стараются пособить разными предохранительными средствами при постройкѣ судовъ, и, сверхъ того, федеральное Правительство назначило два парохода для очищенія Миссиссипи и Огіо отъ плывущихъ деревьевъ, посредствомъ остроумно-изобрѣтенной машины. Прибрежные Штаты, ни мало не обремененные налогами, не выдали ни одной копѣйки для такого существеннаго предмета. Приборъ Капитана Шрёва, устроенный на двухъ пароходахъ Федеральнаго Правительства, уже довольно очистилъ фарватеръ; но остается сдѣлать еще многое.

«Всѣ эти неудобства можно было-бы уменьшить, если-бъ рѣшились сдѣлать нѣкоторыя разсудительныя издержки. Теперь изъѣздали хорошо рѣку, и множество инженеровъ Соединенныхъ Штатовъ съумѣли-бы сладить съ этою *матерью рѣкъ*. Для этого даже не понадобилось-бы огромныхъ издержекъ. Къ несчастію, федеральное Правительство, которое не знаетъ куда дѣвать свои деньги (потому что пошлины доставляютъ ему свыше потребностей, и теперь у него 11 милліоновъ доллеровъ лишнихъ), принуждено остановиться, слушая одну изъ демократическихъ партій, которая не допускаетъ его вмѣшиваться въ общественныя работы на землѣ отдѣльныхъ Штатовъ. Нѣтъ нужды, что весь Союзъ получилъ-бы выгоды отъ улучшеннаго плаванія по западнымъ рѣкамъ: федеральное Правительство не смѣетъ взяться за это явно и дѣятельно..»

«Эта часть Соединенныхъ Штатовъ, пустыня въ то время когда была объявлена ихъ независимость, пустыня, о которой никто не думалъ когда учреждали столицу въ Вашингтонѣ, скоро сдѣлается могущественнѣйшимъ изъ трехъ главныхъ раздѣленій Союза. Она опередитъ другія сама собою, будетъ имѣть большинство на конгрессѣ, и станетъ управлять Новымъ Свѣтомъ. Вскорѣ главное раздѣленіе Союза будетъ не на Сѣверъ и Югъ, какъ донынѣ, а на Востокъ и Западъ.. И видимою причиною всего этого былъ пароходъ!.. Глядя на такіе успѣхи, въ самомъ дѣлѣ не льзя не согласиться съ тѣми, для кого вся политика заключается въ вещественныхъ улучшеніяхъ..»

Любопытно сообразить еще слѣдующую табличку, на достовѣрность которой можно положиться, потому что Г. Шевалье получилъ ее отъ одного изъ членовъ Правительства. Это *таблица пароходовъ, принадлежавшихъ Соединеннымъ Штатамъ 31 Декабря 1834 года:*

Штаты.	число пароходовъ.	число тоннъ.
Менъ	1	68
Массачузетъ	5	904
Родъ-Эйлендъ	3	847
Коннектикутъ	6	1291
Нью-Іоркъ	54	13,233
Нью-Джерзей	4	775
Пенсильванія	36	5,097
Делавара	2	324
Мериляндъ	18	5,832
Округъ Колумбіи	3	510
Виргинія	6	986
Огіо	62	8,047
Южная Каролина	6	1,057
Сѣверная Каролина	1	49
Георгія	10	1,361
Теннесея	17	4,083
Алабама	22	3,291

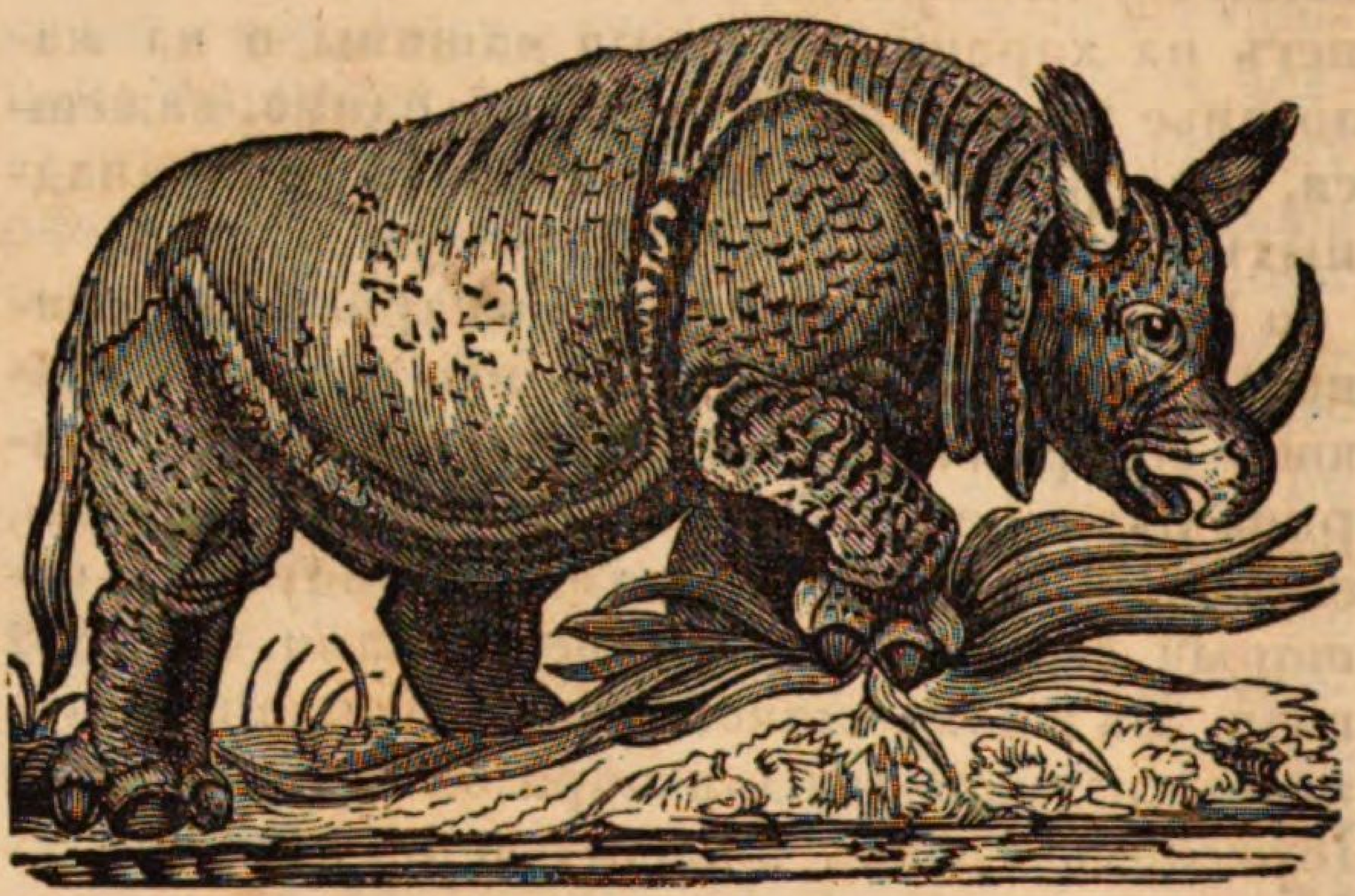
Луизіана	115	46,292
Миссури	7	636
Мичиганъ	8	962
Всего	386	95,648

Можно полагать, что число это возрасло до 500 въ послѣдніе два съ половиной года, при быстро увеличивающемся пароходствѣ въ Сѣверной Америкѣ, и по присоединеніи къ Союзу новыхъ областей, Арканзаса и Техаса. Замѣчательно, что двѣ трети всѣхъ означенныхъ здѣсь пароходовъ принадлежатъ западнымъ областямъ.

НОСОРОГЪ.

Читатели наши видѣли, въ 1-мъ т. Ж. О., на стран. 253-й, изображеніе носорога молодаго, бывшаго въ Сюррейскомъ зоологическомъ саду. Здѣсь прилагаемъ, хотя не въ столь большомъ размѣрѣ, изображеніе носорога возрастнаго, и съ главнымъ отличительнымъ признакомъ его, рогомъ на мордѣ. Мы описали уже объемъ, видъ, образъ жизни и силу этого огромнаго животнаго; здѣсь остается намъ только представить историческій взглядъ на понятія Европейцевъ о носорогѣ, который всегда привлекалъ вниманіе ихъ рѣдкостью своего появленія, страннымъ видомъ, и множествомъ басенъ, къ какимъ давалъ онъ поводъ.

Носорогъ называется по-Латыни и по-Гречески *риноцеросъ*. Но хотя это имя чисто Греческое, онъ не былъ извѣстенъ древнимъ Грекамъ; Аристотель не упоминаетъ о немъ ни однимъ словомъ. Первый изъ Греческихъ писателей говоритъ о немъ Страбонъ, изъ Латинскихъ Плиній. По этому можно заключить, что носороги не встрѣчались въ тѣхъ мѣстахъ Индіи, куда проникалъ Александръ, который не упустилъ вывести съ собой слоновъ. Черезъ много лѣтъ послѣ, при Помпеѣ видѣли приведенныхъ изъ Африки и Азіи носороговъ. Потомъ, когда безсмысленные обладатели Рима забавлялись боемъ звѣрей съ людьми, въ циркахъ являлись и носороги. Но, не смотря на то, что много разъ видали ихъ въ Европѣ со временъ Помпея до Геліогабала, а въ послѣднія столѣтія Бонціусъ, Шарденъ и Колбе даже списывали ихъ на мѣстѣ, въ Африкѣ и въ Индіи, носороги изображались и описывались очень невѣрно, такъ что когда привезли тѣхъ, которые были въ Лондонѣ въ 1739-мъ и 1741 году, тогда ясно увидѣли какъ обезображивали ихъ живописцы своими прикрасами и выдумками. Альбрехтъ Дюреръ первый написалъ носорога, и съ его изображенія списывали даже многіе натуралисты; но великій Нѣмецкій живописецъ слѣдовалъ больше своей фантазіи, нежели природѣ, а копировщики его придали носорогу еще новыя, нелѣпыя прикрасы. Рисунокъ Бонціуса вѣрнѣе и проще, но также во многомъ невѣренъ. Почти тоже надобно сказать и о Шарденовомъ рисункѣ, такъ что древнія изображенія, напримѣръ на Доміціановыхъ медаляхъ, вѣрнѣе новыхъ, отъ того что въ нихъ не увидите никакихъ прикрасъ. Когда наконецъ носороговъ стали привозить въ Европу (натуралисты знаютъ наперечетъ всѣхъ этихъ посѣтителей), тогда завязалось новое, странное преніе. Одни говорили, что у этого звѣря одинъ

рогъ на мордѣ, другіе, что у него ихъ два, одинъ повыше другаго. Сначала хотѣли согласить споръ тѣмъ, что однорогіе, вѣрно, молодые носороги, и что послѣ выростаетъ у нихъ другой рогъ. Но когда видѣли старыхъ однорогихъ и молодыхъ двурогихъ то пришли въ совершенное недоумѣніе. Бюффонъ, оказавшій великія услуги въ описаніи звѣрей, рѣшилъ споръ: онъ доказалъ, сличеніемъ многихъ противорѣчивыхъ мнѣній, и своими собственными наблюденіями, что носороги бываютъ и съ однимъ рогомъ и съ двумя.

Въ наше время, когда Естествознаніе оказало такіе большіе успѣхи по всѣмъ частямъ, вопросъ о носорогахъ рѣшенъ окончательно. Они точно бываютъ двухъ видовъ; но двурогіе встрѣчаются гораздо рѣже нежели однорогіе, и потому основный видъ долженъ быть однорогій. Всѣ басни о неизмѣримой силѣ носорога (прежде говорили, что онъ сбиваетъ своимъ рогомъ порядочный домъ), не имѣютъ основанія. Онъ точно силенъ чрезвычайно, однако слонъ гораздо превосходитъ его въ этомъ. Наконецъ надобно сказать, что носорогъ смирное, *травоядное* животное, и оказываетъ свою силу только вслучаѣ необходимости, защищая свою жизнь, или отбиваясь отъ непріятелей, которыхъ у него довольно много, начиная съ одареннаго умомъ человѣка.

АЛЛАХАБАДЪ.

Аллахабадъ, главный городъ Индійской области того-же имени, занимаетъ мѣстоположеніе единственное, можетъ быть, въ цѣломъ мірѣ. Онъ находится при сліяніи двухъ величайшихъ Индійскихъ рѣкъ, Гангеса и Джумны, на крайней точкѣ Добы (Doab), плодоноснаго округа, къ которому принадлежатъ всѣ земли между названными здѣсь великими рѣками. Имя *Аллахабадъ* значитъ буквально: *жилище Бога*; оно было дано этому славному городу Магометанскими завоевателями. Императоръ Могаммедъ-Акбаръ особенно любилъ его, сдѣлалъ своимъ избраннымъ мѣстопребываніемъ, и выстроилъ при немъ значительную крѣпость *Калисъ Сатунъ,* которая считалась несравненною по своей красотѣ. Но за исключеніемъ этой крѣпости, мечети Мусджидъ-Джумна, нѣкоторыхъ гробницъ, замѣчательныхъ изяществомъ постройки, сада и караванъ-сарая, собственности одного изъ Императоровъ (Султана Козроя), городъ не представляетъ никакихъ остатковъ великолѣпія, достойнаго могущихъ и славныхъ царей. Вообще тамъ немного остается слѣдовъ Могольскаго завоеванія, и жители-Мусульмане, малочисленные, бѣдные, ничтожные, дали поводъ къ тому, что сосѣдственные народы называютъ городъ ихъ презрительнымъ именемъ *Фагирабада,* то есть *жилищемъ нищихъ.*

Изъ всѣхъ зданій, названныхъ нами здѣсь, особенно замѣчательна крѣпость Калисъ Сатунъ, которая находится на оконечности мыса, омываемаго волнами Гангеса и Джумны, соединяющихся подъ самыми ея стѣнами. Она передѣлана во многомъ по образцамъ Европейской крѣпости, но все еще напоминаетъ свое восточное происхожденіе. Прекрасенъ видъ ея съ рѣки: она замѣтна оттуда издалека, и будто выходитъ изъ водъ со своими башенками, куполами, и тонетъ въ зелени широколиственныхъ деревьевъ. Посреди всего этого возвышается огромное зданіе, совсѣмъ особеннаго стиля, увѣнчанное куполомъ и окруженное аркадами и галлереями, которыя богато украшены золотыми арабесками и цвѣтами. Это дворецъ. На приложенной здѣсь картинкѣ изображенъ Калисъ-Сатунъ со стороны земли. Онъ такъ хорошъ, что конечно не испортилъ-бы никакого великолѣпнаго города, если-бъ тамъ могла окружать его роскошная Индійская природа. Но гдѣ взять намъ этой природы? Пусть-же Аллахабадъ остается на своемъ мѣстѣ, а мы разсмотримъ его повнимательнѣе. Подъ самымъ куполомъ дворца видите вы галлерею, или родъ балкона, на который выходятъ окна изъ обширной залы: видъ оттуда плѣнительный! Величественный Гангесъ и широкая Джумна, передъ глазами зрителя сливаются въ одно огромное русло, и теряются вдали, на неизмѣримомъ пространствѣ. Внизу, въ рощѣ манговыхъ деревьевъ, отѣняющихъ красивую эспланаду, живетъ множество попугаевъ: перелетая съ вѣтви на вѣтвь, они, при яркихъ лучахъ солнца, кажется, сыплютъ изумруды и кораллы, между тѣмъ какъ множество другихъ, не меньше блестящихъ радужными цвѣтами птицъ, стадами прилетаютъ и садятся на озлащенныя солнцемъ поляны.

Окружныя зданія, мы уже замѣтили это, не отличаются такимъ блескомъ, какъ Аллахабадскій дворецъ. Но въ общности, нѣсколько красивыхъ пагодъ, на берегахъ обѣихъ рѣкъ, придаютъ всей картинѣ новую занимательность.

Мечеть Джумны, или главная мечеть, довольно въ исправномъ состояніи, но мало посѣщается. Мѣстоположеніе ея прекрасное: на берегу Джумны, подлѣ самаго города и эспланады передъ гласисомъ. Это зданіе прочное и видное, только излишне обремененное украшеніями.

Всего пріятнѣе въ Аллахабадѣ садъ и караванъ-сарай Султана Козроя. Просторный четвероугольникъ, съ четырьмя воротами по сторонамъ, окруженный толстою стѣною, гдѣ есть комнаты или кельи для путешественниковъ: таковъ теперешній видъ караванъ-сарая. Все это, правда, въ самомъ печальномъ разрушеніи. Прилегающій тутъ-же садъ, съ прекрасными, старыми манговыми деревьями, также запущенъ и брошенъ. Но въ саду еще цѣлы три гробницы, воздвигнутыя надъ могилами двухъ Принцевъ и одной Принцессы. Удивительная прочность постройки устояла противъ всѣхъ оскорбленій времени, и благочестивыя памятники Мусульманскаго уваженія къ мертвымъ почти невредимы. Замѣчательно, что могилы въ Индостанѣ остаются прочнѣйшими памятниками богатства и вкуса завоевателей его. Тогда какъ крѣпости и дворцы ихъ срыты, или искажены поправками и перемѣнами по вкусу новыхъ обладателей, гробницы невредимо проходятъ вѣка, и остаются для насъ предметомъ удивленія къ архитектурному искуству Моголовъ.

Религіозное ученіе Мусульманъ и Индійцевъ повелѣваетъ богатымъ людямъ насаждать рощи, рыть колодези, и строить общественныя зданія: все это дѣйствія прямаго человѣколюбія въ такихъ странахъ, гдѣ вода, тѣнь и убѣжище на дорогѣ истинныя благодѣянія. Многіе изъ богатыхъ людей и выполняютъ эти предписанія религіи, но

выполняютъ только буквально, не одушевляясь истиннымъ чувствомъ добра. Они воздвигаютъ огромныя зданія, которыя передаютъ потомкамъ славу ихъ богатства и силы; за то послѣдователи не думаютъ довершить начатаго и не конченнаго ихъ предшественниками, и не заботятся содержать въ исправности доконченныя зданія. Вотъ отъ чего и здѣсь остатки зданій *одного* поколѣнія истребились такъ скоро.

Кромѣ Гангеса и Джумны, подлѣ Аллахабада протекаетъ еще третья, небольшая рѣка Respecвати. Это почти ручей, который наконецъ исчезаетъ подъ землею. Но Индійцы предполагаютъ, что онъ также соединяется съ Гангесомъ и Джумной подъ землей, и отъ слiянія этихъ рѣкъ происходитъ для нихъ вся святость Аллахабада. Они почитаютъ его святымъ городомъ, и окружающія его воды имѣютъ для нихъ силу очищать человѣка отъ всѣхъ грѣховъ. Отъ того-то въ Аллахабадъ приходятъ всякой годъ тысячи пилигримовъ, которые бросаются въ волны Гангеса, и Англійская Остъ-Индская Компанія основала на этомъ даже порядочный доходъ. Она беретъ по три рупи съ каждаго пилигрима; а какъ число ихъ простирается иногда до 200,000 человѣкъ въ годъ, то сумма сбора выходитъ значительная.

Нынѣшніе обладатели Аллахабада, Англичане, построили тамъ новыя укрѣпленія, и унизали ихъ пушками, которыя повелѣваютъ теченіемъ обѣихъ рѣкъ. Это важный пунктъ политической власти Остъ-Индской Компаніи. Она содержитъ достаточный гарнизонъ въ крѣпости и заботится о распространеніи просвѣщенія между жителями. Въ городѣ учреждено постоянное судилище, которое дѣлаетъ періодическіе объѣзды по области. Въ 1825 году, нѣсколько Англійскихъ джентлеменовъ основали тамъ школу, по подпискѣ, и она, при пособіи Правительства, находится въ цвѣтущемъ состояніи. Въ 1830 году въ этой школѣ было 64 ученика изъ туземцевъ; они учились Персидскому и Индустанскому языкамъ, и оказали порядочные успѣхи въ Географіи и Ариѳметикѣ; сверхъ того пріобрѣли практическія свѣдѣнія въ землемѣріи. Пятеро изъ нихъ потомъ были помѣщены въ службу Компаніи землемѣрами. Нынѣшнее народонаселеніе Аллахабада, не включая гарнизона, состоитъ изъ 20,000 человѣкъ.

Аллахабадъ находится въ 820 Англ. миляхъ отъ Калькутты по теченію Гангеса; но прямымъ путемъ эти города только въ 550 миляхъ одинъ отъ другаго. Отъ Бенареса Аллахабадъ въ 53 миляхъ, отъ Лукнова въ 127, отъ Дели въ 212-ти, отъ Агры въ 296-ти.

ОЛИВКОВОЕ ДЕРЕВО.

Вы можете удостовѣриться каждый день, что у насъ въ Россіи имѣютъ самое сбивчивое понятіе о такомъ произведеніи природы и искуства, которое всѣ видятъ и употребляютъ безпрестанно. Спросите у любой хозяйки дома: какое различіе между маслинами и оливками? рѣдкая въ состояніи отвѣчать вамъ. Еще больше: спросите у торговца, который развѣшиваетъ по фунтамъ цѣлыя бочки масла, добытаго изъ оливокъ, въ чемъ состоитъ различіе *деревяннаго* масла отъ *Прованскаго?*... Право, иной станетъ увѣрять васъ, что это два совершенно различные рода масла, или еще скажетъ, что одно добывается изъ какого-то дерева, а другое привозятъ изъ-за границы.... Мы не шутимъ, а разсказываемъ, что случалось намъ самимъ слышать много разъ. Послѣ этого не безполезно представить вѣрное описаніе оливковаго дерева и плодовъ его, которые приносятъ многоразличную пользу и составляютъ важный предметъ торговли и промышленности.

Наружный видъ оливковаго дерева не представляетъ ничего особеннаго. Правда, листья его зелены почти всегда, но этотъ зеленый цвѣтъ какъ-то не весело кидается въ глаза, и конечно онъ не далъ-бы никакой славы дереву своему, если-бъ оно не приносило драгоцѣнныхъ плодовъ. Надобно сказать еще, что это дерево, которое растетъ во всѣхъ теплыхъ климатахъ, имѣетъ необыкновенное свойство приниматься и пускать корень отъ малѣйшей вѣтки; отъ того-то оно и разрастается цѣлыми лѣсами. Долголѣтность его такъ велика, что ея до сихъ поръ еще не опредѣлили. Говорятъ, что есть оливковыя деревья, которыя прожили тысячи лѣтъ. Въ срединѣ Аѳинъ показываютъ одно, будто-бы посаженное еще при основаніи этого города древними Греками. Если и не повѣримъ преданію полу-баснословному, то можемъ согласиться, что оливковыя деревья точно живутъ сотни лѣтъ. При этомъ они требуютъ земли сухой, песчаной, мѣлкой, каменистой и даже волканической. Посреди сырости, въ глинѣ, они чахнутъ и даютъ плодъ самаго дурнаго качества. Черезъ тридцать или сорокъ лѣтъ, оливковое дерево достигаетъ полной зрѣлости и не растетъ болѣе въ вышину. Холодъ для него сущая пагуба: нѣсколько градусовъ мороза истребляютъ его, и потому-то стараются не выставлять такого нѣж-

наго растенія свирѣпству стихій. Для него не годятся даже высокія мѣста.

Есть множество разныхъ родовъ оливковаго дерева: эти различія состоятъ въ объемѣ его, въ размѣрѣ листьевъ, величинѣ плода и проч. Въ окрестностяхъ Э, Марсели, и вообще въ южной Франціи оно не растетъ высоко; но въ Италіи, въ Испаніи и во всѣхъ странахъ, жаркихъ больше Прованса, достигаетъ огромныхъ размѣровъ.

Въ самой теплой части Италіи есть породы его, которыя приносятъ плоды четыре или пять разъ въ годъ, смотря по свойству температуры. Но повѣрье, будто нѣкоторыя оливковыя деревья даютъ плодъ каждый мѣсяцъ.... сказка. Не отъ того-ли произошла она, что въ Италіи есть мѣста, гдѣ жители называютъ иные сорты оливокъ *ежемѣсячными?*... А чтобы земля и воздухъ во всѣ мѣсяцы года были одинаково питательны и плодотворны, этого нѣтъ въ цѣломъ мірѣ. Цвѣты оливковаго дерева очень малы и всегда выходятъ по нѣскольку вмѣстѣ, или букетцами. Покуда еще не распустились, они блѣдно-желтаго цвѣта; но когда лепестки ихъ развернулись совершенно, тогда желтый цвѣтъ остается только въ срединѣ цвѣтка. Послѣ этого являются плоды, которые постепенно переходятъ черезъ слѣдующіе цвѣта: зеленый, лимонно-желтый, пурпурный, темно-красный, и наконецъ вишневый или почти черный. Это настоящая ихъ зрѣлость: они полны соку, мягки; тутъ надобно ихъ сбирать. Дальше они начинаютъ уже сморщиваться и теряютъ свои качества. Впрочемъ, необходима большая опытность для узнанія настоящей поры ихъ зрѣлости и слѣдовательно сбора; а отъ этого зависитъ качество и количество масла. Разумѣется, надобно и умѣть достать его; но вообще, кто хочетъ только имѣть больше масла, тотъ оставляетъ оливки до послѣдней степени зрѣлости; напротивъ лучшіе сорты масла добываются изъ зрѣлыхъ только и даже немного недозрѣлыхъ плодовъ. Съ дерева снимаютъ оливки лещадями особеннаго устройства, или, еще лучше, руками, какъ вишни. Днемъ разсыпаютъ ихъ на сукнѣ, а къ ночи вносятъ въ домъ и кладутъ на полъ тонкими слоями, которые отдѣляютъ одинъ отъ другаго листьями. Такъ остаются они до тѣхъ поръ, покуда не начнутъ сморщиваться, для того что въ этомъ состояніи можно ихъ скорѣе превратить въ тѣсто. Масло добывается холоднымъ способомъ, или нагрѣваніемъ, и при этомъ употребляютъ обыкновенныя средства, какими достаютъ всѣ другія масла. Здѣсь довольно замѣтить, что получаемое холоднымъ путемъ бываетъ гораздо лучше и нѣжнѣе. Добываніе его нигдѣ не доведено до такой степени совершенства какъ въ южной Франціи, въ Департаментахъ Варскомъ и Устьевъ-Роны. Провансъ славится не потому чтобы тамъ былъ лучше самый плодъ, но потому что нигдѣ не умѣютъ съ такимъ искуствомъ добывать изъ него масло. Вотъ отъ чего Э въ Провансѣ сдѣлалось знаменито въ цѣломъ свѣтѣ, и отъ чего даже у насъ, въ каждой мѣлочной лавкѣ, увидите на бутылочкахъ, налитыхъ гадкимъ зеленымъ масломъ, билеты, самой топорной работы, съ надписью: Huile d'Aix en Provence. Дѣло въ томъ, что оливковое масло всѣхъ сортовъ добывается изъ одинакихъ плодовъ, но, какъ мы замѣтили, во Франціи дѣлаютъ это искусно, собираютъ оливки во время, достаютъ изъ нихъ масло лучшимъ способомъ, и потомъ умѣютъ сохранить его. Напротивъ въ Греціи и Турціи, гдѣ климатъ могъ-бы благопріятствовать разведенію лучшихъ сортовъ дерева, масло выходитъ съ дурнымъ запахомъ, зеленое, *деревянное* масло, которое годится только въ лампадки. Причиной этого несвоевременность сбора плодовъ, и дурной способъ добыванія масла. Снимите недозрѣлую рожь, смелите ее крупно, дурными жерновами, и мука будетъ стоить вполовину противъ лучшей, именно отъ неискуства или небрежности производителей. Такъ точно и масло: *деревянное* и *Провансское* добывается изъ оливокъ одинаковаго

рода, но первое бываетъ испорчено приготовленіемъ, и отъ того имѣетъ тяжелый запахъ, непріятный видъ, нестерпимый вкусъ, и теряетъ въ цѣнѣ болѣе половины. Правда, выходъ его бываетъ больше нежели приготовленнаго лучшимъ способомъ; но главная причина небрежности производителей въ ихъ варварствѣ и невѣжествѣ. Это дѣлается безъ намѣренія, отъ лѣности, неумѣнья, и, главное, отъ губительнаго повѣрья: «Такъ дѣлали наши дѣды; пусть-же такъ и идетъ! вѣдь покупа-

ютъ!» Покупаютъ! отъ того что вы отдаете свое произведеніе за безцѣнокъ, и его можно сжечь, вмѣсто какого нибудь другаго масла, больше дешеваго и приличнаго для такого употребленія. У насъ въ Россіи сжигаютъ его десятки тысячь пудовъ; но сдѣлайся оно лучше, превратись изъ *деревяннаго* въ *Провансское,* и тогда цѣнность его заставитъ употреблять что нибудь другое. Вообще, мысль, будто *требуется и дешевое произведеніе,* а потому надобно доставлять и его, не достойна временъ просвѣщенныхъ, какимъ можно почесть наше. Сдѣлайте милость, не безпокойтесь о потребителяхъ: они найдутъ чѣмъ замѣнить ваше плохое произведеніе; а если оно хорошаго качества, ему всегда будетъ мѣсто. Давно-ли мы получали изъ-за границы и сургучъ, и шляпы, и китайку, и множество другихъ произведеній; теперь все это замѣнено своимъ, хорошимъ, и отъ этого никто не остается въ накладѣ. А прежде полагали, что мы должны производить только дурное въ этомъ родѣ, и получать все хорошее изъ-за границы. Въ такомъ положеніи теперь Турки и Греки со своимъ *деревяннымъ* масломъ.

Впрочемъ, не должно думать будто хорошее оливковое масло получается только изъ Прованса: въ Италіи и нѣкоторыхъ мѣстахъ Испаніи дѣлаютъ его также превосходно. Въ Англію идетъ большая часть его оттуда; у насъ подъ именемъ Провансскаго также продаютъ много получаемаго изъ Италіи.

Надобно-ли упоминать, что оливковое масло составляетъ важный предметъ торговли? Скажемъ только одинъ примѣръ: въ 1827 году ввезено его въ Великобританію около четырехъ тысячь пяти сотъ бочекъ, съ которыхъ заплачено пошлины по восьми гиней, что̀ составляетъ на наши деньги около 900,000 рублей однѣхъ пошлинъ! Въ Россію получается его конечно гораздо болѣе.

Употребленіе оливковаго масла извѣстно было съ незапамятныхъ временъ. Въ книгѣ Бытія, глава 28-я стихъ 18-й, читаемъ, что Іаковъ, послѣ своего видѣнія, всталъ поутру, поставилъ камень, бывшій подъ его головою, какъ памятникъ, и облилъ его масломъ. Въ книгѣ Исхода есть стихъ, гдѣ говорится: «Повелите сынамъ Израиля принести чистѣйшаго оливнаго масла, приготовленнаго ими въ итоги.»

Греки до такой степени уважали оливковое дерево, что приписывали ему божественное происхожденіе. Вотъ ихъ басня или миѳъ. Надобно было дать имя одному городу. Нептунъ хотѣлъ дать ему свое, Минерва свое. Наконецъ сонмъ боговъ рѣшилъ, что кто изъ нихъ создастъ полезнѣйшее для города, тотъ дастъ ему свое имя. Нептунъ ударилъ трезубцемъ въ берегъ, и изъ него выскочила лошадь; Минерва произвела оливковое дерево. Судьи рѣшили, что побѣда принадлежитъ ей, какъ создательницѣ символа мира. Съ тѣхъ поръ оливная вѣтвь получила у Грековъ это значеніе, а городъ названъ по имени Минервы или Аѳины, *Аѳинами.*

Переходя изъ области Миѳологіи въ Исторію, видимъ, что Финикіяне перевезли изъ Греціи въ Испанію и развели тамъ оливковое дерево. Слѣдовательно отечествомъ его въ Европѣ была Греція. Такъ и должно быть, потому что это дерево требуетъ климата благорастворенняго, но умѣреннаго. Послѣ, колонія Фокеянъ распространила его около Марсели, или древней Массиліи. У Грековъ оливковое дерево служило для многихъ употребленій: вѣтвями его украшались свершители мирныхъ подвиговъ, и даже побѣдители на играхъ Олимпійскихъ. Масло оливковое возливали на алтарь боговъ, умягчали имъ волосы, ѣли его, и иногда роскошествовали натирая имъ свое тѣло.

Въ наше время обработываніе этого полезнаго дерева распространено во всѣхъ у-

мѣренныхъ климатахъ. Оно есть, кромѣ южной Европы, въ Малой Азіи, въ Сиріи, въ Египтѣ и по всѣмъ берегамъ Сѣверной Африки. Теперь чрезвычайно много его и въ Америкѣ, гдѣ разводится оно съ большимъ успѣхомъ, такъ что, можетъ быть скоро, оливковое масло Американское станетъ соперничать съ Европейскимъ, и составитъ для тамошнихъ жителей важный предметъ торговли. Не замѣчательно-ли однакожь, какъ Америка усвоиваетъ себѣ чужеземныя растенія и послѣ беретъ за нихъ дань съ цѣлаго свѣта! Сахаръ, хлопчатая бумага, кофе, и наконецъ оливковое дерево, все это не туземныя Американскія растенія; а какъ Новый свѣтъ воюетъ ими!

Но оливки употребляются не только для масла. Вамъ вѣрно извѣстны черныя, кислыя, горькія ягоды, которыя называются у насъ *маслинами?* Это оливки, хотя подъ именемъ оливокъ продаютъ у насъ тѣже плоды, приготовленные инымъ способомъ. Вотъ въ чемъ различіе ихъ. Маслины получаемъ мы изъ Турціи и Греціи, гдѣ приготовляютъ ихъ безъ всякаго искуства, и отъ того имѣютъ они непріятный вкусъ. Впрочемъ, живущіе въ Россіи Греки большіе охотники до маслинъ, и почитаютъ ихъ даже необходимою приправою своего стола. И Руские, попривыкнувъ къ этому горькому плоду, находятъ въ немъ вкусъ, употребляютъ его въ кушанье и ѣдятъ просто. Но мы позволимъ себѣ сказать здѣсь, что это вкусъ варварскій, полудикій; все равно, что ѣсть деревянное или лампадное масло вмѣсто Провансскаго. Маслины, то есть оливки, привозимыя къ намъ изъ Турціи и Греціи, большею частію незрѣлы и приготовлены не лучше тамошняго масла, добываемаго изъ этого плода. Кто бывалъ въ Италіи или южной Франціи, тотъ знаетъ, что и тамъ не ѣдятъ оливокъ просто сорвавши съ дерева: онѣ горьки нестерпимо. Правда, есть оливки особеннаго рода, которыя не имѣютъ въ себѣ ни малѣйшей горечи, и ихъ пріятно ѣсть свѣжія. Но этого рода очень мало, и онѣ не вывозятся за границу; къ тому еще, для разведенія ихъ есть одно неудобство: къ нимъ такъ жадны птицы, что трудно уберечь отъ нихъ этотъ прекрасный плодъ. Тѣ оливки, пріятныя, вкусныя, услаждающія аппетитъ, которыя подаются на нашихъ столахъ, приведены въ настоящій ихъ вкусъ искуствомъ, приготовленіемъ. Опишемъ здѣсь два способа, ведущіе къ одной и той-же цѣли. Когда хотятъ приготовить оливки для употребленія въ пищу, ихъ мочатъ въ соленой водѣ. Вымочивши хорошенько, кладутъ еще на нѣкоторое время въ ароматическую воду, напитанную укропомъ, кишнецомъ и розовымъ деревомъ. Послѣ этого просто подсушиваютъ ихъ или заливаютъ уксусомъ. Другой способъ состоитъ въ томъ, что нѣсколько времени оливки мочатъ въ щелокѣ, усиленномъ прибавкой негашеной извести. Щелокъ употребляютъ, разумѣется, отстоенный. Когда онъ смягчитъ оливки до такой степени, что косточки въ нихъ отдѣляются отъ своего гнѣзда, тогда вмѣсто него наливаютъ чистой воды, которую перемѣняютъ каждый день. Наконецъ употребляютъ ту же ароматическую воду, которая описана и при первомъ способѣ. Такъ-то получаются знаменитыя оливки, цвѣтъ и краса гастрономическаго стола, достойныя сопутствовать и соперничать трюфелямъ.

Фамилія Пиколини прославилась особеннымъ приготовленіемъ оливокъ, которыя по ней и называются *Пиколины* (Picholines). Вся тайна приготовленія въ томъ, что помочивши оливки въ разсолѣ, ихъ обрѣзываютъ, выдавливаютъ изъ нихъ косточку, и кладутъ вмѣсто нея кусочекъ анчоуса и каперсъ. Залитыя масломъ, эти оливки сохраняются чрезвычайно долго.

МѢСТОРОЖДЕНІЕ НѢКОТОРЫХЪ ПЛОДОВЪ, ТРАВЪ И ДЕРЕВЬЕВЪ.

Не всѣ произведенія растительнаго царства, украшающія наши огороды, сады и теплицы, родились на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ видимъ ихъ нынѣ. Многія изъ нихъ переселены къ намъ изъ далекихъ странъ, многія даже не могутъ быть акклиматированы у насъ, и съ трудомъ растутъ въ самыхъ теплицахъ нашихъ. Невольно изумляешься трудолюбію и промыслительности человѣка читая слѣдующую роспись, гдѣ азбучнымъ порядкомъ показаны нѣкоторыя растенія и мѣсто происхожденія ихъ.

Абрикосъ происходитъ	изъ Арменіи.
Анисъ............ ...	изъ Египта.
Артишокъ......... ..	изъ Сициліи и Андалузіи.
Астра...............	изъ Китая.
Бобы Турецкіе.	изъ Индіи.
Брункрессъ.	съ острова Крита, нынѣшней Кандіи.
Бузина..............	изъ Персіи.
Виноградъ...........	изъ Азіи.
Вишни...............	изъ Понта, въ Малой Азіи.
Гвоздика [le girofle]...	съ Молукск. остр.
Гвоздики [l'oeillet].....	изъ Италіи.
Гранады.............	изъ Азіи.
Груши...............	изъ Франціи.

(окончаніе впредь).

БЫКЪ БРАМИНЪ.

Во всѣхъ странахъ древняго міра, гдѣ климатъ и почва способствовали успѣхамъ земледѣлія, быкъ всегда почитался полезнѣйшимъ для человѣка животнымъ, и потому часто даже законъ ограждалъ жизнь его отъ прихотей владѣльца. Такъ было при началѣ общественной жизни; и даже нынѣ видимъ мы, что на островѣ Кипрѣ, и въ нѣкоторыхъ другихъ земляхъ, жители не хотятъ питаться мясомъ быка; они глядятъ на того изъ поселянъ, который убиваетъ этого сотрудника въ сельскихъ работахъ, почти какъ на человѣка, питающагося мясомъ своего брата. Быкъ, говоритъ Плиній, былъ въ великомъ уваженіи у нашихъ предковъ; сохранился примѣръ одного гражданина, обвиненнаго передъ народомъ и осужденнаго за то, что онъ убилъ своего домашняго быка желая удовольствовать прихоть какого-то развратника, увѣрившаго его, что онъ никогда не ѣдалъ требухи. Обвиненнаго изгнали, будто человѣкоубійцу. Валерій Максимъ описываетъ это-же происшествіе, а Колумелла замѣчаетъ, что убить быка было уголовное преступленіе.

Извѣстно какое почтеніе оказывали этому животному въ Египтѣ. Убивали его только для жертвоприношеній; а рабочихъ быковъ было совсѣмъ запрещено убивать. Умершимъ отдавали всѣ похоронныя почести. Наконецъ, чтобы внушить еще больше уваженія ко всей породѣ быковъ, ихъ причисляли къ богамъ-покровителямъ Египта.

Почти обожаніе оказывали имъ также на всемъ Индійскомъ полуостровѣ. И теперь еще есть тамъ одна порода, священная для Индійцевъ: это *быки брамины*. Вы увидите, что они разгуливаютъ тамъ по деревнямъ, приходятъ на рынки, и ѣдятъ безъ малѣйшаго препятствія всѣ овощи и травы, какіе только понравятся имъ. Торговцы почитаютъ это особенною милостью неба, гордятся своимъ счастіемъ и радуются. Часто даже предупреждаютъ желаніе дорогаго посѣтителя и подносятъ сами тѣ яства, которыя могутъ прійдтись ему по вкусу. Такіе быки изображены и на прилагаемой здѣсь картинкѣ.

Не знаю, говоритъ Гранпре, путешествовавшій въ Индіи и Бенгалѣ, особенная-ли заботливость, или пища больше нѣжная и вольный родъ жизни причиной, но эти быки отличаются особеннымъ видомъ, и совсѣмъ не такъ тяжелы и неповоротливы какъ другіе. Они легки, красивы, бойки, и не лишены пріятности въ движеніяхъ.

Съ тѣхъ поръ какъ Мусульмане и послѣ нихъ Европейцы утвердились въ Индіи, быкъ не наслаждается тамъ прежнимъ счастливымъ жребіемъ. Его стройный видъ, слѣдствіе хорошей пищи и особенной заботливости, послужилъ теперь къ большей неволѣ его. Быка употребляютъ въ работы точно такъ-же какъ у насъ, и еще больше, потому что онъ не только возитъ тяжелые возы, но впрягается въ легкія кареты и даже въ кабріолетки. Ноги у Индійскаго быка длиннѣе нежели у нашего, и потому онъ можетъ бѣгать рысью. Зная только нашихъ, неповоротливыхъ, неуклюжихъ, кто повѣритъ, что Индійскіе пробѣгаютъ по сту и больше верстъ въ день?

Длинныя ноги составляютъ отличительный признакъ быковъ, назначаемыхъ для ѣзды; но особенно замѣчательно, что у всѣхъ Индійскихъ есть большой горбъ на передней части хребта.

Натуралисты означаютъ вообще именемъ *зебу* тропическихъ быковъ съ горбомъ, называя ихъ только особеннымъ видомъ нашего Европейскаго быка. Напротивъ, они почитаютъ отдѣльною породою горбатаго быка холодныхъ странъ сѣвернаго полушарія, или дикаго вола, *бизона*, прежде столь многочисленнаго на сѣверѣ Америки, и, какъ говорятъ, существующаго и въ самыхъ холодныхъ странахъ Стараго Свѣта.

Горбъ зебу совершенно отличенъ отъ горба бизона. Впрочемъ, и у того и у другаго онъ наполненъ жирнымъ веществомъ, которое почитается самымъ вкуснымъ кушаньемъ. Можетъ быть читатели наши помнятъ, какъ хвалитъ Куперъ, въ своемъ романѣ The Prairie, кушанье изъ бизонова горба.

Въ Европѣ, объемъ быка зависитъ отъ ухода за нимъ и отъ свойства его пищи. Искуство также способствовало разнообразію ихъ породъ, и отъ того можно встрѣтить у насъ быковъ гигантовъ и карликовъ. Въ Индіи это разнообразіе гораздо поразительнѣе. Тамъ есть породы быковъ колоссальнаго размѣра, и другія, которыя служатъ только для украшенія звѣринцевъ, потому что животныя этой породы не больше барана. Типпо-Саибъ прислалъ во Францію самку зебу, которая была не больше порядочной легавой собаки; на головѣ ея, вмѣсто роговъ, торчали небольшія возвышенія; мелкая шерсть аспиднаго цвѣта покрывала нѣжную кожу ея.

Кажется, что зебу слѣдовала за Индійцами во всѣхъ ихъ переселеніяхъ: она изображена съ удивительнымъ сходствомъ на большой лѣстницѣ въ Персеполѣ, въ боковыхъ барельефахъ, гдѣ представлены разныя области, приносящія свои дани. Въ Вавилонѣ также нашли многія изображенія ея, вылитыя изъ бронзы. Персы, по видимому, пе-

ревели ее, въ свою очередь, въ Согдіану, когда они водворили тамъ религію Зороастра. Зебу существовала тамъ въ X вѣкѣ, потому что изображеніе ея находится на Монгольскихъ монетахъ Дома Сельджукидовъ.

Что она была извѣстна въ Египтѣ, это открыто въ 1830-мъ году, когда въ Лондонѣ разсматривали вновь привезенную мумію: оказалось, что это мумія жреца, у ногъ котораго написанъ быкъ Аписъ, и также изъ породы зебу. Не льзя полагать однакожь, чтобы когда нибудь эта порода была тамъ общею, многочисленною. По крайней мѣрѣ Греки, во время частыхъ своихъ сношеній съ Египтомъ, нигдѣ не упоминаютъ о ней; а они, конечно, не пропустили-бы такого замѣчательнаго предмета. Странно однакожь, что во время Наполеоновой экспедиціи, когда ученый комитетъ Французскій сбиралъ всѣхъ туземныхъ животныхъ въ заведенный имъ звѣринецъ, въ числѣ другихъ привели туда и зебу.

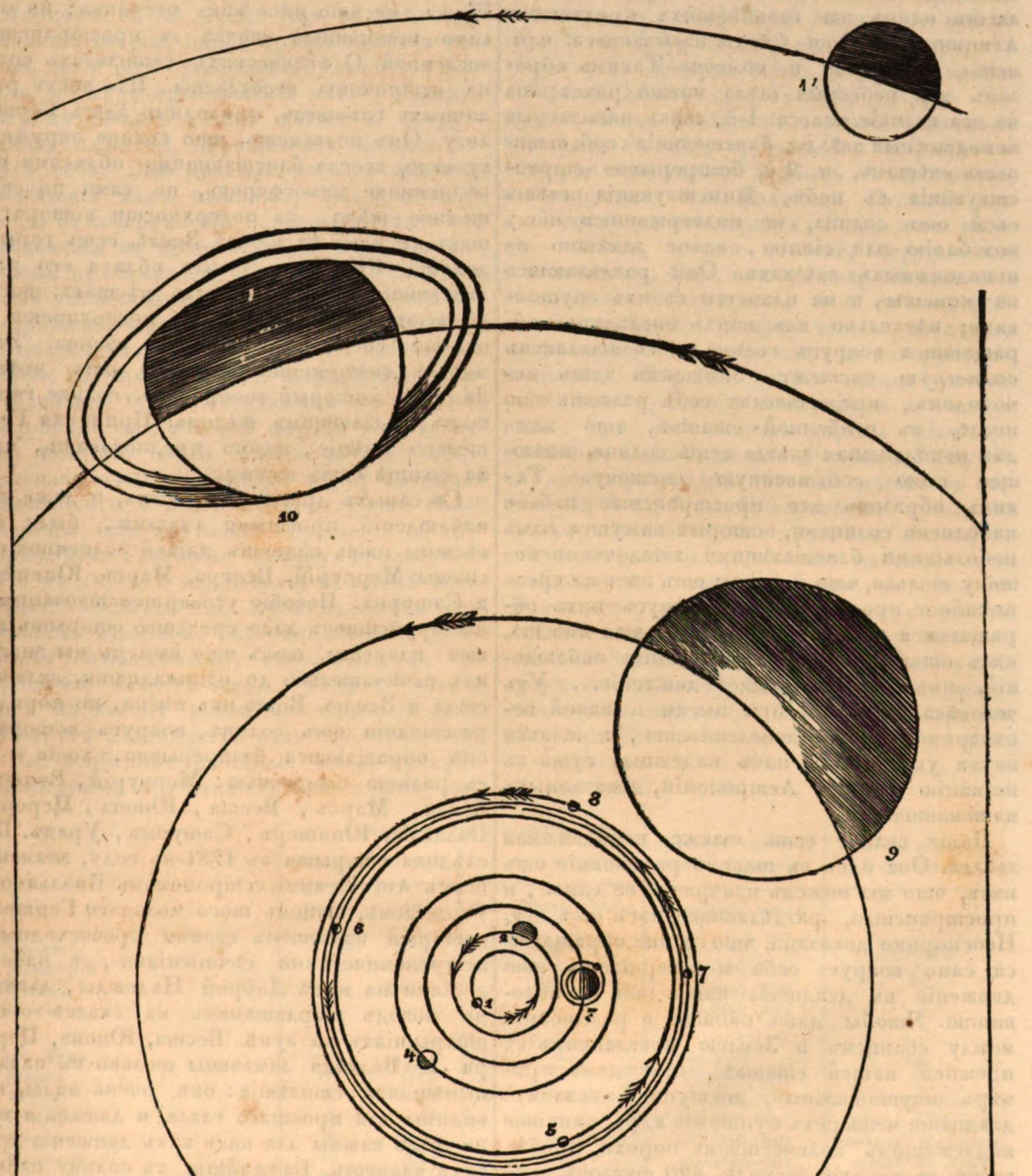
Нынѣ, въ Египтѣ быкъ замѣненъ буйволомъ; но это животное, почти свирѣпое, или по крайней мѣрѣ непокорное, не способно къ работѣ, и потому при поливаніи полей употребляютъ въ работу быка. Вмѣстѣ съ знаменитымъ жирафомъ, во Францію были привезены двѣ Египетскія коровы: онѣ почти ни въ чемъ не разнились отъ обыкновенныхъ; у одной, правда, не было роговъ; за то другая была самая обыкновенная корова.

Быкъ съ горбомъ водится во многихъ странахъ свѣта. Онъ есть въ Арменіи, хотя Артемій Вагаршапатъ и увѣряетъ, что этотъ быкъ существуетъ только въ одной области, а въ другихъ его нѣтъ. Извѣстный путешественникъ Буркхардтъ говоритъ, что онъ видѣлъ его на всѣхъ берегахъ Іемена. Арабы развели его также на Африканскомъ материкѣ, и на островахъ Африканскихъ. Вѣроятно отъ нихъ достигъ онъ и до мыса Доброй Надежды. Впрочемъ, тамъ его уже не было во время Кольбе, который просто называетъ лгунами своихъ предшественниковъ; а они, кажется, и не думали обманывать. Можно полагать, что отъ Арабовъ зебу перешли и на островъ Мадагаскаръ. Правда, ни одинъ писатель не говоритъ положительно, что у Мадагаскарскаго быка есть горбъ; однако Дюмень, въ описаніи своего путешествія, которое совершилъ онъ въ концѣ XVIII столѣтія, упоминаетъ, что изъ всѣхъ частей этого животнаго, самою вкусною почитается наростъ на спинѣ. Послѣ этого ясно, что онъ говоритъ о зебу.

Такъ распространилась эта Индійская порода; но *быкъ браминъ* потерялъ свою прежнюю славу и значительность, вмѣстѣ съ самими *людьми браминами*. Тѣмъ не меньше любопытно замѣтить предметъ достопамятный и въ Естествознаніи и въ Исторіи.

СОЛНЕЧНАЯ СИСТЕМА.

Прежде всего просимъ читателей нашихъ припомнить статью, помѣщенную въ І-мъ Т. Жив. Об., стр. 43-я, гдѣ, при изображеніи Луны, представлено истинное понятіе о планетной системѣ вообще. Здѣсь, прилагая рисунокъ, изображающій *величину планетъ относительно къ солнцу*, мы войдемъ въ нѣкоторыя подробности собственно о системѣ солнечной.

Въ безчисленномъ множествѣ свѣтлыхъ тѣлъ, наполняющихъ пространство вселенной, одни, неизмѣримо удаленныя отъ нашей Земли, имѣютъ свой собственный свѣтъ, постоянно сохраняютъ свое взаимное положеніе, или подвергаются въ этомъ едва замѣтнымъ неправильностямъ, и образуютъ всегда одинакимъ образомъ расположенныя соединенія звѣздъ. Эти называются *звѣздами неподвижными*. Другія суть темныя тѣла, которыя блещутъ заимствен-

нымъ свѣтомъ, и движутся въ пространствѣ по законамъ чрезвычайно сложнымъ, такъ что изысканіе этихъ законовъ составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ Астрономіи. Эти звѣзды называются: *планеты, спутники* и *кометы*. Такимъ образомъ всѣ небесныя тѣла можно раздѣлить на два великіе класса: 1-й, такъ называемыя неподвижныя звѣзды, блистающія собственнымъ свѣтомъ, и 2 й, безпрерывно странствующія въ небѣ, заимствующія свѣтъ свой отъ солнца, не подверженныя тому колебанію или сіянію, какое замѣтно въ неподвижныхъ звѣздахъ. Они раздѣляются на кометы, и на планеты съ ихъ спутниками; нѣсколько изъ этихъ послѣднихъ обращаются вокругъ солнца и составляютъ *солнечную систему*. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, предоставляя себѣ развить это послѣ, въ особенной статьѣ, что каждая неподвижная звѣзда есть солнце, имѣющее свою собственную систему. Такимъ образомъ все пространство небесъ наполнено солнцами, которыя кажутся намъ небольшими блистающими звѣздочками потому только, что удалены отъ насъ на чрезвычайное пространство. Вокругъ нихъ обращаются свои планеты, и все это вмѣстѣ, какъ открывается изъ новѣйшихъ наблюденій, имѣетъ одно общее движеніе.... Умъ человѣка безсиленъ при мысли о такой неизмѣримости и безчисленности, и только наука указываетъ намъ надежный путь къ познанію истинъ Астрономіи, доказанныхъ математически.

Наше солнце есть также неподвижная звѣзда. Она одна въ такомъ разстояніи отъ насъ, что мы можемъ измѣрять ее самое, и пространство, раздѣляющее насъ отъ нея. Неоспоримо доказано, что солнце обращается само вокругъ себя и совершаетъ это движеніе въ двадцать пять дней съ половиною. Чтобы дать понятіе о разстояніи между солнцемъ и Землею (показанномъ въ прежней нашей статьѣ), приведемъ примѣръ ощутительный, доступный всякому: двадцати-четырехъ фунтовое ядро, кинутое надлежащимъ количествомъ пороха, пробѣгаетъ въ первую секунду 420 туазовъ, что составитъ въ часъ около 3600 верстъ и въ сутки около 87,000 верстъ, если-бы ядро летѣло всегда съ равною скоростью. Но при этой необычайной быстротѣ, оно не прежде достигло-бы солнца какъ почти черезъ шесть годовъ!... Діаметръ солнца во сто двѣнадцать разъ болѣе діаметра земли Само солнце больше Земли въ милліонъ триста тысячь разъ, и въ восемь сотъ разъ больше всѣхъ планетъ, вмѣстѣ со всѣми ихъ спутниками. На этой огромности и соразмѣрной тяжести небесныхъ тѣлъ основанъ законъ ихъ равновѣсія и движенія. Земля всравненіи съ солнцемъ, по выраженію Біота, не что иное какъ песчинка; но оно само незамѣтная точка въ пространствѣ вселенной. О физическихъ свойствахъ солнца астрономы несогласны. Изъ всѣхъ различныхъ гипотезъ, приводимъ здѣсь Гершелеву. Онъ полагаетъ, что солнце окружено густою, всегда блистающими облаками наполненною атмосферою, но само по себѣ темное тѣло, на поверхности котораго, такъ-же какъ на нашей Землѣ, есть горы и долины. Иногда, свѣтлыя облака его раздвигаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ: тогда бываетъ видима часть его поверхности, и она-то составляетъ пятна солнца. Это мнѣніе совершенно отлично отъ мнѣнія Лапласа, который воображалъ солнце горящимъ, пылающимъ тѣломъ. Принимая Гершелево мнѣніе, можно предполагать, что на солнцѣ есть жители.

Съ самыхъ древнихъ временъ, и даже изъ наблюденій простыми глазами, были извѣстны пять планетъ нашей солнечной системы: Меркурій, Венера, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ. Пособіе усовершенствованныхъ инструментовъ дало средство открыть новыя планеты, такъ что теперь мы знаемъ ихъ окончательно до одиннадцати, включая сюда и Землю. Вотъ ихъ имена, по порядку разстоянія отъ солнца, вокругъ котораго онѣ обращаются безпрерывно, хотя и не съ равною скоростью: Меркурій, Венера, Земля, Марсъ, Веста, Юнона, Церера, Паллада, Юпитеръ, Сатурнъ, Уранъ. Послѣдняя открыта въ 1781-мъ году, знаменитымъ Англійскимъ астрономомъ Вилльямомъ Гершелемъ, отцомъ того молодаго Гершеля, который извѣстенъ своими превосходными астрономическими сочиненіями, и наблюденіями на мысѣ Доброй Надежды, давшими поводъ шарлатанамъ къ сказкѣ о его открытіяхъ на лунѣ. Веста, Юнона, Церера и Паллада замѣчены только въ началѣ нынѣшняго столѣтія: онѣ очень малы, невидимы для простаго глаза, и движенія ихъ не такъ важны для насъ какъ движенія другихъ планетъ. Ближайшія къ солнцу планеты, Меркурій и Венера, называются *нисшими*, потому что онѣ къ нему ближе Земли. За ними слѣдуетъ Земля, а далѣе восемь остальныхъ планетъ, которыя и называются высшими или *верхними*, потому что удалены отъ солнца болѣе Земли.

Пути, или *орбиты* планетъ, почти кругообразны; еще вѣрнѣе можно назвать ихъ эллипсисами, которыхъ средина занята солнцемъ. Орбита Земли называется *эклиптикою*. Чѣмъ ближе планеты къ солнцу,

тѣмъ быстрѣе совершаютъ онѣ свой путь; Уранъ, самый отдаленный изъ всѣхъ, проходитъ свою орбиту въ восемьдесятъ четыре года и девять дней; Земля въ одинъ годъ, а Меркурій въ 88 дней. Эта разница происходитъ не отъ одной продолжительности пути, но и отъ ускоряемаго движенія планетъ, по мѣрѣ приближенія ихъ къ солнцу.

Кромѣ общаго своего движенія вокругъ солнца, планеты обращаются каждая вокругъ себя. Это доказываютъ постоянныя наблюденія надъ пятнами, открываемыми иногда на поверхности планетъ: сначала они появляются на краю видимой поверхности, потомъ приближаются къ срединѣ ея и при этомъ увеличиваются; наконецъ видятъ ихъ на противоположномъ краю. Это наблюденіе подтверждаетъ еще другую истину, а именно: сферическую или шаровидную форму планетъ. Впрочемъ планеты не имѣютъ совершенно сферической формы. Земля, теперь твердое тѣло, а при началѣ своемъ, вѣроятно, жидкое, приняла форму сфероида сплющеннаго у полюсовъ и надутаго около экватора, отъ круговаго обращенія въ пространствѣ. Такую-же фигуру открываемъ мы и въ другихъ планетахъ, и, кромѣ нѣкоторыхъ отступленій, происходящихъ отъ частныхъ причинъ, онѣ оказываются тѣмъ больше сплющенными, чѣмъ быстрѣе ихъ обращеніе вокругъ себя. Такъ и должно быть по закону равенства жидкихъ тѣлъ.

Вокругъ нѣкоторыхъ планетъ обращаются еще особенныя небесныя тѣла, прекрасно названныя *спутниками* ихъ, потому что они неразлучно съ ними совершаютъ свой путь. До сихъ поръ замѣчены спутники у Земли, Юпитера, Сатурна и Урана. У Земли одинъ спутникъ, наша милая, прелестная Луна (см. подробную статью о ней въ Ж. О. т. I-й, стр. 43 я); у Юпитера ихъ четыре, у Сатурна семь, у Урана шесть.

Кромѣ этихъ спутниковъ, вокругъ Сатурна можно видѣть въ хорошій телескопъ еще одно явленіе, чрезвычайно странное и которое затрудняло первыхъ астрономовъ, замѣтившихъ его. Наконецъ Гугеній или Гюйгенсъ удостовѣрился, что это *кольцо,* тонкое, почти плоское, окружающее всю планету. Оно, по всѣмъ вѣроятностямъ, составлено изъ паровъ, и не имѣетъ собственнаго блеска, потому что верхняя дуга его кидаетъ замѣтную тѣнь на поверхность планеты. Ширина этого кольца почти равна пространству между нимъ и Сатурномъ, что составляетъ треть діаметра планеты. Слѣдовательно діаметръ Сатурна къ діаметру кольца его находится въ отношеніи 5 къ 7-ми. Поверхность кольца не безпрерывна; а черныя круговыя полосы на немъ, открытыя новѣйшими наблюденіями, доказываютъ, можетъ быть, что оно состоитъ изъ многихъ, различныхъ колецъ.

Для яснѣйшаго понятія разныхъ отношеній солнечной системы, представляемъ слѣдующую табличку, гдѣ Земля принята за единицу; а извѣстно, что *поперечникъ* или діаметръ ея составляетъ 1719 геогр. миль, поверхность 9,232,060 квадр. миль, весь объемъ 2,659,310,190 куб. миль.

	совершаетъ оборотъ					среднее удаленіе отъ солнца.	объемъ всравненіи съ землею.
	вокругъ солнца		вокругъ себя				
	годы	дни	дни	часы	мин.	географ. мили	
Солнце	— —	— —	25	14	—	— — —	1,500,000
Меркурій	— —	88	1	—	1	8,000,000	$\frac{1}{25}$
Венера	— —	$224\frac{3}{4}$	—	23	22	15,000,000	$\frac{4}{5}$
Земля	1	— —	1	—	—	21,000,000	1
						отъ земли	
ея Луна	— —	$27\frac{1}{2}$	$27\frac{1}{3}$	—	—	51,600	$\frac{1}{50}$
Марсъ	1	322	1	—	39	32,000,000	$\frac{1}{5}$
Веста	3	224	неизвѣстно			50,000,000	очень мала
Юнона	4	11	—	—	—	55,000,000	менѣе Цереры
Церера	4	220	—	—	—	57,700,000	вполов. Паллады
Паллада	4	221	—	—	—	столько-же	почти съ луну
Юпитеръ съ 4 спутниками	11	314	—	9	56	108,000,000	1333
Сатурнъ съ 7 спутниками	29	166	—	10	—	199,000,000	928
Уранъ съ 6 спутниками	84	9	—	7	—	400,000,000	75

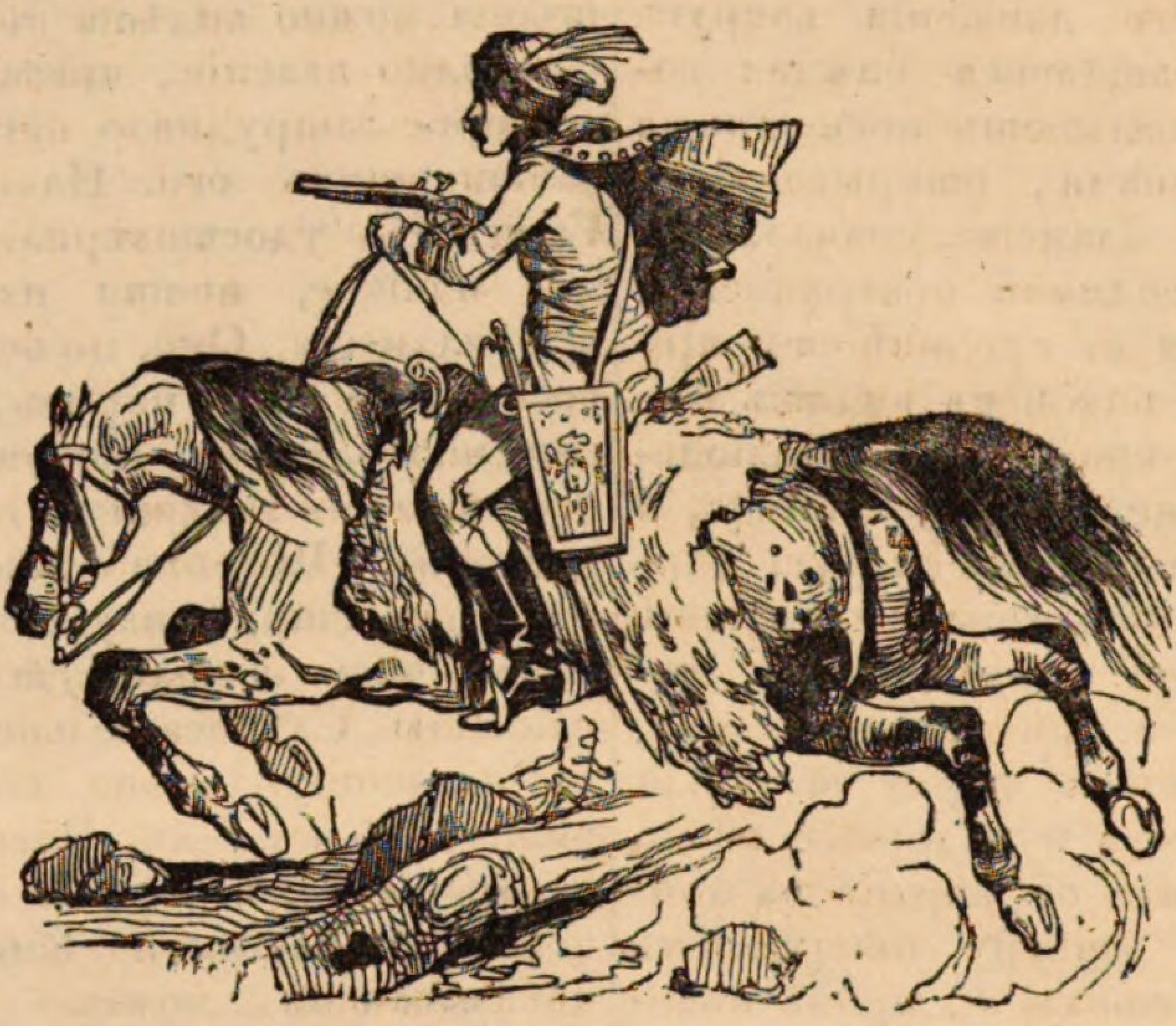
На приложенномъ въ началѣ нашей статьи рисункѣ, цифры означаютъ слѣдующее: 1 Меркурій, 2 Венера, 3 Земля, 4 Марсъ, 5 Веста, 6 Юнона, 7 Церера, 8 Паллада, 9 Юпитеръ, 10 Сатурнъ, 11 Уранъ. Самый рисунокъ изображаетъ относительную величину планетъ, предполагая видимую величину солнца 16 дюймовъ въ діаметрѣ.

Въ заключеніе мы должны сказать, что Астрономія, наука важная и возвышенная, требуетъ предварительнаго приготовленія для полнаго понятія истинъ ея. Мы ни мало не думаемъ, чтобы статья наша была любопытна для знакомыхъ съ этими истинами; все наше требованіе: пробудить въ юныхъ или неопытныхъ умахъ желаніе

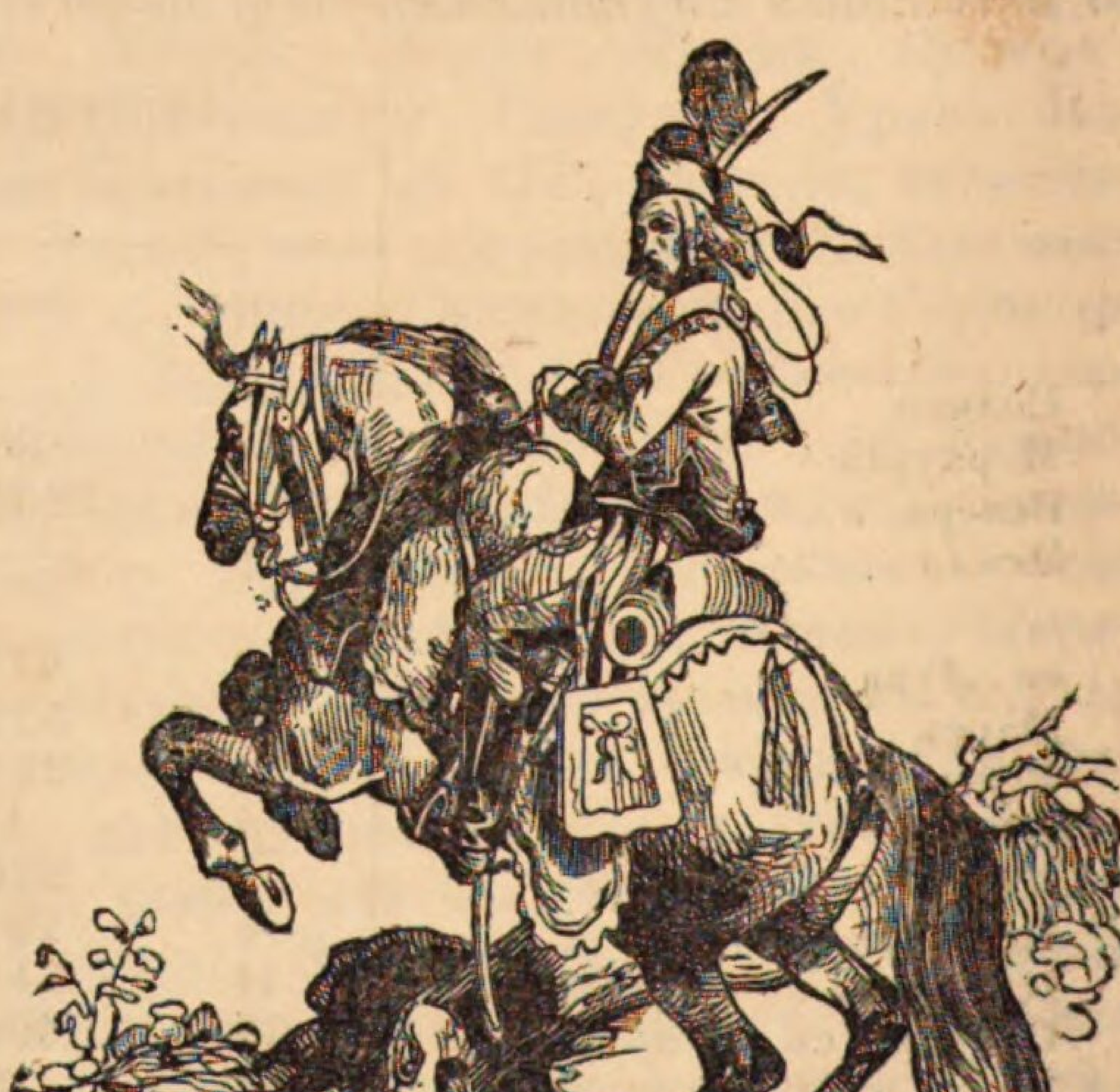
узнать въ точности, изъ ученыхъ сочиненій, все, о чемъ сдѣлали мы нѣсколько легкихъ намековъ.

ГУСАРЫ.

Кавалерія составляетъ одинъ изъ трехъ родовъ войска, и въ рукахъ искуснаго полководца есть важное, необходимое средство къ побѣдѣ, послѣдней и главной цѣли войны. Для этого надобно знать свойства и сущность кавалеріи, и умѣть кстати, въ надлежащемъ мѣстѣ употреблять ее. Генералъ кавалерійскій, одаренный всѣми способностями, какихъ требуетъ назначеніе его, часто даетъ перевѣсъ битвѣ и рѣшаетъ судьбу кампаній. Таковъ былъ Зейдлицъ у Фридриха Великаго и Мюратъ у Наполеона, который сказалъ объ этомъ послѣднемъ: «Если-бъ при Ватерлоо у меня былъ Мюратъ, я выигралъ-бы битву.» Извѣстна также знаменитая кавалерійская атака Генерала Келлермана при Маренго: она рѣшила битву. Французы были въ полномъ отступленіи, все гибло у нихъ и бѣжало; но Генералъ Келлерманъ, имѣя только 500 всадниковъ, воспользовался тою минутою, когда Австрійцы увлеклись слишкомъ пылко въ преслѣдованіе непріятеля, и неожиданно ударилъ на нихъ съ тылу.... Это перевернуло все.... Австрійцы понесли безпримѣрную потерю, а Наполеонъ сдѣлался обладателемъ полуміра. Послѣ такихъ примѣровъ, кавалеристы смѣло могутъ гордиться значительностью своей сабли или пики. Но самая большая сила ихъ заключается въ томъ впечатлѣніи, какое производитъ на противниковъ грозная масса людей, скачущихъ смѣло, неустра-

шимо, и, кажется, готовыхъ опрокинуть все на пути своемъ. Случалось-ли вамъ видать кавалерійскую атаку? Зрѣлище страшное и величественное!.. И его стараются усилить всѣми средствами, которыя всегда производятъ свое дѣйствіе. Такъ, напримѣръ, когда несется въ атаку уланскій полкъ, флюгера на пикахъ его, съ свистомъ и шумомъ разрѣзывая воздухъ, поселяютъ невольное содроганіе.... Звонъ и зыкъ тяжелаго кирасирскаго вооруженія, гикъ и страшный видъ казаковъ производятъ то же дѣйствіе. А гусары, о которыхъ должны мы говорить въ этой статьѣ, красивые, стройные гусары? Они, со своими ментиками, кажутся какими-то крылатыми людьми, отъ

которыхъ не спасется ни что: они перепрыгнутъ рвы и ямы и разразятъ своего непріятеля *прелестными* кривыми саблями своими, и пиками, потому что и у нихъ нынче есть пики.... Но пора намъ, отъ этихъ общихъ соображеній, перейдти прямо къ исторіи гусаровъ.

Происхожденіе ихъ было случайное. Въ 1458 году, Венгерскій Король Матвѣй I-й, приказалъ прелатамъ и дворянамъ своего государства явиться въ его лагерь съ рейтарами. Тогда-то собрано было по одному человѣку съ каждыхъ 20 домовъ, и такъ составилось изъ Венгерскихъ словъ: husz, *двадцать,* и ar, *выдача, плата,* названіе *гусаръ.* Эти первоначальные гусары отличались одеждою и своимъ оружіемъ. Они такъ нравились вездѣ, что и въ другихъ государствахъ начали потомъ составлять гусарскіе полки. Но Венгерскіе гусары остаются до сихъ поръ лучшею кавалеріею въ своемъ родѣ, съ которою не могутъ сравниться ни какія подражанія. Они составляютъ украшеніе Австрійской арміи, и столькоже искусны въ исполненіи своего дѣла, сколько красивы наружностью. Знающіе люди говорятъ, что это одна изъ лучшихъ, если не самая лучшая кавалерія во всей Европѣ. Блестящій нарядъ Венгерской кавалеріи сдѣлался родовымъ нарядомъ всѣхъ гусаровъ. Впрочемъ, не всегда былъ онъ таковъ, какимъ видимъ его нынѣ: онъ измѣнялся временемъ, и въ Венгріи и въ другихъ государствахъ; только шитье, шнурки и висящій ментикъ остаются отличительными признаками всѣхъ гусаровъ. Сначала, Венгерскіе гусары были войско не регулярное, какъ наши казаки, не знали строю и больше употреблялись въ малой войнѣ. Потомъ они вошли въ общій составъ легкихъ войскъ, и теперь отличаются почти единственно своимъ нарядомъ.

Во Франціи гусары появились при Людовикѣ XIII-мъ, въ 1657 году. Вотъ какъ это было. Названный нами Король, слабый и ничтожный, не довѣрялъ своимъ войскамъ и нанималъ цѣлые полки чужеземцевъ. Въ числѣ ихъ было нѣсколько сотенъ гусаровъ, называвшихся *Венгерскою кавалеріею.* Уже при Людовикѣ XIV, въ 1691-мъ году, явилось большое число Венгерскихъ дезертёровъ, которые просили принять ихъ въ службу Франціи. Но клевреты Людовика XIII-го еще были памятны, и за эту дурную славу Венгерцамъ отказали. Они нанялись въ слуги ко многимъ знатнымъ господамъ, которые были рады принять къ себѣ видныхъ молодцовъ, замѣчательныхъ и своимъ красивымъ нарядомъ. Между тѣмъ число Венгерскихъ дезертёровъ увеличивалось безпрестанно, а состояніе слуги было для нихъ нестерпимо. Одинъ смѣльчакъ Венгерецъ явился отъ имени своихъ товарищей къ Герцо-

гу Люксанбургскому, и сказалъ, что они пришли во Францію служить подъ знаменами ея, а не въ лакейскихъ и не на конныхъ дворахъ знатныхъ господъ; что теперь число ихъ довольно велико, такъ что даже опасно оставлять безъ дѣла столько недовольныхъ людей, храбрыхъ и предпріимчивыхъ. Онъ просилъ употребить ихъ въ войнѣ, хоть для опыта. Предложеніе его приняли, и небольшой отрядъ Венгерцевъ оказалъ большія услуги въ партизанской войнѣ. Это возстановило славу гусаровъ во Франціи, и вскорѣ образовали изъ нихъ нѣсколько полковъ. Съ разными перемѣнами, они постоянно составляли часть Французскихъ войскъ, и въ Революцію число гусарскихъ полковъ увеличилось до четырнадцати. По возстановленіи Бурбоновъ, это число ограничили шестью полками. Столько-же ихъ и теперь во Франціи. Тамъ есть званіе Инспектора или шефа гусаровъ: первымъ былъ Герцогъ Орлеанскій, отецъ нынѣшняго Короля. Наполеонъ наградилъ тѣмъ-же почетнымъ титуломъ Герцога Абрантесъ, своего перваго Адъютанта. Послѣ него Инспекторомъ гусаровъ былъ Генералъ Лебрёнъ, а при Бурбонахъ опять Герцогъ Орлеанскій, нынѣшній Король Французовъ.

Не въ одной Франціи, но и во всѣхъ Европейскихъ государствахъ (исключая Испанію, если не ошибаемся) учреждены были гусарскіе полки, почти въ одно время. Не описываемъ частныхъ измѣненій въ ихъ нарядѣ, потому что въ главномъ, какъ мы уже сказали, онъ былъ и остается одинаковъ. Это можно видѣть въ приложенныхъ здѣсь четырехъ изображеніяхъ гусаровъ разныхъ временъ.

Не знаемъ когда первоначально учреждены гусарскіе полки у насъ въ Россіи, хотя извѣстно, что къ Петру Великому пріѣзжали гусары изъ Европы. Но можемъ сказать утвердительно, что наши гусары были и остаются одними изъ лучшихъ въ Европѣ. Всѣ войны Россіи, озаряющія такимъ блескомъ нашу Исторію со временъ Суворова, могутъ служить подтвержденіемъ этихъ словъ. Особенно войны съ Наполеономъ, и больше всѣхъ исполинская кампанія 1812 года, показали все превосходство нашей легкой кавалеріи, и въ томъ числѣ гусаровъ. Блистательныя атаки ихъ во время Бородинской битвы записаны въ Исторіи. Частные подвиги ихъ не меньше достопамятны. Гусаръ, извѣстный всей Россіи, образовалъ у насъ партизанскую войну и придалъ новый блескъ славѣ своихъ собратовъ.

Замѣчательно, что пользуясь заслуженною славою храбрости и мужества на войнѣ, гусары умѣли заслужить еще славу и другаго рода, можетъ быть не столь великолѣпную, но больше сладостную для молодаго, пылкаго сердца. Кто не знаетъ магическаго дѣйствія, какое производитъ образованный, *нынѣшній* гусарскій корнетъ или поручикъ на ту половину человѣческаго рода, для которой посвящаетъ всѣ годы обольщеній другая половина? Мы сказали: корнетъ и поручикъ, и затрудняемся прибавить къ этому: ротмистръ, потому что слава этого чина уже граничитъ съ славою *старыхъ* гусаровъ, которые охотнѣе кидаются въ пылкое раздолье сраженія, нежели на паркетъ бальной залы, и скорѣе готовы обмѣняться сабельными ударами съ непріятелемъ, нежели нѣжнымъ взглядомъ и вздохомъ въ упоительномъ вихрѣ моднаго танца... Впрочемъ, въ наше время истребилось поколѣніе тѣхъ *коренныхъ* гусаровъ, которыхъ неподражаемо воспѣлъ знаменитый собратъ ихъ, пѣвецъ вина, любви и славы! Въ наше время, гусаръ такой-же свѣтскій человѣкъ, какъ и всѣ другіе, и только блестящій мундиръ его и молодые усики, да, можетъ быть, слава волшебнаго званія, даютъ ему преимущества, всегда завидныя для юныхъ лѣтъ... Напротивъ старый гусаръ... о, это было существо особеннаго рода... Можемъ-ли мы выразить это лучше нежели тотъ пѣвецъ (Д. В. Давыдовъ), котораго имя безпрестанно приходитъ на умъ при мысли о гусарахъ?.. Перескажемъ здѣсь куплеты его, и повтореніемъ ихъ надѣемся угодить многимъ. Вотъ она, *Пѣсня стараго гусара:*

Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ?
Гдѣ гусары коренные,
Предсѣдатели бесѣдъ,
Собутыльники сѣдые?

*

Дѣды! помню васъ и я,
Испивающихъ ковшами
И сидящихъ вкругъ огня,
Съ красносизыми носами.

*

На затылкѣ кивера,
Доломаны до колѣна,
Сабли, ташки у бедра,
И диваномъ — кипа сѣна.

*

Трубки черныя въ зубахъ,
Всѣ безмолвны — дымъ гуляетъ
На закрученныхъ вискахъ,
И усы перебѣгаетъ.

*

Ни полслова... дымъ столбомъ...
Ни полслова... всѣ мертвецки
Пьютъ, и преклонясь челомъ
Засыпаютъ молодецки.

*

Но едва проглянетъ день,
Каждый по полю порхаетъ,

Киверъ звѣрски на бекрень,
Ментикъ съ вихрями играетъ.

*

Конь кипитъ подъ сѣдокомъ,
Сабля свищетъ, врагъ валится...
Бой умолкъ — и вечеркомъ
Снова ковшикъ шевелится.

*

А теперь что вижу?.. Страхъ!
И гусары въ модномъ свѣтѣ,
Въ вицъ-мундирахъ, въ башмакахъ
Вальсируютъ на паркетѣ!

*

Говорятъ умнѣй они...
Но что слышимъ отъ любова?
»Жомини, да Жомини!»
А объ водкѣ ни полслова!

Эта милая шутка, написанная мастерскимъ перомъ, представляетъ вѣрную характеристику стараго и новаго времени. Въ самомъ дѣлѣ, что за гусаръ, который читаетъ глубокомысленныя военныя изысканія Жомини, и еще разсуждаетъ о нихъ?.. Такъ, говорятъ, думали старые гусары, которыхъ образчики исчезли теперь и остаются лишь въ преданіяхъ и разсказахъ.

НЕАПОЛЬ СО СТОРОНЫ МОРЯ.

Всѣ путешественники соглашаются, что видъ Неаполя со стороны моря не имѣетъ равнаго себѣ, и что едва-ли сравнится съ нимъ въ этомъ отношеніи самый Константинополь. Въ статьѣ нашей о Неаполитанскомъ Королевствѣ и крѣпости Св. Эльма (см. Ж. О. т. I-й, стр. 114-я), мы довольно подробно описали очаровательную природу и нѣкоторыя достопамятности, нѣкоторые историческіе слѣды этой классической страны. Здѣсь читатель видитъ *Неаполь со стороны моря, отъ Кастель-Дель-Ово.* Для поясненія этого необходимо войдти въ нѣкоторыя подробности.

Неаполь расположенъ на берегу залива, и занимаетъ въ глубинѣ полукружія его около осьми миль. Природа какъ будто хотѣла сдѣлать все для красоты и великолѣпія этого города. Берегъ возвышается амфитеатромъ, и когда приближаетесь къ нему съ моря, на горизонтѣ видны вамъ, съ одной стороны грозный Везувій, усѣянный по всему склону своему яркою зеленью садовъ и бѣлыми зданіями загородныхъ домовъ, съ другой неизмѣримый городъ, оканчивающійся прелестными видами окрестностей Неаполя. Ближе къ вамъ, два довольно обширныя возвышенія, изъ которыхъ на одномъ выстроены небольшая крѣпость и красивые маяки, на другомъ крѣпость дель-Ово. И вотъ именно точка, съ которой Неаполь представляется во всей своей красѣ! Впрочемъ, съ какой-бы стороны вы ни глядѣли на него, онъ прелестенъ отвсюду. Не льзя ничего представить себѣ необыкновеннѣе, изумительнѣе. Вотъ и островъ Капрея, какъ-бы замыкающій заливъ съ южной стороны, и хотя онъ почти въ семи миляхъ отъ города, однако видъ его пріятно разнообразитъ и оканчиваетъ картину цѣлаго.

Разсматривая ближе самый городъ, можно рѣшительно сказать, что въ немъ нѣтъ ни одного зданія изящнаго, достойнаго очаровательной мѣстности Неаполитанской столицы. Изъ двухъ сотъ церквей, ни одна не отличается даже замѣчательнымъ фасадомъ или портикомъ. Здѣсь, кажется, заботились не о красотѣ архитектуры, а о наполненіи храмовъ картинами и золотыми украшеніями. Лучше другихъ соборная церковь Св. Януарія, покровителя города. Еще можно упомянуть о церкви св. Филиппа Нерійскаго, которой внутренность славится богатыми колоннами изъ древняго гранита и хорошими произведеніями живописи.

Дворцы и домы также не отличаются вкусомъ въ постройкѣ. Они въ пять и шесть этажей, закопчены, запылены снаружи, а плоскія кровли ихъ вѣчно покрыты мѣлкимъ пепломъ. Едва успѣетъ вѣтеръ или дождь очистить ихъ отъ этого подарка Везувія, какъ новый гнѣвъ сердитаго великана опять даритъ ихъ тѣмъ-же. Любитель изящныхъ зданій тщетно ищетъ здѣсь чего нибудь похожаго на Римъ. Недавно сгорѣлъ и обширный театръ Санъ-Карло, одно изъ лучшихъ зданій, которое соединялось съ Королевскимъ дворцомъ. Другіе театры не хороши. Дворецъ отличается гранитными колоннами и обширнымъ фасадомъ.

Изъ пяти предмѣстій Неаполя, самое прелестное *Кіаджа,* въ западной сторонѣ города, украшенное великолѣпными домами. Оно оканчивается длинною набережною, или, лучше сказать, гульбищемъ, обсаженнымъ померанцевыми и лимонными деревьями, посреди которыхъ плещутъ фонтаны. Тамъ увидите и Фарнезскаго быка, одно изъ изящныхъ произведеній древности, и бюстъ Тасса, поставленный Французами въ ротондѣ, поддерживаемой колоннами изъ бѣлаго мрамора. Это сборное мѣсто лучшей части жителей, въ тихіе, несравненные Итальянскіе вечера. Въ разныхъ частяхъ города также есть фонтаны. Обширный водопроводъ доставляетъ воду отъ подошвы Везувія.

Но некрасивыя улицы Неаполя оживлены дѣятельностью многочисленныхъ его жителей. *Толедская улица* шумнѣе всѣхъ, и едва-ли гдѣ нибудь можно видѣть такую странную, суетливую толкотню безчисленныхъ экипажей, пѣшеходовъ и промышленниковъ

всякаго рода!... Экипажи летятъ не забо-тясь о пути, и, кажется, раздавятъ всю эту пеструю толпу, которая наполняетъ улицу, движется во всѣхъ направленіяхъ и не думаетъ оглядываться. Но у здѣшнихъ жителей есть какое-то особенное чутье и способность не быть раздавленными: Неаполитанецъ *предчувствуетъ* каждое приближеніе экипажа, уклонится плечомъ, рѣдко всѣмъ тѣломъ, и опять становится на прежнее мѣсто. Но что-же дѣлаетъ весь этотъ народъ въ Толедской улицѣ? Это движеніе не трудолюбія, не промышленности. Неаполитанцы бѣгаютъ, суетятся, двигаются безъ всякаго дѣла, такъ-же какъ ссорятся и бранятся другъ съ другомъ сами не зная за что. Наши слова, разумѣется, указываютъ только на простой народъ, потому что въ немъ должно наблюдать народный характеръ. Тутъ Aquaiolo раздаетъ свой прохладительный напитокъ; Лаццарони продаетъ фиги; а вотъ и продавецъ макароновъ собралъ вокругъ себя охотниковъ, и увѣряетъ ихъ, что проглотить нѣсколько макароновъ его значитъ

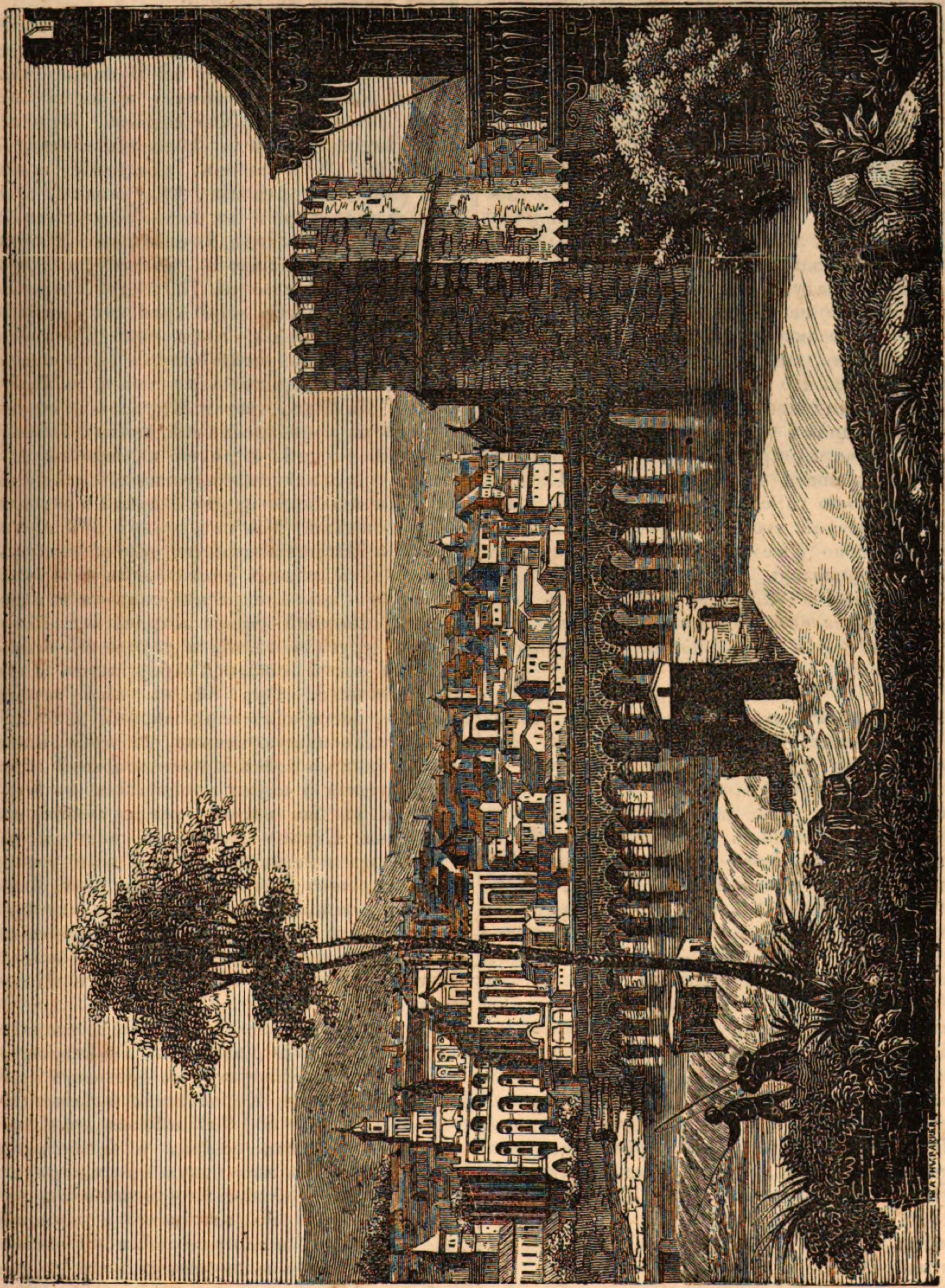

узнать райское наслажденіе. Все это шумитъ, волнуется, и не любитъ вмѣшательства полиціи. Это опять народная черта. Вы можете отсчитать сколько вамъ угодно палочныхъ ударовъ мошеннику, который опустилъ руку въ вашъ карманъ: народъ похвалитъ васъ за это; но поведите его къ будочнику: всѣ заропщутъ.

Неаполитанскіе Лаццарони существа особенныя, непонятныя въ другихъ странахъ. Это бѣднѣйшій классъ народа, праздный по волѣ и униженный отъ лѣности. Онъ и не думаетъ нарушать спокойствія города, гдѣ полиція не дѣлаетъ ничего для безопасности жителей. Эти люди за нѣсколько копѣекъ могутъ купить себѣ столько макароновъ, сколько имъ надобно, за бездѣлицу могутъ опиться ледяной водой, а больше имъ ничего и не надобно. Выработавши себѣ нѣсколько копѣекъ, они бѣгутъ на улицы и шатаются тамъ цѣлый день. Ледъ первая необходимость въ Неаполѣ, какъ хлѣбъ въ другихъ странахъ. Правительство старается всячески поддерживать дешевую цѣну его, потому что безъ льду мирный Неаполитанецъ готовъ бунтовать. Въ словахъ нашихъ нѣтъ никакого преувеличенія.... Бѣдность въ этомъ городѣ является подъ всѣми возможными формами, и часто обманываетъ иностранцевъ, которымъ жаль видѣть несчастныхъ посреди такого прекраснаго города, посреди такой природы.... Но еще осторожнѣе надобно быть отъ воровъ: иначе у васъ не только исчезнутъ часы и платокъ, но и пуговицы съ вашего сертука. Право, можно подумать, что древняя Парѳенопея была основана Спартанцами, у которыхъ воровство считалось одною изъ добродѣтелей.

Мы начали статью нашу очаровательною природою Неаполя, и оканчиваемъ ее жалкими, отвратительными жителями его. Чтожь дѣлать! Или не надобно разсматривать предметовъ ближе, или не надобно жаловаться, что люди вездѣ хуже природы.

КОРДОВА.

Кордова, главный городъ Испанской области, а прежде Королевства того-же имени, считается вторымъ городомъ въ Андалузіи, этомъ земномъ раю нашей Европы. Дѣленіе Испанскаго Королевства довольно странно, какъ мы замѣтили это въ нашей статьѣ о Мадритѣ (Ж. О. т. II, стр. 69). Причиной, разумѣется, Исторія; но путаница въ раздѣленіяхъ и подраздѣленіяхъ тѣмъ не меньше существуетъ. Такъ, напримѣръ, Андалузія, обширная область, которой границами служатъ къ сѣверу Эстрамадура и Ла Манча, къ востоку Мурсія и Средиземное море, къ югу тоже море и Гибралтарскій проливъ, а къ западу Португалія, Андалузія опять подраздѣляется на четыре области: Хаенъ, Гренаду, Севилью и Кордову, которыя были въ свое время Королевствами, и теперь называются то областями, то капитанствами, то, по старой привычкѣ, Королевствами. Но мы говоримъ собственно о Кордовѣ, или главномъ городѣ этой области. Онъ находится на правомъ берегу рѣки Гвадалквивира, при подошвѣ горнаго хребта, извѣстнаго подъ названіемъ Сіерра-Морены. Это городъ довольно древній, хотя время основанія его неизвѣстно. Знаемъ однакожь, что уже во время Римлянъ онъ былъ значителенъ и назывался Corduba и Colonia Patricia: Испанцы сдѣлали изъ перваго названія свое Cordova. Тамошняя Академія славилась какъ школа риторовъ и философовъ.

Но пала Римская Имперія, и Кордова, такъ-же какъ вся Испанія, была покорена Готѳами. Она оставалась подъ ихъ властью до осьмаго столѣтія, когда въ Испанію пришли Сарацины. Въ 711-мъ году, Родерикъ, послѣдній изъ Готѳовъ, былъ разбитъ въ знаменитомъ сраженіи подъ Хересомъ. Почти въ тоже время, 700 наѣздниковъ сдѣлали нечаянное нападеніе, ночью, на Кордову, овладѣли городомъ, и принудили губернатора запереться, съ окружавшими его 400-ми человѣкъ, въ большой церкви. Тамъ можно было держаться мѣсяца три, потому что церковь была напередъ укрѣплена; въ подвалахъ ея находилось довольно съѣстныхъ припасовъ, а вода шла туда подземными трубами изъ ручья, отъ самой подошвы горъ. Къ несчастію, осажденные захватили въ плѣнъ одного солдата Мусульманской арміи, и въ первый разъ видя *чернаго человѣка*, можетъ быть Негра, не шутя рѣшились вымыть ему лицо и повели его къ своему подземному водохранилищу. Черезъ недѣлю, этотъ плѣнникъ нашелъ случай спастись бѣгствомъ, и донесъ начальнику своей арміи, какимъ образомъ Христіане получаютъ воду. Немедленно была открыта и завалена водопроводная труба. Но осажденные не хотѣли сдаться и послѣ этого. Магометане зажгли церковь со всѣхъ сторонъ, и храбрые защитники ея всѣ погибли въ пламени.

Едва прошло пятьдесятъ лѣтъ послѣ этого, какъ Кордова была уже столицею Магометанской Имперіи въ Испаніи, главнымъ городомъ независимаго царства, названнаго западнымъ Халифатомъ. При паденіи Оммиадовъ, когда Абассиды завладѣли Дамасскимъ Халифатомъ, послѣдній потомокъ изгнанной фамиліи, Абдураманъ, пришелъ въ Испанію, и послѣ множества усилій и перемѣнъ утвердилъ тамъ свое Мавританское Королевство и сдѣлалъ столицею Кордову. Это было въ 759 году. Тогда-то начался блестящій вѣкъ Арабскаго рыцарства и великолѣпія, такъ что Испанскіе Мавры превзошли всѣхъ своихъ современниковъ, и въ ратныхъ подвигахъ и въ Искуствахъ. Диво-ли, что и Кордова процвѣла при своихъ роскошныхъ владѣтеляхъ? Величественныя зданія и другіе памятники Архитектуры свидѣтельствуютъ до сихъ поръ, что Мавританскіе цари обладали и вкусомъ и богатствами. Мы поговоримъ объ Архитектурѣ Мавританской въ другой статьѣ, представивъ нашимъ читателямъ изображеніе одного изъ прекраснѣйшихъ ея памятниковъ, соборной церкви Кордовской. Множество другихъ зданій и улучшеній оставили въ своей столицѣ Абдураманъ и его послѣдователи. Онъ обнесъ весь городъ стѣнами, построилъ великолѣпный дворецъ, началъ знаменитую мечеть, которая послѣ была славна во всемъ Магометанскомъ мірѣ. Всѣ искуства и науки процвѣтали въ Кордовѣ, и въ то время, когда почти вся остальная Европа томилась подъ игомъ варварства и невѣжества, въ одномъ уголкѣ ея, въ царствѣ Мавровъ, въ Кордовѣ, были училища, академіи, и свѣтильникъ наукъ не угасалъ. Это было единственное царство, гдѣ не перерывалось и совершенствовалось изученіе Геометріи, Астрономіи и Медицины.

Литтературная слава Кордовы не упадала, покуда ею владѣли Сарацины. Въ царствованіе Алгакама Втораго, въ десятомъ столѣтіи, тамъ была Королевская библіотека, состоявшая изъ 400,000 томовъ, собранныхъ изъ разныхъ странъ и за большую цѣну. Почти всѣ эти книги просматривалъ самъ Халифъ, и отмѣчалъ собственною рукою имя автора, генеалогію его и достоинство. Словомъ, литтературная образованность была тамъ въ чести, въ модѣ, и ученость казалась необходимымъ элементомъ общества. Явилось множество библіомановъ,

которые сбирали книги не жалѣя денегъ, и можетъ быть этой благородной страсти обязаны мы сохраненіемъ лучшихъ сочиненій древности.

Первый упадокъ Кордовы начался въ то время, когда Мавританская власть въ Испаніи раздѣлилась на части. Но главнымъ ударомъ для этого знаменитаго города можно почесть обратное завоеваніе его Испанцами, въ 1263 году, когда Фернандъ Святой взялъ городъ и изгналъ изъ него всѣхъ Мавровъ.

Нынѣшнее состояніе Кордовы не блистательно. Въ ней немного больше 40,000 жителей, тогда какъ при Маврахъ народонаселеніе простиралось за 300,000. Тогда, это былъ городъ промышленный, торговый, славный многими фабриками. Теперь торговля его ничтожна, а отъ славы прежнихъ фабрикъ остается только особенное приготовленіе кожъ, извѣстныхъ подъ именемъ *кордована*. Новые домы бѣдны, и только памятники Мавританскаго владычества еще изумляютъ путешественника. За нѣсколько миль не доѣзжая города, по дорогѣ изъ Андухара, надобно переѣзжать, подлѣ Venta de Alcolea, черезъ мостъ, одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ въ Европѣ, чудо искусства самаго роскошнаго.

Замѣчателенъ также мостъ, изображенный на картинкѣ, прилагаемой нами. Онъ построенъ черезъ Гвадалквивиръ, на шестнадцати аркахъ, и простирается на 1000 футовъ. Говорятъ, что прежде тутъ существовалъ Римскій мостъ; но когда онъ сталъ ветхъ, Мавры построили новый въ 721 году. Въ настоящій видъ привелъ его Гишамъ, сынъ Абдурамана. Во время стройки этого моста, онъ послалъ одного изъ своихъ близкихъ вельможъ, узнать, что говоритъ простой народъ о великолѣпномъ его предпріятіи. Правдолюбивый вельможа возвратился и сказалъ ему: «Говорятъ, Государь, что вы строите этотъ мостъ только для того, чтобы вамъ-же самимъ ѣздить черезъ него на охоту.» Гишамъ далъ себѣ клятву никогда не проѣхать по этому мосту, и свято исполнилъ ее... Такъ и воспоминанія въ Кордовѣ отзываются чѣмъ-то полу-восточнымъ! Самый городъ также носитъ характеръ своей исторіи: подлѣ великолѣпныхъ старинныхъ палатъ видите бѣдные домы нынѣшнихъ жителей; Римскіе памятники выглядываютъ изъ-за Мавританскихъ колоссальныхъ зданій; дворецъ Мусульманскихъ Королей превращенъ въ Архіепископскій домъ. Вообще, на Кордову лучше глядѣть издали, нежели смотрѣть вблизи на тѣсныя, грязныя, ветхія улицы ея; лучше прочесть ея поэтическую исторію, нежели теперь жить въ ея стѣнахъ.

Достовѣрно, что Кордова была отечествомъ обоихъ Сенекъ, Лукана, Авиценны, Аверроеса, и Гонзальва Гернандеза, больше извѣстнаго подъ именемъ Гонзальва Кордуанскаго. Плохой романъ Флоріана имѣлъ честь прославить этого славнаго рыцаря, истиннаго героя Среднихъ Вѣковъ, настоящаго сына своего времени, больше пылкаго наѣздника, нежели полководца въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ теперь это слово. Но вся Европа, не только Франція, читала романическія выдумки сахарнаго Флоріана, и, краснѣя должно признаться, больше всего по его книгѣ знала Андалузію, Кордову, Испанію, Мавровъ, и паденіе великолѣпнаго ихъ царства; а въ битвахъ противъ него хоть немного участвовалъ и *Гонзальво Гернандезъ Аквилара*, Кордуанскій, el gran Capitan, какъ называли его Испанцы. Истинно жаль, что по такимъ разсказамъ знаютъ у насъ всю Исторію Испаніи, поэтическую, странную, любопытную, ознаменованную южными страстями.

ЕГИПЕТСКІЯ ПЕЧИ ДЛЯ ВЫВОДА ЦЫПЛЯТЪ.

Вотъ предметъ, достойный любопытства и вниманія! Въ Египтѣ, издревле знаменитомъ своею ученостью и промышленностью, сохранилось донынѣ искуство выводить цыплятъ изъ яицъ, въ печахъ особеннаго устройства. Съ перваго взгляда это кажется мало вѣроятнымъ; но это несомнѣнно, когда читаемъ разсказы достовѣрныхъ путешественниковъ и видимъ самое устройство печей, въ которыхъ выводятъ цыплятъ. Особенное вниманіе обратилъ на это нѣкто О. Сикаръ, путешествовавшій по Египту, и мы займемъ здѣсь у него нѣкоторыя подробности, для объясненія прилагаемыхъ рисунковъ.

Первый рисунокъ изображаетъ грунтъ или подъ печи, съ круглыми отверстіями въ нижнее отдѣленіе ея. Въ серединѣ сдѣланъ длинный проходъ или корридоръ, оставляемый на такую ширину, чтобы человѣкъ только могъ пройти по немъ.

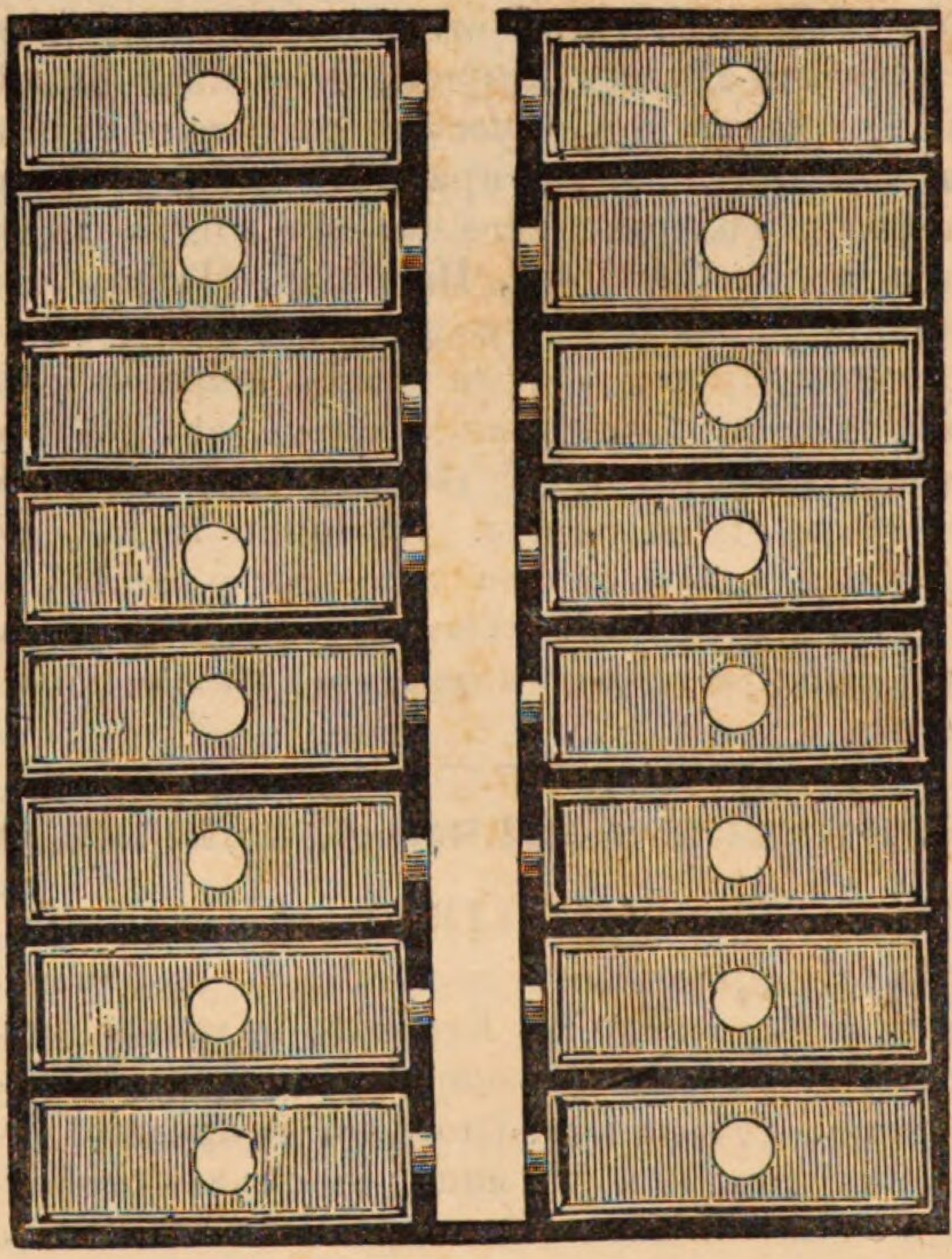
Другой рисунокъ представляетъ разрѣзъ одного отдѣленія этой печи и часть посредствующаго корридора.

Третій рисунокъ показываетъ наружный видъ печи, и отверстія въ нее.

Съ помощью этихъ рисунковъ будетъ понятно слѣдующее описаніе.

Въ длинную галлерею или корридоръ печи входитъ человѣкъ, и потомъ влѣзаетъ въ

одно изъ отдѣленій ея, какъ изображено это на третьемъ рисункѣ, потому что, для сохраненія равной теплоты, отверстія дѣлаются какъ можно меньше. Онъ укладываетъ тамъ яйца должнымъ порядкомъ, въ нижнемъ отдѣленіи печи, на мягкой рогожкѣ или одѣялѣ, для того что нѣжная подстилка также способствуетъ ровности теплоты. Послѣ этого разводятъ огонь въ верхнемъ отдѣленіи печи, такъ что внизъ

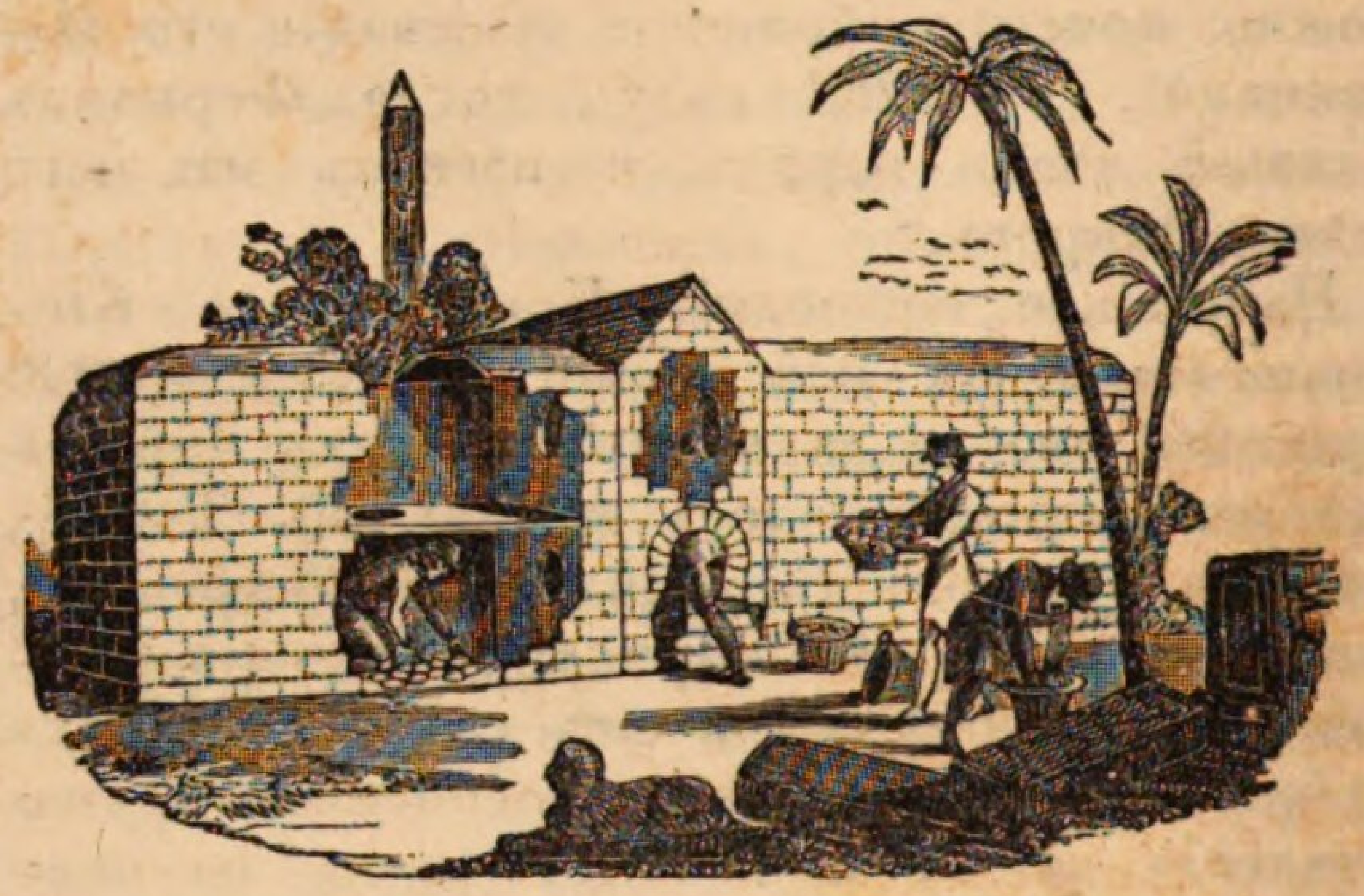

идетъ, сквозь сдѣланныя въ поду отверстія, только теплота, а дымъ и скопляющійся въ верху жаръ уходятъ въ трубу, выведенную въ корридоръ.

Печи дѣлаются различной величины; но вообще онѣ принимаютъ въ себя отъ 40-ка до 80,000 яицъ.

Для топки этихъ печей употребляютъ не дрова, отъ которыхъ жаръ былъ-бы слишкомъ пылокъ, а дѣлаемые нарочно кирпичи или глыбы, изъ соломы, перемѣшанной съ коровьимъ или верблюжьимъ пометомъ. Хорошо высушенные, эти кирпичи горятъ и потомъ долго тлѣютъ. Впрочемъ, такимъ матеріяломъ топятъ печи въ большей части Южной Россіи, гдѣ дровъ нѣтъ или онѣ слишкомъ дороги. Спросите всякаго Малороссіянина: онъ скажетъ вамъ, что̀ значитъ *кизякъ,* по тамошнему названію.

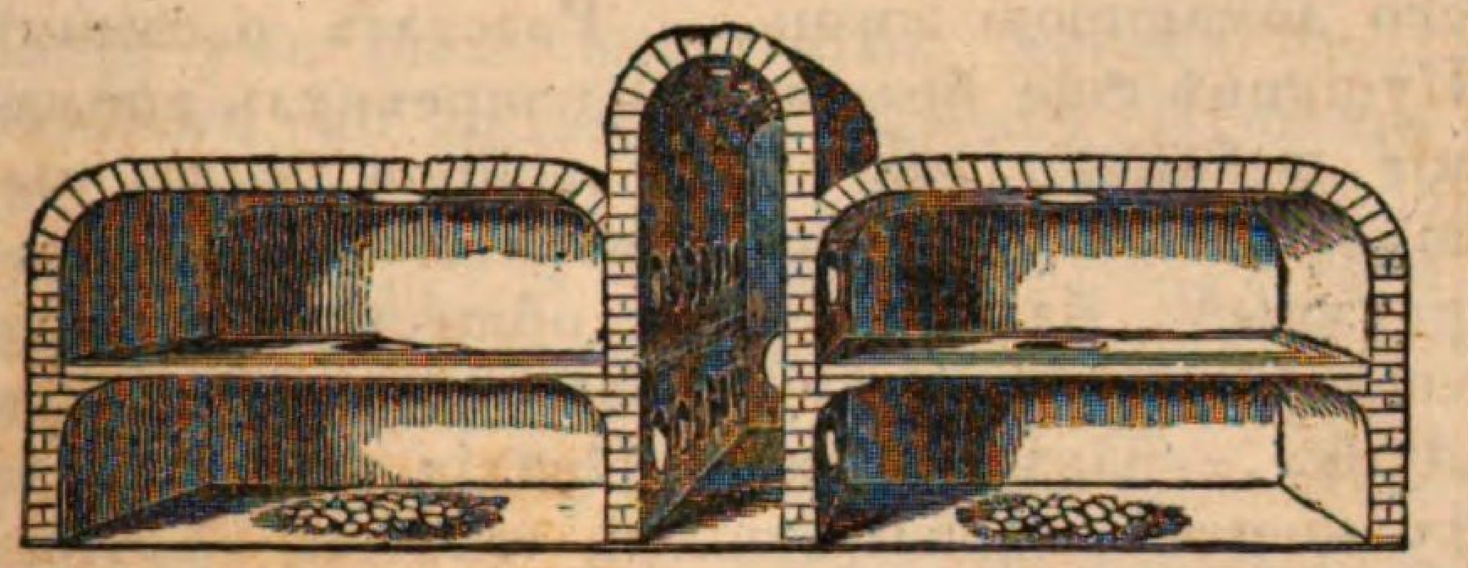
Описатели Египетскихъ печей несогласны въ томъ, сколько времени топятъ ихъ каждый день. Одни говорятъ, что огонь поддерживается круглыя сутки, другіе утверждаютъ, что его разводятъ только поутру и ввечеру. Послѣднее вѣроятнѣе, и даже сами смотрители обыкновенно называютъ это: дать позавтракать и поужинать маленькимъ цыплятамъ. Можетъ быть однако, что продолжительность топки зависитъ отъ объема печи, или температуры воздуха.

Послѣ извѣстнаго числа дней (то-есть послѣ осьми, десяти, двѣнадцати дней, смотря по надобности), перестаютъ топить печь, потому что она уже приведена въ такую температуру, которой достаточно для окончанія всего дѣйствія, продолжающагося двадцать одинъ день, такъ-же какъ и при высиживаніи яицъ насѣдками. Въ серединѣ этого періода, когда топка прекращается, переносятъ часть яицъ изъ нижняго отдѣленія въ верхнее, чтобы облегчить зародышамъ выйти изъ скорлупы; а это было-бы трудно для нихъ, если-бы яйца оставались въ нѣсколько рядовъ одни на другихъ. По видимому, искуство выводить цыплятъ помощью теплоты, въ печахъ, составляетъ въ Египтѣ тайну особаго класса людей. Успѣхъ при этомъ зависитъ отъ умѣнья расположить яйца, или отъ особенныхъ пріемовъ въ перекладываніи ихъ; но, какъ-бы ни было, здѣсь-то и секретъ жителей деревни Бермы и немногихъ окрестныхъ мѣстъ около Дельты. Тамъ отцы передаютъ въ наслѣдство дѣтямъ свое великое искуство, подъ строгимъ запрещеніемъ открывать его чужеземцамъ. Отъ того, каждою печью завѣдываетъ одинъ изъ жителей Бермы, и у него есть на это дипломъ отъ Аги. Полагаютъ, что въ разныхъ округахъ Египта есть такихъ печей до четырехъ-сотъ, а въ нихъ выводится цыплятъ ежегодно около 100,000,000. Берменцы обыкновенно выговариваютъ треть всего количества въ свою пользу. Напримѣръ, принимая 45,000 яицъ, Берменецъ долженъ представить за нихъ 30,000 цыплятъ; остальное служитъ наградой его искусства и труда.

Спросятъ: какая-же польза отъ этого

искуства?... Такая-же какъ и отъ всѣхъ искуствъ промышленности: изобиліе и дешевизна производимаго предмета. Не думаемъ, чтобы кто нибудь сказалъ, что выводить цыплятъ въ печахъ, значитъ противиться природѣ, которая опредѣлила каждому животному самому выводить дѣтей своихъ. На это можно замѣтить, что если природа не учреждаетъ фабрикъ, то учреждать ихъ не значитъ противиться ей.

Напротивъ, каждое новое фабричное производство есть новый подвигъ ума, шагъ къ просвѣщенію, уменьшеніе матеріяльнаго труда.... Но тутъ одно-ли просвѣщеніе! Вообразите радость человѣка, у котораго вывелось вдругъ 45,000 цыплятъ! Сколько было-бы ему хлопотъ, если-бъ онъ вздумалъ вывести такую армію цыплятъ насѣдками! И сколько понадобилось-бы насѣдокъ!... Но съ печью, извольте только припасать корму и мѣста!... Нѣтъ, право, не худо было-бы заняться этимъ любопытнымъ предметомъ, хоть-бы для пользы любителей лакомаго стола, если не для оригинальной побѣды надъ природою. Неужели не льзя привезти къ намъ какого нибудь полудикаго жителя Бермы, который выучилъ-бы нашихъ смѣтливыхъ мужичковъ своему искуству? Деньги дѣлаютъ все въ мірѣ промышленности: онъ открылъ-бы и свою тайну, если-бы ему посулить столько серебряныхъ рублей, сколько выйдетъ цыплятъ изъ его печи.

МѢСТОРОЖДЕНІЕ НѢКОТОРЫХЪ ПЛОДОВЪ, ТРАВЪ И ДЕРЕВЬЕВЪ.

(окончаніе).

Дыня, происходитъ.... съ Востока или изъ Африки.
Жасминъ.............. изъ Индіи.
Какао................ изъ Мексики.
Капуста бѣлая........ изъ сѣверн. странъ.
— — цвѣтная........ съ острова Кипра.
— — красная. } ... изъ Египта.
— — зеленая. }
Капуцины (цвѣты).... изъ Мексики и Перу.
Каштаны.............. изъ Кастанеи, въ Индіи.
Каштаны дикіе........ изъ Индіи.
Картофель............ изъ Америки.
Кофе................. изъ Аравіи.
Клещевица [le ricin]..... изъ Индіи.
Лавръ................ съ острова Крита.
Латукъ............... съ остр. Коса, въ Егейскомъ морѣ.
Лилея................ изъ Сиріи.
Лимонъ............... изъ Мидіи.
Лукъ................. изъ Египта.
Миндаль.............. изъ Мавританіи и изъ Азіи.
Морковь.............. изъ Франціи.
Нарциссы............. изъ Италіи.
Огурцы............... изъ Испаніи.
Оливки............... изъ Греціи.
Орѣхи (les noisettes)... изъ Понта.
— Грецкіе (la noix)..... изъ Азіи.
— лѣщадные (avellana).. изъ Китая.
Персики.............. изъ Персіи.
Петрушка............. изъ Египта, или Сардиніи.
Померанцы изъ Индіи или Тира.
Пшеница.............. изъ Азіи.
Рисъ................. изъ Еѳіопіи.
Рожь................. изъ Сибири и Скандинавіи.
Рѣпа................. изъ Франціи.
Сарочинское пшено.... изъ Китая.
Слива изъ Сиріи.
Спаржа............... изъ Азіи.
Табакъ............... изъ Америки.
Тыква................ изъ южной Россіи.
Тюльпанъ............. изъ Каппадокіи.
Укропъ............... съ Канарск. остр.
Фиги (винныя ягоды)... изъ Месопотаміи.
Хренъ................ изъ Китая.
Чай.................. изъ Китая.
Чеснокъ.............. съ Востока.
Чечевица............. изъ Сиріи.
Шарлотъ (l'echalotte)... изъ Аскалона, въ Сиріи.
Шпинатъ.............. изъ Малой Азіи.
Яблоки............... изъ Франціи.

Только продолжительные опыты и тщательныя, безпрерывныя попеченія могли усвоить нѣкоторыя изъ этихъ растеній Европѣ, и даже Россіи, не смотря на нашъ суровый климатъ. Но остановившись передъ непреодолимыми преградами, искуство, какъ-бы въ вознагражденіе за то, умѣло придать разнообразіе и новые виды многимъ изъ этихъ цвѣтовъ, травъ и деревьевъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ.

Въ 1820 году, въ Русской Словесности блеснуло явленіе новое, неожиданное, прекрасное: *Русланъ и Людмила.* Неизвѣстное

публикѣ имя было написано въ заглавіи этой поэмы. Но публика бываетъ всегда безпристрастна къ первымъ, блестящимъ опытамъ незнакомыхъ ей писателей, и не смотря на немногіе возгласы приверженцевъ старины, она сдѣлалась сильною покровительницею молодаго поэта. Чтобы понять впечатлѣніе, произведенное *Русланомъ и Людмилой*, надобно вспомнить тогдашнее состояніе нашей Литтературы. Только что начинали распадаться цѣпи такъ называемой классической Словесности, то-есть правилъ Французскаго литтературнаго кодекса, сдѣлавшихся закономъ отъ времени и давности лѣтъ. Жуковскій былъ почти единственнымъ представителемъ новыхъ требованій и новой школы писателей, убѣжденныхъ, что есть на свѣтѣ поэзія и не во Французскихъ стихахъ. Звучный, гармоническій его стихъ сталъ образцомъ для всѣхъ, кто воображалъ себя поэтомъ. Но воображать и быть дѣйствительно, не одно и то-же. Эта простая мысль никогда не приходитъ въ умъ подражателей, и отъ того они всегда принимаютъ форму за идею. Поэзія Жуковскаго, тоскующая о неземномъ, неразгаданномъ мірѣ, сдѣлалась предметомъ общаго подражанія. *Туманная даль*, какъ говорили современные критики, явилась подъ перомъ всѣхъ нашихъ стихотворцевъ, и наконецъ стала отличительнымъ характеромъ всѣхъ стиховъ. Господа пишущіе твердили о томъ, чего не было въ ихъ душѣ, и стихи ихъ были только звуками, отголоскомъ безъ мысли и чувства; наконецъ они сдѣлались утомительны, тягостны, нестерпимы. . . . Въ это время явился Пушкинъ со своимъ *Русланомъ и Людмилой*. Много молодаго, недочувствованнаго, вѣтренаго въ этой небольшой поэмѣ; но за то, какая роскошь картинъ, какая прелесть выраженія, и оригинальность, не въ прямомъ смыслѣ этого слова, но въ отношеніи къ тогдашней Русской поэзіи! Самый стихъ, избранный Пушкинымъ для перваго его большаго опыта, не могъ не обратить на себя вниманія: онъ кратокъ, сообразенъ съ юною пылкостью предмета, и для современниковъ звучалъ освобожденіемъ отъ длинныхъ, тягучихъ стиховъ тогдашняго поколѣнія писателей, посреди которыхъ было только двѣ звѣзды, Жуковскій и Батюшковъ: для такихъ версификаторовъ хорошъ всякій размѣръ, какъ доказалъ это послѣ и самъ Пушкинъ. Но первый опытъ сто показываетъ мастера своего дѣла въ избраніи самаго размѣра стиховъ. Онъ именно долженъ былъ начать четырехъ-стопнымъ ямбомъ.

Имя Пушкина загремѣло и въ великолѣпныхъ палатахъ, и въ скромныхъ домикахъ уѣздныхъ городовъ, и въ глуши отдаленныхъ деревень. Всѣ хотѣли знать, кто этотъ новый, сладкозвучный, пламенный поэтъ, который съ перваго шагу обогналъ другихъ почтенныхъ поэтовъ, еще до рожденія его *подвизавшихся на поприщѣ Россійской Словесности?* Всегда любопытно знать особу того, кто ослѣпляетъ насъ необыкновеннымъ подвигомъ, и мы любимъ видѣть портретъ славнаго писателя, знать его отношенія, его домашнюю жизнь.... Разсказъ о самомъ Пушкинѣ еще больше подстрекнулъ вниманіе публики: это былъ юноша, едва вышедшій изъ Царско-Сельскаго Лицея, остроумный, блестящій въ обществѣ, и уже странствовавшій на берегахъ Прута и Дуная, вблизи могилы Овидія.... Жадная къ новымъ впечатлѣніямъ юность сбирала всѣ мимолетныя, отдѣльныя стихотворенія, писанныя Пушкинымъ въ это время, и въ каждомъ изъ нихъ находила блескъ поэтическій и какую нибудь новую мысль, выраженную превосходно. Молодой поэтъ сдѣлался первымъ любимцемъ читающей публики, и она съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ слѣдила каждый его шагъ. Надобно признаться, что мѣлкія стихотворенія Пушкина *этого времени*, едва-ли будутъ долговѣчны; вѣроятно, онъ и самъ послѣ не дорожилъ ими; но они восхищали современниковъ, переписывались, перечитывались, твердились наизустъ.... 1822-й годъ былъ новымъ торжествомъ поэта: явился его *Кавказскій плѣнникъ!*... Неслыханный успѣхъ встрѣтилъ эту повѣсть сердца, хотя въ ней уже отзывался холодъ Байроновой души, не замѣтный тогдашнимъ читателямъ.... Ихъ восхищали поэтическія картины Кавказа, новость предмета, но всего больше несравненные, неподражаемые стихи Пушкина. Въ самомъ дѣлѣ, это музыка словъ! И какая прелесть, какая отчетливость въ каждомъ словѣ, въ каждомъ переливѣ звуковъ и мыслей.... *Бахчисарайскій фонтанъ*, рѣшительное подражаніе Байрону, только подражаніе Пушкина, великаго поэта, былъ принятъ съ новымъ восторгомъ, и утвердилъ славу его. Не мѣсто здѣсь входить въ разсмотрѣніе каждой поэмы Пушкина: мы хотимъ только показать отношенія его къ современникамъ, и напомнить о его торжественномъ пути на поэтической аренѣ. Соперниковъ у него не было. Онъ одинъ, всевластно господствовалъ въ поэзіи, потому что Жуковскій писалъ во все это время очень мало, а никто другой не могъ думать и не думалъ соперничать съ нимъ. Удивительно-ли, что каждая новая поэма его возбуждала новый восторгъ,

хотя, естественно, каждая имѣла свои красоты и свои недостатки.

Между тѣмъ Пушкинъ безвыѣздно жилъ въ своей деревнѣ, около Пскова, и это удаленіе отъ свѣта дѣлало его еще больше занимательнымъ для публики. Въ 1826 году онъ пріѣхалъ въ Москву. Надобно было видѣть участіе и вниманіе всѣхъ при появленіи его въ обществѣ!... Когда въ первый разъ Пушкинъ, былъ въ театрѣ, публика глядѣла не на сцену, а на своего любимца-поэта. Тогда уже была напечатана первая глава *Онѣгина;* по пріѣздѣ въ Москву Пушкинъ напечаталъ и вторую. Это прелестное произведеніе, гдѣ вполнѣ выразилъ себя нашъ поэтъ, гдѣ видна вся умственная жизнь его, всѣ мысли и впечатлѣнія, была апогеемъ его славы. Ни одно изъ его созданій, ни прежде ни послѣ, не возбуждало такого восторга. Критики не могли оцѣнить *Онѣгина,* потому что онъ являлся отрывками; но публика вѣрнѣе поняла его чувствомъ и признала первымъ, лучшимъ произведеніемъ Пушкина. Маленькая поэма *Цыганы,* была издана въ это-же время, въ Москвѣ.... Надобно-ли напоминать читателямъ нашимъ о красотахъ этого брилліанта въ свѣтломъ вѣнцѣ Пушкина?.. Другія сочиненія его прекрасны, блестящи, не рѣдко усладительны для души, но *Цыганы,* съ перваго стиха до послѣдняго, высокая мысль, выраженная самымъ поэтическимъ языкомъ, до какого только достигалъ Пушкинъ, этотъ волшебникъ въ стихотворствѣ. Между тѣмъ онъ разсыпалъ свои золотые стихи въ нѣкоторыхъ журналахъ и альманахахъ. Переселившись въ Петербургъ, онъ собралъ мѣлкія свои стихотворенія, которыя умножились потомъ еще нѣсколькими томами. *Онѣгина* его вышло еще двѣ или три главы. Въ 1829 году явилась *Полтава*.... Сколько заслугъ, сколько превосходныхъ твореній исчислили мы, и это еще далеко не все. Поэту казалось, что онъ еще не выразилъ себя. Постигаете-ли вы это безпокойство высокой души, которая никогда не бываетъ довольна, ни собой, ни современниками? Она какъ будто страшится быть не понятою, и еще больше, страшится высказать себя не вполнѣ, не въ настоящемъ свѣтѣ. Пушкинъ чувствовалъ это поэтическое безпокойство, и нѣсколько лѣтъ хранилъ въ портфёлѣ своемъ твореніе важное, превосходное, на которомъ, по видимому, онъ основывалъ много надеждъ. Мы говоримъ о *Борисѣ Годуновѣ.* Указывая на этотъ трудъ, давно оконченный, онъ сказалъ одному изъ своихъ друзей: «Вотъ сто тысячь банковыми ассигнаціями для настоящаго, и дипломъ мой на будущее.» Онъ ошибался: драма его, при великихъ своихъ достоинствахъ, была только усиліемъ блестящаго дарованія въ чуждомъ для него родѣ сочиненій. Пушкинъ не былъ рожденъ для драмы. Онъ превосходенъ въ частностяхъ своего *Годунова,* но въ цѣломъ не производитъ имъ почти никакого сильнаго впечатлѣнія. И подивитесь вѣрному чувству публики: именно это было первое сочиненіе Пушкина, принятое съ нѣкоторою холодностью. Многіе не хотятъ признавать суда страннаго существа, называемаго публикой; но насмѣшки Шанфора и эпиграммы Пушкина показываютъ только мгновенныя вспышки оскорбленнаго дарованія. Существуетъ онъ, судъ неподкупный, неумолимый, и публика является въ немъ часто неблагодарною, вѣтреною, однако всегда вѣрною истинѣ. если исключить немногія ошибки ея, зависѣвшія отъ частныхъ обстоятельствъ. Да и не вѣрьте, пожалуста, когда писатель говоритъ вамъ, что онъ пишетъ не для публики, когда въ негодованіи восклицаетъ онъ:

> Блаженъ, кто про себя таилъ,
> Души высокія созданья,
> И отъ людей, какъ отъ могилъ,
> Не ждалъ за чувство воздаянья.

Поэтъ не можетъ не писать, а писать значитъ передавать другимъ свои чувства Обвинительный типографскій станокъ всего лучше говоритъ противъ этихъ господъ, которые увѣряютъ, что пишутъ не для публики, и.... печатаютъ свои восторженные пѣсни и разсказы. Но защищая публику, мы назвали ее и неблагодарною. Въ самомъ дѣлѣ, въ ней есть какое-то странное чувство покореннаго раба: она обожаетъ, унижается, но только до времени, и между тѣмъ скучаетъ своимъ игомъ, потому что удивленіе и самая любовь также иго. Есть конецъ и восторгу и благоговѣнію ея: это испытали Гёте и В. Гюго, испыталъ и нашъ Пушкинъ. Удивленіе къ нему замѣнилось, послѣ *Бориса Годунова,* невозможностью не удивляться ему... только. Онъ хотѣлъ доказать гибкость своего дарованія, и началъ писать прозою; но проза его не отличалась такою прелестью, особенностью, какъ стихи, и *Повѣсти Бѣлкина* опять не заслужили общаго одобренія. *Пиковая дама,* изданная послѣ, правда, имѣла большой успѣхъ; но это едва-ли не единственное замѣчательное сочиненіе Пушкина въ прозѣ. Намъ извѣстно еще нѣсколько безъименныхъ статей его, напечатанныхъ въ разныхъ журналахъ. Всѣ онѣ обличаютъ быстрый, поэтическій умъ; но, вообще, проза не составила бы славы

Пушкина, какъ *Исторія Пугачевскаго бунта* не показывала въ немъ историка. Одно, въ чемъ оставался онъ вѣренъ самому себѣ, это безсмертные стихи его, потому что въ самомъ слабомъ изъ своихъ стихотвореній онъ неподражаемъ. Онъ хотѣлъ еще заняться, какъ сказываютъ, однимъ важнымъ историческимъ сочиненіемъ; издавалъ съ 1836 года журналъ, гдѣ помѣщено нѣсколько его сочиненій въ стихахъ и прозѣ... и вдругъ роковая вѣсть поразила всю Россію: Пушкинъ умеръ! Сначала не хотѣли вѣрить этому и даже не вѣрили читая въ газетахъ оффиціяльное извѣстіе о смерти его.... Такъ любила Россія своего поэта, такъ сжилась она съ нимъ....

Пушкинъ былъ великій поэтъ, безсмертный своими заслугами Русской Словесности. Онъ много лѣтъ оставался нашимъ *народнымъ* поэтомъ, потому что въ поэзіи народъ не большинство *всѣхъ*, а та часть *избранныхъ*, для которыхъ существуетъ поэзія. Пушкинъ былъ поэтъ не простонародья, у котораго могутъ быть свои любимцы, но поэтъ образованной части общества. Ни одно чувство, ни одна мысль

современная не были чужды ему, и онъ всё выражалъ ихъ съ тою увлекательностію, которая покоряла каждаго, безъ различія литтературныхъ партій. Заслуга его языку неизмѣрима....

Кто не зналъ Пушкина лично, для тѣхъ скажемъ, что отличительнымъ характеромъ его въ большомъ обществѣ была задумчивость, или какая-то тихая грусть, которую даже трудно выразить. Онъ казался при этомъ стѣсненнымъ, попавшимъ не на свое мѣсто. За то въ искреннемъ, небольшомъ кругу, съ людьми по сердцу, не было человѣка разговорчивѣе, любезнѣе, остроумнѣе. Тутъ онъ любилъ и посмѣяться и похохотать, глядѣлъ на жизнь только съ веселой стороны, и съ необыкновенною ловкостью умѣлъ открывать смѣшное. Одушевленный разговоръ его былъ краснорѣчивою импровизаціею, потому что онъ обыкновенно увлекалъ всѣхъ, овладѣвалъ разговоромъ, и это всегда кончалось тѣмъ, что другіе смолкали невольно, а говорилъ онъ. Еслибы записанъ былъ хоть одинъ такой разговоръ Пушкина, похожій на разсужденіе, передъ нимъ показались-бы блѣдны профессорскія рѣчи Вильмена и Гизо.

Вообще Пушкинъ обладалъ необычайными умственными способностями. Уже во время славы своей, онъ выучился, живя въ деревнѣ, Латинскому языку, котораго почти не зналъ вышедши изъ Лицея. Потомъ, въ Петербургѣ, изучилъ онъ Англійскій языкъ въ нѣсколько мѣсяцевъ, такъ что могъ читать поэтовъ. Французскій зналъ онъ въ совершенствѣ. «Только съ Нѣмецкимъ не могу я сладить!» сказалъ онъ однажды. «Выучусь ему, и опять все забуду: это случалось ужъ не разъ. «Онъ страстно любилъ Искуства и имѣлъ въ нихъ оригинальный взглядъ. Тѣмъ особенно былъ занимателенъ и разговоръ его, что онъ обо всемъ судилъ умно, блестяще и чрезвычайно оригинально.

Пушкинъ родился 1799 года, Мая 26-го, въ С. Петербургѣ; скончался тамъ-же, не достигши и 38 лѣтъ....

ВЫБОРЪ ВЪ ЧЛЕНЫ ПАРЛАМЕНТА.

Въ мірѣ все имѣетъ свою смѣшную сторону. Неоспоримо даже, что чѣмъ важнѣе, величественнѣе предметъ, тѣмъ ярче, сильнѣе бываютъ въ немъ противоположности, которыя и составляютъ смѣшное или комическое. Что можетъ быть, по видимому, важнѣе сохраненія собственной жизни? Но малѣйшее излишество превращаетъ всю благоразумную важность самохраненія въ смѣшное, и, сдѣлайте еще шагъ, вы передъ зеркаломъ комизма, передъ Мольеровымъ Аргапомъ! Колоссальное комическое ханжество происходитъ отъ чувства самаго возвышеннаго. Да и безъ всякой ученой изыскательности, не угодно-ли кому нибудь подойдти къ зеркалу въ то время, когда онъ заплакалъ, отъ какого-бы то ни было нѣжнаго чувства. Увѣряю, что онъ разсмѣется надъ самимъ собой! Такъ сроденъ, такъ близокъ намъ комизмъ во всемъ. Есть люди, особенно организованные, которые видятъ и схватываютъ этотъ комизмъ съ перваго взгляда. Бѣда, если такой человѣкъ поэтически владѣетъ перомъ или кистью! Мы всѣ видѣли (если ужь не видимъ теперь) оригиналовъ *Горя отъ ума*, но Грибоѣдовъ, немногими сценами, передалъ ихъ потомству. Что-же сдѣлалъ онъ? Выставилъ ихъ смѣшныя стороны, оттѣнилъ обыкновенныя качества, бросилъ яркое освѣщеніе на комическія слабости, и вся Россія смѣется. Тоже самое дѣлалъ Гогартъ, нашъ знакомецъ по Живописному Обозрѣнію, передавшему нѣсколько безсмертныхъ его каррикатуръ, которыя не старѣются отъ времени, отъ перемѣны костюмовъ, обычаевъ и нравовъ, не старѣются именно потому, что въ нихъ есть истинный комизмъ. Онъ выставлялъ яркія противоположности какой нибудь мысли съ исполненіемъ ея: таковы почти всѣ его каррикатуры, впрочемъ неподражаемыя въ своихъ подробностяхъ. Взглядъ его упалъ на парламентскіе выборы, которыми такъ гордится старая Англія, и цѣлый рядъ картинъ выставилъ на показъ всему свѣту, сколько нестройнаго, нелѣпаго, смѣшнаго въ этомъ обрядѣ, важномъ и почти святомъ для всякаго Англичанина. Мы еще недавно говорили о Парламентахъ и представили краткое описаніе ихъ. Злой Гогартъ отбросилъ всю значительность и вмѣстѣ всю шумиху этихъ государственныхъ установленій Англіи; онъ написалъ четыре картины, гдѣ изобразилъ какъ начинаются, продолжаются и оканчиваются выборы въ члены Парламента, и вся Англія, до сихъ поръ, улыбаясь сознается, что въ картинахъ его много правды. Еще недавно, въ одномъ Англійскомъ изданіи, замѣтили мы слѣдующую фразу, при напоминаніи объ этихъ Гогартовыхъ каррикатурахъ: «Многое перемѣнилось въ нашихъ обычаяхъ и даже законахъ; но Гогартовы The Election (выборы), остаются вѣрнымъ снимкомъ.» Надобно сказать, что при выборахъ въ члены Парламента (то есть Нижней Палаты Парламента), есть множество злоупотребленій. Каждая партія хочетъ избрать своего, какого нибудь идола, въ представители народа; а извѣстно, что люди покланяются иногда и мѣшку съ золотомъ, и деревянному чурбану, когда надѣются отъ этого личной пользы. Во время выборовъ, вся Англія приходитъ въ движеніе особеннаго рода; страсти разыгрываются, шумятъ, бурлятъ, и комическія сцены смѣняютъ одна другую. Кандидатъ въ члены и его поддерживатели, защитники, стараются преклонить на свою сторону избирателей, не наблюдая почти никакой разборчивости въ средствахъ. Они употребляютъ большія суммы на пиры, угощенія; не боятся подкупа и предательства; думаютъ только объ успѣхѣ, слѣдуя, можетъ быть, извѣстной Латинской пословицѣ: конецъ вѣнчаетъ дѣло. Всѣмъ этимъ Гогартъ воспользовался превосходно.

Для образца, мы избираемъ послѣднюю, *заключительную* изъ четырехъ его каррикатуръ на парламентскіе выборы.

Дѣло уже почти кончено. Торжествующаго кандидата несутъ съ тріумфомъ по улицѣ. Вы видите почтенную фигуру его въ огромныхъ креслахъ: она почти выше всѣхъ на первомъ планѣ, замѣчательна по костюму, по физіогноміи, которая обѣщаетъ много для блага отечества, и по парику, выставленному на показъ, когда съ него слетѣла шляпа. Но отъ чего замѣтны испугъ, и шаткость, и нетвердость въ главномъ лицѣ, такъ же какъ во всемъ окружающемъ его? Можетъ быть, художникъ намекалъ этимъ на будущую судьбу кандидата; но, говоря собственно, тутъ вышелъ жалкій случай. Церемоніальному шествію загородили дорогу; встрѣтились препятствія не важныя, но существенныя. Деревенскій мужикъ ѣхалъ на ослѣ, и это упрямое животное вдругъ остановилось, не хочетъ идти и не слушается палочныхъ увѣщаній своего повелителя. Оселъ правъ: какъ идти ему, когда у него дрожатъ ноги отъ страха? Въ это самое время, отставной матросъ, на деревяшкѣ, велъ плясуна медвѣдя: таковъ его промыселъ, и чтобъ вѣрнѣе привлечь зѣвакъ, онъ пріучилъ медвѣдя носить на себѣ маленькую обезьяну, одѣтую какимъ то паяцомъ, въ шапочкѣ, съ ружьемъ черезъ плечо. Храбрый матросъ

принужденъ оставить на время своихъ мохнатыхъ актеровъ и подумать о собственной защитѣ. Онъ оборотилъ толстую палку свою, которою обыкновенно бьетъ въ барабанъ при пляскѣ медвѣдя, противъ разъяреннаго хозяина цѣлой семьи свиней, потому что онѣ также испугались медвѣдя, и со страху бѣгутъ прямо въ рѣку; одинъ поросенокъ уже нырнулъ въ воду, другіе хотятъ послѣдовать его примѣру. Представьте себѣ гнѣвъ чадолюбиваго хозяина ихъ, и согласитесь, что въ гнѣвѣ онъ могъ неосторожно взмахнуть какимъ-то цѣпомъ, и задѣть одного изъ усердныхъ носильщиковъ. Ударъ пришелся такъ ловко, что этотъ бѣднякъ совершенно остолбенѣлъ, выпустилъ изъ рукъ жердь, поддерживающую драгоцѣнное бремя. Вотъ отъ чего покачнулся будущій членъ Парламента, вотъ отъ чего слетѣлъ съ него парикъ, и онъ испугался за свою знаменитую жизнь. Все это можно прочитать на лицѣ его. Но несчастія отъ медвѣдя и свиней не кончились этимъ. Свиньи кинулись слишкомъ необдуманно подъ ноги проходившей мимо гражданкѣ, и она перекувырнулась, такъ что на сценѣ выставился только башмакъ ея и часть ноги. Крайняя фигура къ лѣвой сторонѣ, слѣпой музыкантъ, необходимый спутникъ медвѣдя-плясуна, изображенъ съ особенною отчетливостью; онъ не подозрѣваетъ какая суматоха происходитъ вокругъ него, и, привыкши къ уличному шуму и крику, подвигается впередъ, съ довольнымъ лицомъ, приплясывая и наигрывая на своей скрыпкѣ. Но эта трогательная сцена произвела самое *сантиментальное* дѣйствіе на молодую женщину, которая смотрѣла черезъ заборъ: она плачетъ, ей дурно, и окружающія ее стараются утѣшить бѣдную страдалицу чужими бѣдами. Какъ хороша при этомъ противоположная фигура трубочиста: онъ только что вылѣзъ изъ трубы, и вскарабкался на ворота! Ему пришлось сидѣть надъ изображеніемъ мертвой головы: онъ держитъ передъ нею свои очки и осклабясь глядитъ на суету міра. Нѣтъ мысли на его лицѣ, но она есть въ той фигурѣ, къ которой приставилъ онъ очки.

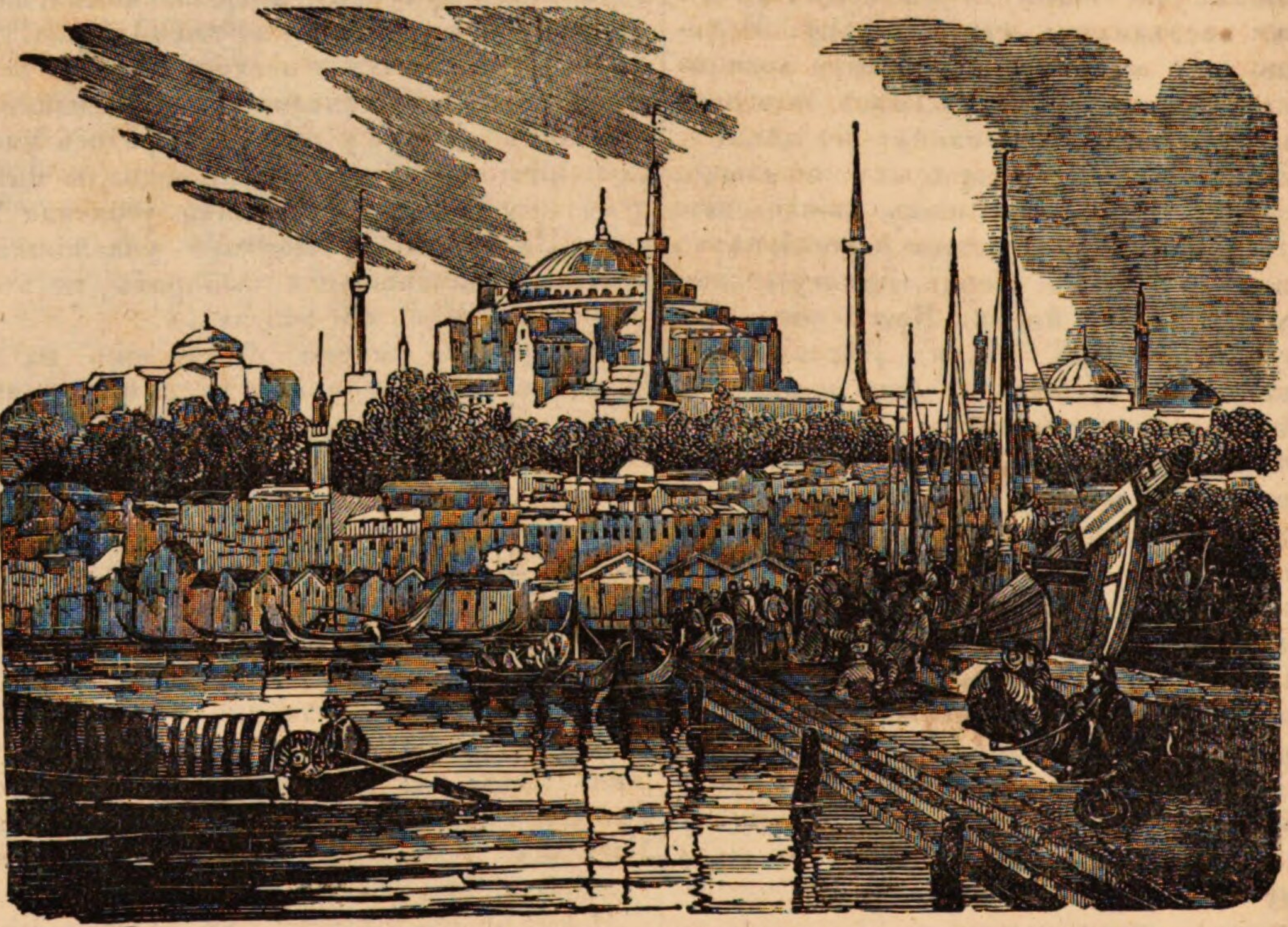
Все это маленькое замѣшательство не мѣшаетъ однакожь видѣть, что нашъ кандидатъ въ члены Парламента близокъ къ побѣдѣ, торжествуетъ. Соперникъ его остался далеко назади, потому что и того также несутъ; но мы видимъ изображеніе его только въ тѣни, отразившейся на стѣнѣ ближняго дома. Можетъ быть и онъ не совсѣмъ еще потерялъ надежду на успѣхъ; но толстый герой сцены вѣрно имѣетъ больше надежды. Посмотрите какой праздникъ готовится въ честь ему: вотъ пивная бочка, и она уже начисто опорожнена, такъ что, по видимому, одинъ изъ его кліентовъ, припалъ и пьетъ изъ нея подонки. Но въ замѣну исчезнувшей радости для черни, усердные защитники своего кандидата несутъ другую бочку. Все это только для простолюдиновъ, для уличныхъ приверженцевъ будущаго представителя, которыхъ можно купить кружкой пива. Для людей почетныхъ, несутъ блюда и соусники съ кушаньемъ, въ великолѣпный домъ. Тамъ у оконъ собралось множество ревнителей истинной свободы мнѣній, и въ числѣ ихъ современники узнавали Герцога Нью-Кестля, жаркаго участника во всѣхъ парламентскихъ выборахъ, не всегда разборчиваго въ средствахъ.

Еще одна фигура обращаетъ на себя вниманіе. Въ то время какъ тунеядцы и сволочь шумятъ, дерутся, пьютъ, честный солдатъ снялъ съ себя мундиръ, положилъ въ сторонѣ свой тесакъ, и усердно моетъ свою рубашку, стоя на берегу рѣки, подлѣ моста. Его не развлекаютъ ни бурныя страсти толпы, ни крики пьяницъ, ни суматоха выбора: онъ знаетъ, что ему надобно вымыть свое бѣлье собственными руками. Это постное смиреніе истинно полезнаго члена общества, тогда какъ пороки толпы бурлятъ безъ всякаго стыда, эта смѣшная и вмѣстѣ добрая фигура показываетъ мысль Гогарта. Тощая ворона летитъ надъ всею сценою и довершаетъ картину.

Неумѣстенъ былъ-бы здѣсь обыкновенный упрекъ Гогарту, что онъ изображалъ *низкую природу*, любилъ пошлое, грязное. Нападая на огромный недостатокъ общественный, нечего быть слишкомъ разборчивымъ. Кидайте грязью въ порокъ, если онъ глухъ къ увѣщаніямъ нравственности; а когда не бываетъ онъ глухъ для нихъ? Скажутъ, что исправленіе нравственности не принадлежитъ къ Изящнымъ Искуствамъ. Да кто-же и станетъ увѣрять, что каррикатуры принадлежатъ къ нимъ? Здѣсь живопись только средство достигнуть извѣстной цѣли. Задача въ томъ, чтобы это средство было употреблено съ дарованіемъ, съ умомъ, съ знаніемъ и его самого, и того предмета, противъ котораго обращаются съ нимъ. А Гогартъ постигалъ это въ высшей степени. Самый обыкновенный предметъ давалъ ему поводъ къ нападенію на порокъ, на слабость, на дурачество. Онъ, можетъ быть, во многомъ способствовалъ истребленію глупыхъ обычаевъ, нелѣпыхъ предразсудковъ, вылечилъ отъ многихъ слабостей общество, и если не искоренилъ, то, по крайней мѣрѣ, неизгладимо запятналъ

многіе пороки и злоупотребленія. «Ты надѣлалъ себѣ тму враговъ,» сказалъ ему одинъ изъ его знакомыхъ. «Современниковъ,» прибавилъ Гогартъ. «Но за то я буду имѣть много вѣрныхъ друзей въ потомкахъ нашихъ.» Эти слова показываютъ, что онъ понималъ свое назначеніе.

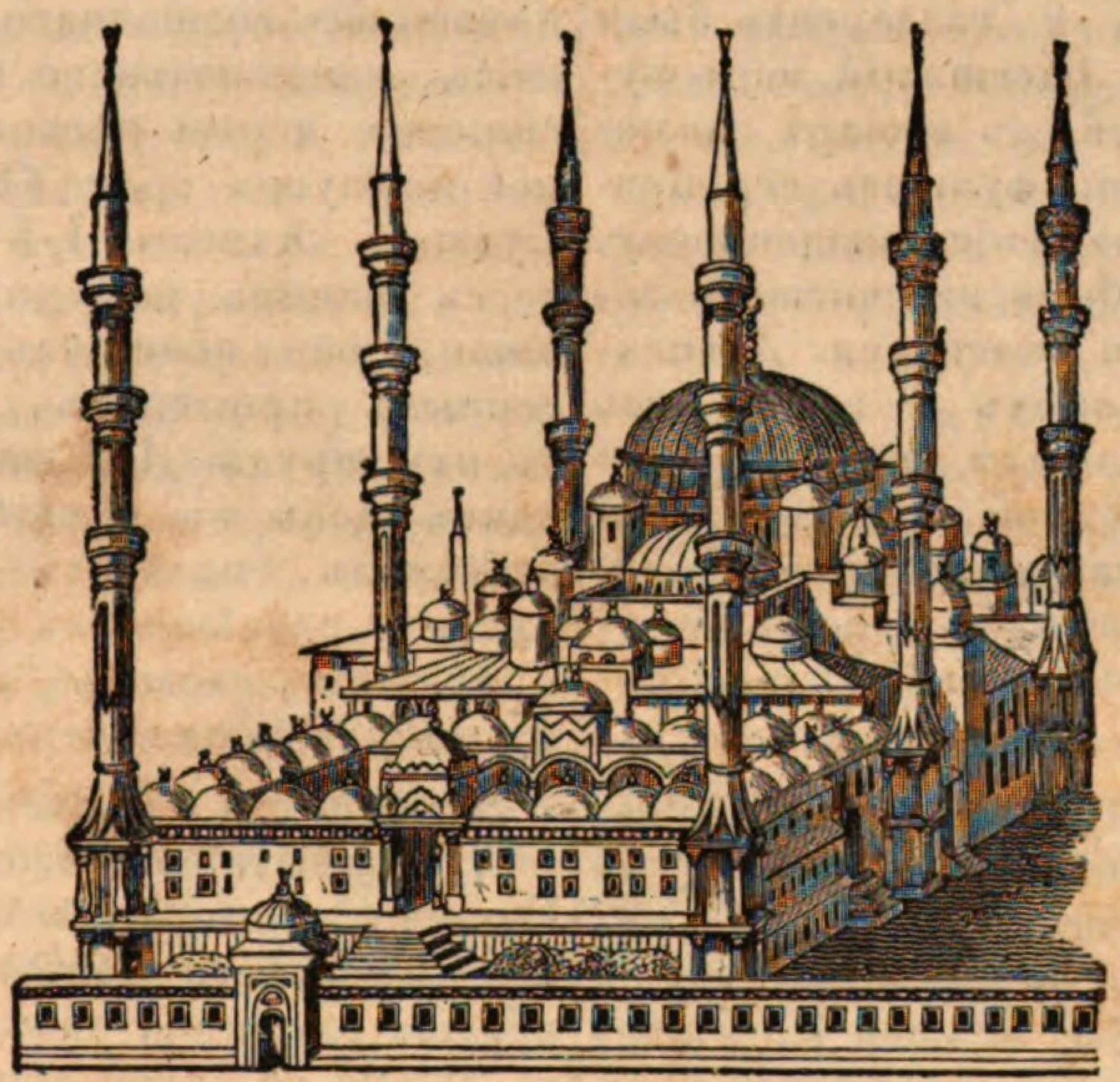
МЕЧЕТЬ СОФІЙСКАЯ И МЕЧЕТЬ АХМЕТА ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

Константинополь (см. Ж. О. т. I, стр. 123-я), извѣстный прежде подъ именемъ *Византіи*, обязанъ Императору Константину и своимъ нынѣшнимъ именемъ, и славою быть въ продолженіе многихъ лѣтъ средоточіемъ искуствъ. Когда первый Христіанскій Императоръ перенесъ столицу Римской Имперіи на Востокъ, онъ хотѣлъ, чтобы новый, созданный имъ городъ затмилъ Римъ пышностью и величіемъ. Онъ украсилъ его многими великолѣпными памятниками, и взялъ изъ древней столицы полу-міра множество превосходныхъ статуй, все для любимой имъ Византіи. Въ числѣ знаменитѣйшихъ храмовъ, воздвигнутыхъ имъ, была церковь, находившаяся на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи существовалъ Софійскій соборъ.

Была-ли эта церковь слишкомъ мала, или, можетъ быть, разрушена землетрясеніемъ, только сынъ Константина Великаго построилъ, на томъ-же самомъ мѣстѣ, новую церковь, гораздо обширнѣйшую. Во время народнаго смятенія, направленнаго противъ Святаго Іоанна Златоустаго, Патріарха Константинопольскаго, церковь была сожжена. Въ царствованіе Гонорія она опять сдѣлалась жертвою огня; Ѳеодосій младшій возстановилъ ее, но сильнѣйшій, ужасный пожаръ, во время котораго сгорѣла большая часть восточной столицы, снова истребилъ храмъ Софійскій. Это случилось въ пятый годъ царствованія Юстиніана, и онъ рѣшился перестроить церковь по плану еще болѣе обширному, принявъ на будущее время всѣ предосторожности отъ пожаровъ. Начали тѣмъ, что при новой постройкѣ рѣшились ни на что не употреблять дерева, кромѣ рамъ въ окнахъ и дверей. Императоръ самъ наблюдалъ за работами неусыпно, и старался ободрить каждаго работающаго, ласковыми словами и щедрыми награжденіями. Онъ оставилъ этому храму названіе Святой Софіи, *Вѣчной Премудрости*, которой онъ былъ посвященъ съ самаго начала. Патріархъ освятилъ ее, со всѣмъ возможнымъ торжествомъ и великолѣпіемъ; по окончаніи божественнаго обряда, Импе-

ращоръ воскликнулъ съ душевнымъ восторгомъ: «Слава тебѣ, Боже! Ты судилъ мнѣ, недостойному, совершить великій трудъ, и Соломонъ, строитель храма, побѣжденъ мной!» Прошло двадцать лѣтъ; землетрясеніе обрушило восточную часть купола. Но Юстиніанъ еще царствовалъ тогда, и имѣлъ утѣшеніе возстановить разрушенное, съ прежнимъ великолѣпіемъ. Въ тридцать шестой годъ своего царствованія, Юстиніанъ во второй разъ посвятилъ Богу Софійскій храмъ. Потомъ, въ продолженіе многихъ контрфорсами ужасной толщины. Это родъ тяжелыхъ башенъ, по 48 футовъ въ толщину. Сдѣлать ихъ принуждены были послѣ, для поддержки всего зданія и для предохраненія его отъ землетрясеній, столь частыхъ въ тамошней сторонѣ. Фронтонъ не представляетъ ничего замѣчательнаго. Почти вся красота внутренняя заключается въ куполѣ, и надобно признаться, что онъ невольно приводитъ въ изумленіе. Особенно достойна вниманія смѣлость его постройки, въ то время, когда еще не было

лѣтъ, время и землетрясенія разрушали нѣкоторыя части его, и это требовало поправокъ и разныхъ укрѣпленій. Были поставлены огромные контрфорсы около стѣнъ; куполъ починивали разными способами; теперь, уже очень давно, зданіе не требуетъ новыхъ починокъ.

Но въ 1453-мъ году, въ самый день взятія Константинополя, церковь св. Софіи была обращена въ мусульманскую мечеть. Побѣдитель, Могаммедъ II, въѣхалъ въ нее на конѣ и опредѣлилъ ей быть главною мечетью. Съ тѣхъ поръ она сдѣлалась самымъ уважаемымъ храмомъ у Турковъ. Султанъ ѣздитъ въ нее молиться каждую Пятницу.

Этотъ знаменитый памятникъ древности находится на самомъ выгодномъ мѣстѣ, въ одной изъ лучшихъ частей Константинополя. Онъ построенъ на высотѣ древняго города Византіи, за тѣмъ холмомъ, который выходитъ къ морю угломъ Сераля. Наружный видъ зданія тяжелъ и не обличаетъ большаго великолѣпія. Куполъ, главная видимая часть его, поражаетъ своею смѣлою дугою и поддерживается четырьмя ничего подобнаго, и никакихъ образцовъ въ этомъ родѣ. Онъ возвышается надъ колоннадою, которая образуетъ въ церкви галлерею, пятнадцати футовъ въ ширину. На карнизѣ купола есть другая галлерея, или лучше сказать балюстрада, и надъ нею еще одна, третья. Во время Рамазана, всѣ эти балюстрады бываютъ освѣщены лампами: освѣщеніе ихъ производитъ удивительное дѣйствіе.

Эта знаменитая базилика, построенная въ видѣ Греческаго, то есть усѣченнаго и почти квадратнаго креста, имѣетъ 242 фута въ длину и 228 футовъ въ ширину. Главную часть ея занимаетъ куполъ, котораго внутренній діаметръ 108 футовъ. Сводъ, имѣющій форму полусферы, освѣщается 24-мя окнами, пробитыми въ окружности.

Надобно замѣтить, что Мусульмане почти не дозволяютъ Христіанамъ осматривать внутренность Софійской мечети. Въ послѣднее время, правда, они стали снисходительнѣе, однако достовѣрныхъ свѣдѣній о внутреннемъ украшеніи храма еще

мало. Увѣряютъ, напримѣръ, что число колоннъ, порфировыхъ и изъ Египетскаго гранита, простирается тамъ до 107-ми. Куполъ выкладенъ мраморомъ всѣхъ родовъ. Одинъ поэтъ, который могъ удивляться храму Святой Софіи въ первоначальномъ его блескѣ, съ восторгомъ исчисляетъ разнообразіе живописныхъ изображеній, мраморовъ, яшмъ, порфировъ, и богатой мозаики. Фанатизмъ Турковъ истребилъ все это. Полагаютъ однакожь, что много мозаическихъ изображеній остается, но они закрашены. Балюстрада хора, капители колоннъ, украшенія на дверяхъ и галлереяхъ были изъ золоченой бронзы. Блестящій видъ купола ослѣплялъ зрителей; въ алтарѣ заключалось до сорока тысячь фунтовъ серебра. Святые сосуды и украшенія священнослужительскихъ одеждъ были изъ чистаго золота, съ драгоцѣнными каменьями. Двѣнадцать колоннъ порфировыхъ и восемь изъ зеленаго мрамора украшали эту церковь. Первыя, приношеніе одной благочестивой Римской дамы, были взяты изъ храма Солнца, которому подарила ихъ Аврелія; другія были доставлены честолюбивымъ усердіемъ Ефесскихъ судей.

Но, если не всякой путешественникъ можетъ насладиться обозрѣніемъ или даже бѣглымъ взглядомъ внутри храма, то каждый съ удовольствіемъ можетъ взглянуть на него снаружи. Чтобы видѣть Константинополь и главныя зданія его во всей ихъ красѣ, надобно смотрѣть на нихъ съ круглой галлереи на верху Галатской башни. Передъ вами весь городъ, во всю длину, отъ угла Сераля до Эйюбскаго предмѣстія. Взглядъ можетъ окинуть его поперегъ, до знаменитаго замка Еди-Кулеръ, или *Семибашеннаго*, который уже въ Мраморномъ морѣ. Все это огромное пространство покрыто множествомъ превосходныхъ зданій и безчисленныхъ мечетей. Стѣны Сераля, водопроводъ Валенція, идущій между двумя холмами, куполъ Софійской мечети, и еще больше огромная мечеть Ахмета, на ипподромѣ, толпятся съ одной стороны, тогда какъ съ другой видны портъ, казармы Даутъ-Паши, и кровли множества высокихъ зданій. Горы Ѳракійскія ограничиваютъ горизонтъ.

Но Софійская мечеть, преобразованная изъ храма Христіанскаго, не даетъ понятія о вкусѣ Мусульманъ. Не смотря ни на какія искаженія, она все таки остается памятникомъ Византійскаго Зодчества, свидѣтельствомъ пышности Греческихъ Императоровъ, и напоминаетъ архитектуру базиликъ.

Мы прилагаемъ здѣсь изображеніе настоящаго Мусульманскаго храма, гдѣ все принадлежитъ другому народу, другому вкусу, другому времени: это *мечеть Султана Ахмета* въ Константинополѣ. Она не такъ славна какъ Софійская, но достойна вниманія какъ образецъ Мусульманской мечети, гдѣ все приноровлено къ опредѣленной цѣли: къ богослуженію Магометанскому. Наружнымъ видомъ она похожа на бывшій храмъ св. Софіи, который служилъ первообразомъ почти для всѣхъ Константинопольскихъ мечетей. Но мечеть Ахмета, памятникъ восточнаго, и, надобно прибавить, удивительнаго великолѣпія, была построена черезъ нѣсколько столѣтій, въ самое цвѣтущее время Оттоманской Имперіи. Султанъ Ахметъ I-й началъ строить ее, и съ такимъ нетерпѣніемъ хотѣлъ окончить, что поощрялъ работниковъ собственнымъ примѣромъ, и самъ участвовалъ въ ихъ трудѣ. Для этого опредѣленъ былъ одинъ день въ недѣлѣ: Пятница. Султанъ пріѣзжалъ, надѣвалъ передникъ, таскалъ камни, размѣшивалъ растворъ, отдавалъ приказанія, словомъ, казался равнымъ какому нибудь подмастерью.

Мечеть его окружена шестью минаретами, чрезвычайно высокими и прекрасными. Вокругъ каждаго изъ нихъ по три галлереи Мавританскаго стиля. Окончаніемъ минаретовъ служитъ, какъ обыкновенно, шпиль, съ луною на самой верхушкѣ. Посреди двора, окружающаго мечеть, бьетъ фонтанъ. Ворота мѣдныя, фигурной работы. Внутри мечети стѣны расписаны альфреско; по мѣстамъ висятъ раззолоченныя доски съ Арабскими надписями. Куполъ поддерживается четырьмя большими ложчатыми пиластрами, раздѣленными посрединѣ астрагаломъ. Четыре огромные полукупола соединены съ главнымъ, средоточнымъ, а по угламъ зданія есть еще четыре купола поменьше. Въ окна вставлены раскрашенныя стекла, небольшими кусками, и каждое отдѣленіе ихъ обведено богатымъ переплетомъ. Отъ этого царствуетъ въ храмѣ какой-то цвѣтистый, таинственный полусвѣтъ. Мечеть Ахмета не ознаменована никакими историческими воспоминаніями.

Храмъ Софійскій достопамятенъ и для насъ, Русскихъ: тамъ, какъ говоритъ преданіе, сохраненное въ нашихъ лѣтописяхъ, послы Владиміровы въ десятомъ вѣкѣ плѣнились красотою и величіемъ истиннаго Богослуженія.

Почитаемъ любопытнымъ приложить здѣсь выписку изъ письма Байрона, не только геніяльнаго въ своихъ безсмертныхъ сочине-

ніяхъ, но и проницательнаго, остроумнаго въ замѣткахъ о произведеніяхъ искуствъ. Извѣстно, что онъ много лѣтъ странствовалъ въ Турціи и Греціи. Вотъ что, между прочимъ, писалъ онъ къ своей матери въ 1810-мъ году, изъ Константинополя:

«Наконецъ я былъ въ главныхъ мечетяхъ: это рѣдкая милость къ неправовѣрнымъ, и добиться ея помогъ намъ отъѣздъ Посланника.... Вы найдете описаніе Константинополя у тысячи путешественниковъ; но Леди Уортлей ошибается страннымъ образомъ, когда говоритъ: «Церковь Св. Павла (въ Лондонѣ) представляла-бы странную фигуру подлѣ Софійской мечети.» Я видѣлъ обѣ, внутри и снаружи, и разсматривалъ ихъ очень внимательно. Конечно Софійская больше влечетъ къ себѣ участія: она такъ древна, въ ней короновались всѣ Императоры Греческіе, начиная съ Юстиніана; многіе были даже зарѣзаны у алтаря; сверхъ того, Султаны ѣздятъ въ нее постоянно; только величіемъ и красотой она гораздо ниже многихъ мечетей, и между прочимъ Солимановой. Она не стоитъ, чтобы ее въ чемъ нибудь сравнить съ Св. Павломъ (говорю какъ настоящій Лондонскій зѣвака). Но Севильскую, готическую соборную церковь я предпочитаю, въ красотѣ, и Святому Павлу и Св. Софіи, и всѣмъ храмамъ, какіе случилось мнѣ видѣть.»

СВОЙСТВА И ОБЫЧАИ НѢКОТОРЫХЪ СОЧИНИТЕЛЕЙ МУЗЫКИ.

Музыка самое прихотливое изъ искуствъ. Удивительно-ли, что почти каждый композитёръ имѣетъ свой обычай, свою тайну, свой особенный пріемъ, когда поддается вдохновенію? Вотъ нѣсколько указаній, любопытныхъ въ этомъ отношеніи. Замѣтьте, что рѣчь идетъ о первоклассныхъ дарованіяхъ.

Глюкъ приказывалъ выносить свое фортепіано на лугъ, и тамъ, открытое небо, зелень, необозримое пространство, дневный жаръ, и нѣсколько бутылокъ шампанскаго внушали ему усладительные напѣвы его *Ифигеніи* или *Орфея*. Напротивъ Сарти могъ работать только въ обширной залѣ, темной, со сводами. Ночное безмолвіе, погребальный блескъ лампы, поставленной на полу, были необходимы ему; только съ ними находилъ онъ торжественныя мысли, которыя составляютъ характеръ его стиля. Чимароза хотѣлъ слышать вокругъ себя шумъ оживленнаго разговора, и смѣясь, разговаривая съ друзьями сочинилъ *Гораціевъ* и *Тайный бракъ*, два произведенія неподражаемыя и въ совершенно разныхъ родахъ. Арія: Pria che spunti in ciel l'aurora, сочинена имъ вдругъ, на прогулкѣ въ окрестностяхъ Праги.

Саккини не могъ написать ни одной ноты, если подлѣ него не сидѣла молодая его жена и не толпилась цѣлая семья кошекъ, любимыхъ имъ особенно. Онъ увѣрялъ не шутя, что ихъ граціознымъ движеніямъ онъ одолженъ самыми счастливыми пѣснями своего *Эдипа*. Траэтта приходилъ въ восторгъ находясь въ пустой церкви, при послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца. Хвалятъ раздирающую возвышенность многихъ мѣстъ его *Софонисбы;* но въ этой-то оперѣ онъ однимъ почеркомъ, и довольно вѣрно, хоть колко, означилъ манеру тогдашнихъ Французскихъ пѣвцовъ. Не зная какъ выразить степень силы, гдѣ прима-донна произноситъ *Ахъ!* онъ надписалъ вверху: Un urlo francese (ревѣть какъ Французы).

Сальери пробуждалъ свое воображеніе довольно странно. Онъ скорыми шагами проходилъ по самымъ многолюднымъ улицамъ. Небольшой ящичекъ съ сушеными конфектами, изъ котораго онъ часто вынималъ себѣ лакомство, альбомъ и карандашъ, составляли при этомъ необходимыя его принадлежности. Съ тростью въ рукѣ, онъ спѣшилъ на ловлю мыслей, и, какъ скоро подхватывалъ одну изъ нихъ, тотчасъ останавливался и записывалъ ее въ своемъ альбомѣ.

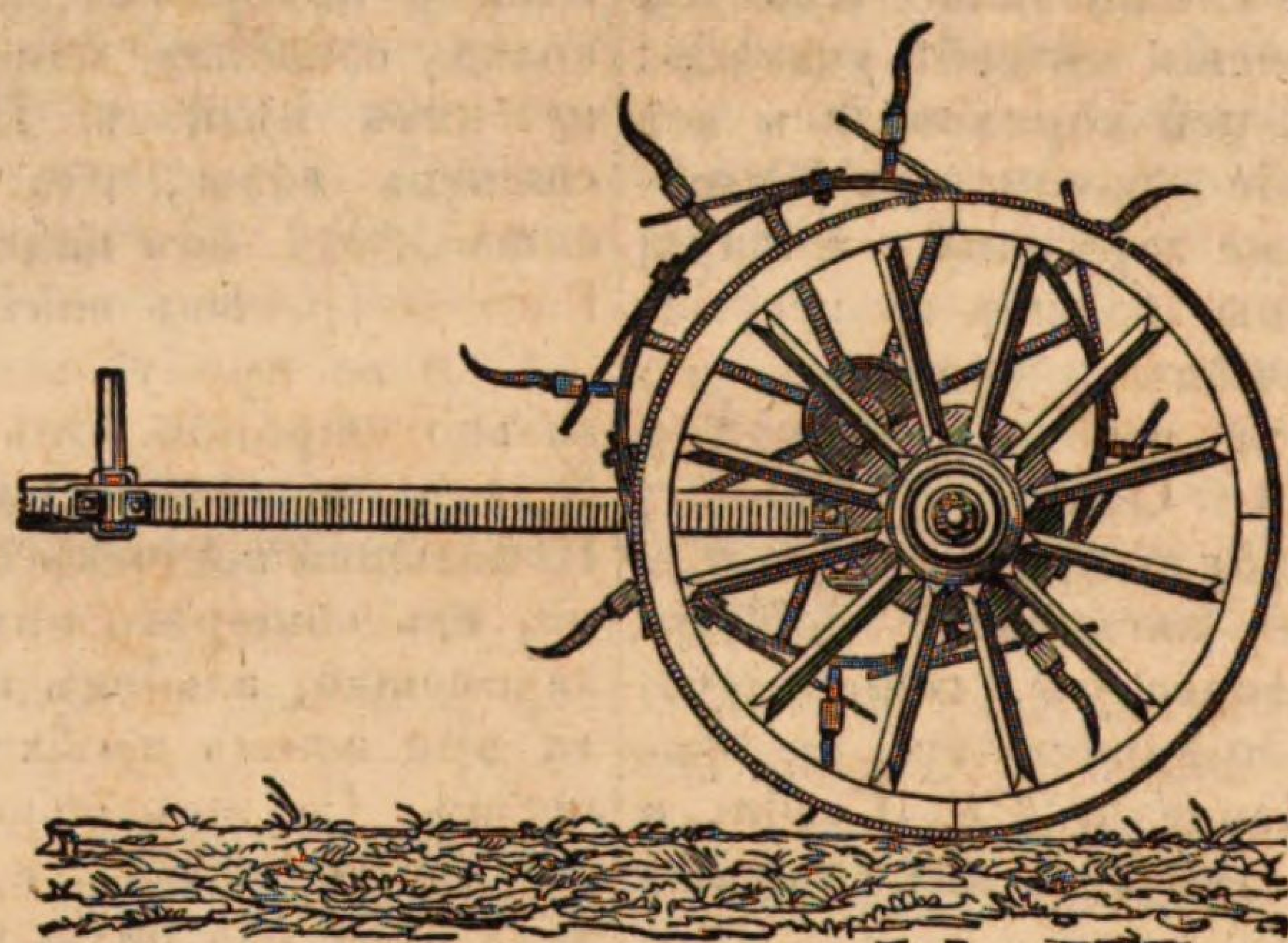
Отдавая справедливость дарованію Фердинанда Пера, Карпани, въ своихъ Lettere Haydine, говоритъ, что этотъ умный композитёръ сочинялъ партитуры *Камиллы*, *Агнесы*, и проч., шутя съ друзьями, разсказывая тысячу смѣшныхъ анекдотовъ, находя въ то-же время досугъ бранить слугъ, ворчать на жену и дѣтей, и нѣжно ласкать свою любимую собаку. Паэзіелло не придумывалъ ни одной ноты, пока не ложился въ свою постель; онъ подъ одѣяломъ написалъ восхитительные мотивы *Нины*, *Молинары*, *Цирюльника*.

(Окончаніе въ слѣд. листѣ).

МАШИНА ДЛЯ СУШЕНІЯ СѢНА.

Кто не видалъ, если не испыталъ самъ, неудобства и несноснаго мѣшканья при уборкѣ сѣна? Скосить траву, дѣло самое легкое, и всякой хозяинъ сѣнокоса почитаетъ его только началомъ труда. Когда сѣно скошено, тогда начинается главный и часто убыточный трудъ. На лугъ выходитъ толпа мужиковъ и бабъ, съ двурогими вилами, а у насъ и просто съ граблями,

которыя оборачиваютъ зубьями вверхъ а палкой внизъ, и слѣдовательно просто палкой начинаютъ переворачивать скошенную траву. На небольшомъ лугу продолжается эта работа нѣсколько часовъ. Въ самомъ дѣлѣ, много-ли можно подхватить и перебросить сѣна *палкой?* Но такъ заведено праотцами нашими, а заняться усовершенствованіемъ работы кажется намъ трудно. И вотъ бабы и мужики переворачиваютъ траву палкой, иногда залѣнятся, начнутъ дурачиться, оставятъ работу, и полдня проходитъ въ томъ, чтобы одинъ разъ переворочать траву. Но извѣстно какова погода въ Россіи: утромъ ясно и жарко, съ полудня начинаетъ идти дождикъ; это, съ разными перемѣнами, бываетъ почти каждый день. Бѣдное сѣно, полувысохшее, бьетъ дождь, и утренняя работа пропала, а сѣно опять надобно сушить, и если, къ счастію, не случится вчерашней исторіи, то оно все таки выходитъ черное, безцвѣтное, и безвкусное для скота. Но сколько и погибаетъ его, то-есть превращается въ гнилое сѣно, именно отъ небрежности въ сушкѣ травы! И не надобно-ли почесть особенной услугой, для нашихъ поселянъ и хозяевъ, такого изобрѣтенія, которое отвращаетъ всѣ описанныя нами неудобства! А это изобрѣтеніе уже сдѣлано, и мы при-

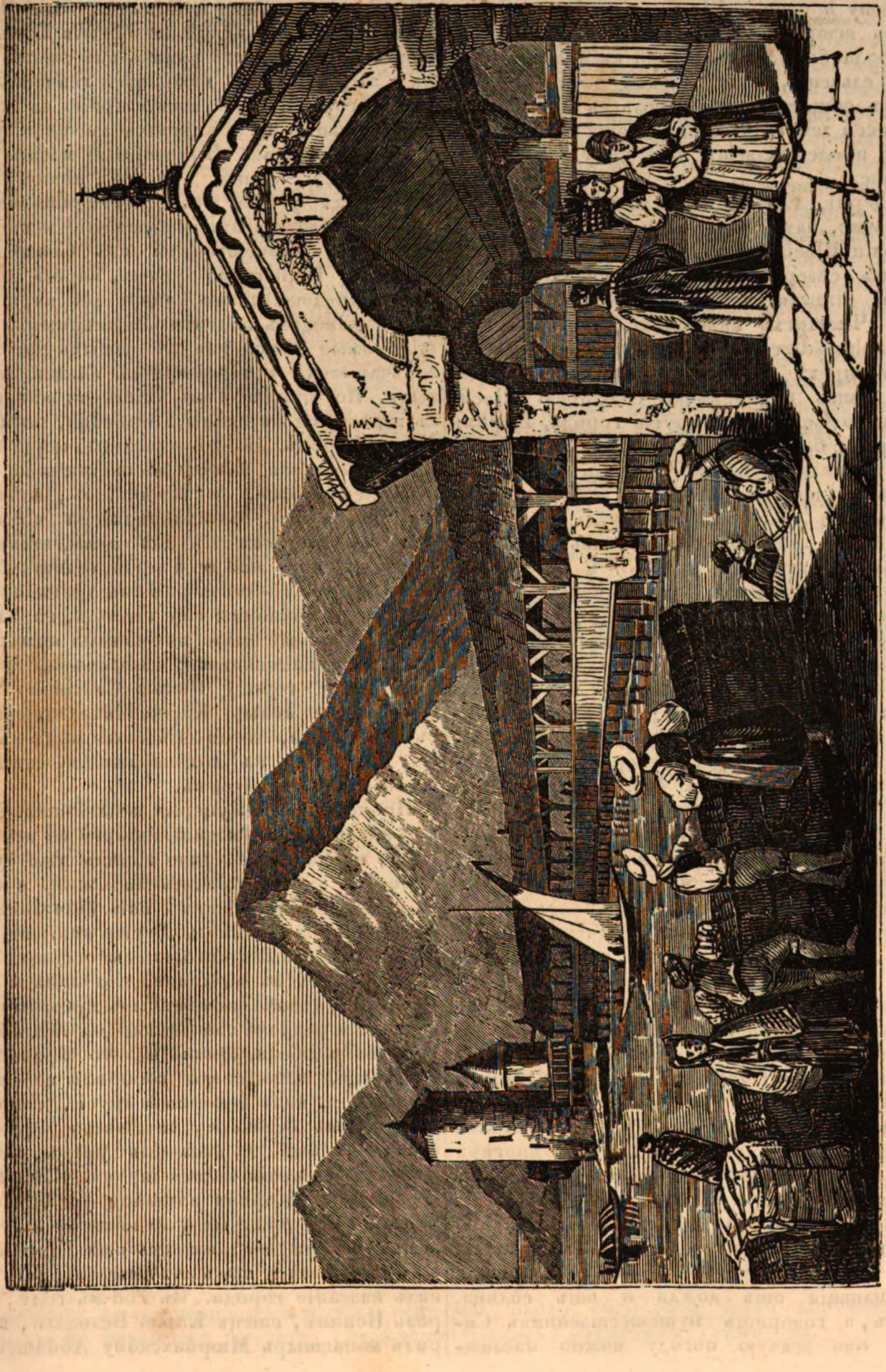

лагаемъ здѣсь рисунокъ машины для сушенія сѣна. Небольшое описаніе пособитъ разсмотрѣть и понять ее.

Девять зубьевъ на окружности обода, и восемь такихъ ободьевъ, утвержденныхъ на одной оси, приводятся въ движеніе механизмомъ, который усиливаетъ скорость ихъ оборотовъ, и заставляетъ проходить осмнадцать футовъ въ секунду. Эти семьдесятъ два зуба или рога, дѣйствуя съ показанною здѣсь скоростью, произведутъ работы больше нежели тридцать шесть человѣкъ, каждый съ двурогими вилами. Проѣхавши съ машиной по лугу два раза, то-есть взадъ и впередъ, вы кончили всю работу, сѣно высушено ровно, хорошо, и, главное, скоро. Въ тотъ-же день можно свезти его и въ сарай.

Машину эту очень легко приводитъ въ движеніе одна лошадь. Предоставляемъ всякому разсудительному хозяину расчесть, сколько выгоды принесетъ ему незатѣйливая машина, которую можетъ сдѣлать всякой плотникъ, если она будетъ изъ дерева. Знаемъ, что описаніе наше недостаточно, и рисунокъ нашъ не представляетъ вполнѣ всей машины; но для подробнѣйшихъ свѣдѣній указываемъ на книгу, гдѣ подробно изображена каждая часть ея. Это сочиненіе Г-на Леблана, изданное подъ заглавіемъ: Recueil des machines, instrumens et appareils qui servent à l'économie rurale, etc. Въ этомъ превосходномъ собраніи рисунковъ разныхъ машинъ и инструментовъ, показаны точные размѣры, такъ же какъ форма каждой части *сѣномёта,* le fanoir. Повторяемъ, что имѣя передъ глазами эти рисунки и зная размѣръ частей, простой работникъ сдѣлаетъ очень легко машину, о которой идетъ дѣло. Какое пособіе будетъ это въ нашемъ непостоянномъ климатѣ, гдѣ обиліе сѣна зависитъ отъ уборки, а не отъ роста и свойства травы. Исключеніемъ бываютъ только несчастные годы засухъ, когда травы нѣтъ вовсе. На нѣтъ и суда нѣтъ; но обидно слышать, каждое лѣто, слова нашихъ простолюдиновъ, когда на вопросъ: «Каковъ урожай сѣна?» они отвѣчаютъ: «Нѣшто, баринъ, хорошъ; какъ случится *убрать.*» И все отъ того, что они переворачиваютъ скошенную траву палкой, не заботясь придумать въ замѣну ея какого нибудь усовершенствованнаго инструмента или машины.

ЛУЦЕРНЪ.

Въ живописномъ путешествіи нашемъ по Швейцаріи, мы обозрѣли Базель, Женеву и Фрейбургъ (Ж. О. Т. II, стр. 297, 329 и 345-я). Теперь обращаемся еще къ одному кантону и городу Швейцаріи, Луцерну, гдѣ опять встрѣтимъ предметы любопытные. Природа была такъ щедра къ дѣтямъ старой Гельвеціи, и люди такъ давно составляютъ общественный союзъ въ этой исторической землѣ, что она почти на каждомъ шагу представляетъ что нибудь достопамятное.

Луцернъ, главный городъ кантона тогоже имени, находится почти въ самомъ средоточіи Швейцаріи, при истокѣ рѣки Рейсса изъ сѣверо-западной части обширнаго озера, называемаго Луцернскимъ, или озеромъ Четырехъ кантоновъ, а по-Нѣмецки Vierwaldstädtersee. Онъ принадлежитъ къ числу трехъ городовъ, пользующихся правомъ быть попеременно столицею Швейцарскаго Союза. Два другіе города, Цирихъ и Бернъ, бываютъ по два года средоточіемъ управленія Союза; потомъ резиденція правительства переходитъ на два года въ Луцернъ, который уже имѣлъ эту честь въ 1831 и 1832 годахъ, и опять остается главнымъ городомъ на 1837 и 1838 годы. Впрочемъ, правленіе Швейцаріи такъ патріархально, что это не дѣлаетъ никакой перемѣны въ общественной жизни. Въ началѣ Іюля представители народа съѣдутся, потолкуютъ о своихъ дѣлахъ, и разъѣзжаются спокойно. Въ Луцернѣ, главномъ католическомъ городѣ Союза, живетъ Папскій Нунцій. Въ этой временной Швейцарской столицѣ немного больше 6000 жителей.

Но если не важно гражданское значеніе Луцерна, то, въ замѣнъ этого, прекрасна окружающая его природа, благородны воспоминанія историческія.

Онъ находится вблизи величественнаго озера, на берегу быстрой рѣки, и окруженъ высокими горами. Приближаясь къ нему, по рѣкѣ-ли, или по дорогѣ изъ Берна, не льзя не восхищаться прелестными видами окрестностей. Берега Рейсса особенно плѣнительны. Наконецъ, передъ глазами путешественника возвышается городъ, съ феодальнымъ своимъ видомъ, съ башнями четырнадцатаго столѣтія, и со многими великолѣпными зданіями. Рейссъ раздѣляетъ городъ на двѣ неравныя части, которыя сообщаются тремя деревянными мостами. Одинъ изъ нихъ тянется на 1380 футовъ. Надъ двумя построены кровли или крыши, защищающія отъ дождя и отъ солнца. «Тамъ,» говоритъ путешественникъ Симонъ, «во всякую погоду можно наслаждаться видомъ самымъ очаровательнымъ. Неизмѣримыя горы, въ шести льё отъ города, подымаются, почти до облаковъ, изъ спокойныхъ, тихихъ водъ озера, а двѣ ближайшія горы, Риги и Пилатъ, какъ-бы составляютъ раму цѣлой картины.» Есть еще одинъ мостъ, черезъ рукавъ или заливъ озера, за которымъ находится значительная часть города: онъ ведетъ прямо къ соборной церкви. Три изъ этихъ мостовъ украшены живописью. Придворный мостъ (Die Hofbrücke), самый длинный, потому что онъ подлѣ устья рѣки, испещренъ множествомъ живописныхъ изображеній, которыхъ предметы заимствованы изъ Священнаго Писанія. Церковный мостъ, черезъ рукавъ озера, представляетъ сотни двѣ картинъ, изображающихъ подвиги Швейцарцевъ. Третій, самый малый изъ покрытыхъ мостовъ, замѣчателенъ изображеніемъ *Танца мертвыхъ*. По мнѣнію Г-на Инглиса, это копія съ извѣстной картины Гольбейна, писанная Моглингеромъ. Около средины церковнаго моста, водяная башня достопамятна своею древностью, и преданіемъ, которое говоритъ, что, въ незапамятныя времена, она служила маякомъ для плававшихъ по озеру, и что отъ нея происходитъ названіе Луцерна (lucerna). Тамъ хранилась, и, вѣроятно, хранится еще теперь, городская казна, такъ-же какъ нѣкоторыя историческія достопамятности, напримѣръ, знамя, подаренное городу Папою Сикстомъ Четвертымъ, и кольцо Карла Смѣлаго, снятое съ его пальца, когда онъ былъ найденъ между убитыми на полѣ сраженія, знаменитомъ для Швейцарцевъ.

Происхожденіе Луцерна неизвѣстно. Многіе писатели отыскиваютъ его во времена Рима, предполагая, что городъ уже существовалъ въ четвертомъ столѣтіи, и былъ въ числѣ пострадавшихъ отъ безчеловѣчнаго нашествія Аттилы. Другіе пишутъ, что началомъ его былъ монастырь, основанный и выстроенный въ послѣдней половинѣ VII-го столѣтія, однимъ почтеннымъ духовнымъ, по имени Виккардомъ или Вигардомъ. Онъ былъ, по мнѣнію Эбеля, братъ одного Франкскаго владѣльца, основателя соборной церкви въ Цирихѣ, и, какъ говорятъ другіе, двоюродный братъ Кловиса, третьяго Французскаго Короля. Основатель умеръ вскорѣ послѣ довершенія своего труда. Слѣдующіе Французскіе Короли помогали утвердиться монастырю, который уже назывался Луцерномъ, и при покровительствѣ духовныхъ вскорѣ сдѣлался такъ значителенъ, что принялъ названіе города. Въ 768-мъ году, Король Пепинъ, отецъ Карла Великаго, подарилъ монастырь Мюрбахскому Аббатству,

въ Верхнемъ Эльзасѣ, а съ нимъ перешелъ подъ новую власть и городъ Луцернъ. Такъ оставался онъ болѣе 500 лѣтъ. Аббатъ имѣлъ надъ нимъ полную власть, правда, смягченную многими ограниченіями, сдѣланными для охраненія свободы горожанъ. Наконецъ, въ 1291-мъ году, городъ былъ проданъ, вмѣстѣ съ монастыремъ и двадцатью сосѣдними округами, Императору Рудольфу Гапсбургскому, и такимъ образомъ перешелъ подъ власть Австрійскихъ Герцоговъ. Новые владѣльцы не уважали его свободы, и Луцернъ началъ испытывать тягость чужеземнаго ига. Таже участь постигла и другіе города. Жители стали оказывать сопротивленіе, и наконецъ образовался извѣстный въ Исторіи союзъ *трехъ лѣсныхъ городовъ* (drei Waldstädte), который составили Фюрстъ, изъ Ури, Штауфахеръ, изъ Швица, и Мельхталь изъ Унтервальдена Луцернъ держался стороны Австрійцевъ, но не столько по волѣ, сколько по необходимости. Наконецъ и онъ вступилъ въ общій союзъ (въ 1332 году). Кровавая борьба съ Австрійскимъ Домомъ кончилась освобожденіемъ Швейцаріи, которая съ тѣхъ поръ назвала себя Швейцарскимъ Союзомъ. Луцернъ принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ за независимость, и въ 1386 году граждане его, вмѣстѣ съ союзниками своими, одержали знаменитую побѣду надъ Австрійцами при Земпахѣ, гдѣ убитъ и Австрійскій Герцогъ Леопольдъ. Когда заключенъ былъ съ Австрійцами окончательный договоръ, Луцернъ, казалось, могъ долго наслаждаться отдыхомъ и залечить раны, нанесенныя ему войною. Но судьба хотѣла, чтобы онъ опять былъ театромъ кровавыхъ сценъ, произведенныхъ несогласіемъ окружныхъ поселянъ. Въ 1652 году, правительство сдѣлало измѣненіе въ монетной системѣ. Это служило поводомъ къ новому возстанію крестьянъ во многихъ кантонахъ, гдѣ громко вопіяли противъ власти, присвоенной себѣ жителями городовъ. Слухъ, что хотятъ напасть на Луцернъ, заставилъ собрать вооруженныхъ людей изъ окрестныхъ мѣстъ. Недовольные созвали свой сеймъ, и выбрали одного мужика въ главные судьи и правители четырехъ кантоновъ, Луцерна, Солёра, Берна и Базеля. Это безумное предпріятіе окончилось тѣмъ, что много крови было пролито напрасно.

Почти черезъ сто лѣтъ возобновилось то-же несчастіе, и поводомъ были опять несогласія общественныя. Въ 1798 году, Луцернское собраніе торжественно объявило, что прежніе олигархическіе законы уничтожаются, а для установленія новыхъ, основанныхъ на равенствѣ каждаго, сзываются представители народа. Время событія показываетъ, что оно было порождено Французскою революціею. Но вскорѣ Французы сами показали имъ, на чемъ были основаны революціонныя нововведенія. Армія Французская заняла городъ, и Луцернъ сдѣлался столицею Гельветической республики. Но только до Марта 1799 года пользовался онъ этимъ отличіемъ: Французы были разбиты, Австрійцы проникли въ Швейцарію, и резиденція правительства была перенесена въ Бернъ. Во время посредничества Наполеона, въ 1803 году, Луцернъ былъ назначенъ однимъ изъ шести городовъ, въ которыхъ попеременно сбирался народный сеймъ. Въ 1815 году, по согласію съ союзными Державами, Луцернъ опять назначенъ однимъ изъ *трехъ* городовъ, гдѣ бываютъ засѣданія правительства.

Послѣ всѣхъ этихъ событій, Швейцарія, а слѣдовательно и Луцернъ, кажется, долго будутъ пользоваться благомъ спокойствія и мира. Бываютъ и теперь стычки мнѣній и несогласія, но они не могутъ нарушить общей тишины.

Описывая Луцернъ во всѣхъ отношеніяхъ, не льзя не упомянуть о славномъ *рельефѣ*, сдѣланномъ Генераломъ Фиферомъ, который полстолѣтія ходилъ по всѣмъ высокимъ горамъ Швейцаріи, измѣрялъ ихъ, и съ точностью изображалъ въ модели. Онъ ограничился только пространствомъ ста осьмидесяти квадратныхъ льё, гдѣ находятся высочайшія горы. Въ его модели, квадратное льё занимаетъ пятнадцать дюймовъ, и гора въ тысячу шесть сотъ туазовъ возвышается десятью футами надъ Луцернскимъ озеромъ. Трудно представить себѣ съ какою точностью изображены тутъ всѣ подробности, каждая тропинка, каждый домъ, каждый крестъ надъ скалою. Правда, отъ этой излишней точности размѣры потеряны: деревенская колокольня высока почти такъ-же какъ Альпійская гора; но за то множество предметовъ, незамѣтныхъ для путешественника, тутъ передъ его глазами. Сама работа художника довольно груба: теперь исполнили-бы ее гораздо лучше; но не льзя глядѣть на этотъ прекрасный памятникъ трудолюбія и не изумляться ему. Соотечественники хранятъ его какъ рѣдкость, и онъ, безъ сомнѣнія, достоинъ того.

Нынѣ Луцернъ, небольшой городъ, не отличается ни образованностью своихъ жителей, ни любовью къ просвѣщенію. Но въ немъ начали книгопечатаніе вскорѣ послѣ безсмертнаго изобрѣтенія Гуттенбергова. Первые сдѣланные тамъ типографскіе станки, около 1470 года, были перевезены въ Парижъ Ульрихомъ Герингомъ.

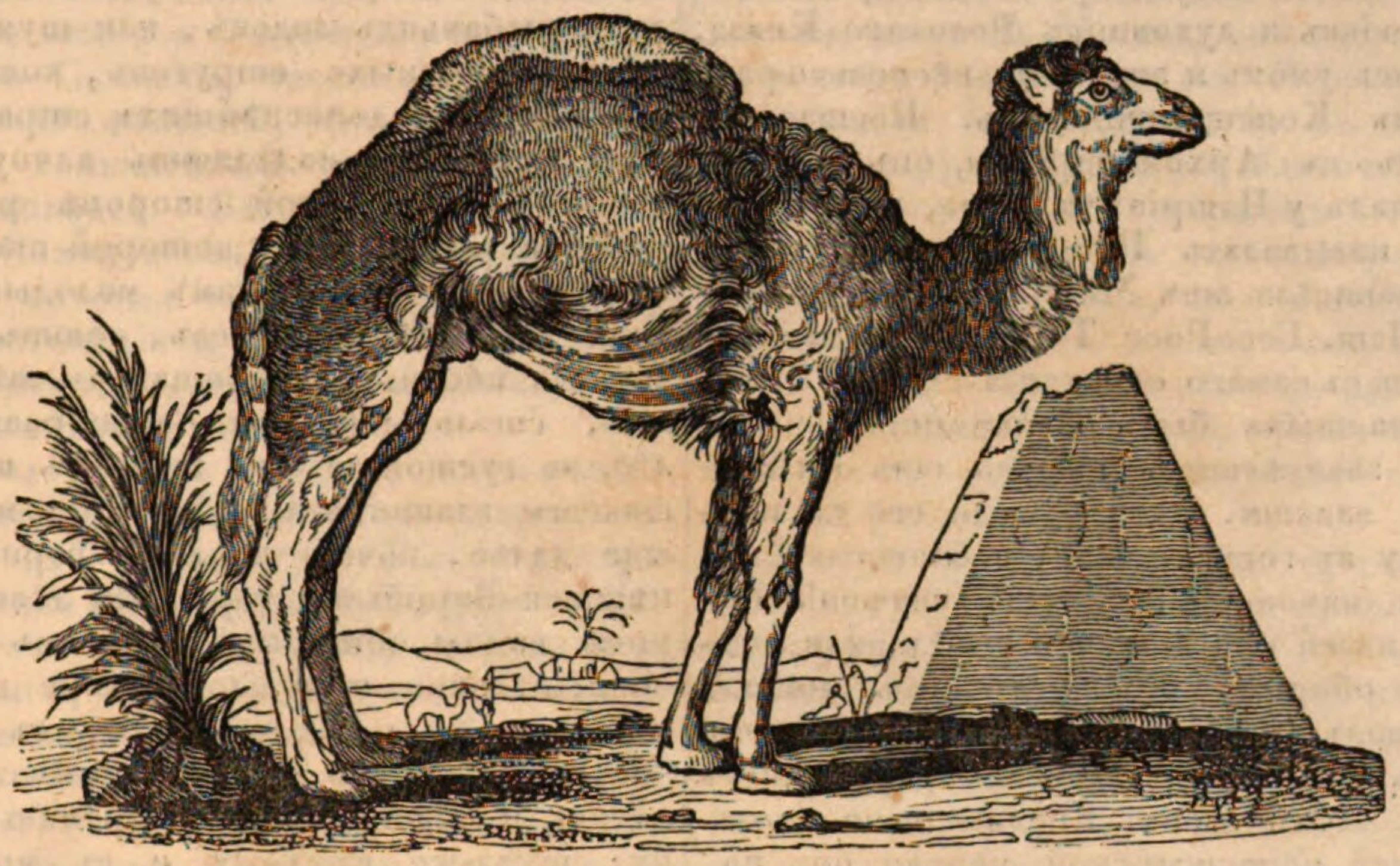
ДРОМАДЕРЪ И ВЕРБЛЮДЪ.

Дромадеръ и верблюдъ не два различные рода, но двѣ породы одного животнаго. Главное различіе ихъ въ томъ, что у дромадера одинъ горбъ на хребтѣ, а у верблюда ихъ два. Странно, что эти два вида существуютъ съ незапамятныхъ временъ. Еще важная примѣта ихъ различія: дромадеръ гораздо меньше верблюда и неспособенъ къ перенесенію его трудовъ. Впрочемъ, они смѣшиваются и производятъ дѣтей безъ различія; смѣшанная порода ихъ почитается даже самою лучшею, потому что она соединяетъ въ себѣ силу верблюда и красивость дромадера. Ублюдки ихъ распложаются и отдѣльно, составляя такимъ образомъ второстепенную породу. Отъ этого существуетъ множество разныхъ подробностей въ складѣ верблюдовъ и дромадеровъ; но всѣ онѣ сообразны климату и пищѣ ихъ. Въ главномъ можно и теперь слѣдовать раздѣленію, сдѣланному Аристотелемъ, который называетъ верблюда (двугорбаго) *Бактріанскимъ,* а дромадера *Аравійскимъ* верблюдомъ. Это различіе неизмѣнное; но кажется, что, съ тѣхъ поръ какъ стали извѣстны нѣкоторыя части Африки и Азіи, невѣдомыя древнимъ, можно почитать дромадера многочисленнѣйшею породою, разсѣянною на великомъ пространствѣ земнаго шара. Верблюдъ находится только въ Туркестанѣ и нѣкоторыхъ частяхъ Малой Азіи; напротивъ дромадеръ обитаетъ, въ безчисленномъ множествѣ, по всему прибрежію сѣверной Африки до рѣки Нигера, такъ-же какъ въ Персіи, въ средней Азіи и въ сѣверныхъ частяхъ Индіи. Такимъ образомъ дромадеръ занимаетъ неизмѣримыя пространства, а верблюдъ ограниченъ небольшою полосой земли; первый живетъ въ безплодныхъ и жаркихъ странахъ; другой обитаетъ въ умѣренномъ климатѣ и на землѣ меньше песчаной и сухой. Вообще родъ ихъ обоихъ, по видимому, ограниченъ извѣстнымъ пространствомъ умѣреннаго климата, на триста или четыреста льё въ ширину, отъ Мавританіи до Китая. Нѣтъ его ни выше ни ниже этой зоны. Онъ, правда, уроженецъ странъ жаркихъ, однако не любитъ климата подъэкваторнаго: начинается тамъ, гдѣ кончится климатъ, благопріятный для слона. Онъ не можетъ существовать ни подъ горящимъ небомъ жаркихъ странъ, ни въ умѣренныхъ климатахъ нашей зоны. Первоначальнымъ его отечествомъ была, вѣроятно, Аравія, потому что не только онъ особенно многочисленъ тамъ, но и сроденъ тамошнему климату. Аравія самая песчаная, самая безводная страна; верблюдъ самое терпѣливое животное, которое можетъ не пить много дней. Почва тамъ почти вездѣ сухая и песчаная; у верблюда ноги созданы для хожденія по песку, и, напротивъ, онъ не можетъ держаться на почвѣ сырой и и скользкой.

Легкость, съ какою верблюдъ можетъ оставаться долго безъ питья, происходитъ не отъ привычки, а отъ устройства его внутренней организаціи. У него, кромѣ обыкновенныхъ четырехъ желудковъ, находящихся у всѣхъ животныхъ, отрыгающихъ жвачку, есть еще пятое отдѣленіе, которое служитъ для сохраненія воды. Этого пя-

шаго желудка нѣтъ ни у какого другаго животнаго; напротивъ, у верблюда онъ такъ великъ, что можетъ вмѣщать большое количество воды, и жидкость остается въ немъ безъ порчи и безъ смѣшенія съ другими веществами. Когда животному хочется пить, или надобно смягчить сухую пищу, чтобы сжевать ее, оно вытягиваетъ изъ запаснаго желудка столько воды, сколько нужно, и дѣлаетъ это простымъ сжатіемъ мускуловъ. По этому-то чудному устройству внутренности, верблюдъ можетъ много дней не пить, и въ одинъ разъ вбираетъ въ себя чрезвычайное количество воды, которая остается въ немъ прозрачною и здоровою, потому что соки пищеваренія ни сколько не смѣшиваются съ нею.

МОСКОВСКІЙ СИМОНОВЪ МОНАСТЫРЬ.

Ставропигіальный Симоновъ монастырь принадлежитъ къ числу достопамятнѣйшихъ предметовъ нашей древней столицы, такъ что каждый житель Москвы почитаетъ долгомъ посѣтить его, по крайней мѣрѣ въ годъ разъ, а путешественники и пріѣзжающіе спѣшатъ поклониться знаменитой святынѣ. Славѣ Симонова монастыря способствовало многое: знаменитость его въ церковной іерархіи, благолѣпіе и богатство самой обители, прекрасное, можно сказать, единственное мѣстоположеніе ея, и хотя немногія, но историческія воспоминанія.

Годъ основанія Симоновской обители неизвѣстенъ. Въ монастырской Вкладной книгѣ, скрѣпленной Святѣйшимъ Патріархомъ Іосифомъ, Московскимъ и всея Россіи, означенъ нѣкто Григорій Ховринъ, будто-бы первый вкладчикъ и основатель обители. Но лѣтописи наши показываютъ, что ее строилъ святой Архимандритъ Ѳеодоръ, племянникъ и ученикъ преподобнаго Сергія, Радонежскаго чудотворца. Въ описаніи житія преподобнаго Сергія сказано, что Симоновъ монастырь былъ сооруженъ, вначалѣ деревянный, самимъ Сергіемъ, вѣроятно, на томъ мѣстѣ, которое называется нынѣ *Старое Симоново*, и гдѣ теперь каменная, во имя Рождества Богородицы, приходская церковь, подлѣ монастырской слободки. Послѣ смерти Сергія, названный выше ученикъ его Ѳеодоръ построилъ монастырь на нынѣшнемъ его мѣстѣ. Эти извѣстія можно дополнить слѣдующими соображеніями. Нѣтъ сомнѣнія, что первоначально монастырь былъ выстроенъ на *Старомъ Симоновѣ* (которое называлось такъ по имени прежняго владѣльца этого мѣста, и оставило названіе свое нынѣшнему монастырю). Но церковь была съ самаго начала каменная, а не деревянная, потому что когда въ царствованіе Екатерины II-й разбирали ветхую колокольню Стараго Симонова, то подъ нею нашли могилу Ослябя и Пересвѣта, убитыхъ въ Куликовской битвѣ. Слѣдовательно церковь существовала каменная отъ временъ Димитрія Донскаго, когда былъ основанъ монастырь. Это можно отнести къ 1375 году. Св. Ѳеодоръ перенесъ потомъ монастырь на нынѣшнее его мѣсто, а Старо-Симоновская обитель оставалась неприкосновенною, подъ именемъ Рождественскаго *Стараго* монастыря. Доказательствомъ этого служитъ то обстоятельство, что преподобный Кириллъ Бѣлоезерскій, бывши еще

Настоятелемъ нынѣшняго Симонова монастыря, хотѣлъ *укрыться отъ молвы народной,* и ушелъ въ Старый Симоновскій. Оттуда уже удалился онъ на Бѣло-озеро, и устроилъ тамъ Кирилло-Бѣлоезерскій монастырь, прославленный святостію его.

Между тѣмъ Игуменъ Θеодоръ, племянникъ Сергіевъ и духовникъ Великаго Князя, «отличаясь умомъ и знаніями, нѣсколько разъ ѣздилъ въ Константинополь. Поставленный тамъ въ Архимандриты, онъ исходатайствовалъ у Патріарха Нила, чтобы его обитель называлась Патріаршею и ни въ чемъ не зависѣла отъ Митрополита Россійскаго» (Ист. Гос. Росс. Т. V). Слѣдовательно, почти съ самаго основанія своего, Симоновъ монастырь былъ ставропигіальнымъ, то есть зависѣвшимъ только отъ высшей духовной власти. Это возвело его на первую чреду въ государствѣ, а благоговѣйная любовь и какое-то особенное уваженіе Великихъ Князей обогатили и прославили знаменитую обитель. Болѣе другихъ любилъ и обогащалъ ее Царь Іоаннъ Васильевичъ. Но Царь Θеодоръ Алексѣевичъ превзошелъ въ этомъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. При зимней монастырской церкви онъ построилъ для себя *палаты,* и жилъ въ нихъ во время постовъ. Надъ папертью была сдѣлана для него галлерея на башнѣ, существующая донынѣ, а снаружи придѣлана палатка, сообщавшаяся съ церковью полукруглымъ окномъ. Стоя подлѣ этого окна, Царь уединенно слушалъ божественную службу. Впослѣдствіи палатка была уничтожена и на мѣстѣ ея сооружена церковь. Кромѣ Государей и Князей Удѣльныхъ, Бояре (особенно Мстиславскіе, Головины, Черкасскіе, Бутурлины), купцы и всякаго состоянія люди присылали въ монастырь деньги, вещи серебряныя, богатыя одежды, хлѣбъ, лошадей и проч. До учрежденія духовныхъ штатовъ состояло за нимъ 12,145 душъ крестьянъ. Къ нему-же была приписана Великовражская пустыня (въ Нижегородскомъ уѣздѣ). Въ 1788 году, по Высочайшему Указу велѣно было упразднить Симоновъ монастырь. Обитель запустѣла и оставалась въ такомъ состояніи до 1795 года. Мы имѣемъ описаніе ея въ эти печальные годы, сдѣланное краснорѣчивымъ перомъ Карамзина. Описывая любовь свою къ окрестностямъ Москвы, онъ говоритъ: «Но всего пріятнѣе для меня то мѣсто, на которомъ возвышаются мрачныя, готическія башни Симонова монастыря. Стоя на сей горѣ, видишь на правой сторонѣ почти всю Москву, сію ужасную громаду домовъ и церквей, которая представляется глазамъ въ образѣ величественнаго амфитеатра: великолѣпная картина, особливо когда свѣтитъ на нее солнце, когда вечерніе лучи его пылаютъ на безчисленныхъ златыхъ куполахъ, на безчисленныхъ крестахъ, къ небу возносящихся! Внизу разстилаются тучные, густозеленые, цвѣтущіе луга, а за ними, по желтымъ пескамъ, течетъ свѣтлая рѣка, волнуемая легкими веслами рыбачьихъ лодокъ, или шумящая подъ рулемъ грузныхъ струговъ, которые плывутъ отъ плодоноснѣйшихъ странъ Россійской имперіи и надѣляютъ алчную Москву хлѣбомъ. На другой сторонѣ рѣки видна дубовая роща, подлѣ которой пасутся многочисленныя стада; тамъ молодые пастухи, сидя подъ тѣнію деревъ, поютъ простыя, унылыя пѣсни, и сокращаютъ тѣмъ лѣтніе дни, столь для нихъ однообразные. Подалѣе, въ густой зелени древнихъ вязовъ, блистаетъ златоглавый Даниловъ монастырь; еще далѣе, почти на краю горизонта, синѣются Воробьевы горы. На лѣвой-же сторонѣ видны обширныя, хлѣбомъ покрытыя поля, лѣсочки, три или четыре деревеньки, и вдали село Коломенское, съ высокимъ дворцомъ своимъ. Часто прихожу на сіе мѣсто, и почти всегда встрѣчаю тамъ весну; туда-же прихожу и въ мрачные дни осени, горевать вмѣстѣ съ природою. Страшно воютъ вѣтры въ стѣнахъ опустѣвшаго монастыря, между гробовъ, заросшихъ высокою травою, и въ темныхъ переходахъ келлій. Тамъ, опершись на развалины гробныхъ камней, внимаю глухому стону временъ, бездною минувшаго поглощенныхъ, стону, отъ котораго сердце мое содрогается и трепещетъ. Иногда вхожу въ келліи, и представляю себѣ тѣхъ, которые въ нихъ жили: печальныя картины!... Иногда, на вратахъ храма разсматриваю изображеніе чудесъ, въ семъ монастырѣ случившихся: тамъ рыбы падаютъ съ неба, для насыщенія жителей монастыря, осажденнаго многочисленными врагами; тутъ образъ Богоматери обращаетъ непріятелей въ бѣгство. Все сіе обновляетъ въ моей памяти исторію нашего отечества, печальную исторію тѣхъ временъ, когда свирѣпые Татары и Литовцы огнемъ и мечемъ опустошали окрестности Россійской столицы, и когда несчастная Москва, какъ беззащитная вдовица, отъ одного Бога ожидала помощи въ лютыхъ своихъ бѣдствіяхъ.»

Но не долго обитель Симоновская пробуждала такія печальныя мысли. Въ 1795 году, по ходатайству Новгородскаго Митрополита Гавріила, она была возстановлена. Краснорѣчивое письмо Митрополита къ тогдашнему Оберъ-Прокурору Синода, Графу А. И. Мусину-Пушкину, должно остать-

ся памятникомъ въ Симоновомъ монастырѣ, который возникъ послѣ этого и оставался въ цвѣтущемъ состояніи до 1812 года, когда Москва пала во власть Французовъ. Не укоряя нашихъ непріятелей, скажемъ только, что всѣ церкви Симонова монастыря пострадали отъ нихъ: особенно мѣстныя иконы. Всѣ книги и будничная ризница были расхищены. Сожжены: часть ограды, одинъ изъ братскихъ флигелей, четырехъ-этажный флигель и конюшенный дворъ. Остальное все сохранилось. Благословенная Богомъ обитель Симоновская возстала въ новой красѣ, и никогда еще не бывала она въ такомъ благолѣпіи и богатствѣ какъ нынѣ. Мы постараемся здѣсь, сколько можно, представить нынѣшнее ея состояніе.

Мѣстоположеніе и окрестности монастыря не перемѣнились съ тѣхъ поръ какъ описывалъ ихъ Карамзинъ. Только на противоположной сторонѣ рѣки, вы уже не увидите многочисленныхъ стадъ, не услышите пастушескихъ свирѣлей: тамъ почти все застроено домами и фабриками. Видъ монастыря, съ которой стороны ни приближались-бы вы къ нему, величественъ и прекрасенъ. Огромныя его башни, съ темными верхами, высокая ограда, громадныя зданія церквей, находящихся внутри, исполинская колокольня, вновь строющаяся, и даже столѣтнія деревья вокругъ стѣнъ, все производитъ впечатлѣніе невыразимо пріятное, особенно для Рускаго, который видитъ *свой* величественный храмъ, оживляемый для него многими воспоминаніями. Кто скажетъ, что у насъ нѣтъ памятниковъ старинной архитектуры, тому укажемъ мы на Симоновъ монастырь.

Ограда его простирается на 395 саженъ. Высота ея вездѣ $3\frac{1}{2}$ сажени, кромѣ пяти башенъ, которыя сдѣланы въ стѣнахъ, и сами по себѣ могутъ почесться зданіями. Самая большая изъ нихъ, *Дула хлѣбоскладочная,* вышиною около 18 сажень. Остальныя четыре всѣ отъ 12 до 15-ти саженъ вышины. Вотъ ихъ названія: на сѣверо-востокъ *Сторожевая,* на полдень *Солевая,* другая на полдень *Кузнечная,* на западъ *Тайнинская,* съ подземнымъ ходомъ къ пруду. Эти названія показываютъ и назначеніе каждой башни. Всѣ онѣ, такъже какъ и ограда, построены въ первой половинѣ XVI-го столѣтія.

Въ стѣнѣ, обращенной къ дорогѣ изъ города, возвышается та громадная колокольня, которая теперь еще не достроена, но уже изумляетъ своею вышиною. Діаметръ ея основанія 8 сажень и $2\frac{1}{2}$ аршина, высота съ крестомъ, по проекту, должна быть около 45 саженъ. И такъ она будетъ одною изъ высочайшихъ зданій въ Россіи и даже въ Европѣ! На построеніе ея, по смѣтѣ, требуется до 800,000 рублей; но всей этой суммы нѣтъ въ виду. Доброхотный датель, Московскій купецъ Иванъ Игнатьевъ, отказалъ духовнымъ завѣщаніемъ, именно для этой громадной постройки, свои домы и лавки въ Москвѣ, стоящія до четырехъ сотъ тысячь рублей. Исполненіе воли завѣщателя было сопряжено съ безчисленными затрудненіями; но благочестивый и почти безпримѣрный усердіемъ своимъ, нынѣшній Архимандритъ монастыря Мельхиседекъ, преодолѣваетъ, съ помощію Божіею, всѣ труды, какъ въ этомъ, такъ и во многомъ другомъ, подъятомъ имъ для украшенія и благолѣпія обители. Читатели наши видятъ изображеніе колокольни въ прилагаемомъ здѣсь рисункѣ.

Внутри ограды, прежде всего влекутъ къ себѣ церкви, старинной архитектуры, строенныя въ разные вѣка. 1-я, посреди монастыря, Успенскій пятиглавый соборъ, начатъ въ концѣ XIV столѣтія, и освященъ въ 1404-мъ или 1405 году, при Вел. Князѣ Василіи Димитріевичѣ. Это зданіе массивное, Византійскаго стиля. Большая глава его имѣетъ 20 саженъ въ окружности. Въ 1836 году ее вновь покрыли мѣдью и вызолотили червоннымъ золотомъ, что, съ поправкою и украшеніями другихъ главъ, стоило до 50,000 рублей. Въ 1835 году вновь построены: придѣлъ, во имя Казанскія Богородицы, и въ симметрію къ нему, на другой сторонѣ, ризница. 2-я церковь, во имя Св. Сергія, теплая двуэтажная. Въ верхнемъ этажѣ, кромѣ главной церкви, есть два придѣла. Съ западной стороны бывшія *палаты* Царя Ѳеодора Алексѣевича, гдѣ нынѣ зимняя братская трапеза. Зданіе конца XVII вѣка. 3-я, надъ восточными вратами, вновь построенная въ 1835 году, церковь св. Николая, съ двадцатью больничными келліями. 4-я, надъ западными вратами церковь во имя *Происхожденія честныхъ древъ,* смежная съ настоятельскими келліями. Сверхъ того есть еще три отдѣльныя церкви, такъ что всѣхъ церквей въ монастырѣ 6, а престоловъ 10. — Къ южной сторонѣ, около ограды, келліи братскія. За главною церковью вы увидите цѣлый лѣсъ надгробныхъ памятниковъ. Тамъ покоится прахъ многихъ почетныхъ и замѣчательныхъ людей. Тамъ и могила Веневитинова, поэта, умершаго въ цвѣтѣ лѣтъ!... Изъ историческихъ лицъ погребены въ Симоновѣ монастырѣ Князь Константинъ Димитріевичъ, въ инокахъ Кассіанъ, и знаменитый во время междоцарствія Симеонъ Бекбулатовичъ. Вспомните также, что здѣсь былъ послуш-

никомъ Св. Митрополитъ Іона, что на самомъ этомъ мѣстѣ бывали и Петръ Великій, и умная сестра его Софія, что здѣсь живалъ по цѣлымъ мѣсяцамъ Царь Ѳеодоръ, и много другихъ царственныхъ и знаменитыхъ особъ. Симоновъ монастырь замѣчателенъ еще тѣмъ, что въ немъ почти всегда было много схимниковъ, извѣстныхъ своимъ благочестіемъ. Подъ теплою церковью Св. Сергія, вы найдете мрачную комнатку одного изъ нихъ.

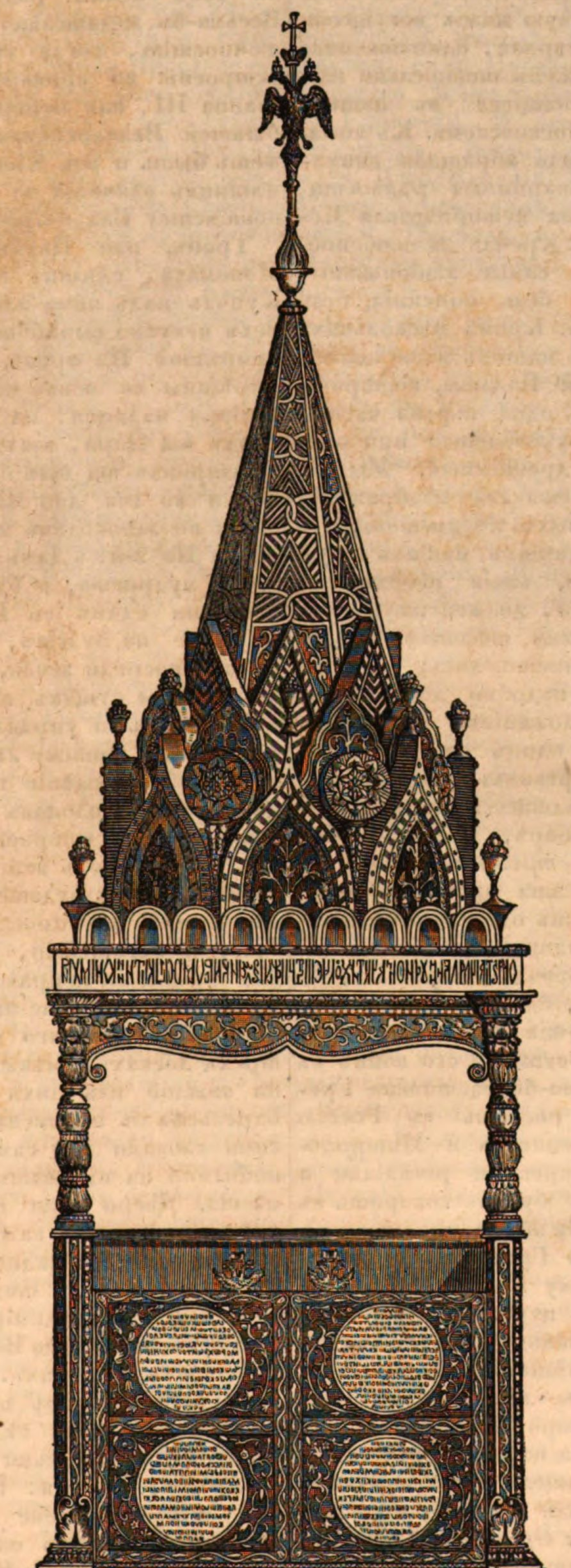
Можемъ-ли мы, говоря о нынѣшнемъ цвѣтущемъ состояніи Симоновской обители, не упомянуть о тамошнемъ пѣніи во время божественной службы! Вѣроятно, почти каждый изъ Московскихъ жителей услаждалъ имъ свою душу не одинъ разъ. Но кто не испыталъ этого божественнаго наслажденія, тѣмъ совѣтуемъ, въ первый праздничный день отслушать литургію въ Симоновомъ монастырѣ: торжественность богослуженія, соединенная съ пѣніемъ неподражаемымъ, точно возноситъ душу.

Осмотрѣвши Симоновъ монастырь, взглянемъ и на ближайшія его окрестности. Вотъ обширный лугъ на берегу рѣки, гдѣ бываетъ каждый годъ гулянье 1 го Августа. Тутъ Московскіе жители прощаются съ лѣтними праздниками. Вотъ *Старое Симоново,* со своею слободкою. Церковь Рождества Богородицы, о которой мы упоминали, достопамятна могилою Ослябя и Пересвѣта. Гробница ихъ, найденная при Екатеринѣ II-й, была поставлена въ трапезѣ, а надгробный камень заложенъ въ стѣнѣ.

Саженяхъ въ двухъ-стахъ отъ монастыря, за Симоновскою заставою, есть прудъ, обсаженный высокими березами, и обведенный небольшимъ валомъ. Это такъ называемый *Лизинъ прудъ,* славный вымышленнымъ происшествіемъ, которое соединилъ съ нимъ Карамзинъ, въ пріятной своей сказочкѣ. Сюда приходили вздыхать и мечтать современники нашего знаменитаго писателя, очарованные его разсказомъ. Вы и теперь увидите на иныхъ деревьяхъ надписи и восклицательные знаки. Съ этимъ прудомъ соединяется еще историческое преданіе, хотя и не подкрѣпленное достовѣрными свидѣтельствами. Говорятъ, что Св. Сергій, избравшій мѣсто для Симоновской обители, прихаживалъ въ нее, и съ братіею вырылъ этотъ прудъ. Водѣ его приписывали цѣлительную силу, и старики еще запомнятъ, какъ пріѣзжали и приходили сюда больные, которые, не смотря на погоду и время года, купались въ пруду и надѣялись исцѣленія.... Впрочемъ, въ Москвѣ почти нѣтъ ни одного мѣста, съ которымъ не соединялось-бы какое нибудь историческое или по крайней мѣрѣ любопытное воспоминаніе. Жаль, что у насъ нѣтъ хорошаго описанія первопрестольной столицы!

ЦАРСКОЕ МѢСТО ИЛИ ТРОНЪ МОНОМАХОВЪ.

Bayerische Staatsbibliothek München

Кто хочетъ узнать Русь, древнюю, старинную Русь, отъ которой получила свою блистательную, величавую жизнь могущественная Россія, безпримѣрная, единственная въ Исторіи, тотъ долженъ тщательно изучить памятники, хранящіеся въ нашемъ палладіумѣ, Кремлѣ Московскомъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ мало обращали вниманія мы, Руские, на старинныя рѣдкости, которыми такъ обильна историческая Москва вообще, и нашъ Кремль въ особенности. Самые древніе, самые любопытные памятники остаются безъ описанія, безъ повѣрки исторической. Кромѣ нѣсколькихъ мимоходныхъ замѣчаній нашихъ историковъ, и Описанія Оружейной Палаты, котораго, къ сожалѣнію, вышла одна первая часть, нечего принять въ руководство при обозрѣніи Московскихъ древностей. Мы съ своей стороны, представляя изображенія Русскихъ достопамятныхъ предметовъ, руководствуемся въ описаніяхъ нашихъ всѣми возможными пособіями, какія необходимы для передачи извѣстій, долженствующихъ служить пояснительнымъ текстомъ многочисленнымъ нашимъ читателямъ; но бываютъ случаи, когда надобно довольствоваться только предположеніями и догадками. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ и самыхъ древнихъ предметовъ, *Царское мѣсто*, находящееся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, и называемое также *Мономаховымъ трономъ*. Но когда, гдѣ и кѣмъ сдѣлана эта драгоцѣнность? Исторія молчитъ. Вотъ однакожь нѣкоторыя историческія догадки или наведенія.

Владиміръ Всеволодовичъ, названный впослѣдствіи Мономахомъ, былъ славенъ и грозенъ силою своего оружія. Преданіе сохранило намъ темный разсказъ о его войнѣ съ Греками, которая будто-бы заставила Греческаго Императора послать въ Россію знаменитѣйшихъ сановниковъ и Митрополита, со многими Царскими регаліями и утварями (о которыхъ будемъ говорить въ свое время, при описаніи этихъ предметовъ). Послы поднесли дары Греческаго Императора Русскому Великому Князю, и Митрополитъ вѣнчалъ его на царство. Это было около 1116 года, слѣдовательно болѣе нежели за семь сотъ лѣтъ до нашихъ дней. Преданіе говоритъ, что *Царское мѣсто* есть тотъ самый тронъ, на которомъ сидѣлъ Мономахъ при вѣнчаніи его на царство Греческимъ Митрополитомъ. Издатели *Историческаго описанія древняго Росс. Музея, подъ названіемъ Мастерской и Оружейной Палаты въ Москвѣ находящагося* (М. 1807 г., gr. in-folio), прибавляютъ къ этому: «Древняя работа трона сего такъ очевидна, что безъ дальнѣйшихъ доказательствъ означаетъ на себѣ цѣлый рядъ минувшихъ вѣковъ. Весьма-бъ желательно было изслѣдовать съ точностію, когда сей Царскій престолъ устроенъ: во времена-ли Великаго Князя Іоанна III, или перенесенъ изъ Владиміра, бывшей Великокняжеской столицы, а можетъ быть и изъ Кіева взятъ былъ, яко памятникъ вѣнчанія на царство, оставленный потомству Владиміромъ Мономахомъ.»

Тронъ, или Царское мѣсто Владиміра Мономаха, сдѣланъ изъ орѣховаго дерева. Куполъ надъ нимъ или балдахинъ, на четырехъ искусно выработанныхъ столбахъ, весь прорѣзной. На фризѣ, связывающемъ куполъ, вырѣзаны со всѣхъ четырехъ сторонъ слѣдующія надписи: на 1-й,» Рехъ Азъ: избрахъ тя Царя, взяхъ тя за десницу твою и устроихъ тя отъ благодати надъ людьми моими во вся дни живота твоего, аще ходиши по заповѣдѣмъ моимъ и твориши волю мою.» На 2-й: «Дамъ тебѣ сердце смысленно и мудрость, и будеши, яко-же не бѣ тако ни единъ въ Царѣхъ прежь тебѣ и по тебе не будетъ, и аще твориши всуе правду посреди земли, и слышиши воздыханія и слезы сущихъ въ скорбѣхъ.» На 3-й: «И милость и управленіе твориши имъ въ скорбѣхъ, и умножу лѣтъ живота твоего и дамъ тебѣ одолѣніе на враги.... на земли на умноженіе плодовъ земныхъ, и возставлю сѣмя твое и устрою Царство ваше.» На 4-й: «И престолъ вашъ до вѣка, и буду вамъ во отца, и вы будете ми въ сыны; къ симъ-же, еже и не просиши у мене, дамъ ти славу и богатство, и покорю ти языцы; аще пріидетъ неправда ваша, накажу васъ, милости-жь моея не отыму отъ васъ.»

Столбы древняго трона поставлены на трехъ доскахъ, имѣющихъ подобіе панелей; на каждой изъ нихъ вырѣзано по четыре барельефа съ надписями, гдѣ изложено другими словами то самое преданіе, которое написано на входныхъ дверяхъ въ Царское мѣсто. Двери эти сдѣланы нѣсколько пониже панелей. На каждой дверцѣ въ кругахъ вырѣзано по двѣ надписи. *Въ первомъ кругѣ:* «Въ лѣто 6496, а отъ Великаго и блаженнаго Князя Володиміра четвертое колѣно правнукъ его Князь Великій Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ. Той убо Царь Мономахъ прозвася отъ таковыя вины: егда на великое княженіе сѣде въ Кіевѣ, совѣтъ твораше съ Князьми своими и съ Бояры и Вельможи, глаголя: Егда азъ есмь юнѣйшій и прежде мене державствовавшихъ и хоругви правящихъ скипетра Великія Россіи, яко-же Великій Князь Олегъ ходилъ и взялъ съ Царя-града велію дань на вся вои своя, и здравъ возвратися во своязи; и

потомъ Князь Великій Светславъ Игоревичъ ходилъ и взялъ на Констинтинѣ-градѣ тягчайшую дань; а мы есмы Божіею милостію Настольницы прародителей и отца моего Великаго Князя Всеволода Ярославича, наслѣдницы тоя-жь чести отъ Бога сподоблени.» *Во второмъ:*» Нынѣ убо свѣта ищу отъ васъ моея палаты Князей, Боляръ и Воеводъ, и всего надъ вами христолюбиваго воинства, да превознесется имя Святыя и живоначальныя Троицы, вашея храбрости могутствомъ, Божіею волею съ нашимъ повелѣніемъ. Отвѣщаста-же Великому Князю Владиміру Всеволодовичу Князи и Боляре и воеводы его, рѣша: сердце Царево въ руцѣ Божіи, яко-же писано есть; а мы есмы въ твоей волѣ Государя нашего по Бозѣ. Великій Князь Владиміръ собираетъ воеводы благоискусные и многоразумные, поставляетъ чиновники надъ различными воинствы, тысячники и сотники и пятидесятники надъ различными бореніи, и свокупи многа тысоща воинства, и отпусти ихъ во Ѳракію, Царя-града области. И плѣниша ихъ довольно, и возвратишася со многимъ богатствомъ, во мнози здравіи во свояси.» *Въ третьемъ:* «Тогда бѣ во Царѣ-градѣ благочестивый Царь, и имѣя въ то время брань съ Персы и съ Латыною, и составляетъ совѣтъ мудрый Царскій, и отряжаетъ послы своя къ Великому Князю Владиміру Всеволодовичу въ Кіовъ: Неофита Митрополита отъ Ассія Ефесскаго, и съ нимъ два Епископа, Мелитинска и Митулинска, и Стратига Антіохійскаго, Игемона Іерусалимскаго, и Еустафія, и инѣхъ своихъ благородныхъ; и отъ своея выя пріемлетъ Животворящій Крестъ отъ самаго животворящаго древа, на немъ-же распяся владыка Христосъ; снемлетъ-же отъ главы своея вѣнецъ Царскій и поставляетъ его на блюдѣ златѣ, и повелѣваетъ-же принести крабицу сердаликову, изъ нея-же Августія, Кесарь Римскій, веселяшеся, и ожереліе, сирѣчь святыя бармы.» *Въ четвертомъ:* «Иже на плещу своею ношаше, и цѣпь отъ злата Аравійска искованy, и ины многи дары Царскіе. Предаде ихъ Неофиту Митрополиту со Епископы, и своимъ благороднымъ рядникомъ, и посла ихъ къ Великому Князю Владиміру Всеволодовичу въ Кіовъ, моля и глаголя: пріими отъ насъ, о благолюбивый и благовѣрный Княже! сія честныя дарове, отъ начатка вѣчныхъ лѣтъ твоего благородна поколѣнія Царскій жребій на славу и честь и на вѣнчаніе твоего вольнаго самодержавнаго Царствія, имъ же начнутъ тя молити наши Послове, и мы твоего благородія просимъ многія любве, да Церковь Божія безъ мятежа будетъ, а все православіе въ покоѣ пребудетъ, подъ сущею властію нашего Царствія и твоего вольнаго самодержавства Великія Россіи, да нарицаешися отселѣ Благовѣнчанный Царь. Вѣнчанъ симъ Царскимъ вѣнцемъ рукой святѣйшаго Митрополита Киръ-Неофита и со Епископы. И отъ того времени Князь Владиміръ Всеволодочь наречеся Мономахъ, Царь Великія Россіи, и пребысть съ Царемъ Греческимъ прочее время въ миру и любви. Оттолѣ и донынѣ тѣмъ вѣнцомъ Царскимъ вѣнчаются Великіи Князи Владимірстіи.»

Историки наши, встрѣчая этотъ-же разсказъ въ лѣтописяхъ Русскихъ, справедливо полагаютъ его вымышленнымъ. Но соглашаясь съ мнѣніемъ добросовѣстной критики, не льзя не видѣть здѣсь слѣдовъ преданія, можетъ быть украшеннаго въ подробностяхъ, однако вѣрнаго въ основаніи. Самъ Карамзинъ говоритъ, что посольство къ Владиміру Мономаху *было*, только не отъ Константина Мономаха, а отъ Алексія Комнина. Сверхъ того, Константинопольскій Патріархъ Іоасафъ, въ 1561 году письменно утвердилъ истину Владимірова Царскаго вѣнчанія, въ грамматѣ своей къ Царю Іоанну Васильевичу. Слѣдовательно и тогда, почти за *триста лѣтъ*, разсказъ лѣтописей, находимый и на дверяхъ Царскаго мѣста, былъ уже давнимъ преданіемъ. Такимъ образомъ все подтверждаетъ древность описываемаго нами предмета, драгоцѣннаго для Руских во всѣхъ отношеніяхъ. Если онъ и не принадлежитъ ко времени Мономаха, то тѣмъ не меньше представляетъ одинъ изъ рѣдкихъ памятниковъ древняго искуства въ Россіи, ибо нѣтъ сомнѣнія, что онъ сдѣланъ въ Россіи, можетъ быть Греческими мастерами. Было время, когда Греція служила намъ такимъ-же образцомъ въ художествахъ, какъ нынѣ западная Европа.... Но независимо отъ своей художнической отдѣлки, этотъ древнѣйшій тронъ Царскій священъ для насъ и по идеѣ, которая необходимо соединяется съ подобными предметами.

Основаніемъ его служатъ четыре подножія, изображающія львиныя головы. Искусно вырѣзанные барельефы, съ трехъ сторонъ трона, представляютъ: 1-е, совѣтъ у Великаго Князя о предпринимаемой войнѣ; 2-е, устройство войскъ для похода; 3-е, отправленіе ихъ; 4-е, военныя дѣйствія подъ Константинополемъ; 5-е, завоеванія Рускихъ; 6-е, возвращеніе ихъ съ богатствами; 7-е, военныя дѣйствія Грековъ противъ Персовъ и *Латиновъ;* 8-е, совѣтъ Греческаго Государя о посольствѣ въ Россію; 9-е, отправленіе пословъ съ Царскими украшеніями;

10-е, плаваніе пословъ изъ Царяграда въ Кіевъ; 11-е, представленіе Пословъ съ дарами въ Кіевѣ; 12-е, вѣнчаніе на царство Великаго Князя Владиміра Мономаха Митрополитомъ Неофитомъ.

ГЛУХАРЬ.

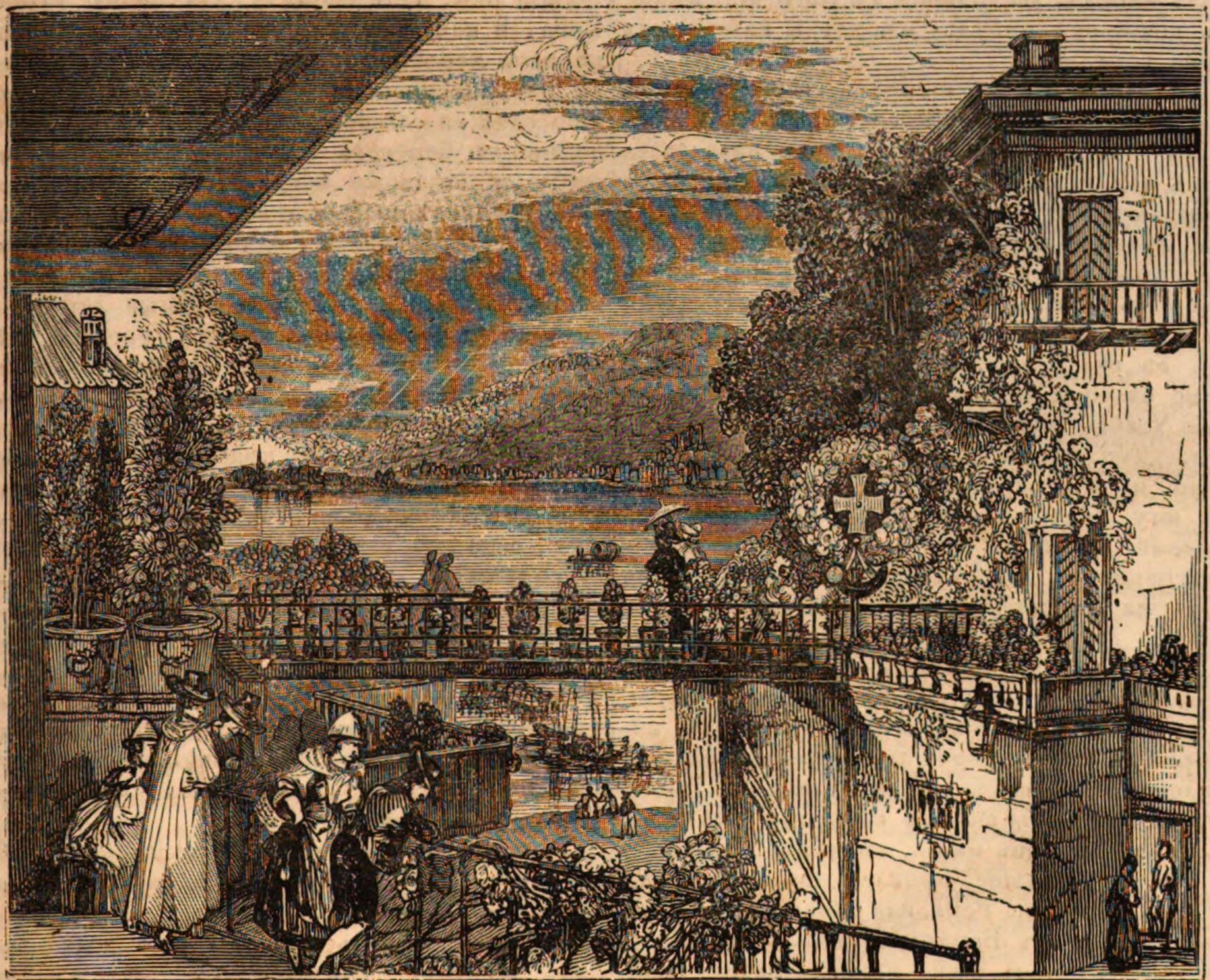

Наша сѣверная природа не разнообразна, говорятъ намъ. Лѣса вездѣ одинакіе, а обитатели ихъ немногочисленны. Если это справедливо, то съ большими ограниченіями. Правда, у насъ нѣтъ того, что есть, напримѣръ, въ лѣсахъ южной Америки или Австраліи; но за то есть много своего. Не говоримъ уже о дорогихъ звѣряхъ: ими Русь богаче всѣхъ странъ. Но у насъ также богато и разнообразно другое отдѣленіе лѣсныхъ жителей: птицъ. Кто виноватъ, если мы не внимательны къ своему, и видя заморскихъ красныхъ попугаевъ и зеленыхъ какаду, вздыхаемъ, приговаривая, что у насъ нѣтъ птицъ. Боже мой! у насъ на Руси, гдѣ есть почти всѣ климаты, не находятъ природы! Да, гдѣ есть живая, сильная природа, тамъ есть и все разнообразіе ея. Поѣзжайте на Кавказъ: тамъ увидите вы горныхъ орловъ, которые уносятъ барана; сидя въ саду своемъ, на дачѣ подъ Москвой, вы услышите соловья; двиньтесь на сѣверъ, или въ богатую Сибирь, тамъ изумитъ васъ новое разнообразіе природы...

Эти мысли пробудила въ насъ случайность замѣчательная. Мы должны говорить здѣсь о *глухарѣ*, извѣстной птицѣ Русскихъ лѣсовъ. Желая справиться и припомнить себѣ, что говорятъ о ней ученые естествоиспытатели, мы заглянули, между прочимъ, въ Бюффона... Онъ такъ перепуталъ свое описаніе этой птицы, что Кювье долженъ былъ написать цѣлую статью для поправки извѣстій его. Совсѣмъ не думаемъ мы упрекать великаго писателя: онъ *не видалъ* всѣхъ породъ глухаря, и смѣшалъ одну породу съ другою. Если-бъ онъ жилъ въ Россіи, первый охотникъ исправилъ-бы понятія и опи-

саніе его. У насъ глухарь птица очень обыкновенная и находится во всемъ своемъ разнообразіи. Главное раздѣленіе этой породы: *Глухарь* (tetrao urogallus), и *тетеревъ* (tetrao tetrix). Глухарь гораздо больше тетерева, и съ крюковатымъ клювомъ; глаза его обведены красною кожицею; перья черныя, съ желтымъ отливомъ на спинѣ и бѣлыми пятнами на оконечностяхъ; нижняя часть крыльевъ покрыта бѣлыми перьями. Онъ изображенъ на прилагаемой нами картинкѣ. Обитатель лѣсовъ или уединенныхъ горъ, онъ питается плодами дикихъ деревьевъ, и живетъ одиноко. Только съ весны соединяется онъ съ самкою, и остается при ней покуда она выведетъ дѣтей. Новѣйшіе естествоиспытатели нашли столько различія въ разныхъ породахъ, которыя причислялись къ глухарямъ, что составили изъ нихъ новыя породы. Мы надѣемся поговорить объ этомъ въ другой статьѣ.

ЛАГО МАДЖІОРЕ, ВЪ ИТАЛІИ.

Прекрасна Италія, очаровательна природа ея, неизобразимо лазурное небо. Но *Лаго Маджіоре (Большое озеро)*, едва-ли не самый плѣнительный уголокъ роскошной, поэтической Италіи. Его красота восхищаетъ и Швейцарцевъ, и Французовъ, и Австрійцевъ, и даже заѣзжихъ Руских. Объ Итальянцахъ и говорить нечего....

Лаго Маджіоре обширнѣе всѣхъ озеръ, находящихся на Итальянской сторонѣ Альповъ. Длина его простирается почти на 70 верстъ; ширина различна: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно даже походитъ больше на рѣку нежели на озеро; напримѣръ, между Ароною и Сесто ширина его немного больше версты; за то около Бавено оно занимаетъ больше десяти верстъ. Въ этомъ-же мѣстѣ встрѣчаются и прекраснѣйшіе виды Счастье для путешественниковъ, что на восточномъ берегу городокъ Лавено, а на западномъ Бавено, приходятся именно на большой проѣзжей дорогѣ. Когда Англійскій *туристъ* ѣдетъ изъ Швейцаріи на югъ, и пересѣкаетъ Альпы по гигантской дорогѣ черезъ

Сенплонъ, онъ вдругъ спускается къ Дуомо д'Оссола, у самой подошвы Альповъ, и черезъ нѣсколько часовъ потомъ онъ уже въ Бавено, гдѣ первый взглядъ на великолѣпную сцену производитъ впечатлѣніе волшебное. На пути изъ Милана черезъ Варезъ, съ его миніатюрнымъ озеромъ, спящимъ посреди виноградниковъ, прелестная почтовая дорога ведетъ до Лавено, гдѣ путешественникъ останавливается, и налюбовавшись очаровательною картиною береговъ, можетъ сѣсть въ лодку и плыть озеромъ къ островамъ и въ Бавено, а оттуда продолжать путь черезъ Сенплонъ. Сотни Англійскихъ путешественниковъ, каждый годъ новыхъ, знакомятся съ Лаго Маджіоре, въ которомъ нибудь изъ двухъ названныхъ нами городковъ.

Изъ оконъ и съ террасъ гостинницы въ Бавено открывается прелестный видъ, потому что это мѣсто возвышено надъ заливомъ или углубленіемъ озера, гдѣ находятся Борромейскіе острова. Но кто хочетъ быть на лучшей точкѣ зрѣнія, и не намѣренъ переправляться прямо въ Лавено, тотъ долженъ взять лодку и плыть нѣсколько дальше острововъ, на средину озера. Тамъ-то въ очаровательномъ видѣ являются и само озеро, и миловидные берега его, и зеленые холмы, покрытые городами, деревнями, сельскими домиками, и гранитныя горы Бавено и Монторфано. На одной сторонѣ, къ югу, горы уменьшаются, дѣлаются холмиками, наконецъ исчезаютъ на богатой и безграничной долинѣ Ломбардіи, между тѣмъ какъ на противоположной сторонѣ, къ сѣверу, возвышаются вѣчные Альпы, въ ослѣпительныхъ блескомъ снѣговыхъ вѣнцахъ своихъ, башня надъ озеромъ, холмы и горы, и все это придаетъ величіе картинѣ, которая была-бы иначе замѣчательна только миловидною своею прелестью. Съ этой точки зрѣнія вы видите панораму, какой не найдете, можетъ быть, въ цѣлой Европѣ.

Но всего больше привлекаетъ путешественниковъ l'Isola Bella, или *Прекрасный островъ*, одинъ изъ Борромейскихъ. Онъ не лучше другихъ, и всей красой своей одолженъ искуству. Великолѣпный дворецъ, построенный на немъ, очаровательные его сады, рощицы, террасы, все что сдѣлало тамъ искуство, производитъ удивительное впечатлѣніе противоположностью съ другими островами, которые остаются въ первобытной дикости или простотѣ.

Борромейскіе острова названы такъ по имени благородной фамиліи, которая владѣетъ ими уже нѣсколько столѣтій. Ихъ всего четыре: Isola di San Giovanni, или, какъ обыкновенно называютъ его, l'Isolino (Островокъ), Isola madre, который находится посреди другихъ, Isola Bella, и наконецъ Isola Superiore, чаще называемый l'Isola dei Pescatori (Рыбачій островъ). Послѣдній изображенъ на картинкѣ, прилагаемой нами и взятой съ оригинальнаго рисунка одного путешественника, который снялъ этотъ видъ изъ гостинницы въ городкѣ Бавено, гдѣ видѣлъ онъ и группу, изображенную на первомъ планѣ.

Говорятъ, что вначалѣ всѣ эти острова были не иное что какъ голыя скалы. Въ 1670 году, богатый Графъ Виталіано Борромео, владѣлецъ ихъ, вздумалъ устроить себѣ, на одномъ изъ острововъ, маленькій земной рай. Онъ избралъ для этого Isola Bella, и началъ тѣмъ, что велѣлъ сравнять на немъ неровности. Но оказалось, что земля тамъ неспособна къ произрастанію, и что слой ея слишкомъ тонокъ. Онъ велѣлъ возить съ береговъ лучшую, плодоносную землю, и въ тоже время началъ строить свой великолѣпный дворецъ. Вскорѣ явились тутъ арки, мостики, сады, гдѣ насажены были померанцевыя, лавровыя, лимонныя, каштановыя и другія драгоцѣнныя деревья; возникъ и богатый дворецъ. Теперь, всѣ путешественники согласно называютъ Isola Bella Калипсинымъ островомъ. Въ самомъ дѣлѣ, его тѣнистыя аллеи, гдѣ благоухаютъ миртъ и лимонъ, гдѣ красуются лавръ и кедръ, гдѣ собраны всѣ роскошные цвѣты и деревья, напоминаютъ что-то миѳологическое, особенно когда почти на всякомъ шагу видите вы мраморныя изображенія Греческихъ боговъ, богинь, героевъ и множество другихъ изваяній всякаго рода. Исторія не оставила здѣсь никакихъ слѣдовъ. Только *одно* лавровое дерево привлекаетъ къ себѣ всѣхъ путешественниковъ, и они спѣшатъ увидѣть этотъ вѣчно-зеленый памятникъ, а глядя на него долго остаются въ задумчивости..

Загадка вотъ въ чемъ. За нѣсколько дней до битвы подъ Маренго, Наполеонъ Бонапарте, съ небольшою свитою, причалилъ къ Isola Bella, сошелъ на берегъ, и долго ходилъ по саду. Отдалившись отъ своихъ спутниковъ, онъ стоялъ подъ огромнымъ лавровымъ деревомъ, и казался въ глубокой думѣ. Какія мысли толпились въ головѣ его?... Онъ будто хотѣлъ высказать это однимъ словомъ, вынулъ перочинный ножикъ и вырѣзалъ на корѣ дерева: Battaglia (битва).. Съ тѣхъ поръ, это лавровое дерево сдѣлалось предметомъ любопытства для путешественниковъ.

Рыбачій островъ называется такъ не безъ причины: на немъ живутъ одни рыбаки. Они занимаются ловлей рыбы въ своемъ бога-

томъ озерѣ, и гордятся, что у нихъ единственная на всѣхъ Борромейскихъ островахъ церковь замѣчательная своимъ острымъ шпилемъ. Прекрасно зрѣлище, когда въ воскресный или праздничный день, отъ береговъ, и съ другихъ острововъ, скользятъ по зеркалу озера лодки, нагруженныя молельщиками въ праздничныхъ нарядахъ. Вскорѣ берега острова оживляются этою толпою, а лодки ихъ унизываютъ прибрежіе.. Церковь построена въ семнадцатомъ столѣтіи, Кардиналомъ Карломъ Борромео.

ОЧЕРКЪ ПАРИЖА.

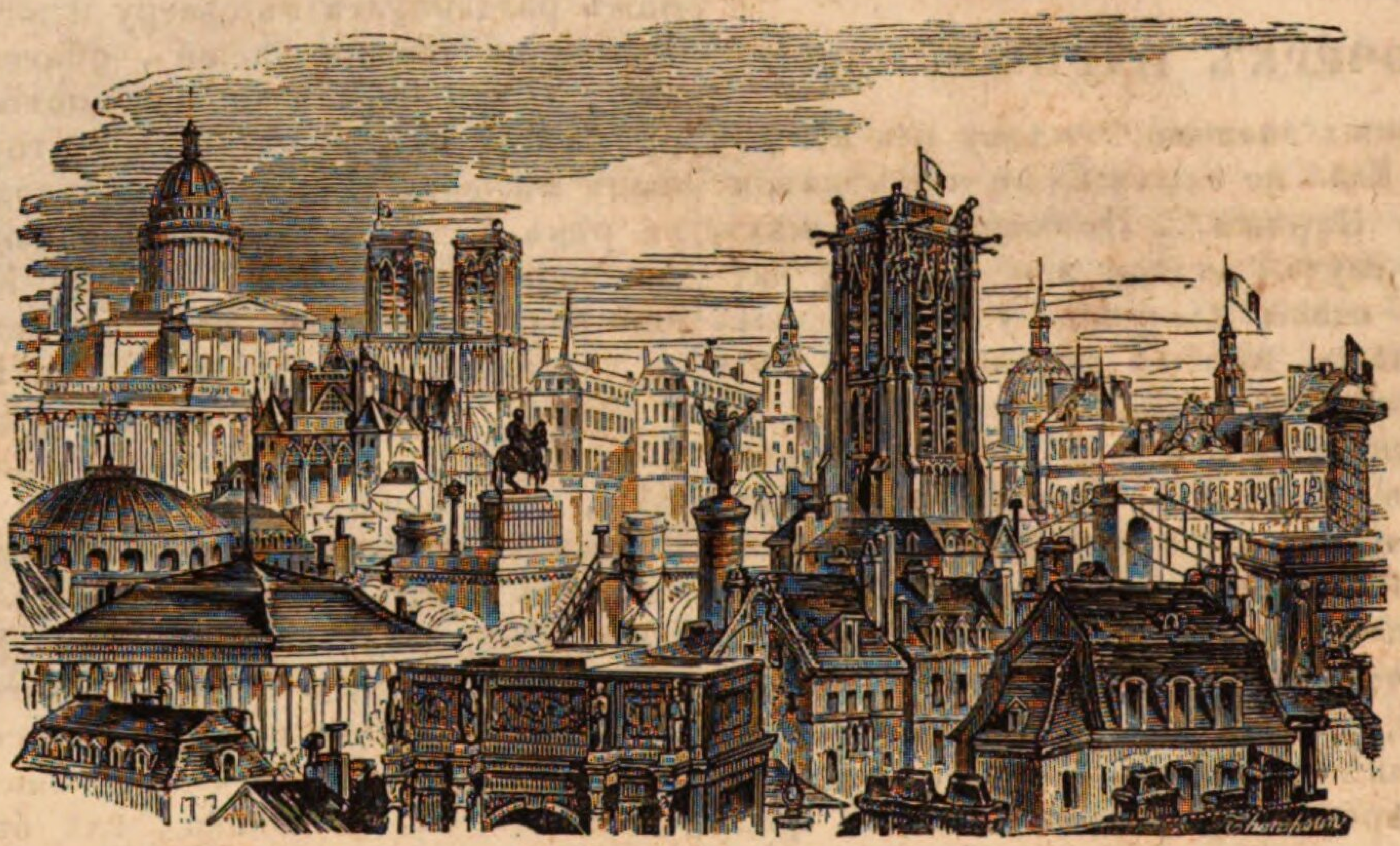
Имя Парижа знакомо каждому изъ насъ съ дѣтства. Кто не слыхалъ, не читывалъ, не мечталъ о Парижѣ?... Не говоримъ о тѣхъ, кто имѣлъ случай видѣть эту столицу вкуса, модъ, славы и самыхъ удивительныхъ событій; нѣтъ, просто обращаясь къ Русскимъ домосѣдамъ, спрашиваемъ ихъ, не представляютъ-ли они себѣ Парижъ какимъ-то мѣстомъ очарованій? Онъ въ самомъ дѣлѣ не похожъ ни на одинъ городъ, ни внѣшнею, ни внутреннею своею физіогноміею, хотя поживши въ немъ можно разочароваться во многомъ, что кажется хорошимъ только издали. Но, во всякомъ случаѣ, любопытно познакомиться съ этимъ славнымъ городомъ, и мы намѣрены представить цѣлый рядъ статей, въ которыхъ будутъ изображены и описаны самые замѣчательные предметы Парижа. Прежде всего просимъ взглянуть на прилагаемую здѣсь картинку, гдѣ Парижъ изображенъ à vol d'oiseau, какъ говорятъ Французы. Вы видите лучшія или самыя оригинальныя зданія, нарочно представленныя вмѣстѣ, въ одной грудѣ, чтобы получить общее понятіе о зданіяхъ города. Тутъ видны и знаменитый куполъ Инвалиднаго дома, и соборъ Парижской Богоматери, и церковь Сюльпиція, и Тюльери, и множество другихъ зданій и памятниковъ. Мы будемъ знакомиться съ ними постепенно, а покуда взглянемъ на прошедшее, посмотримъ, какъ возникла и образовалась эта прославленная столица.

За 55 лѣтъ до Рождества Христова, Цезарь, со своими Римлянами, нашелъ на нынѣшнемъ мѣстѣ Парижа ничтожный городокъ, населенный небольшимъ народомъ *Паризами* (Parisii). Они называли свой городокъ *Луттуэзіею.* Покорители назвали его *Лютеціею,* и видѣли въ немъ только выгодное и крѣпкое мѣсто для своихъ военныхъ дѣйствій. Вскорѣ однакожь Лютеція разцвѣла промышленностью; въ ней жилъ Императоръ Юліанъ, который называлъ ее своею *милою Лютеціею.* Когда приблизились Франки изъ Германіи, могли ли гордые Римляне предвидѣть, что Лютеція будетъ столицею могущественнаго Государства, и наконецъ настанетъ время, когда Римъ сдѣлается областнымъ ея городомъ, какъ то было при Наполеонѣ?... Новый завоеватель, Кловисъ, также избралъ Парижъ для своей резиденціи. Во время слабыхъ наслѣдниковъ Карла Великаго, послѣ того какъ Норманны ограбили городъ нѣсколько разъ, его стали окружать укрѣпленіями. Но уже при Короляхъ третьяго поколѣнія, когда Парижъ раздвинулся къ сѣверу и югу, его раздѣлили на четыре части, обнесенныя стѣною, которая захватила многія деревни, прежде не принадлежавшія къ городу. Главнымъ мѣстомъ оставался однакожь островъ на рѣкѣ Сенѣ, и нынѣ извѣстный подъ своимъ первымъ именемъ, La Cité. Карлъ VI-й еще больше распространилъ границы города, и Парижъ, раздѣленный на 16 частей, занималъ уже 1284 арпана земли. Самыя большія приращенія сдѣланы при Людовикѣ XIII, или, лучше сказать, при Кардиналѣ Ришельё. На правомъ берегу Сены уже возвышался Луврь, дворецъ и садъ Тюльери, домъ Ришельё, называвшійся Кардинальскимъ дворцомъ, и теперь извѣстный подъ именемъ Пале-Рояля. Южная часть Парижа распространилась гораздо дальше острововъ La Cité и Св. Людовика, гдѣ было множество великолѣпныхъ зданій, соборная церковь, Палата Правосудія, Сорбонна, церковь Св. Женевьевы, и проч.

Людовикъ XIV также увеличилъ Парижъ: Инвалидный домъ, находящійся далеко отъ центра города, вошелъ въ черту столицы. Старинные рвы были завалены, укрѣпленія срыты, ворота уничтожены, и на мѣстѣ Сенъ-Денисскихъ и Сенъ-Мартенскихъ поставлены двѣ тріумфальныя арки. Въ 1766 году усовершенствовано освѣщеніе города; въ 1783 году изданъ законъ о выпрямленіи улицъ. При Людовикѣ XIV столица украсилась многими памятниками зодчества, каковы, напримѣръ: Мазариново училище, или нынѣшній домъ Института; колоннада Луврская; Гобеленова мануфактура; зданія обсерваторіи; воспитательный домъ; Инвалидный домъ; Королевскій мостъ, и зданія на Вандомской площади. При Людовикѣ XV выстроены: Бурбонскій дворецъ, гдѣ нынѣ Палата Депутатовъ, огромный Гренельскій фонтанъ, Военная школа, новая церковь Св. Женевьевы, хлѣбный рынокъ, Монетный дворъ. Людовикъ XVI, не смотря на разстройство финансовъ и несчастія, сопровождавшія царствованіе его, успѣлъ однакожь сдѣлать многое для украшенія Парижа: Французскій Коллегіумъ былъ оконченъ,

Медицинское училище начато, Палата Правосудія улучшена новымъ фасадомъ; выстроены Одеонъ и Итальянскій театръ. Черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ, Герцогъ Орлеанскій выстроилъ каменныя галлереи въ Пале-Роялѣ. Французскій театръ воздвигся въ улицѣ Ришель; 55 заставъ, начатыхъ съ роскошью и удивительнымъ безвкусіемъ, означили границы города.

Наполеонъ, сдѣлавшись властителемъ Франціи, какъ будто хотѣлъ вознаградить за потерянные годы Революціи. Въ двѣнадцать лѣтъ своего властвованія, онъ сдѣлалъ больше нежели было сдѣлано въ три царствованія предшественниковъ его. Здѣсь почти не льзя исчислить или даже указать всѣхъ благодѣяній и улучшеній, какія выполнилъ онъ для Парижа. Могущественная воля его создала новыя улицы, выправила старыя, освѣжила воздухъ множествомъ фонтановъ, и соединила Парижъ, раздѣленный Сеною, превосходными новыми

мостами. Множество полезныхъ учрежденій и законовъ издано имъ для спокойствія и удобства жителей; словомъ, при немъ Парижъ дѣйствительно былъ столицею міра, и Людовикъ XVIII не безъ основанія сказалъ, возвратившись въ Парижъ: «Спасибо ему: онъ хорошо управлялъ моимъ городомъ.»

При возстановленіи Бурбоновъ, Франція была такъ истощена, что нуждалась только въ отдыхѣ, и потому Парижъ нѣсколько лѣтъ тихо шелъ по пути улучшеній. Но когда продолжительный миръ успокоилъ государство и воскресилъ финансы, Государи Франціи снова стали заботиться объ украшеніи своей прекрасной столицы. Теперь успѣхи города такъ быстры, что кто не видалъ его нѣсколько лѣтъ, тотъ изумится новымъ, прочнымъ улучшеніямъ, и зданіямъ, достойнымъ столицы великаго государства.

Первый взглядъ на Парижъ приводитъ путешественника въ какое-то состояніе безотчетности. Неизмѣримый, великолѣпный городъ, милліонъ жителей его, дѣятельность и безпримѣрное движеніе на главныхъ улицахъ, промышленность, неутомимая и на обширныхъ площадяхъ, и во всѣхъ этажахъ громадныхъ домовъ, и на всѣхъ улицахъ, мостахъ, перекресткахъ и переулкахъ, все это сначала кружитъ голову и убѣждаетъ васъ, что вы точно въ средоточіи самой шумной дѣятельности. Наконецъ вы привыкаете къ этому шуму; но разсматривая Парижъ въ частностяхъ, находите то-же что видѣли въ цѣломъ. Кто-бы вы ни были, что-бы ни привело васъ въ Парижъ, вы найдете тамъ пищу для самаго отчаяннаго любопытства и для самой пылкой дѣятельности. Найдете обширный кругъ тѣхъ людей, которые пріятны или нужны вамъ; найдете средства и пособія для занятій всякаго рода. Въ обществахъ вы можете переходить отъ самаго образованнаго, самаго высокаго, до патріархальныхъ нравовъ той отдаленной провинціи, которая на Дюпеновой *картѣ просвѣщенія* вся покрыта черною краскою. Для искуствъ, Парижъ единственное мѣсто въ мірѣ. Общество литтераторовъ тамъ всегда блистаетъ многими отличными дарованіями. Пособія для ученыхъ занятій неизмѣримы.

Таковъ Парижъ, который хотѣли мы представить не въ статистическомъ отношеніи, а въ общемъ очеркѣ, на той точкѣ, до какой возвысился онъ отъ бѣдныхъ лачужекъ первобытныхъ его жителей.

СМЕРТЬ КАРЛА СМѢЛАГО. КАРТИНА ЕВГЕНІЯ РОЖЕ.

Парижская выставка художественныхъ произведеній, въ 1837 году, представила, между прочимъ, нѣсколько превосходныхъ картинъ. Посѣтители особенно отдавали заслуженную хвалу картинѣ Г-на Роже, молодаго художника, исполненнаго дарованія. Онъ взялъ предметомъ смерть Карла Смѣлаго, изъ описанія Барона Баранта (нынѣшняго Французскаго Посла въ С. Петербургѣ), который такъ поэтически изложилъ всю исторію Герцоговъ Бургонскихъ, и блистательно украсилъ свой трудъ послѣднею борьбою Карла Смѣлаго. Видѣвшіе картину удивлялись въ ней прелести художнической отдѣлки; о выраженіи главной мысли, читатели наши могутъ судить по прилагаемому здѣсь эскизу. Мы представляемъ нѣсколько страницъ изъ сочиненія Г-на Баранта: послѣ этого не нужно прибавлять, какъ умѣлъ художникъ выразить величественную простоту трагическаго мгновенія, которое изображаетъ его картина, и какъ вѣрно сохранилъ онъ физіогномію и характеръ каждаго лица, упоминаемаго историкомъ.

«....4 Января 1477 года, вся Лотарингская армія перешла черезъ Мёрту, и была не больше какъ въ двухъ льё отъ лагеря осаждавшихъ Нанси Бургонцевъ.

«Противъ своего обычая, Герцогъ Бургонскій созвалъ на совѣтъ своихъ военачальниковъ.» Ну,» сказалъ онъ имъ, «эта сволочь, эти пьяницы идутъ къ намъ, хотятъ ѣсть и пить; а что мы станемъ дѣлать?» — Всѣ говорили ему, что армія обнуждалась и уменьшилась, а у непріятеля, по видимому, силы велики; что не льзя помѣшать городу получить помощь и съѣстные припасы, но что, по крайней мѣрѣ, есть возможность избѣгнуть битвы, и не кидаться на гибель, почти вѣрную; что еще есть время отступить въ Понтъ-а-Мусонъ, а оттуда можно пройдти въ Герцогство Люксанбургское и переформировать армію. Герцогъ Рене, говорили, бѣденъ; ему-ли долго переносить такія военныя издержки? а союзни-

ки оставятъ его, когда у него не будетъ денегъ. Надобно только подождать, и успѣхъ вѣренъ.

«Но Герцогъ собралъ своихъ подвластныхъ не принимать совѣты отъ нихъ, а только объявить свою волю. — «Отецъ «мой,» сказалъ онъ имъ, «умѣлъ побѣждать «Лотарингцевъ, и мы напомнимъ имъ о томъ. «Клянусь Святымъ Георгіемъ, я не побѣгу «отъ этого ребенка, отъ Рене Водемон«скаго, который не показываетъ себя бла«городнымъ рыцаремъ, когда ведетъ за со«бой сволочь. Да съ нимъ и не такъ много «народу, какъ думаютъ. Нѣмцы не умѣютъ «отходить отъ печки зимой, и въ такое «время не начнутъ воевать. Сегодня вече«ромъ приступъ къ городу, а завтра бит«ва.»

«Герцогъ казался однакожь больше грустнымъ нежели одушевленнымъ; спѣшилъ отдавать приказанія и дѣлалъ необходимыя распоряженія на завтрашній день, какъ будто стараясь развлечь себя отъ мрачной тоски, а не оживляясь надеждой.

«....Приступъ къ городу былъ неудаченъ, такъ-же какъ всѣ прежніе.... Герцогъ Бургонскій вооружился рано утромъ и сѣлъ на красиваго воронаго коня, котораго звали Моро. Когда онъ хотѣлъ надѣть свой шлемъ, золотой левъ, бывшій сверху этого шлема, отвалился. «Hoc est signum Dei (вотъ перстъ Божій)» печально сказалъ онъ. Однако онъ разставлялъ свои войска... Непріятельская армія шла съ радостію и нетерпѣніемъ. Снѣгъ падалъ хлопьями, и темнилъ день; не льзя было видѣть далеко впередъ. Залпъ Бургонской артиллеріи, сдѣланный дальше пушечнаго выстрѣла, показалъ, что ужь близко. Швейцары остановились; старый священникъ ихъ земли прочиталъ имъ молитву. «Богъ будетъ сражаться за васъ,» сказалъ онъ, «Богъ Давида, Богъ браней!» Всѣ стали на колѣна, поцѣловали землю, покрытую снѣгомъ. Герцогъ Рене сошелъ съ коня и молился съ ними. Потомъ онъ опять сѣлъ на коня и сказалъ имъ по-Нѣмецки: «Дѣти мои! ежели непріятель такъ дерзокъ, что ожидаетъ насъ и готовъ на битву, мы должны отмстить за это на память вѣковъ.

«Нападая прямо на Бургонскую артиллерію, по большой дорогѣ, потеряли-бы много людей. Вильгельмъ Гертеръ, со своимъ авангардомъ, пустился влѣво, и слѣдуя по старой дорогѣ, вдоль ручья, пошелъ въ обходъ лѣсомъ, за холмомъ, о который опиралось правое непріятельское крыло. Герцогъ Рене увидѣлъ, что между этимъ крыломъ и опушкой лѣса остается не занятое мѣсто: онъ рѣшился также обойдти его тутъ, ближе, и послалъ четыреста всадниковъ. Это нападеніе оказалось несчастливо. Сиръ де Ларивьеръ велъ Бургонскую кавалерію и живо преслѣдовалъ Лотарингцевъ, когда на высотѣ вдругъ показался авангардъ Вильгельма Гертера. У него были Швейцары изъ Ури и Унтервальдена. Три раза прогремѣли вдалекѣ трубы ихъ. Герцогъ Бургонскій узналъ этотъ страшный звукъ: онъ напомнилъ ему Грансонъ и Моратъ, и обдалъ холодомъ его сердце. Однако мужество не могло оставить его, и, какъ говорили обыкновенно, страхъ никогда не показывался на его лицѣ; онъ боялся въ этомъ мірѣ только чтобы небеса не упали на него. Поворотивши фронтъ своихъ стрѣлковъ, онъ сталъ съ ними противъ Швейцаровъ, которые сходили съ холма на право.

«Когда упали духомъ всѣ, Герцогъ, окруженный арміею втрое или вчетверо сильнѣйшею, скакалъ во всѣ стороны, строилъ войска, одушевлялъ ихъ угрозами и убѣжденіями, и отдавалъ приказы, какъ будто оставалось сколько нибудь надежды. Вокругъ него, немногіе вѣрные слуги, которыхъ совѣты отвергнулъ онъ, также истощали всѣ усилія. Но не могло ни что остановить стремленія Швейцаровъ. Кавалерія понеслась на встрѣчу къ нимъ, но не замедлила ихъ движенія; залпъ изъ ручныхъ кулевринъ, при чемъ убиты Галеотто и много другихъ всадниковъ, докончилъ совершенное пораженіе праваго крыла.

«Лѣвое крыло, подъ начальствомъ Жосса де Лалена, не могло защититься лучше. Вскорѣ оно было сбито и живо преслѣдуемо по дорогѣ и вдоль рѣки, Герцогомъ Лотарингскимъ и его кавалеріею. Бѣгущіе хотѣли пробраться по мосту въ Буксьерѣ: его стерегъ Кампо-Бассо. Въ то-же время гарнизонъ сдѣлалъ вылазку. Вскорѣ Бургонцы увидѣли позади себя пламя, которое пожирало ихъ лагерь. Въ немного минутъ была разсѣяна вся армія: одни кидались въ Мёрту и думали переплыть черезъ нее; другіе бросились въ лѣса или бѣжали въ стороны.

«Битва была не продолжительна и не кровопролитна. Преслѣдованіе сдѣлалось ужасно: черезъ два часа по наступленіи вечера, Лотарингцы, Нѣмцы, Швейцары, даже туземные жители еще бѣгали вездѣ и беззащитно убивали всѣхъ встрѣчныхъ.

Проскакавши со своими всадниками до Буксьера, Герцогъ Рене возвратился на дорогу къ своей столицѣ, освобожденной имъ. У всякаго спрашивалъ онъ, не знаютъ-ли чего о Герцогѣ Бургонскомъ, не знаютъ-ли по какой дорогѣ пустился онъ, не раненъ-ли, или не взятъ-ли кѣмъ нибудь въ плѣнъ.

Никто не могъ сказать ему ничего. Онъ въѣхалъ въ Нанси, въ ворота Богоматери. Храбрый гарнизонъ, противъ всякаго чаянія выдержавшій такую долгую и страшную осаду, и жители, столько пострадавшіе сохраняя себя для своего владѣтеля, толпами кидались на встрѣчу къ нему. Они освѣтили городъ, не смотря на все свое истощеніе. Герцогъ началъ тѣмъ, что поѣхалъ возблагодарить Бога въ церкви Св. Георгія. Потомъ его проводили до дворца, при восклицаніяхъ: «Да здравствуетъ Герцогъ Рене! Да здравствуетъ нашъ добрый и храбрый Государь!» Народъ хотѣлъ показать ему свои бѣдствія во время осады, и вздумалъ собрать въ кучу, передъ дверями его дома, всѣ головы лошадей, собакъ, муловъ, кошекъ, и другихъ нечистыхъ животныхъ, которыми осажденные питались уже нѣсколько недѣль.

«На другой день, Герцогъ Рене съ тоской продолжалъ освѣдомляться, что̀ сдѣлалось съ Герцогомъ Бургонскимъ. Искали между мертвыми тѣлами, и узнали многихъ мужественныхъ дворянъ; но Герцога Бургонскаго не находили. Спрашивали плѣнныхъ: ихъ было множество, и самыхъ знаменитыхъ. Приводили безпрестанно новыхъ, которыхъ почитали убитыми или бѣжавшими... никто не могъ сказать, что̀ сдѣлалось съ ихъ Государемъ. Одни говорили, что слышали какъ онъ вскричалъ, увидѣвши пораженіе своей арміи: «Въ Люксанбургъ!» Другіе разсказывали, что, въ самомъ пылу битвы, сильный ударъ аллебардою оглушилъ и поколебалъ его, но что Сиръ де Сите поддержалъ его и опять посадилъ въ сѣдло; что онъ снова кинулся, какъ левъ, посреди сражавшихся, и уже не знали куда поскакалъ онъ.

«Герцогъ Рене хотѣлъ знать, какую дорогу могъ избрать онъ, послалъ во всѣ стороны гонцовъ, и велѣлъ распрашивать до Меца, не знаютъ-ли чего о немъ.... Между тѣмъ бѣглецы распространили о Герцогѣ Бургонскомъ разсказы всякаго рода.... Общее повѣрье, самое пріятное для народа, который видѣлъ въ немъ больше чудеснаго, было то, что Герцогъ живъ и вскорѣ явится опять. «Берегитесь, говорили въ нѣкоторыхъ городахъ его владѣній, поступать такъ, какъ будто онъ ужь умеръ: мщеніе будетъ ужасно, когда онъ воротится.»

«Но вечеромъ въ Понедѣльникъ, Графъ Кампо-Бассо, знавшій о жребіи Герцога Бургонскаго, можетъ быть, больше всѣхъ, привелъ къ Герцогу Рене молодаго пажа, именемъ Жана Батиста Колонну, потомка знаменитаго Римскаго дома; пажъ, говорилъ онъ, видѣлъ издалека паденіе своего Государя, и очень могъ указать, гдѣ это было.

«На другой день, во Вторникъ 7 Января, по указанію пажа, снова начали искать тѣло. Онъ пошелъ къ пруду Сенъ-Жанъ, отъ города почти въ трехъ выстрѣлахъ кулеврины. Тамъ, полу-погрязшія въ тинѣ ручья, изъ котораго наполняется этотъ прудъ, подлѣ часовни Св. Іоанна Атрскаго, лежали двѣнадцать обнаженныхъ труповъ. Бѣдная прачка Герцогова двора, шла вмѣстѣ съ другими на печальное изысканіе: она замѣтила блестящій камень въ кольцѣ, надѣтомъ на пальцѣ одного трупа, котораго лицо не было видно, подошла и перевернула тѣло. «Мой Государь!» вскричала она. Къ ней подбѣжали. Ледъ покрывалъ эту голову, и когда ее освободили отъ него, то вмѣстѣ съ нимъ ободрали съ нея кожу. Волки и собаки уже начали пожирать другую щеку; сверхъ того видна была глубокая рана на головѣ, отъ уха до рта.

«Въ такомъ состояніи, почти не льзя было узнать тѣла. Но тщательно разсматривая его, Матвѣй Лупи, лекарь Герцога, Португалецъ, Денисъ, его капелланъ, Оливье де ла Маршъ, камергеръ, и многіе слуги, узнали его достовѣрно. Извѣстные признаки не оставляли никакого сомнѣнія. На шеѣ отыскали рубецъ его раны, полученной при Монлери. Два зуба, которыхъ у него недоставало, съ тѣхъ поръ какъ онъ однажды упалъ; ногти, которые онъ обыкновенно отращивалъ длиннѣе нежели кто другой изъ его придворныхъ; слѣдъ бывшихъ у него двухъ нарывовъ, на плечѣ и на животѣ; ноготь, вростшій въ тѣло на большомъ пальцѣ лѣвой ноги: все это были признаки несомнѣнные.

«Тѣло обмыли теплой водой и виномъ, и тогда его вполнѣ узнали опечаленные слуги и побочный братъ. Кромѣ раны на головѣ, онъ былъ проколотъ пикою въ двухъ мѣстахъ: насквозь въ бедро, и въ низу подъ поясницу....»

ЖИТЕЛИ НОРМАНДІИ.

Нормандія, бывшая Французская область, нынѣ составляющая четыре Департамента: Нижней Сены, Эрскій, Кальвадосскій и Маншъ, долго была обитаема сѣверными завоевателями, Норманнами, которые дали ей и свое имя. Послѣ она много лѣтъ принадлежала Англіи. Отъ этого, коренные обычаи жителей ея напоминаютъ историческій бытъ страны. Даже самый костюмъ простаго народа заслуживаетъ болѣе вниманія, нежели можно представить себѣ судя по мимолетному взгляду. Прилагая здѣсь изображе-

ніе Нормандской торговки зеленью и Нормандскаго мужика, мы опишемъ нѣкоторыя характерныя черты этихъ оригинальныхъ людей, не чуждыхъ и намъ, по отдаленнымъ событіямъ нашей исторіи.

Ни одна изъ областей Франціи не занимается столько сельскимъ хозяйствомъ какъ Нормандія. Это уже достойно замѣчанія. Есть области Французскія, исключительно посвятившія себя промышленности фабричной или мануфактурной; другія, находясь подъ благотворнымъ небомъ юга, занимаются воздѣлываніемъ невѣдомыхъ у насъ деревъ и растеній, напримѣръ померанцевыхъ, лимонныхъ, олив-

ковыхъ и проч. Нормандія вся занята сельскою промышленностью, тою самою, какая занимаетъ и нашихъ помѣщиковъ и поселянъ. Нигдѣ во Франціи нѣтъ такого обширнаго скотоводства; нигдѣ не сбираютъ столько льну, пеньки; нигдѣ не имѣютъ такого множества садовъ съ яблочными деревьями. Это показываетъ, что Нормандцы занимаются промышленностью первобытною, необходимою при самомъ простомъ состояніи общества. Тотъ-же характеръ видѣнъ и въ ихъ быту. Не льзя представить себѣ ничего простѣе образа жизни Нормандскаго мужика или даже фермера. Онъ и семья его живутъ въ избѣ, ѣдятъ хлѣбъ, немного овощей, и пьютъ сидръ. Фермеры любятъ еще кофе, но главный напитокъ жителей сидръ, котораго выдѣлывается у нихъ огромное количество, при всегдашнемъ изобиліи яблоковъ. Мяса употребляютъ они очень мало, хотя, мы уже сказали это, ни въ одной области Франціи нѣтъ такого обширнаго скотоводства какъ въ Нормандіи. Этому способствуютъ тучные, неизмѣримые тамошніе луга. Лошади Нормандскія не такъ велики ростомъ, но чрезвычайно сильны и крѣпки: ихъ покупаютъ для большей части Французской кавалеріи. Мулы и ослы въ Нормандіи отличаются ростомъ. Коровы не велики, но много даютъ молока. Быки

вообще употребляются для обработыванія земли. Овецъ множество, и мясо ихъ вкусно.

Нормандія снабжаетъ Парижъ большимъ количествомъ скота, хлѣба, масла, сидра, и нѣкоторыхъ другихъ произведеній. Сообщенія съ столицею производятся вообще по проселочнымъ дорогамъ, не смотря на то, что онѣ въ плохомъ состояніи: узки, не выровнены, не вымощены. Въ приморскихъ частяхъ Нормандіи производится обширное рыболовство, такъ что кромѣ употребленія на мѣстѣ, большая часть улова отправляется въ Парижъ.

Всѣ эти занятія требуютъ именно такого рода людей, какими населена Нормандія. Добрые работники и хорошіе хозяева, они

живутъ въ патріархальной простотѣ: женятся рано, не знаютъ модъ и нововведеній, одѣваются по старинному, почти такъ-же какъ ихъ предки.

Не говоря о людяхъ высшаго и даже средняго класса, Нормандцы напоминаютъ своимъ костюмомъ простонародье всѣхъ странъ. Напримѣръ, женщины ихъ совсѣмъ не почитаютъ необходимостью чепчика: у нихъ есть свой, особенный головной уборъ. Мужчины также являются иногда на улицахъ безъ шляпъ, а если голова ихъ и покрыта, то не всегда шляпой: имъ годится всякаго рода шапка, фуражка, картузъ и даже калпакъ. Галстухъ часто почитается вещью излишнею. Простой народъ обыкновенно ходитъ въ деревянныхъ башмакахъ, привязанныхъ къ ногамъ тонкими ремнями, и часто обшитыхъ кожей, для того чтобы дерево не терло ноги. Одна Англійская путешественница, Мистриссъ Стотардъ, говоритъ объ этихъ деревянныхъ башмакахъ: «они производятъ такой стукъ по мостовой, что когда мнѣ случилось, въ Руанѣ, идти въ первый разъ по улицѣ, я безпрестанно оглядывалась, думая, что за мною ѣдетъ подкованная лошадь: а это былъ мужикъ, въ своихъ *сабо.*»

Кто лучше женщины можетъ описать женскій нарядъ? Потому, заимствуемъ у

той-же путешественницы нѣсколько словъ о костюмѣ женщинъ въ Нормандіи. « Онъ страненъ только съ перваго взгляда; но когда приглядитесь къ нему, то не находите ничего слишкомъ необыкновеннаго. Его составляютъ: шерстяная юпка, съ полосами всякихъ цвѣтовъ, фартукъ синій или красный, и полукафтанье, также яркихъ цвѣтовъ; сверхъ этого надѣваютъ иногда небольшой платокъ на плеча. Но главный и самый замѣчательный женскій уборъ, это, такъ называемый, *бургоэнъ*. Онъ дѣлается изъ бѣлой, крѣпко накрахмаленной кисеи, и покрываетъ голову въ видѣ остроконечной шапки. Сверхъ него надѣваютъ иногда шляпу, но и въ этомъ случаѣ концы его висятъ ниже головы. Иногда онъ завязывается подъ подбородкомъ, своими висящими концами. Это необходимая принадлежность наряда Нормандскихъ женщинъ.»

ГОРОДЪ КОНСТАНТИНА ВЪ АФРИКѢ.

Вниманіе всѣхъ, кому любопытны современныя событія, обращено теперь на Африканскій городъ Константину, получившій особенную знаменитость съ тѣхъ поръ, какъ несчастная экспедиція Французовъ придала ему, въ 1836 году, характеръ какой-то непобѣдимости и даже неприступности. Кто-бы ни былъ виною неуспѣха Французовъ, Маршалъ-ли Клозель, бывшій главнокомандующимъ, или Правительство, которое обвиняетъ онъ въ недостаточности данныхъ ему средствъ, но всѣ обратили испытательный взглядъ на городъ, къ которому даже не могли подойдти храбрыя Французскія войска, и отступленіе ихъ было такъ несчастно, что напомнило, хоть въ самомъ маломъ видѣ, бѣдствія Наполеоновой арміи въ Россіи. Теперь, когда Французы, цѣлый годъ занимавшись новыми приготовленіями ко взятію Константины, опять сосредоточили вниманіе публики на этомъ городѣ, и когда судьба его наконецъ рѣшена, мы надѣемся угодить читателямъ нашимъ прилагая *планъ Константины,* и къ нему описаніе, столько-же историческое, сколько топографическое. Постараемся соединить здѣсь все, что можно сказать объ этомъ предметѣ любопытнаго для Рускихъ, не принимающихъ такого участія въ Африканско-Французскихъ событіяхъ какъ тѣ, у кого тамъ въ арміи друзья и братья. Два Принца Королевскаго Французскаго Дома также находятся въ экспедиціи. Слѣдовательно, Французы видятъ тутъ важное, государственное событіе, съ которымъ соединена ихъ честь и польза. Съ этой стороны любопытно и для насъ ближе познакомиться съ Константиной.

Извѣстно, что бывшія Алжирскія владѣнія раздѣлялись на четыре части: одна повиновалась Дею, и главнымъ мѣстомъ ея былъ Алжиръ; тремя остальными управляли Беи. Главными городами этихъ трехъ областей были: Оранъ, Титери и Константина. Естественное образованіе Константинской области почти таково-же какъ и трехъ другихъ: это параллельныя цѣпи горъ, неравнаго объема, раздѣленныя долинами, больше или меньше обширными, а иногда и соединенныя посредствующими горными отраслями. Константина находится въ 67 $\frac{1}{2}$ льё отъ Алжира и въ 30 льё отъ Боны. Это городъ чрезвычайно древній и бывшій во время Римлянъ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Тогда назывался онъ *Цирта* и принадлежалъ къ богатѣйшимъ Нумидійскимъ городамъ. Калигула сдѣлалъ его столицею Мавританіи. Мѣстоположеніе его, въ военномъ отношеніи, чрезвычайно крѣпко; Римляне воспользовались этимъ и построили вокругъ всего города высокую стѣну, съ башнями въ нѣкоторыхъ мѣстахъ: Римская стѣна и теперь еще остается довольно въ хорошемъ состояніи. Плиній самъ жилъ въ *Циртѣ:* онъ говоритъ, что мѣстоположеніе ея, родъ мыса, омываемаго рѣкой, неприступно ни съ одной стороны, кромѣ юго-западной.

Среди развалинъ, доказывающихъ древнее благосостояніе и даже богатство города, есть множество цитернъ (водохранилищъ), безпрерывно наполнявшихся, для всѣхъ потребностей, водами *Физіи*, приведенными туда по огромному и прелестному водопроводу, отъ котораго еще остаются величественныя развалины. Въ сѣверной части города, превосходный мостъ, образцовое произведеніе Римской архитектуры, перекинутъ черезъ *Руммель*, большую рѣку, омывающую стѣны города и называемую Арабами Уэль-эль-Кебиръ: это *Лампсакусъ* Древнихъ. Три ряда арокъ поддерживали этотъ мостъ, украшенный галлереею и колоннами, на которыхъ видны были карнизы, фестоны, гирлянды и головы воловъ, превосходной работы. Отъ всего этого и теперь остаются еще драгоцѣнные обломки. Надъ каждою аркою стоялъ кадуцей, какъ знакъ, что Цирта, чрезвычайно богатая въ то время, была подъ покровительствомъ Меркурія, бога торговли. Между двумя главными арками находился замѣчательный барельефъ, въ родѣ украшавшихъ древніе фонтаны, гдѣ предметъ бывалъ всего чаще комическій: въ этомъ изображалась женщина между двухъ слоновъ, съ насмѣшливымъ видомъ смотрѣвшая на городъ. Въ концѣ моста, при въѣздѣ въ городъ, находится обширное зданіе, гдѣ помѣщался въ послѣднее

время Турецкій гарнизонъ, а въ древности, какъ можно заключать по остаткамъ двухъ пьедесталовъ изъ темнаго гранита, и по многимъ столбамъ, изъ краснаго мрамора, обремененнымъ скульптурною работою, тутъ былъ дворецъ Римскаго Префекта. По лѣвую сторону моста видна тріумфальная арка, очень хорошо сохранившаяся: на ней еще есть множество украшеній, изящныхъ и лучшаго стиля. Эта арка о трехъ дугахъ называется теперь *Кассиръ-гула* (исполиновъ замокъ). Немного подальше прелестнаго водопада, образуемаго паденіемъ Руммеля, находится таинственный источникъ Кабалъ-бра-Каалъ, который питаетъ въ прозрачныхъ водахъ своихъ большое число черепахъ. Объ этихъ черепахахъ есть множество чудесныхъ разсказовъ и суевѣрныхъ преданій въ народѣ. За городомъ, оба берега Руммеля опушены прелестными садами и обставлены загородными домами, изъ которыхъ лучшій принадлежитъ Бею. Въ окрестностяхъ города есть богатая копь алебастра. Источники, напитанные известью, и называемые *волшебными купальнями*, образуютъ небольшія самородныя пирамиды, осадкою своихъ известковыхъ частей. Въ самой возвышенной части Константины, Руммель вытекаетъ изъ подземнаго канала. Съ этого мѣста, свирѣпые владѣтели его, такъ же какъ въ древности Римляне, сбрасывали, на высотѣ 600 футовъ, осужденныхъ преступниковъ и невѣрныхъ женъ.

Цирта была раззорена во время войнъ Римлянъ съ Нумидійцами, и была выстроена вновь Императоромъ Константиномъ, отъ котораго и получила свое нынѣшнее названіе. Послѣ она составляла часть Тунисскаго государства, до половины XVII столѣтія, когда Алжирцы отняли ее у Тунисцевъ и сдѣлали главнымъ городомъ одной изъ своихъ областей. Полагаютъ, что Константинскій бейлыкъ вдвое богаче Оранскаго, и вшестеро богаче Титерійскаго. Бей платилъ Алжирскому владѣтелю ежегодную подать, которая, по несомнѣннымъ свѣдѣніямъ, простиралась до 300,000 рублей. Но это была не единственная дань его: онъ, такъ-же какъ другіе Беи, обязанъ былъ черезъ каждые три года являться въ Алжиръ, будто-бы для отчета по своему управленію, и эта поѣздка всегда стоила ему больше 200,000 рублей, потому что не дешевле продавалось благоволеніе Дея. Сверхъ того, онъ доставлялъ своему владѣтелю большое количество хлѣба разнаго рода, который самъ отымалъ у подвластнаго ему народа.

Прежде Константина была населена гораздо больше чѣмъ теперь: полагали, что число жителей ея, Мавровъ, Турокъ и Жидовъ, простиралось до 35,000. Замѣчательно, что большее число было Жидовъ. Константина одна производитъ всю внутреннюю торговлю, и находится въ сношеніяхъ съ Тунисомъ и даже съ ордами Великой Степи. По мнѣнію знающихъ негоціантовъ, долго жившихъ въ Константинѣ, этотъ городъ гораздо богаче Алжира, и долженъ сдѣлаться главнымъ торговымъ мѣстомъ всей сѣверной Африки, если Французы упрочатъ свою колонію.

Послѣ всѣхъ этихъ подробностей, можно судить какъ важно было для Французовъ овладѣть Константиною. Римскіе властители и туземные цари также почитали ее необходимымъ мѣстомъ для завоеванія или для защиты Нумидіи. Въ первую Пуническую войну, Массинисса, побѣдивши Сифакса, заботился прежде всего овладѣть Циртой. Хитрый Югурта подвергалъ себя гнѣву Римскаго Сената для обладанія ею. Онъ истощилъ всѣ пособія своего генія, былъ дерзокъ, вѣроломенъ, безстрашенъ, все для того чтобы владѣть Циртой. Когда ее завоевалъ Метеллъ, онъ тотчасъ устроилъ тамъ свою главную квартиру, складочное мѣсто всѣхъ запасовъ, и сдѣлалъ Цирту главною точкою своихъ дѣйствій при завоеваніи Нумидіи. Два раза Югурта пытался отнять ее, но Марій и Метеллъ спѣшили на защиту ея со всѣми своими силами. Еще болѣе знаменитый воинъ, Цезарь, во время своего Африканскаго похода, видѣлъ всю важность этого города. Юба, одинъ изъ сильнѣйшихъ защитниковъ Помпеевой партіи, готовъ былъ соединиться съ Проконсуломъ; Цезарь приказалъ одному изъ своихъ военачальниковъ овладѣть Циртой. Могущественный геній его провидѣлъ вѣрно: Юба тотчасъ началъ отступать къ своей столицѣ, но уже поздно. Во время тріумвирата, военачальники Октавія и Антонія отчаянно сражались за Цирту. При Тиверіи, Такфаринасъ и Блезъ, искусные полководцы, по словамъ Тацита, не меньше дорожили обладаніемъ ея. Похититель Александръ долго защищался запершись въ Циртѣ. Тогда-то она была раззорена почти до основанія, и обязана своимъ возстановленіемъ уже Императору Константину. Въ пятомъ вѣкѣ, страшный Гензерикъ, со своими Вандалами, былъ долго удерживаемъ неприступною Циртою.

Такимъ образомъ, народонаселеніе и богатство Константины, обиліе почвы на окружающихъ ее земляхъ, крѣпкое мѣстоположеніе ея, важность въ торговомъ и военномъ отношеніи, и даже знаменитость древнихъ событій и памятниковъ, сохранившихся до нашего времени, все заставляло Фран-

цузовъ совершить завоеваніе, столько-же блистательное сколько полезное.

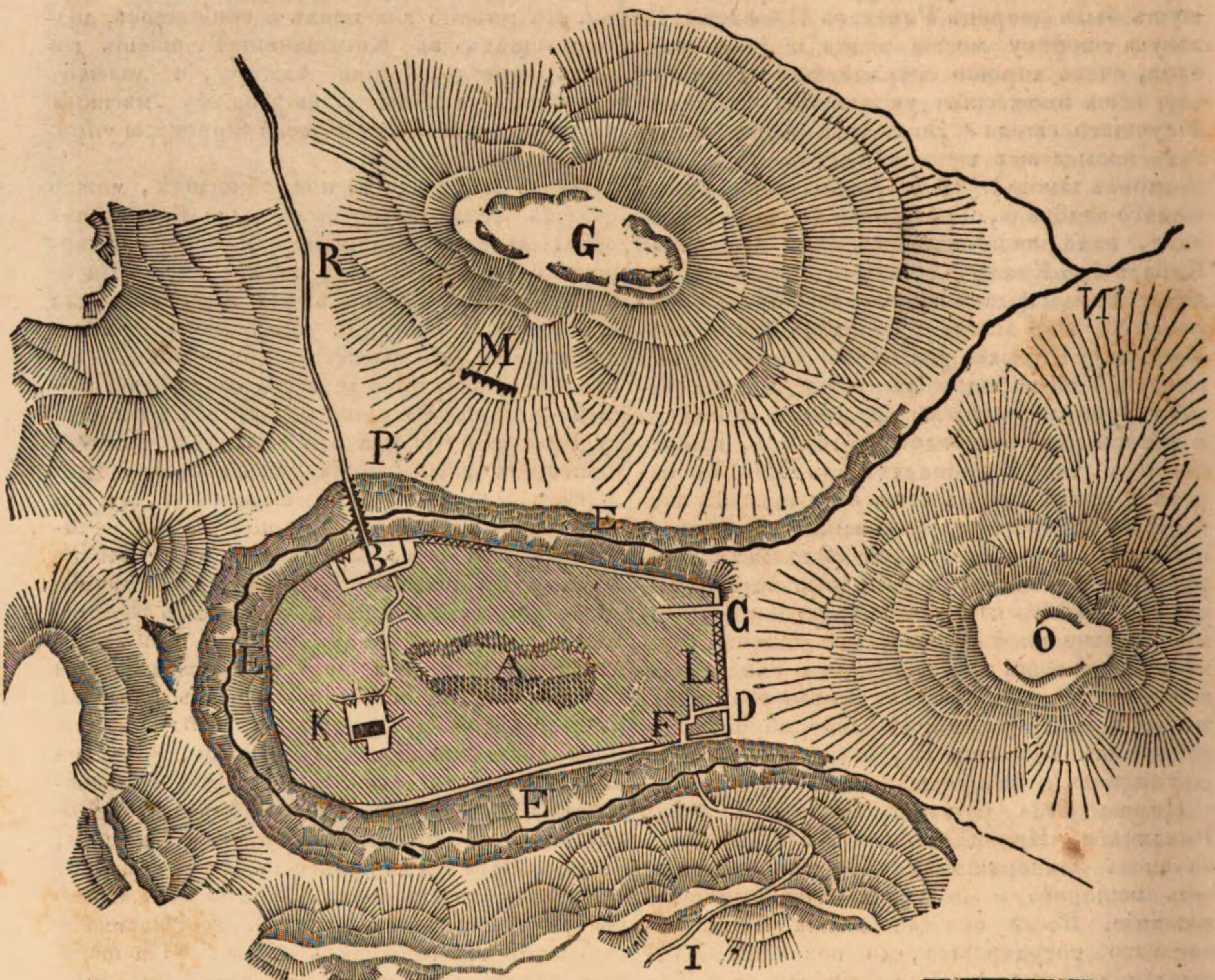
Теперь, они достигли своей цѣ и.

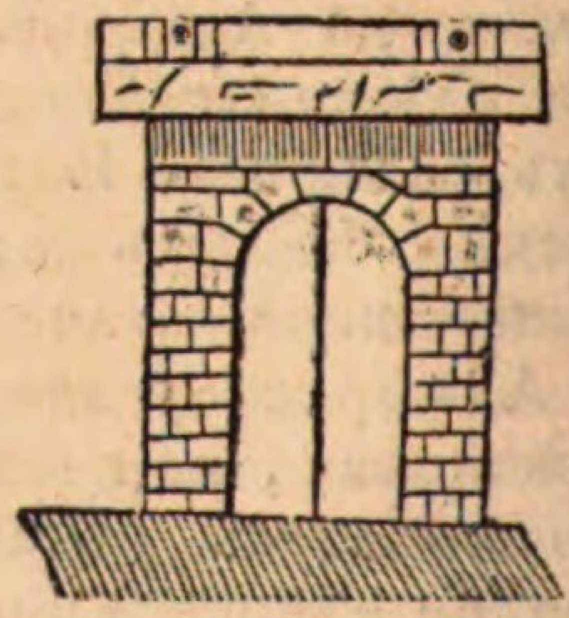
Вотъ подробный планъ Константины.

Изъясненіе плана Константины.

A. Константина и центръ ея, гдѣ самое возвышенное мѣсто города.

B. Ворота Эль-Кантара.

C. Бабъ-эль-Уэдъ (водяныя ворота).

D. Бабъ-эль-Сиди.

E. Ровъ, образуемый Руммелемъ.

F. Алжирскія ворота.

G. Гора Манзуръ.

I. Дорога изъ Алжира.

K. Кассамба и батарея.

L. Одиннадцати-пушечная батарея въ городѣ.

M. Батареи Французовъ во время перваго похода.

N. Бродъ черезъ Руммель.

O. Позиція передовыхъ войскъ Французскихъ въ 1836 году.

P. Мостъ черезъ ровъ и Руммель.

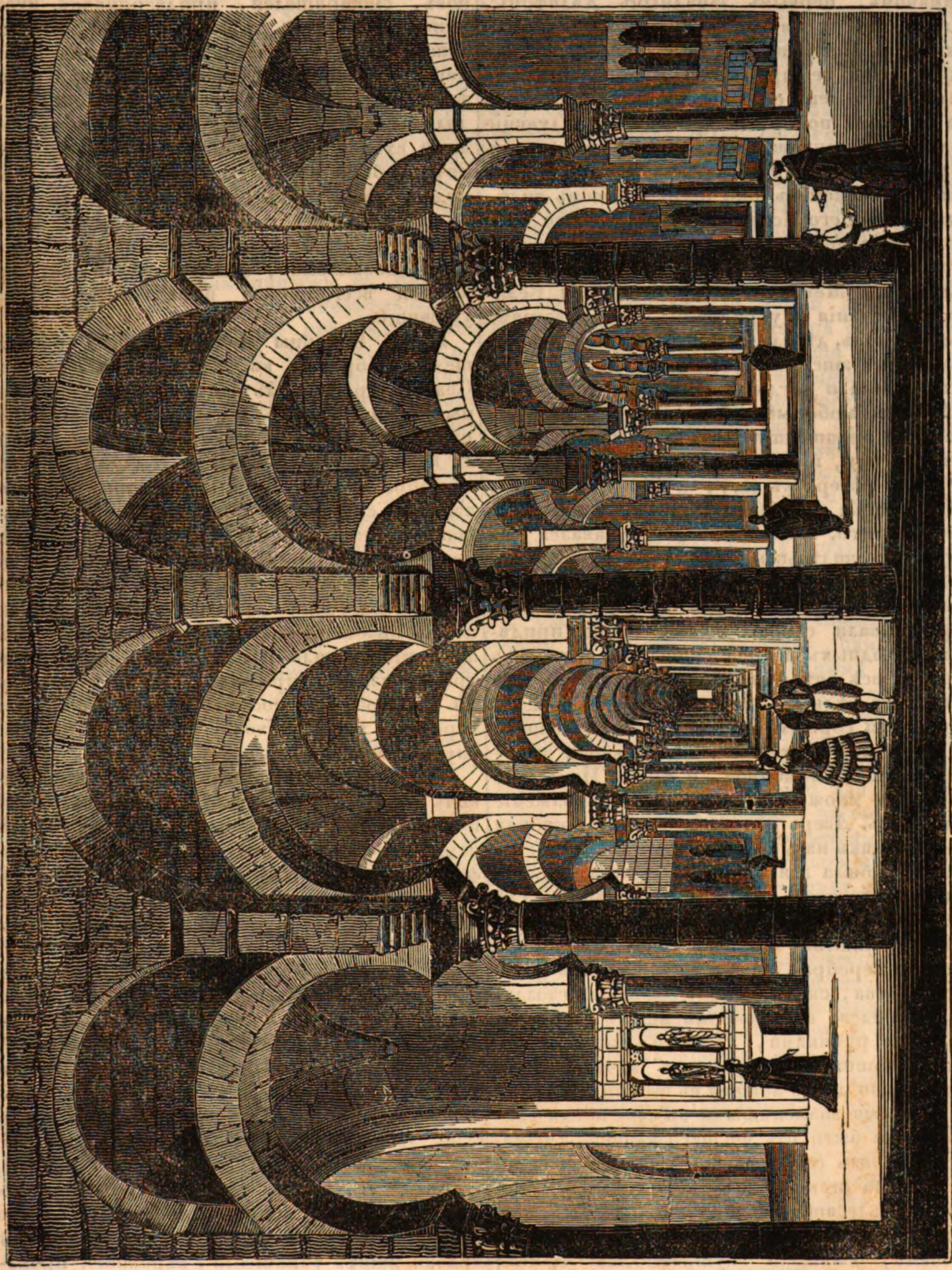
R. Дорога изъ Боны.

Точки G и O возвышены надъ городомъ, который также находится на возвышеніи и окруженъ высокою зубчатою стѣною.

Ровъ или оврагъ между берегами Руммеля очень крутъ и глубокъ.

Внизу подъ планомъ изображеніе воротъ Эль-Кантары.

СОБОРНАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ КОРДОВѢ.

Мы уже сдѣлали общій очеркъ Испанскаго города Кордовы (Т. III, стр. 73-я), и упомянули о знаменитой тамошней мечети, а нынѣ соборной церкви, основанной Абдураманомъ, первымъ западнымъ Халифомъ, или независимымъ Государемъ Магометанскимъ въ Испаніи. Онъ однакожь не успѣлъ достроить ее при своей жизни, и храмъ былъ довершенъ сыномъ его Гишамомъ, около 800 года по Рожд. Христовѣ. Слѣдующіе Халифы увеличивали зданіе, по мѣрѣ какъ требовало того умножающееся народонаселеніе, и наконецъ оно было въ томъ видѣ, какъ нашли его Испанцы, свергнувъ иго Мавровъ. Эта мечеть почиталась у Мусульманъ третьею по своей святости и славѣ: первыми были Меккская и Іерусалимская. Великолѣпіе зданія и украшеній, по описаніямъ Историковъ, дѣлали ее точно однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ храмовъ, какіе только существовали когда нибудь въ мірѣ.

Этотъ любопытный памятникъ Мавританской архитектуры имѣлъ четвероугольную фигуру, и занималъ 620 футовъ въ длину, отъ сѣвера къ югу, и 440 въ ширину, отъ востока къ западу. Четыре улицы шли вокругъ него, такъ что онъ оставался совершенно отдѣльнымъ зданіемъ. Кровлю его поддерживали 1200 или 1400 колоннъ, изъ самаго драгоцѣннаго мрамора; онѣ также образовывали собою девятнадцать придѣловъ. Входныхъ дверей считалось двадцать одна, и всѣ онѣ были обиты дорогою Андалузскою мѣдью. Каѳедра отличалась драгоцѣнными сортами дерева, употребленнаго на нее, каковы черное, сандальное, красное, алоевое, лимонное, и проч. Надъ нею работало множество рукъ въ продолженіе семи лѣтъ. Дверь главнаго входа, которая вела къ такъ-называемой *максурѣ*, или святилищу, была вся золотая, такъ-же какъ и балюстрада около *мирабы*, или алтаря, гдѣ производили свое служеніе кіамы, или священнослужители. Полъ въ максурѣ былъ изъ чистаго серебра: тамъ, на тронѣ изъ алоеваго дерева, скрѣпленномъ золотыми гвоздями, хранился, въ золотомъ ящикѣ, съ жемчугомъ и рубинами, главный списокъ Корана. Башня или минаретъ мечети былъ семидесяти двухъ локтей въ вышину, и увѣнчанъ тремя знаменитыми въ свое время главами: двѣ были изъ чистаго золота, а одна, средняя, изъ серебра. Окружность каждой составляла три съ половиной пальмы. Двѣсти восемьдесятъ люстръ, мѣдныхъ и серебряныхъ, гдѣ находилось отъ 7000 до 10,000 лампадъ, освѣщали внутренность зданія; для нихъ употреблялось въ годъ 1100 фунтовъ фитиля и 27,000 фунтовъ масла; шестьдесятъ фунтовъ алоеваго дерева и столько-же амбры надобно было въ годъ для куренія.

Число людей, служившихъ при этой мечети, какъ то совершавшихъ молитвы, чтецовъ, смотрителей, придверниковъ, муэцциновъ, и проч., простиралось до трехъ сотъ. Вокругъ мечети существуетъ и теперь довольно обширный садъ, гдѣ есть фонтаны; тутъ исполнялись омовенія, какія должны совершать Мусульмане, прежде нежели входятъ въ храмъ. Съ трехъ сторонъ мечеть была окружена портикомъ, который поддерживали семьдесятъ двѣ колонны; вода трехъ большихъ фонтановъ, и усладительная тѣнь множества деревьевъ, кипарисныхъ, пальмовыхъ, померанцевыхъ, поддерживали всегдашнюю прохладу въ этомъ убѣжищѣ.

Когда Испанцы снова сдѣлались обладателями Кордовы, въ 1236 году, Фердинандъ Святой превратилъ эту мечеть въ соборный храмъ; но она сохраняла свое прежнее расположеніе до временъ Императора Карла Пятаго. Въ 1528 году Испанцы начали обезображивать ее и нарушать первоначальную симметрію новымъ устройствомъ, которое нашли необходимымъ, для примѣненія ея къ торжественному служенію по уставамъ христіанской церкви. Тщетно любители искуствъ представляли несообразность нѣкоторыхъ перемѣнъ; ихъ не слушали и продолжали разстроивать симметрію храма разными пристройками и перемѣнами. Главное, что посреди церкви выстроили огромные хоры, похожіе на особую церковь внутри этого обширнаго квадрата.

Четыре стороны зданія не представляютъ ничего кромѣ стѣнъ, очень твердыхъ и массивныхъ, увѣнчанныхъ узорчатыми зубцами; кое-гдѣ онѣ поддерживаются контръфорсами или укрѣпленіями, издалека похожими на башни. Каждая сторона зданія отличается отъ другой, украшеніями и даже вышиною. Этому есть двѣ причины: первая, страсть Арабовъ къ разнообразію, и вторая, естественная неровность почвы, которая и теперь еще такова, что съ южной стороны зданія она повышается, въ прямомъ направленіи, на тридцать шаговъ, а съ сѣверной понижается на четырнадцать. Во многихъ впадинахъ, между укрѣпленіями, есть двери, съ полумѣсяцами или дугами, въ видѣ подковы, на верху; есть также, по мѣстамъ, лѣпныя украшенія, индѣ перемѣшанныя съ самою богатою и пестрою мозаикою изъ обожженой глины. Блестящія краски этихъ украшеній, вѣроятно, производили удивительное дѣйствіе, когда все зданіе было еще въ своемъ видѣ.

Вообще надобно сказать, что Кордовская

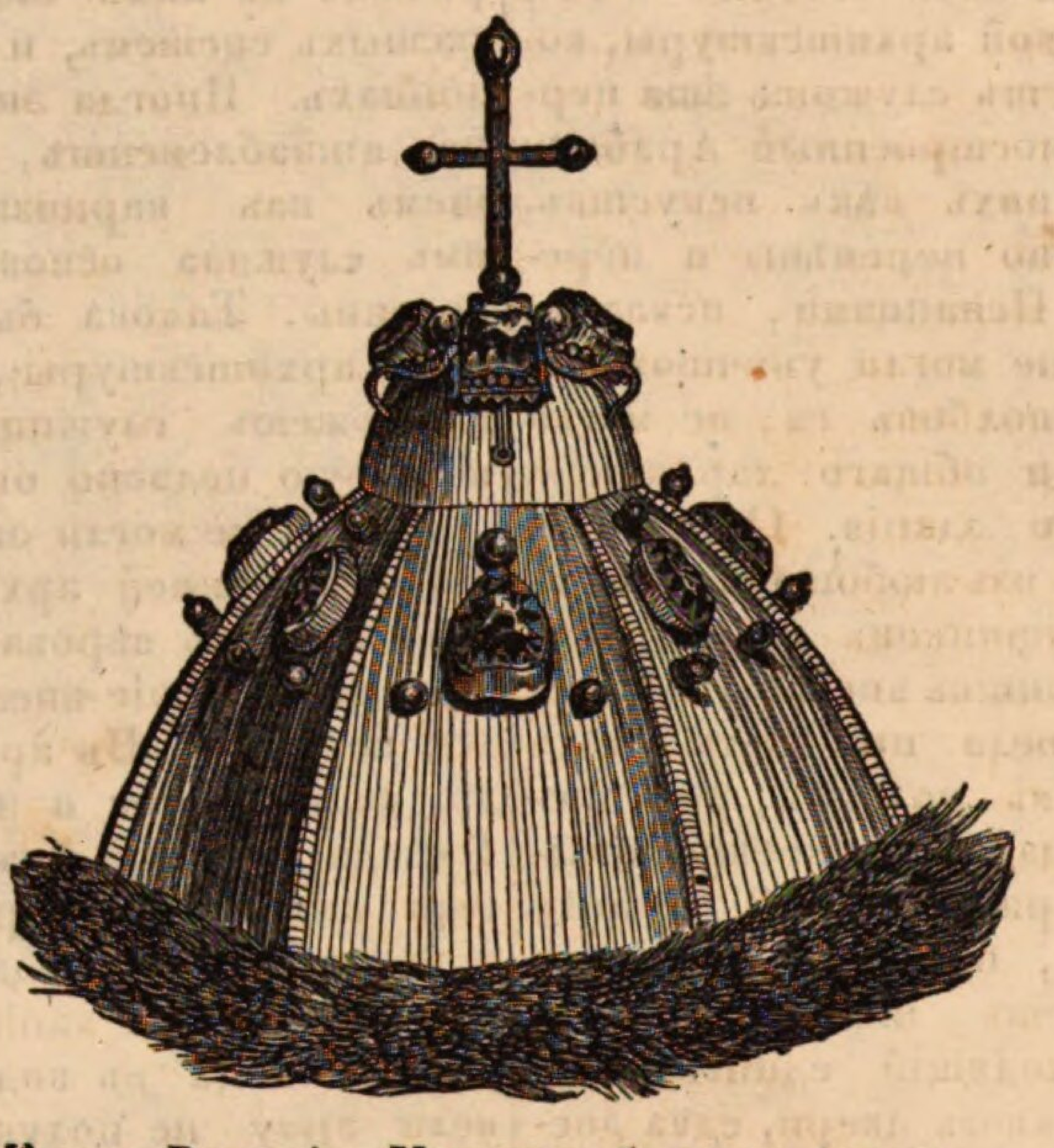
мечеть, или нынѣшняя соборная церковь. не представляетъ ничего замѣчательнаго снаружи: прелесть и богатство ея внутри. Тамъ видите вы цѣлый лѣсъ колоннъ и всю пестроту Мавританской архитектуры, которой образцомъ можетъ служить эта церковь, главный храмъ, построенный Арабами въ самый цвѣтущій у нихъ вѣкъ искуствъ. Мы уже говорили, что перемѣны и перестройки, сдѣланныя Испанцами, исказили общность ея; но онѣ не могли уничтожить прочныхъ, вѣковыхъ столбовъ ея, не могли изгладить украшеній и общаго характера этого величественнаго зданія. Оно и теперь остается однимъ изъ любопытнѣйшихъ архитектурныхъ памятниковъ въ Европѣ. Нельзя ни съ чѣмъ сравнить впечатлѣнія, которое поражаетъ зрителя при видѣ этихъ двадцати девяти рядовъ колоннъ, переплетенныхъ съ девятнадцатью перекрестными рядами, на пространствѣ 600 футовъ длины и 400 ширины, тогда какъ вышина колоннъ составляетъ только 30 футовъ, и свѣтъ, проходящій единственно сквозь окна купола и сквозь двери, едва достаточенъ для освѣщенія всей внутренности храма. Прибавьте къ этому остатки богатства, яркость и пестроту арабесковъ и живописныхъ изображеній: вы получите ясное понятіе объ Арабско-Мавританской архитектурѣ.

Мавританскою архитектурою называется обыкновенно та, которая явилась во время властвованія Арабовъ въ Испаніи. Въ это время господствовали три направленія въ зодчествѣ: архитектура Арабская, собственно такъ называемая, созданная по Греческимъ образцамъ; Мавританская, возникшая въ Испаніи изъ остатковъ Римскихъ зданій, и Ново-Готическая. Двѣ первыя очень мало разнятся одна отъ другой; Мавританская отличается особенно употребленіемъ дуги или свода въ видѣ подковы.

Когда, около VII вѣка, Арабы, предводимые наслѣдниками Магомета, распространились въ Африкѣ и по прибрежію Средиземнаго моря, они нашли множество различныхъ памятниковъ архитектуры. Одни принадлежали къ древней Римской, другіе къ архитектурѣ Восточной Имперіи. Первые, построенные просто, но изъ огромныхъ матеріяловъ, не представляли ни какихъ украшеній, и отличались только строгостью своихъ идей и легкостью размѣровъ. Другіе памятники, которыхъ построеніе было ученѣе, смѣлѣе, и даже не такъ затруднительно, потому что допускало матеріялы всякаго размѣра, отличались богатствомъ и разнообразіемъ украшеній. Они были ближе къ новымъ требованіямъ искуства, принадлежали къ современному роду архитектуры, и естественно должны были служить образцами для Арабовъ. Но всего больше поражало въ нихъ частое употребленіе свода разныхъ системъ, и особенно аркадъ на колоннахъ. Иногда эти аркады утверждались на антаблементѣ, обыкновенно состоявшемъ изъ карниза и архитрава; иногда имъ служила основаніемъ самая капитель колонны. Такова была система Византійской архитектуры, и лучшимъ образцомъ ея можетъ служить Софійская церковь, которую недавно описывали мы.

Арабы не могли ограничиться подражаніемъ тогдашней архитектурѣ. Ихъ независимость, ихъ вѣрованія, ихъ обычаи и пылкое воображеніе внесли новый элементъ во всѣ искуства. Въ архитектурѣ они измѣнили форму арки и подробности украшеній. Иногда они продолжали внѣшнія оконечности полукружія арки до того, что онѣ встрѣчались съ выдающимися оконечностями карниза или капители. Такъ образовался ихъ сводъ въ видѣ подковы. Иногда они вели арку не полукружіемъ, а наклонными съ обѣихъ сторонъ линіями, и тѣмъ положили начало стрѣльчатому своду, который игралъ такую важную роль во всей архитектурѣ Среднихъ вѣковъ. Въ колоннахъ не было у нихъ никакого единства: они брали ихъ изъ различныхъ памятниковъ древности и обременяли самыми разнообразными украшеніями, иногда скульптурными, иногда живописными, и даже составленными изъ мозаики. У Грековъ и Римлянъ украшенія были подвергнуты неизмѣннымъ законамъ и служили только для большаго указанія простоты главныхъ частей; у Арабовъ, напротивъ, не было въ этомъ никакихъ основныхъ правилъ, и украшенія лѣпились вездѣ. Ими какъ будто хотѣли они закрывать тяжесть и толщину стѣнъ и всѣхъ главныхъ частей зданія. Арабы жили вездѣ завоевателями: каждое общественное зданіе должно было, въ случаѣ надобности, служить для нихъ и крѣпостью. Вотъ отъ чего они вездѣ строили толстыя стѣны и скупились на внѣшнія украшенія, соединяя всю роскошь и богатство внутри своихъ зданій. Тамъ живопись, скульптура, драгоцѣнные металлы и разноцвѣтныя стекла блистаютъ всюду; вмѣсто пола служитъ дорогая мозаика. Каждое изъ ихъ зданій напоминаетъ тѣ Арабскія сказки, въ которыхъ вымыселъ и разсказъ такъ-же блистательны и цвѣтисты, какъ украшенія дворцовъ и мечетей Арабскихъ, гдѣ небольшая основа обременена всѣми цвѣтами восточнаго воображенія.

ДРЕВНІЯ КОРОНЫ РУССКАГО ЦАРСТВА.

Корона Владиміра Мономаха, большаго наряда.

Историческія свидѣтельства доказывають неоспоримо, что Русскіе Великіе Князья съ древнѣйшихъ временъ употребляли короны, которыя именовались *вѣнцами* и *шапками*, и означали верховную ихъ власть. Описывая *Царское мѣсто* (въ 13 листѣ Ж. О. на 1837 г.), мы представили преданіе, которое говоритъ о началѣ Царской утвари, хранящейся въ Московской Оружейной палатѣ; то-же преданіе упоминаетъ и о первомъ Царскомъ вѣнцѣ, присланномъ къ Владиміру Мономаху отъ Греческаго Императора. Все это событіе описываетъ Карамзинъ слѣдующимъ образомъ: «Успѣхи Мономахова оружія такъ прославили сего Великаго Князя на Востокѣ и Западѣ, что имя его, по выраженію лѣтописцевъ, гремѣло въ мірѣ, и страны сосѣдственныя трепетали онаго. Если вѣрить новѣйшимъ повѣствователямъ, то Владиміръ ужасалъ и Греческую Имперію. Они разсказываютъ, что Великій Князь, вспомнивъ знаменитыя побѣды, одержанныя его предками надъ Греками, со многочисленнымъ войскомъ отправилъ Мстислава къ Адріанополю и завоевалъ Ѳракію; что устрашенный Алексій Комнинъ прислалъ въ Кіевъ дары: крестъ животворящаго древа, чашу сердоликовую Августа Кесаря, вѣнецъ, златую цѣпь и бармы Константина Мономаха, дѣда Владимірова; что Неофитъ, Митрополитъ Ефесскій, вручилъ сіи дары Великому Князю, склонилъ его къ миру, вѣнчалъ въ Кіевскомъ соборномъ храмѣ *Императорскимъ вѣнцомъ*, и возгласилъ *Царемъ* Россійскимъ. Въ Оружейной Московской Палатѣ хранятся такъ называемая *Мономахова златая шапка*, или корона, цѣпь, держава, скипетръ и древнія бармы, коими украшаются Самодержцы наши въ день своего торжественнаго вѣнчанія, и которыя дѣйствительно могли быть даромъ Императора Алексія. Мы знаемъ, что и въ X вѣкѣ Государи Россійскіе часто требовали Царской утвари отъ Византійскихъ Императоровъ; знаемъ также, что Великіе Князья Московскіе XIV столѣтія отказывали въ завѣщаніяхъ наслѣднику трона нѣкоторыя изъ сихъ вещей, сдѣланныхъ въ Греціи, какъ-то свидѣтельствуютъ надписи оныхъ и самая работа.»

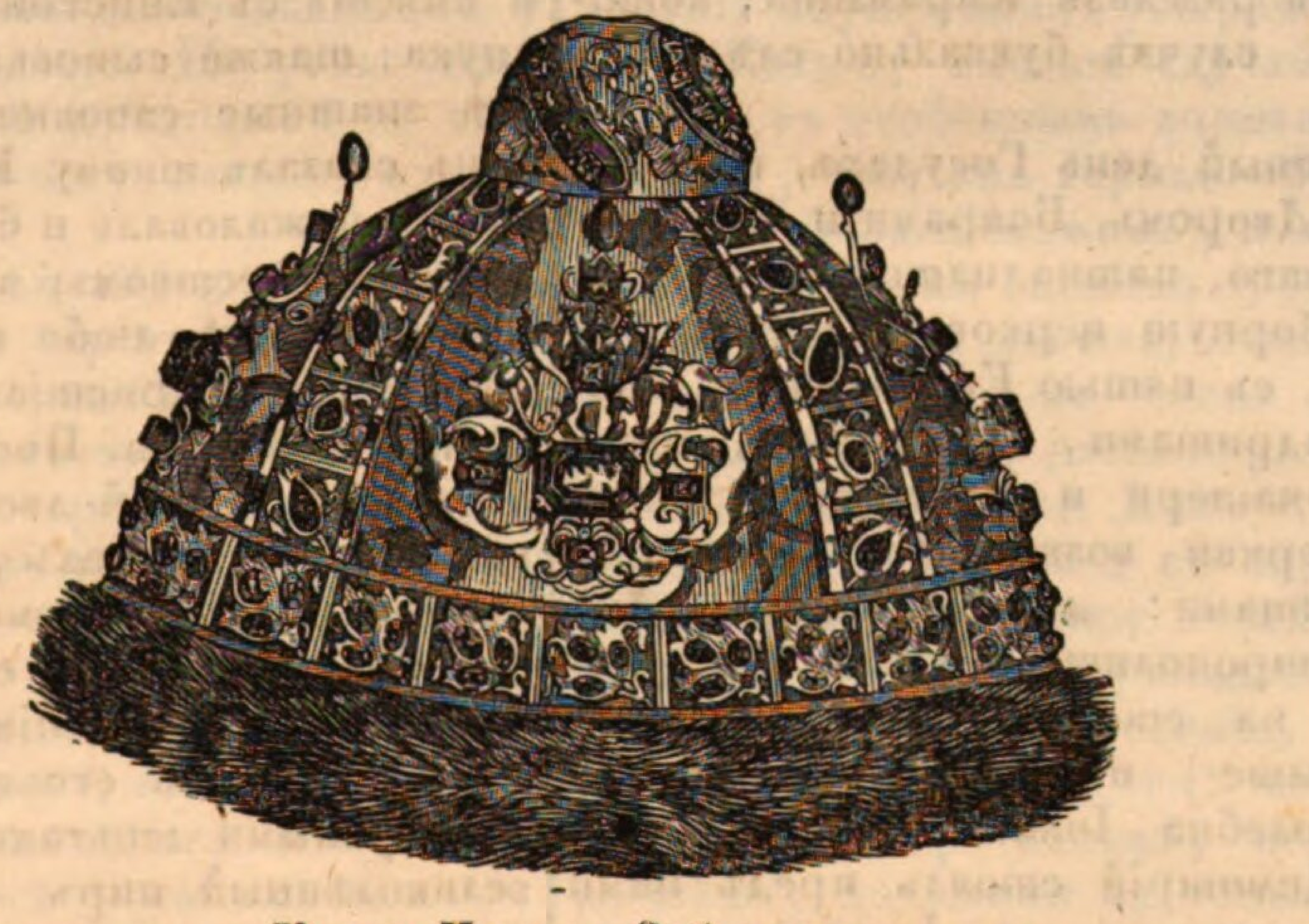
Таково очищенное критикою мнѣніе нашего испытательнаго Исторіографа. И дѣйствительно, гдѣ нѣтъ прямыхъ свидѣтельствъ, тамъ по необходимости надобно довольствоваться вѣроятнымъ. Это правило благоразумной критики. Основываясь на немъ, мы должны признать *корону Владиміра Мономаха, большаго наряда*, хранящуюся въ Московской Оружейной Палатѣ и изображенную въ началѣ нашей статьи, тою самою, или вѣроятно тою, которая вѣнчала главу Мономаха! Всѣ свидѣтельства говорятъ въ пользу этого мнѣнія. Герберштеинъ, бывшій въ Москвѣ при отцѣ Царя Іоанна Васильевича, сказываетъ, что Рос-

сійскіе Государи, въ день коронованія употребляютъ Мономахову утварь. Съ нѣкоторыми прибавленіями, тоже говорятъ старинные писатели о Россіи, иноземцы Стриковскій и Петрей. Наши всѣ подтверждаютъ, что хранящіяся въ Оружейной Палатѣ Царскія утвари принадлежали Владиміру Мономаху. Разсматривая работу короны, убѣждаемся, что она принадлежитъ къ отдаленной древности.

Вотъ описаніе этой короны. Она Греческой *сканной* работы, золотая, съ золотымъ сканнаго-же мастерства крестомъ. Ее украшаютъ жемчугъ и разные драгоцѣнные каменья. Всего этого: 4 яхонта, 3 лалла, 4 изумруда, и 32 зерна бурмицкихъ. Величина ея въ вышину до перваго яруса 3 вершка; яблоко въ 1 вершокъ; крестъ $1\frac{1}{4}$ вершокъ; ширина въ діаметрѣ $4\frac{1}{2}$ вершка.

Эта древняя корона почитается важнѣйшимъ, первымъ сокровищемъ изъ всѣхъ, хранящихся въ Оружейной Палатѣ. Въ описаніи этого знаменитаго хранилища сказано: «Мономаховою короною вѣнчались Государи Россійскіе на царство съ 1116 года до Царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, а сверхъ того употреблялась она въ древности при знаменитыхъ торжествахъ; нынѣже, какъ главная достопамятность Царскаго достоинства, съ прочими регаліями при коронаціяхъ и при погребеніяхъ Императорскихъ выносится на подушкѣ.»

Отъ этой древнѣйшей короны перейдемъ къ другой, напоминающей одно изъ знаменитыхъ событій нашей Исторіи: мы говоримъ о *коронѣ Сибирскаго Царства*. Здѣсь приложено ея изображеніе.

Корона Царства Сибирскаго.

Не смотря на то, что она далеко не равняется въ древности съ описанною нами короною, ея происхожденіе извѣстно менѣе, и даже не льзя опредѣлить достовѣрно, съ какого времени поступила она въ Царскія хранилища.

Прежде всего надобно сказать, что она не могла принадлежать тѣмъ Царямъ, или лучше сказать Князькамъ, которыхъ громилъ Ермакъ и его товарищи и послѣдователи. Народы полудикіе, не знавшіе уставовъ и учрежденій общественныхъ, не могли имѣть символовъ, означающихъ верховную власть. Самая власть ихъ ограничивалась вещественною силою, а не тѣмъ нравственнымъ, святымъ согласіемъ народовъ съ повелителемъ, которое имѣетъ столь высокое значеніе въ благоустроенномъ обществѣ. Сверхъ того, у нихъ не было ни искуствъ, ни преданій, ни потребностей, которыя могли-бы окружить властителя приличнымъ блескомъ. Все это ведетъ насъ къ тому заключенію, что Сибирскіе Цари (какъ называютъ ихъ въ нашихъ лѣтописяхъ) были не иное что какъ знатнѣйшіе люди между своими товарищами, по большей части полукочевыми дикарями. Слѣдственно Ермакъ и его сотрудники не могли найдти у нихъ и прислать къ Русскому Царю шапки, или короны Сибирскаго владѣтеля Кучума, какъ намекаютъ о томъ нѣкоторые изслѣдователи нашей Исторіи. Вѣроятнѣе и гораздо сходнѣе съ истиною, что корона, извѣстная подъ именемъ короны царства Сибирскаго, хранящаяся въ Оружейной Палатѣ, была сдѣлана по присоединеніи къ Россіи Сибирскаго царства, и сдѣлана въ Москвѣ, можетъ быть иностранными художниками. Она драгоцѣнна для насъ, какъ древній символъ знаменитаго событія и богатой, неизмѣримой части великаго Русскаго царства. Вотъ ея описаніе.

Шапка, вѣнецъ, или корона Сибирская, золотая съ запонами, украшена жемчугомъ и

разными драгоцѣнными каменьями. Въ ней 30 алмазовъ, 110 яхонтовъ, 2 лалла, 14 изумрудовъ и 15 зеренъ бурмицкихъ. Вышина ея до яблока $3\frac{1}{2}$ вершка, яблоко $2\frac{1}{4}$ вершка, а ширина въ діаметрѣ $4\frac{3}{4}$ вершка.

Въ слѣдующихъ листахъ Жив. Обозрѣнія мы представимъ изображенія другихъ коронъ, хранящихся въ Оружейной Палатѣ. Здѣсь почитаемъ любопытнымъ привести описаніе древняго обряда, который исполнялся при вѣнчаніи нашихъ Царей на прародительское царство. Первое описаніе этого священнаго дѣйствія находимъ въ лѣтописяхъ нашихъ подъ 1498-мъ годомъ, 4 Февраля, когда былъ вѣнчанъ на царство юный Димитрій, внукъ Іоанна III-го, при жизни и по волѣ этого Великаго Мономаха. Событіе достопамятное и важное въ Русской Исторіи! Предлагаемъ описаніе его въ краснорѣчивомъ разсказѣ Карамзина, который въ этомъ случаѣ буквально слѣдовалъ лѣтописцу.

«Въ назначенный день Государь, провождаемый всѣмъ Дворомъ, Боярами и чиновниками, ввелъ юнаго, пятнадцатилѣтняго Димитрія въ соборную церковь Успенія, гдѣ Митрополитъ, съ пятью Епископами, многими Архимандритами, Игуменами, пѣлъ молебенъ Богоматери и Чудотворцу Петру. Среди церкви возвышался амвонъ съ тремя сѣдалищами: для Государя, Димитрія и Митрополита. Близъ сего мѣста лежали на столѣ вѣнецъ (описанный нами выше) и бармы Мономаховы. Послѣ молебна Іоаннъ и Митрополитъ сѣли: Димитрій стоялъ предъ ними на вышней степени амвона. Іоаннъ сказалъ: «Отче Митрополитъ! издревле Государи, предки наши, давали Великое Княжество первымъ сынамъ своимъ: я также благословилъ онымъ моего перворoднаго, Іоанна. Но по волѣ Божіей его не стало: благословляю нынѣ внука, Димитрія, его сына, при себѣ и послѣ себя Великимъ Княжествомъ Владимірскимъ, Московскимъ, Новогородскимъ: и ты, отче, дай ему благословеніе.» Митрополитъ велѣлъ юному Князю ступить на амвонъ, всталъ, благословилъ Димитрія крестомъ, и положивъ руку на главу его, громко молился, да Господь, Царь Царей, отъ святаго жилища своего благоволитъ воззрѣть съ любовію на Димитрія, да сподобитъ его помазатися елеемъ радости, пріять силу свыше, вѣнецъ и скипетръ Царствія; да возсядетъ юноша на престолѣ правды, оградится всеоружіемъ Святаго Духа, и твердою мышцею покоритъ народы варварскіе; да живетъ въ сердцѣ его добродѣтель, вѣра чистая и правосудіе. Тутъ два Архимандрита подали бармы: Митрополитъ, ознаменовавъ Димитрія крестомъ, вручилъ ихъ Іоанну, который возложилъ оныя на внука. Митрополитъ тихо произнесъ слѣдующее: «Господи Вседержителю и Царю вѣковъ! се земный человѣкъ, тобою Царемъ сотворенный, преклоняетъ главу въ моленіи къ тебѣ, владыкѣ міра. Храни его подъ кровомъ своимъ: правда и миръ да сіяютъ во дняхъ его; да живемъ съ нимъ тихо и покойно въ чистотѣ душевной....» Архимандриты подали вѣнецъ: Іоаннъ взялъ его изъ рукъ Первосвятителя и возложилъ на внука. Митрополитъ сказалъ: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа.» Читали ектенію и молитву Богоматери. Великій Князь и Митрополитъ сѣли на своихъ мѣстахъ. Архидіаконъ съ амвона возгласилъ многолѣтіе обоимъ Государямъ: за нимъ ликъ священниковъ и діаконовъ. Митрополитъ всталъ, и вмѣстѣ съ Епископами поздравилъ дѣда и внука: также сыновья Государевы, бояре и всѣ знатные сановники. Въ заключеніе Іоаннъ сказалъ юному Князю: «Внукъ Димитрій! я пожаловалъ и благословилъ тебя Великимъ Княжествомъ; а ты имѣй страхъ Божій въ сердцѣ, люби правду, милость, и пекись о всемъ христіанствѣ.» Великіе Князья сошли съ амвона. Послѣ обѣдни Іоаннъ возвратился въ свой дворецъ, а Димитрій, въ вѣнцѣ и въ бармахъ, провождаемый всѣми дѣтьми Государевыми (кромѣ Василія) и боярами, ходилъ въ соборъ Архангела Михаила и Благовѣщенія, гдѣ сынъ Іоанновъ, Юрій, осыпалъ его въ дверяхъ золотыми и серебряными деньгами. Въ тотъ день былъ великолѣпный пиръ у Государя для всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ. Лаская юнаго Димитрія, онъ подарилъ ему крестъ съ золотою цѣпью, поясъ, осыпанный драгоцѣнными каменьями, и сердоликовую крабію Августа Цесаря.»

СВОЙСТВА И ОБЫЧАИ НѢКОТОРЫХЪ СОЧИНИТЕЛЕЙ МУЗЫКИ.

(Окончаніе).

Цингарелли, еще не принимаясь за перо, переносился въ высшій умственный міръ, читалъ Дѣянія Св. Отцовъ или отборныя мѣста изъ Латинскихъ классиковъ, и, такъ приготовившись, меньше нежели въ четыре часа импровизировалъ дѣйствіе своего *Пирра* или *Ромео и Юліи.*

Гайднъ, воздержный и обстоятельный какъ Ньютонъ, молчаливый заключенникъ своего рабочаго кабинета, употреблялъ также маленькую уловку: онъ брился, пудрился, надѣвалъ чистое бѣлье, наряжался съ головы до ногъ, какъ будто сбираясь за-

свидѣтельствовать глубокое почтеніе своему милостивцу Князю Эстергази, или даже Императору Германскому; потомъ садился къ своему бюро, на которомъ лежала бумага, тщательно разграфленная, и перья хорошо очиненныя, надѣвалъ на палецъ перстень, подаренный ему обожаемымъ Государемъ его, и послѣ этихъ приготовленій начиналъ писать. Пять, шесть часовъ проходили для него безъ усталости; ни одна помарка не безобразила чрезвычайной опрятности его нотъ, впрочемъ не довольно четкихъ, такъ что онъ самъ называлъ ихъ слѣдами мушиныхъ ногъ.

«Когда я остаюсь совершенно съ самимъ собой,» писалъ Моцартъ въ 1788 году,» когда я одинъ и душа моя спокойна, довольна, какъ напримѣръ во время путешествія въ хорошей каретѣ, или когда я прогуливаюсь пѣшкомъ, послѣ добраго обѣда, или когда ночью лежу безъ сна, тогда-то являются у меня мысли цѣлою толпою. Не умѣю сказать откуда и какъ онѣ приходятъ ко мнѣ; знаю только, что я не могу вызвать ихъ по волѣ.»

Іоахимъ Россини, родившійся въ Пезаро, въ Февралѣ 1792 года, черезъ два съ половиной мѣсяца, послѣ смерти Моцарта, сочиняетъ всяко, вездѣ, безъ малѣйшаго приготовленія. Утромъ и вечеромъ, одинъ и посреди толпы друзей, на углу стола въ гостинницѣ, или передъ хриплымъ фортепіано странствующихъ актеровъ, посреди шума репетиціи; пробудившись въ полдень, или еще не ложась спать, въ два, три часа утра, послѣ утомительнаго и скучнаго вечера, всегда и во всѣ часы онъ готовъ. Однажды, въ зимнее утро, онъ написалъ дуэтъ лежа въ постели, гдѣ оставался потому, что въ каминѣ его не было огня, и уронилъ свой исписанный нотами листокъ на с едину комнаты. Ему не захотѣлось встать и застудить себя: онъ тотчасъ написалъ другой дуэтъ, ни сколько не похожій на первый. Одна изъ самыхъ извѣстныхъ его арій долго называлась въ Венеціи l'Aria dei rizi, *рисовая арія,* вотъ по какому случаю. Онъ написалъ входную арію для Танкреда, въ оперѣ того-же имени, но прихотливая Малянотти нашла, что эта арія не годится для нея, и отказалась пѣть ее, уже наканунѣ перваго представленія. Надобно знать, что въ Ломбардіи всякой обѣдъ начинается непремѣнно блюдомъ рису; его приготовляютъ въ нѣсколько минутъ, и поваръ всегда спрашиваетъ, передъ тѣмъ какъ идутъ за столъ, не пора-ли ставить на огонь рисъ. Россини возвратился домой въ отчаяніи, проклиная капризнаго Танкреда, и ему сдѣлали передъ-обѣденный вопросъ. Прежде нежели рисъ былъ готовъ, Россини написалъ свою знаменитую Di tanti palpiti.

ДАМАНЪ.

Это животное долго оставалось неизвѣстно испытателямъ природы. Его знали, въ глубокой древности, Израильтяне, которые упоминаютъ о немъ подъ именемъ *Сафана.* Первые начали говорить объ этомъ животномъ Фосмаеръ и Палласъ, и также Бюффонъ въ своей Исторіи животныхъ. Но, кромѣ того, что ни одинъ изъ нихъ не могъ различить къ какой породѣ относится даманъ, они не знали какое мѣсто занимаетъ онъ между млекопитающими. Всѣ опредѣляли его по нѣкоторымъ наружнымъ признакамъ, и глядя только на его густую шерсть и небольшой ростъ, причислили къ Грызущимъ животнымъ (Rongeurs). Они не позаботились разсмотрѣть, оправдается-ли это опредѣленіе внутреннимъ устройствомъ животнаго. Кювье, имѣвши случай разсмотрѣть дамана съ особеннымъ вниманіемъ, тотчасъ увидѣлъ, что онъ гораздо ближе къ Пахидермамъ (толстокожимъ), и особенно къ носорогамъ: таже система зубовъ, такая-же форма головы и когтей, очень похожихъ на копыта, и такое-же число реберныхъ костей. Дальнѣйшія разсмотрѣнія совершенно подтвердили мнѣніе Кювье, и теперь даманъ не причисляется къ породѣ сурковъ, а составляетъ особенное семейство пахидермовъ, къ которому принадлежатъ гиппопотамъ, слонъ, лошадь, свинья, и проч. Вотъ главнѣйшіе признаки его: на переднихъ ногахъ по четыре пальца, всѣ съ плоскими когтями, похожими на копыта, на заднихъ по три пальца, изъ которыхъ только два съ копытами, а средній вооруженъ длиннымъ, загнутымъ когтемъ; зубовъ 34; челюсти похожи на носороговы; вмѣсто хвоста шишечка; уши округленныя и большія, глаза также не малые; ростъ небольшой... Но довольно этихъ анатомическихъ подробностей. Просимъ читателей нашихъ взглянуть на изображеніе дамана, и скажемъ лучше, что это животное чрезвычайно смирное и кроткое, не отличное своимъ инстинктомъ, однако признательное къ тѣмъ, кто кормитъ и бережетъ его, потому что дамановъ привозятъ въ Европу, и ихъ можно встрѣтить въ нѣкоторыхъ звѣринцахъ. Настоящее отечество ихъ южная и восточная Африка, и также прилежащія страны Азіи. Даманы питаются плодами и травой; живутъ на скалахъ и горахъ. Беззащитность и кротость ихъ причиной, что они часто дѣлаются жертвой плотоядныхъ животныхъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ они бываютъ ручными; тамъ ѣдятъ ихъ мясо. Мож-

но также употреблять ихъ шкурки. Но въ Европѣ недостаточно имъ этой легкой шубы, и они ужасно терпятъ у насъ отъ холода. Израильтяне называли ихъ, какъ мы уже сказали, *сафанами*, Голландцы, на мысѣ Доброй Надежды, Klip-daas (горными барсуками). У Арабовъ извѣстны они подъ именемъ Израильскихъ ягнятъ.

Слѣдуя господамъ Эренбергу и Гемприху, можно раздѣлить это животное на четыре породы:

Даманъ Капскій, или мыса Доброй Надежды (Hyrax capensis, *Gm.*). У него шерсть мягкая, темно-пепельнаго цвѣта на нижней части тѣла, и бѣловатая на верхней, съ черною линіею по спинѣ; голова большая.

Ростомъ съ кролика. Эта порода была извѣстна въ древности, и ее-то можно встрѣтить въ нашихъ звѣринцахъ. Она живетъ на мысѣ Доброй Надежды. Другія породы не отличаются отъ нея величиной и формами.

Даманъ съ рыжимъ затылкомъ (Hyr. ruficeps, *H.* и *Ehr.*). У этой породы шерсть больше жесткая, темнорыжеватая, и почти рыжая на затылкѣ, покуда животное молодо.

Даманъ Сирійскій (Hyr. syriacus, *Gm.*, *H.* и *Ehr.*). У этого шерсть еще жёстче, цвѣта красноватаго на верху, безъ линіи по спинѣ, и бѣловатая внизу. Голова его меньше нежели у Капскаго.

Даманъ Абиссинскій (Hyr. abissinicus, *H.* и *Ehr.*). Шерсть свѣтлорыжаго цвѣта, особенно внизу. Голова не такъ велика. Его нашли въ Абиссинскихъ горахъ, окружающихъ Чермное море.

Успѣхи Зоологіи въ наше время такъ велики, что можно, почти во всѣхъ отдѣлахъ животныхъ, найдти примѣры, гдѣ изъ многихъ породъ выведена одна, и, на оборотъ, изъ одной многія. Соображая Естественную Исторію Бюффона съ новѣйшими изслѣдованіями, поражаешься этимъ почти на всякомъ шагу. Такъ и даманъ причисленъ у него къ суркамъ, подъ названіемъ la marmotte du Cap. Въ наше время, напротивъ, сурокъ отчисленъ къ породѣ совершенно иной, вслѣдствіе анатомическихъ изслѣдованій и открытія новыхъ породъ дамана.

ГОЛЛИНГЕНСКІЙ ВОДОПАДЪ.

Мы уже посѣтили съ читателями нашими романтическій Тироль (Ж. О. томъ II, стр. 217), вспомнили исторію его, были въ Иншпрукѣ, и обозрѣли другіе замѣчательные тамошніе города и мѣста. Теперь мы опять вблизи Тироля, передъ величественнымъ явленіемъ природы.

Небольшая рѣка Зальца вытекаетъ изъ горъ Тирольскихъ, но главная часть ея теченія находится въ самой Австріи. Сначала на западъ, параллельно съ Норическими Альпами, потомъ на сѣверъ льется она, вблизи отъ Баварской границы, до соединенія съ рѣкою Инномъ, который и составляетъ сѣверо-восточную черту Баваріи. Зальца дѣлается судоходною около Галлейна, гораздо выше соединенія своего съ Инномъ. Около этого-то мѣста образуетъ она огромный Голлингенскій водопадъ, подлѣ горы, возвышающейся на 2572 фута отъ уровня моря. Вообразите рѣку, посреди самыхъ великолѣпныхъ, дикихъ окрестностей; и эта рѣка съ шумомъ и пѣной крутится по скалѣ, которую она пробила въ незапамятныя времена. Далѣе она льется какъ-бы въ каменномъ каналѣ и постепенно уменьшаетъ свою ярость. Это явленіе такъ величественно, что его должны-бъ были прославлять всѣ путешественники; но вы почти ни у одного не найдете даже упоминанія о Голлингенскомъ водопадѣ. Странность, которую можно объяснить только тѣмъ, что водопадъ находится не на обыкновенной дорогѣ *туристовъ,* а всторонѣ, въ глуши, въ мало посѣщаемомъ уголкѣ Германіи.

Страна Зальцбургская гориста; въ ней только одна обширная долина, гдѣ течетъ Зальца; съ главною долиною соединяются еще нѣкоторыя побочныя. Она вообще окружена горами, но съ южной стороны Альпы замыкаютъ ее совершенно. Многія изъ этихъ горъ Норическихъ Альповъ, напримѣръ Гохгорнъ, возвышающійся на 10,381 футъ, покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. Тамъ увидите вы всѣ явленія Швейцарскихъ горъ: ледники, пропасти, снѣговыя лавины, водопады, и проч. Къ сѣверу тянется открытая долина, гдѣ есть много прелестныхъ равнинъ. Воздухъ здѣсь чистъ и здоровъ; но суровость его нестерпима для путешественника. Зимы бываютъ жестокія и продолжительныя; лѣто, въ тѣсныхъ долинахъ, чрезвычайно жарко. Многія горы покрыты плодоносною землею, на которой хорошо родится хлѣбъ; около вершинъ ихъ превосходныя пастбища. Между самыми горами есть долины, удивительно тучныя, не говоря уже о сѣверной долинѣ Зальцы, гдѣ плодородіе изумительно. И какъ пользуются этимъ трудолюбивые жители! Но, не смотря ни на какія усилія ихъ, хлѣба не достаетъ для всего народонаселенія, потому что высокія, безплодныя горы отымаютъ слишкомъ много пространства. Предусмотрительная природа, взамѣну скуднаго земледѣлія, и еще бѣднѣйшаго садоводства, населила горные лѣса множествомъ дичи, дала жителямъ превосходныя пастбища, и заставила ихъ быть трудолюбивыми. Они имѣютъ обширное скотоводство, и скотъ у нихъ отличается необыкновенной величиной: онъ составляетъ ихъ богатство, и даетъ имъ пищу, одежду и деньги.

Не думайте, впрочемъ, чтобы въ долинѣ Зальцы были только горы, лѣса и водопады: тамъ есть нѣсколько городовъ, и одинъ изъ нихъ, достопамятный во многихъ отношеніяхъ, историческій городъ Зальцбургъ. Имъ управляли встарину Архіепископы, которые имѣли большія права: могли возводить въ дворянство, пользовались особенными почестями на всѣхъ Имперскихъ сеймахъ, почитались, въ княжеской аристократіи, выше духовныхъ Курфирстовъ. Это придавало ихъ управленію какой-то особенный характеръ старины, любопытной для изслѣдователя феодальныхъ обществъ. Такъ продолжалось до Наполеона, который, во время войнъ съ Австріею, встрѣчалъ Зальцбургъ на пути своемъ, и нѣсколько разъ отдавалъ его то одному, то другому. Наконецъ, Парижскимъ трактатомъ онъ уступленъ окончательно Австріи, и остается теперь главнымъ городомъ Зальцбургскаго округа. Мѣстоположеніе его чрезвычайно романтическое: посреди горъ и живописныхъ долинъ, на обоихъ берегахъ Зальцы, черезъ которую перекинутъ длинный и широкій мостъ. Въ городѣ считается около 900 домовъ и до 15,000 жителей. Укрѣпленныя стѣны окружаютъ его, а вблизи, на Мёнхсбергѣ, находится и старинная крѣпость Верхній Зальцбургъ, гдѣ до сихъ поръ есть большой цейгаузъ. Улицы города кривы и узки: таковы онѣ во всѣхъ старинныхъ городахъ. Нѣкоторыя зданія, напримѣръ дворецъ Архіепископа, соборная церковь, Лицей или прежній Университетъ, достойны замѣчанія. Но всего достопамятнѣе, что Зальцбургъ есть мѣсто рожденія Моцарта. Слѣдовательно онъ имѣетъ честь быть отчизной одного изъ величайшихъ геніевъ. Не всякой городъ можетъ похвалиться этимъ. Въ окрестностяхъ есть нѣсколько великолѣпныхъ замковъ знатныхъ людей, а въ двухъ часахъ отъ города были открыты развалины древней Римской *Ювавіи* (Juvavum). Найденный тамъ мозаическій полъ, драгоцѣнной работы, перевезенъ въ Вѣну.

РЕНДЖИТЪ-СИНГЪ, ВЛАДѢТЕЛЬ ЛАОРА, И ГЕНЕРАЛЪ АЛЛАРЪ.

Нѣсколько лѣтъ сряду, во всѣхъ журналахъ помѣщались извѣстія о новомъ, могущественномъ царствѣ, которое образовалось умомъ и храбростью Ренджитъ-Синга. Когда главный его полководецъ и военачальникъ, Генералъ Алларъ, былъ въ Парижѣ, онъ сообщилъ достовѣрныя извѣстія о своемъ Государѣ, о его дѣлахъ и завоеваніяхъ. Европа еще больше обратила вниманія на новое Индѣйское царство, и на всѣ тамошнія событія. Мы можемъ теперь, вмѣстѣ съ портретами Лаорскаго владѣтеля и его генералиссимуса, представить здѣсь біографическія извѣстія о нихъ обоихъ. Но прежде всего надобно знать, что такое Лаорское царство.

На востокъ отъ Персіи, между Кабуломъ, землею Белушей, песчаною степью Индостана и частью Гиммалайскаго хребта, на югъ отъ Кашемира, есть страна, благословенная природою. Пять большихъ рѣкъ: Джилумъ, Шинабъ, Рави, Біа и Сетледжъ, сливаются тамъ вмѣстѣ и впадаютъ въ Индъ. Въ этой-то странѣ, именуемой *Пенджъ-аба* (пять рѣкъ), главный городъ Лагоръ, или Лаоръ, далъ свое названіе нынѣшнему царству Ренджитъ-Синга, который умѣлъ сдѣлаться повелителемъ воинственнаго, фанатическаго племени Сеиховъ.

Въ концѣ пятнадцатаго столѣтія, Индіецъ, именемъ Нанакъ-Шахъ, прославился между ними своимъ благочестіемъ, мудростію своихъ рѣчей и примѣрною жизнію. Онъ проповѣдывалъ единство Бога, училъ добру, миру, и терпимости всѣхъ религій. Правила и предписанія его были собраны въ книгѣ, называемой *Ади-грантъ* (первая книга). Передъ смертью, онъ созвалъ главныхъ своихъ учениковъ, избралъ изъ нихъ одного преемникомъ своей духовной власти, и завѣщалъ дѣлать всегда такой выборъ, для поддержанія своего ученія. Но Сеихи были окружены, и тѣснимы со всѣхъ сторонъ Мусульманами: надобно было поддаваться, не то, измѣнять миролюбивыя правила перваго учителя. Десятый преемникъ его (въ концѣ семнадцатаго столѣтія), Гуру-Говиндъ-Сингъ, началъ убѣждать своихъ собратовъ, что Богъ, посылающій судьбу, явно повелѣваетъ имъ сдѣлаться народомъ воинственнымъ и тѣмъ поддержать остальные догматы ихъ вѣры; что надобно вооружиться противъ Мусульманъ и отражать силу силою. Часть народа согласилась съ нимъ и поклялась вѣчною ненавистью къ Мусульманамъ: эта часть составляетъ теперь воинственную касту, которая называетъ себя *Сингъ* (львы), въ противоположность мирнымъ земледѣльцамъ, остающимся подъ именемъ *Сиховъ* или *Сеиховъ* (учениковъ). Впрочемъ, по основному закону ихъ религіи, у нихъ не существуютъ касты, и мирные жители дѣлаются воинами невозбранно. Гуру-Говиндъ позволилъ своимъ послѣдователямъ ѣсть мясо всѣхъ животныхъ, кромѣ коровы, и освободилъ ихъ отъ многихъ постовъ и лишеній. Древнее ученіе запрещало имъ покланяться идоламъ; Гуру-Говиндъ не нарушилъ этого, но олицетворилъ богиню храбрости и мужества. Религіозныя церемоніи Сеиховъ донынѣ состоятъ въ простыхъ молитвахъ Всевышнему Существу, и въ омовеніяхъ, которыя исполняютъ они съ усердіемъ, особенно въ извѣстное время года въ Амрицарѣ, священномъ своемъ городѣ. Амрицаръ (бассейнъ безсмертія) есть не иное что какъ бассейнъ, во 149 квадр. шаговъ, посреди котораго, въ храмѣ, хранятся священныя книги Нанака и Гуру-Говинда. Тамъ живутъ, хранители книгъ, называемые *акалисами* (безсмертными). Дикій фанатизмъ этихъ людей, передающихъ свое званіе изъ рода въ родъ, составляетъ большую силу и въ наше время, такъ что могущественный Ренджитъ-Сингъ не осмѣливается тревожить ихъ ничѣмъ.

Отличительный характеръ нынѣшнихъ Сеиховъ происходитъ отъ образа правленія, установленнаго Гуру-Говиндомъ Прежде, всѣ старшины ихъ были независимы одинъ отъ другаго. Они признавали только верховную власть *Халсы*, невидимаго духа правительства, или священное основаніе ихъ государства, передъ которымъ склонялся весь народъ. Въ важныхъ обстоятельствахъ сбирались въ Амрицарѣ, и этотъ родъ сейма рѣшалъ государственныя дѣла. Императоры Могольскіе разрушили древній бытъ Сеиховъ, и самъ Гуру-Говиндъ лишился жизни въ войнѣ съ ними. Въ началѣ прошедшаго столѣтія Сеихи удалились въ горы, и вышли изъ нихъ опять уже послѣ завоеваній Шахъ-Надира. Съ тѣхъ поръ они утвердились въ Пенджъ-абѣ и воевали съ полу-упадшими Моголами.

Въ эпоху этихъ войнъ являются въ первый разъ на политической сценѣ предки Ренджитъ-Синга. Сынъ простаго земледѣльца, Надъ-Сингъ, принялъ религію Сеиховъ; его сынъ, Чаратъ-Сингъ, уже имѣлъ подъ начальствомъ 2500 всадниковъ. Ренджитъ-Сингъ родился въ 1780 году, отъ извѣстнаго храбростью воина, предводителя довольно большихъ толпъ. Ренджитъ-Сингъ остался послѣ своего отца двѣнадцати лѣтъ, подъ руководствомъ матери. Сада-

Кунваръ, его мачиха, имѣла также большое вліяніе на дѣла. Ренджитъ-Сингъ одолженъ уму и ловкости этой необыкновенной женщины многими своими успѣхами. Она долго поддерживала его своими совѣтами и силою; наконецъ, властолюбивый и жадный повелитель Сеиховъ вздумалъ отнять у нея законный удѣлъ: съ тѣхъ поръ они поссорились, и она никогда не хотѣла слышать о примиреніи съ нимъ, не хотѣла, ни какою уступкою, даже купить свободы, которой онъ лишилъ ее.

Молодость, проведенная въ такихъ крамолахъ, и сверхъ того въ необузданныхъ удовольствіяхъ, могла-ли быть посвящена какому нибудь образованію? Отъ того, Ренджитъ-Сингъ остался величайшимъ невѣждой: онъ не умѣетъ ни читать, ни пи-

Ренджитъ-Сингъ.

сать, ни на какомъ языкѣ. Жестокая болѣзнь лишила его глаза и ослабила тѣлесныя его силы. Но съ этого времени (ему было тогда семнадцать лѣтъ), Ренджитъ-Сингъ будто переродился: смѣлою рукой схватилъ онъ бразды правленія, изгналъ перваго министра, и, говорятъ, отравилъ свою мать. Отца его, Мага-Синга, также обвиняютъ въ отцеубійствѣ.

Первый честолюбивый шагъ его ознаменовался предпріятіями противъ Лаора, столицы Пенджъ-абы. Съ 1797 года тамъ владѣли Афганы, принудившіе Сеиховъ удалиться къ сѣверу; но когда событія призывали ихъ къ Инду, Ренджитъ-Сингъ просилъ уступить ему Лаоръ, за нѣкоторыя услуги, предложенныя имъ повелителю Афгановъ. Этотъ согласился и предоставилъ Ренджитъ-Сингу изгнать трехъ другихъ владѣтелей, утвердившихся въ Лаорѣ. Новый повелитель не пренебрегалъ пособія Мусульманскихъ жителей города, и скоро сдѣлался единственнымъ властителемъ его. Съ 1800 года онъ утвердилъ тамъ свое правительство, и четыре слѣдующіе года воевалъ съ другими старшинами Сеиховъ. Успѣхъ вѣнчалъ каждый его походъ: онъ покорилъ нѣсколько городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ, собралъ большія богатства, и пріобрѣлъ неслыханную въ его отечествѣ силу.

Осторожность Ренджитъ-Синга въ сношеніяхъ съ владѣтелями, сколько нибудь

значительными, подверглась сильному испытанію во время войны Англичанъ съ предводителемъ Мараттовъ, Голкаромъ. Этотъ старался привлечь на свою сторону Сеиховъ, отступая передъ Англійскими войсками въ Пенджъ-абу; Ренджитъ-Сингъ искусно отклонилъ его предложенія, и умѣлъ не прервать дружественныхъ сношеній съ повелителемъ Маратовъ. Такое политическое благоразуміе заставило Англичанъ обезпечить ему спокойное обладаніе его царствомъ. Послѣ, когда нѣкоторые повелители Сеиховъ, между Сетледжемъ и Джумною, встревоженные его намѣреніями, искали рѣшительнаго покровительства Англичанъ, онъ умѣлъ привлечь ихъ въ Лаоръ, и показалъ такіе знаки дружбы, что разсѣялъ на время всѣ опасенія. Но онъ не переставалъ распространять своихъ владѣній на востокъ отъ Сетледжа, и предводители Сеиховъ опять обратились къ Англичанамъ. Ренджитъ-Сингъ не заботился, что небольшой

Генералъ Алларъ.

Англійскій отрядъ приближался къ нему; но сраженіе, почти случайное, между этимъ отрядомъ и его войсками, гдѣ послѣднія были совершенно разсѣяны, заставило его образумиться. Онъ увидѣлъ, что ему не льзя бороться съ дисциплиною Европейскихъ войскъ, и спѣшилъ заключить трактатъ, которымъ обязывался не распространять своихъ владѣній на востокъ. Съ этого времени (1809 годъ) совершенное согласіе царствуетъ между Англичанами и владѣльцемъ Лаора. Онъ умѣлъ открыть другое поприще для своего честолюбія. Съ 1810 по 1814 годъ, онъ покорилъ нѣкоторыхъ Мусульманскихъ предводителей въ горахъ, отдѣляющихъ Пенджъ-абу отъ Кашемира. Объявляя себя другомъ и союзникомъ Афгановъ, онъ отнялъ у нихъ два важные города, Аттокъ и Мультанъ. Послѣ нѣкоторыхъ успѣховъ на югѣ, онъ готовился въ походъ противъ Кашемира, но несчастливое сраженіе съ Афганами задержало его. Въ 1818 и 1819 онъ успѣлъ наконецъ покорить всю прелестную долину Кашемира, а въ 1823 году овладѣлъ на югѣ Пихаверомъ, который отдалъ, въ видѣ лены, одному Мусульманскому предводителю.

Въ это время случилось важное событіе, для Ренджитъ-Синга и для его царства. Повелитель Лаора видѣлъ на дѣлѣ превосходство Европейскихъ войскъ, и нѣсколько разъ пытался ввести у себя дисциплину. Но попытки его были не удачны, потому что ими управляли Европейцы, мало свѣдущіе въ военномъ искуствѣ. Въ 1822 году явились къ нему два офицера Французской арміи, ветераны знаменитыхъ Наполеоновыхъ войскъ. Это были Г. Вентура, Итальянецъ по происхожденію, и Г. Алларъ. Оба

они оставили Францію послѣ Ватерлооской битвы, чудесно избѣгнувши онъ гибели при возмущеніи на югѣ, гдѣ такъ безчеловѣчно былъ умерщвленъ начальникъ ихъ, Маршалъ Брюнъ. Они уже служили въ Персіи, но, недовольные тамошнею жизнію, пробрались черезъ Кандагаръ и Кабулъ въ Лаоръ. Ренджитъ-Сингъ принялъ ихъ благосклонно, но хотѣлъ удостовѣриться, что они точно Французы, и удостовѣрился довольно оригинально. Онъ велѣлъ имъ написать къ себѣ письмо по-Французски, и послалъ его къ своему агенту въ Лондіану, перевести и сказать, точно-ли писали это Французы. Удостовѣрившись, что его не обманываютъ, онъ принялъ ихъ въ свою службу и велѣлъ имъ обучать ружейнымъ пріемамъ войска, бывшія въ столицѣ. Г. Алларъ, служившій капитаномъ въ кавалеріи старой гвардіи, получилъ потомъ приказъ образовать корпусъ драгуновъ, и одѣть ихъ по-Европейски. Искуство и ловкость Французскихъ офицеровъ вскорѣ пріобрѣли имъ полную довѣренность Лаорскаго владыки. Онъ употреблялъ ихъ для важнѣйшихъ своихъ предпріятій, и осыпалъ милостями и почестями. Генералъ Алларъ имѣетъ теперь званіе, равное званію командира отдѣльнаго корпуса, и сверхъ того исполняетъ иногда роль министра. Г. Вентура также имѣетъ отдѣльное командованіе. Но онъ, кажется, не въ такой благосклонности у Ренджитъ-Синга какъ Генералъ Алларъ. Путешественники говорятъ еще о третьемъ Французѣ: это Г. Куръ, бывшій воспитанникъ Политехнической школы, а нынѣ командиръ пѣхотнаго корпуса и артиллеріи на берегахъ Инда.

Всѣ эти отличные военные много способствовали Ренджитъ-Сингу въ его предпріятіяхъ, и утвердили поверхность его надъ всѣми сосѣдними владѣтелями. Обстоятельства были важны, когда, въ 1827 году, одинъ Мусульманскій фанатикъ, Сеидъ-Ахмедъ, побывавши въ Меккѣ, вздумалъ выдать себя пророкомъ въ горахъ Афганистана. Онъ объявилъ, что призванъ на землю отмстить за Мусульманскую вѣру истребленіемъ Сеиховъ. Безчисленныя толпы собрались противъ Ренджитъ-Синга; но войска его, образованныя по-Европейски, истребили нестройныя полчища Сеидъ-Ахмеда. Тщетно фанатикъ еще два раза покушался воевать съ могучимъ соперникомъ: два раза отбитый, онъ лишился жизни въ 1831 году.

Съ тѣхъ поръ Ренджитъ-Сингъ властвуетъ неоспоримо надъ обширною страною. Правда, что онъ нерѣдко принужденъ вести войны съ сосѣдними владѣтелями, но это уже не опасно ему, и онъ твердъ на своемъ мѣстѣ. Окруженный войсками, богатствами, и большимъ вліяніемъ на умы, онъ страшится только Англичанъ, близкихъ сосѣдей своихъ по Индіи. За то, какъ уступчивъ, вѣжливъ, предупредителенъ онъ съ ними! Одно слово, малѣйшее желаніе Остъ-Индскаго Губернатора, важнѣе для него нежели пятидесятитысячная армія какого нибудь полудикаго горца. Жадность его къ богатствамъ ненасытима, и для удовлетворенія ея онъ не разборчивъ въ средствахъ. Вотъ два примѣра. Шахъ-Ходжа, Афганскій князекъ, изгнанный братомъ, удалился въ горы Кашемира. Ренджитъ зналъ, что онъ увезъ большія богатства, и между прочимъ огромный брилліантъ, называемый *гора свѣта*. Начались обѣщанія и льстивыя предложенія возстановить изгнанника въ его владѣніяхъ. Ходжа поддался обману и пріѣхалъ въ Лаоръ. Тамъ владѣтель обобралъ его, взялъ знаменитый брилліантъ, и не сдѣлалъ за то ничего. Въ 1818 году, когда войска Ренджитъ-Синга взяли Мультанъ, они возвратились съ большою добычею. Владѣтель тотчасъ велѣлъ имъ снести всѣ драгоцѣнности въ его казну. Такими-то средствами собралъ онъ безчисленныя богатства. Впрочемъ, и государственные доходы его очень велики. По извѣстіямъ Англійскихъ агентовъ и путешественниковъ, они простираются до 70,000,000 рублей. Сверхъ того владѣтель первый монополистъ своего народа, и большая часть торговли производится въ его пользу. Главные расходы его на армію, которая состоитъ изъ 80,000 человѣкъ, пѣхоты и кавалеріи. Пушекъ у него около 400. Изъ этого числа 100 находится при арміи, а остальныя въ укрѣпленныхъ мѣстахъ. Но Ренджитъ-Сингъ понялъ, какъ мало значатъ его силы передъ Европейскимъ искуствомъ, и потому-то, какъ мы сказали, онъ готовъ сдѣлать все для путешественника, особенно рекомендуемаго Британскими правителями Индіи. Никто не изобразилъ его съ такимъ умомъ и проницательностью, какъ Викторъ Жакмонъ, молодой Французскій путешественникъ, трогательная жертва любви къ наукѣ. Онъ путешествовалъ въ Средней Азіи какъ натуралистъ, и былъ въ Лаорѣ въ 1831 году. Для дополненія всѣхъ нашихъ извѣстій о Ренджитъ-Сингѣ, выписываемъ здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ *Переписки* Жакмона, изданной послѣ его смерти. Это лучшая характеристика страны и ея обладателя.

Письмо Жакмона къ отцу. 12 Марта 1831.

«Въ двухъ льё отъ города я встрѣтилъ вчера Г-на Аллара, и двухъ другихъ Фран-

цузскихъ офицеровъ, Гг. Вентуру и Кура: они ѣхали на встрѣчу ко мнѣ, въ коляскѣ, запряженной четырьмя лошадьми. Всѣ мы соскочили на землю, и я крѣпко прижалъ и поцѣловалъ Г-на Аллара. Онъ представилъ мнѣ своихъ товарищей. Послѣ того мы всѣ сѣли въ экипажъ. Съ часъ ѣхали мы по полянѣ, дикой, усѣянной, какъ окрестности Дели, развалинами Могольскаго величія. Передъ усладительнымъ оазисомъ мы вышли. Вообразите огромный цвѣтникъ, усаженный гвоздиками, ирисами, розами, аллеи померанцевыхъ и жасминныхъ деревъ, водоемы со множествомъ брызжущихъ фонтановъ, и въ срединѣ этого прелестнаго сада небольшой дворецъ, убранный съ удивительною роскошью и вкусомъ. Это мое жилище. Завтракъ, на серебрѣ, ожидалъ насъ въ моей гостиной. Я провелъ день, бродя съ моими новыми друзьями по аллеямъ моего сада, и позволилъ имъ задушать меня ласками.... Можете представить себѣ, какъ жадно было любопытство съ обѣихъ сторонъ.... Но насталъ вечеръ, и очень скоро. Надобно было разстаться, потому что жилища Гг. Аллара и Кура побольше двухъ льё отъ моего павильона, а въ окрестностяхъ Лаора не путешествуютъ ночью. Я остался одинъ, очарованный моимъ новымъ жилищемъ, настоящимъ волшебнымъ дворцомъ изъ *Тысяча одной ночи*.

«Мой мемандаръ уже извѣстилъ царя о моемъ пріѣздѣ, и вечеромъ принесъ мнѣ отъ него поздравленія и подарки: прелестнаго Кабульскаго винограду и восхитительныхъ гранадъ изъ той-же страны, всѣхъ самыхъ изысканныхъ плодовъ, и кромѣ того кошелекъ съ пятью стами рупій. Роскошный обѣдъ подавала мнѣ, при факелахъ, толпа слугъ, одѣтыхъ въ богатыя шелковыя платья... Сегодня утромъ меня разбудили Гг. Алларъ и Вентура. Они шли къ царю, который посылалъ за ними съ полуночи. Не понимаю какъ, но я славенъ въ Лаорѣ, такъ что всѣ горятъ нетерпѣніемъ увидѣть меня, и Ренджитъ-Сингъ не изъ послѣднихъ. Онъ хочетъ порасспросить обо мнѣ своихъ генераловъ....»

Дни черезъ четыре.

«Я уже нѣсколько разъ проводилъ часа по два въ болтовнѣ съ Ренджитъ-Сингомъ, de omni re scibili et quibusdam aliis. Что за бредъ разговоръ его! Я вижу въ немъ почти перваго *любопытнаго* Индійца; онъ одинъ платится любопытствомъ за усыпленіе своего народа. Онъ сдѣлалъ мнѣ сто тысячь вопросовъ объ Индіи, объ Англичанахъ, о Европѣ, о Бонапарте, вообще о здѣшнемъ и будущемъ мірѣ, объ адѣ, раѣ, душѣ, дьяволѣ, и еще тысячѣ другихъ вещей. Какъ всѣ знатные люди на Востокѣ, онъ мнимый больной, и обладая роемъ хорошенькихъ дѣвъ Кашемира, имѣя возможность платить за самый лучшій обѣдъ, въ отчаяніи, что не можетъ пить какъ рыба не напиваясь пьянъ, и не можетъ ѣсть какъ слонъ, не задохнувшись.... Четыре Француза (изъ которыхъ, скажу въ скобкахъ, двое Итальянцы), начальники его арміи, очень хорошо образованной ими по-Европейски, часто внушаютъ ему подозрѣнія, хотя десять лѣтъ доказываютъ свою опытность и прямодушіе. Ему приходитъ въ голову: не Англичане-ли они, или не Руские-ли? Бѣдняки, которымъ, правда, житье у него богатое и не плохое, принуждены быть крайне осторожными.... Этотъ Азіятскій владѣтель величайшій вѣроломецъ, если польза не велитъ ему быть добрымъ. Но онъ не жестокъ. Тяжкимъ преступникамъ онъ отрѣзываетъ носъ, уши, кисть руки, но никогда не отымаетъ у нихъ жизни. У него безумная страсть къ лошадямъ, и случалось, что онъ велъ раззорительныя и кровавыя войны съ сосѣдями за лошадь, въ которой ему отказали. Онъ необычайно храбръ, а это большая рѣдкость у восточныхъ царей. Военныя предпріятія всегда удавались ему, но онъ вѣроломствомъ сдѣлался изъ бѣднаго помѣщика всесильнымъ обладателемъ Пенджъ-абы, Кашемира, и проч. Власть его гораздо сильнѣе прежней власти Могольскихъ Императоровъ въ лучшее ихъ время. Сейхъ по наружности, скептикъ на дѣлѣ, онъ всякой годъ молится въ Амрицарѣ, и выполняетъ тамъ всѣ установленные обряды.»

При отъѣздѣ Жакмона, Ренджитъ-Сингъ подарилъ ему халатъ изъ драгоцѣнныхъ шалей, съ дорогими каменьями, стоившій 12,000 франковъ, нѣсколько тысячь рупій денегъ, и сверхъ того множество всякихъ вещей. Почетное прикрытіе и толпа слугъ провожали его до границы. Причиной такихъ благосклонностей были не только умъ и любезность Жакмона, но и тайное подозрѣніе, что онъ агентъ Англичанъ.

АНАНАСЪ.

Изъ всѣхъ плодовъ, какими даритъ насъ природа въ лѣсахъ, садахъ и даже теплицахъ, ананасъ конечно есть самый драгоцѣнный. Въ немъ прекрасно, усладительно все: и вкусъ, несравнимый ни съ чѣмъ, и благоуханіе его, и даже видъ, привлекательный, и, если можно сказать, благородный, изящный. Древніе не знали его и потому только не прославили въ пѣснопѣ-

піяхъ, не посвятили какому нибудь своему божеству. Что ихъ Гиметскій медъ и благовонные оливки передъ нашимъ ананасомъ! Тутъ, право, соединено все, что есть сладостнаго для вкуса!

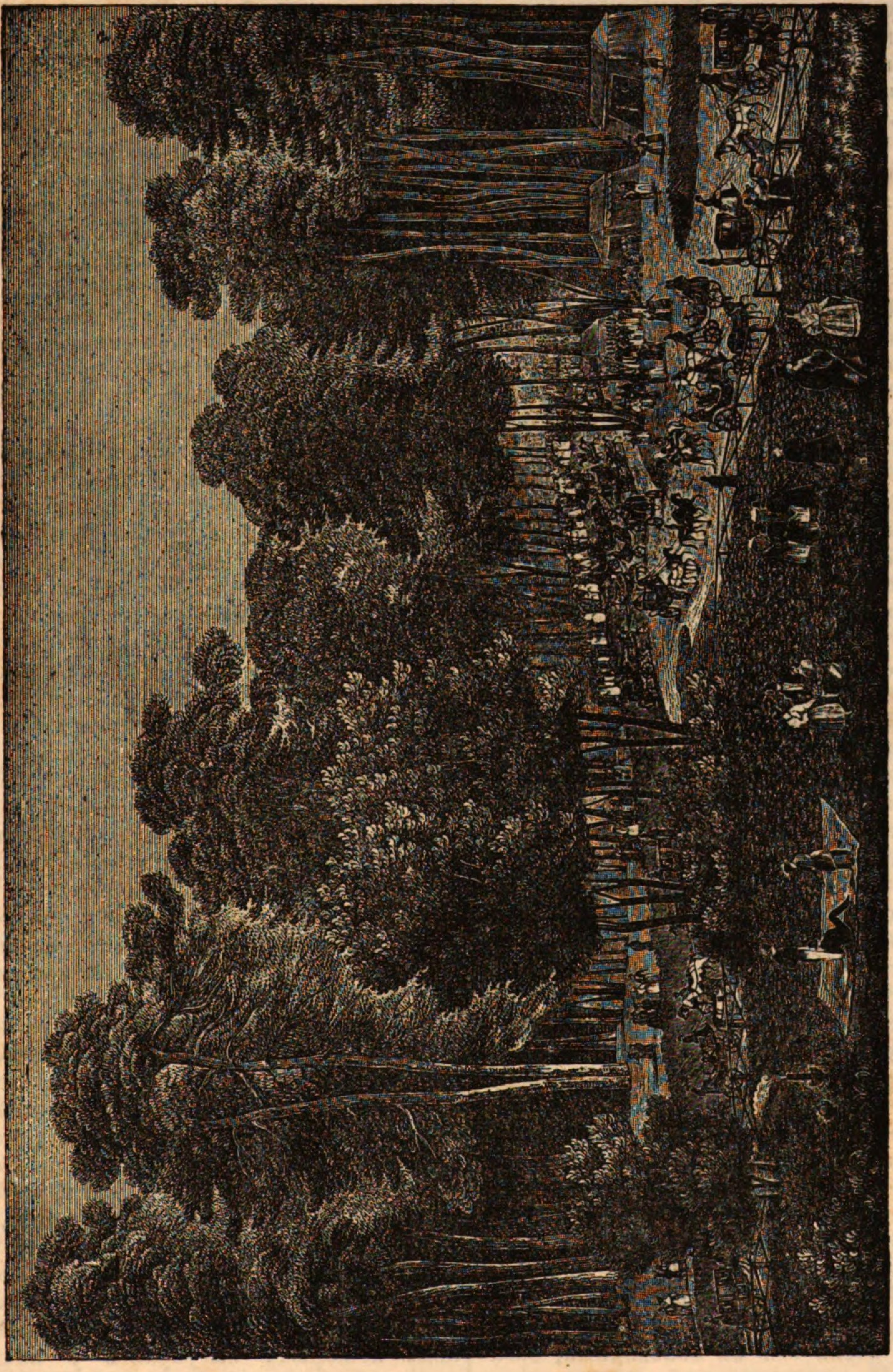
Трудно согласиться съ тѣми, которые говорятъ, что ананасъ вывезенъ изъ Индіи, въ семнадцатомъ вѣкѣ. Онъ принадлежитъ екваторіальнымъ частямъ Америки. Первое упоминаніе о немъ, и первое изображеніе его относится къ 1578 году: въ Путешествіи Француза Жана Лери, бывшаго въ Бразиліи въ 1550 году. Этотъ путешественникъ вывезъ ананасъ во Францію, но съ нимъ не умѣли обходиться, и онъ былъ рѣдкостью, во Франціи и въ другихъ странахъ. Даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія онъ былъ почти у однихъ знатныхъ. Герцогиня Абрантесъ, въ своихъ Запискахъ, разсказываетъ, что когда ей понадобился ананасъ (это около 1801 года), то не могли найдти *ни одного* во всемъ Парижѣ, хотя предлагали 20 луидоровъ за одинъ; мужъ ея обратился къ Жозефинѣ, супругѣ Бонапарте, и у нея

нашлось только *два* спѣлыхъ!... Теперь ананасъ уже не такая рѣдкость во Франціи, и особенно у насъ въ Россіи. Да, въ холодной Россіи, подъ 60 градусомъ широты, ананасовъ больше нежели въ самой южной Франціи. Причина этого понятна. Ананасъ растеніе тепличное, а нигдѣ нѣтъ такого множества теплицъ какъ въ Россіи. У насъ всякой, сколько нибудь достаточный помѣщикъ, имѣетъ ихъ нѣсколько, или по крайней мѣрѣ одну. Въ столицахъ можно найдти цѣлыя горы ананасовъ во всякое время года, и цѣна ихъ такъ не велика, что позволяетъ даже приготовлять ананасное варенье, которое, какъ мы слыхали, отправляется и за границу, гдѣ ананасы дороже. Какъ растеніе, ананасъ требуетъ тщательнаго присмотра и возвышенной температуры. Всего лучше сажать его въ слой дубовыхъ и каштановыхъ листьевъ, на старой, задолго приготовленной землѣ. Отъ этого плодъ выходитъ ароматнѣе и вкуснѣе. Онъ боится обильной поливки и дѣлается отъ нея водянистъ.

Ананасъ раздѣляютъ на нѣсколько родовъ. Линней назвалъ его Bromelia ananas. Новѣйшіе ботаники различаютъ ананасъ отъ Бромеліи, и даютъ ему особенное названіе: Ananassa sativa. Это составляетъ особую породу, которая имѣетъ нѣсколько видовъ. Въ наше время сталъ извѣстенъ новый и великолѣпный видъ ананаса: Br. bracteata, съ яркими пунцовыми цвѣтами. Плодъ ананаса имѣетъ видъ золото-желтый, и составляетъ лучшее въ этомъ растеніи. Не описываемъ наружнаго вида его во всѣхъ подробностяхъ: онъ такъ извѣстенъ у насъ, и сверхъ того изображенъ и на прилагаемомъ нами рисункѣ. Желаемъ каждому изъ нашихъ читателей имѣть ананасъ за своимъ десертомъ: при описаніи его, кажется, это лучшее желаніе.

ГУЛЯНЬЕ 1-ГО МАЯ ВЪ СОКОЛЬНИКАХЪ.

Подлѣ Москвы, между Троицкою и Преображенскою заставами, возвышается большой и очень старинный лѣсъ, древняя собственность нашихъ Царей. Тамъ любили они забавляться соколиною охотою, отъ чего лѣсъ и всѣ прилегающія къ нему мѣста получили названіе Сокольниковъ. Теперь, соколиная охота уже не существуетъ, и только названіе мѣста сохранилось. Но, какъ будто въ воспоминаніе веселаго вре-

мени, которое проводили тамъ царственные охотники, мѣсто забавы ихъ сдѣлалось одною изъ самыхъ любимыхъ, самыхъ оживленныхъ окрестностей Москвы въ лѣтнее время. Весна, милая, очаровательная весна! Пріятно, весело и вспомнить о тебѣ, особенно въ это угрюмое, строгое время осени и начала зимы, когда мы невольно дѣлаемся заключенниками и философами въ нашихъ городскихъ домахъ!... Вспомнимъ о тебѣ, пофилософствуемъ о веселыхъ дняхъ, какими даришь ты насъ каждый годъ. Не-Москвитянинъ подумаетъ, что мы удалились отъ предмета, заговоривши сначала о Сокольникахъ, а теперь вздыхая о веснѣ. Но всякій житель Москвы скажетъ вамъ, что весна и Сокольники нераздѣльны въ его воспоминаніяхъ. Тамъ каждый годъ встрѣчаетъ онъ весну.

Жизнь за городомъ, во время пыльнаго, жаркаго лѣта, дѣлается съ каждымъ годомъ больше и больше потребностью столичныхъ жителей. Не льзя представить себѣ, какъ тяжко и душно и грустно оставаться лѣтомъ въ большомъ, шумномъ городѣ. Въ то время, когда весна и лѣто убираютъ себя лучшими своими нарядами, когда все цвѣтетъ и благоухаетъ въ поляхъ и лѣсахъ, въ рощахъ и перелѣскахъ, тогда въ большомъ городѣ царствуютъ облака пыли, разносится благовоніе рынковъ и многолюдныхъ домовъ, и солнце, раскаляя каменныя улицы и мостовыя, тѣснитъ дыханіе, отымаетъ всякую возможность прославлять свѣтлые его лучи. А между тѣмъ, какъ свѣжо, чисто, просторно за городомъ!

Жители Москвы давно чувствовали все это, и начали мало по малу переселяться на лѣто въ очаровательныя окрестности столицы. Въ послѣдніе годы это увеличилось до такой степени, что уже съ самаго начала весны трудно найдти пріютъ за городомъ: все занято. Но однимъ изъ любимыхъ загородныхъ мѣстъ, какъ мы сказали, все таки остаются Сокольники. Правда, великолѣпное, блестящее Петровское сдѣлалось сильнымъ соперникомъ ихъ; тамъ соединены вся утонченность, всѣ богатыя удобства жизни; но кто любитъ тихую, сельскую, уединенную жизнь, тотъ ѣдетъ въ Сокольники. Мы описывали, какъ по желанію любимаго Царя возникло Петровское, какъ быстро, великолѣпно, изумительно превратились пески его въ миловидный, богатый городокъ, украшенный садами, паркомъ, театромъ, воксаломъ, всею роскошью модной загородной жизни (Ж. О. Т. II, стр. 350); теперь скажемъ нѣсколько словъ о Сокольникахъ.

Туда привлекаютъ жителей Москвы старинный сосновый лѣсъ, сельское прибрежіе Яузы, и веселье, удобство простой загородной жизни. Уже давно, въ такъ называемой Сокольнической слободкѣ, было нѣсколько домовъ и домиковъ; но только лѣтъ десять назадъ тамъ выстроился цѣлый городокъ и образовались улицы, домы дошли до заставы, и теперь нашлось-бы много охотниковъ селиться въ самомъ лѣсу. Съ первыми весенними днями туда начинаютъ тянуться экипажи, фуры, телѣги переселяющихся; но настоящее открытіе весны и загородной жизни бываетъ 1-го Мая. День достопамятный для любителей весны, для модъ, для настоящихъ лѣтнихъ гуляній!

Навеселившись, нагулявшись въ дни Свѣтлой Недѣли подъ Новинскимъ, гдѣ однакожь мелькаютъ въ иные годы шубы и бобровые воротники, Москвитяне готовятся встрѣтить весну въ Сокольникахъ 1 Мая. Къ этому дни тамъ дѣлаются большія приготовленія. Блестящія палатки знатныхъ и богатыхъ людей показываютъ, что въ нихъ будетъ вспомянуто Русское хлѣбосольство; гостепріимный Ярь, или Лабади, или какой нибудь другой ученый кухмейстеръ, переноситъ свой очагъ и вертелъ въ однодневный, холщевый домъ, и заготовляетъ корзины Бордо и Креманъ; звонкоголосые Цыганы разбиваютъ свой шатеръ, и даже какой нибудь фокусникъ готовится изумить зѣвающую чернь... Надобны и для нея забавы своего рода, хоть она всего чаще довольствуется угощеніемъ подъ зеленою ёлкою.... Наконецъ настаетъ вожделѣнное 1-е Мая, и уже съ утра идутъ и ѣдутъ толпы.... Любопытно и забавно смотрѣть на этотъ авангардъ участниковъ гулянья!... Вотъ почтенная семья какого нибудь ремесленника, въ праздничномъ нарядѣ, съ дѣтьми, съ родней, съ самоваромъ и узелками, въ потѣ лица бредетъ по пескамъ Краснаго Села, въ Сокольницкую рощу, гдѣ разложитъ она свой запасный обѣдъ и будетъ пить чай посреди тысячей гуляющихъ.... неизъяснимое наслажденіе!... Вотъ, въ телѣжкѣ, съ толстой женой, разрумяненной и набѣленной, какой нибудь лавочникъ, ѣдетъ, также съ обѣдомъ, въ Сокольники.... Вотъ туда-же мчится, на удаломъ извощикѣ, двоица молодыхъ людей, съ страшными усами, въ ужасныхъ фуражкахъ, въ плащахъ, подбитыхъ краснымъ, изъ подъ которыхъ высунулись у нихъ черные чубуки.... отрада и жизнь усатыхъ юношей!... Вотъ и чиновникъ, положивши къ сторонѣ свое безпокойное перо, идетъ погулять *съ друзьями* въ походномъ трактирѣ Сокольницкомъ.... Толпы Русскаго народа, этихъ добрыхъ, славныхъ му-

жичковъ, въ синихъ кафтанахъ и красныхъ кушакахъ, идутъ такими шагами, что Нѣмецъ сапожникъ отстаетъ отъ нихъ на *калиберномъ* извощикѣ.... Толпы дѣлаются гуще, пестрѣе; строй жандармовъ ѣдетъ туда-же, наблюдать за порядкомъ.... Около полудня вся эта передняя фаланга рѣдѣетъ, и вскорѣ начинаютъ появляться экипажи. Къ четыремъ, къ пяти часамъ, полный блескъ каретнаго гулянья.... Ландо, кареты, коляски, колясочки, фаэтоны, дрожки несутся безпрерывно, и подлѣ Сокольниковъ свиваются въ безпрерывную вереницу.... Начало этой необозримой цѣпи экипажей ѣдетъ уже за лѣсомъ, за заставой, въ виду тихой Яузы, а конецъ ея еще далеко въ городѣ, почти около Краснаго пруда. Надобно любоваться, прежде всего, порядкомъ этого единственнаго сближенія безчисленнаго народа, тихо, чинно ѣдущаго на нѣсколькихъ верстахъ, потому что экипажи поворачиваютъ назадъ проѣхавши Сокольницкій лѣсъ, и составляютъ такимъ образомъ новую вереницу, противоположную двигающейся впередъ. И никогда, развѣ кромѣ незапамятныхъ исключеній, не бываетъ при этомъ ни малѣйшаго безпорядка, ни даже замѣшательства. Этимъ обязаны гуляющіе своему собственному благоразумію, и, можетъ быть еще больше, предусмотрительнымъ, строгимъ мѣрамъ и распорядительности полиціи. Число экипажей всегда простирается до нѣсколькихъ тысячь.... Но меньше-ли занимательно и любопытно глядѣть на самихъ гуляющихъ? Тутъ увидите вы утонченный вкусъ и послѣднія моды Парижа, увидите провинціяльное чванство многихъ, выѣхавшихъ съ преданіями прошлаго десятилѣтія, замѣтите и почтенныя Русскія лица, въ новомодныхъ экипажахъ, мелькающія подлѣ супругъ, одѣтыхъ по послѣдней модной картинкѣ.... Тутъ вкусъ и безвкусіе, красота и безобразіе, Европа и Азія, богатство и жалкое чванство, все это рядомъ, на лицо, на показъ тысячѣ наблюдателей!...

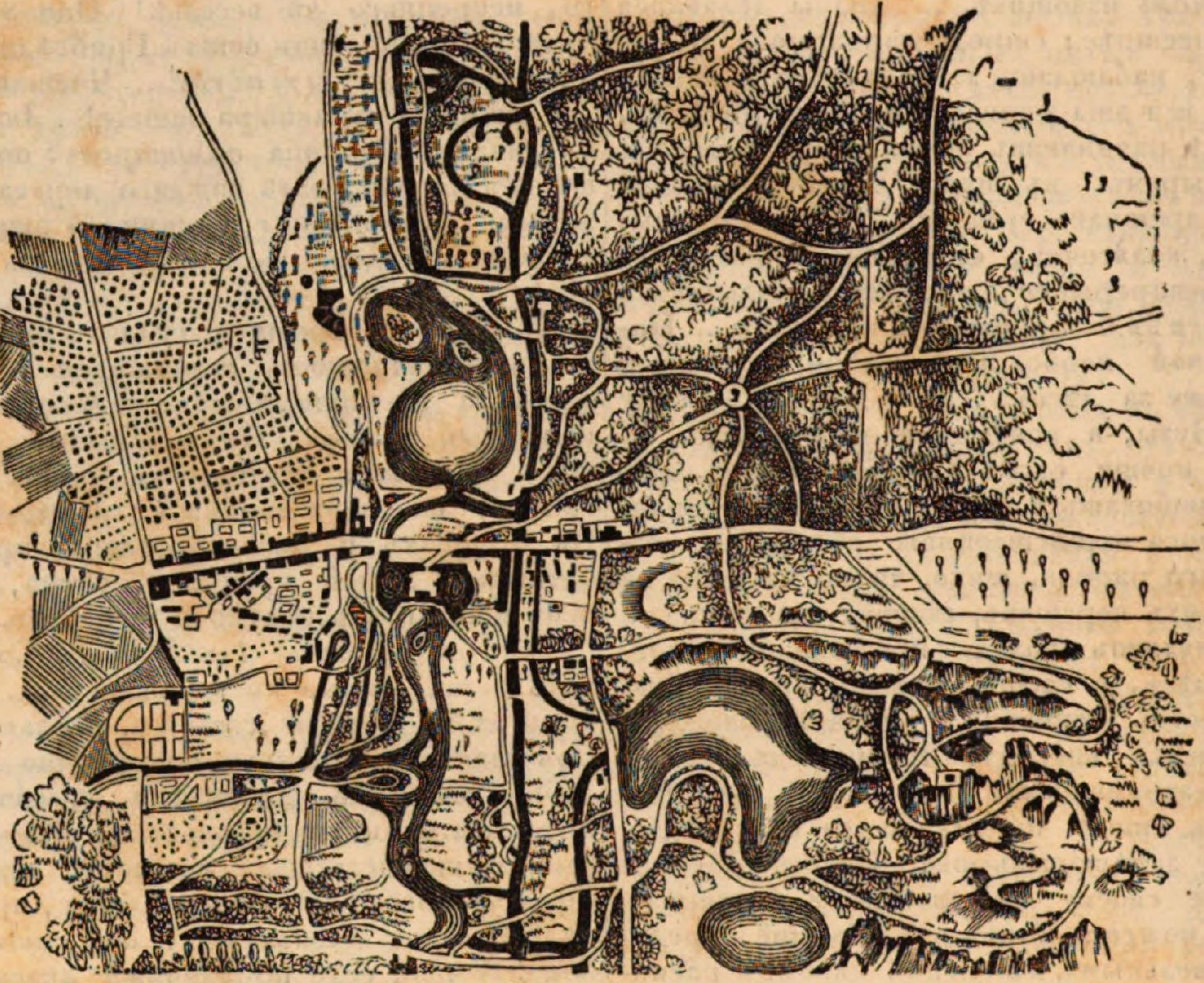
Но оставимъ эту пеструю вереницу, и заглянемъ, что дѣлается по сторонамъ ея, въ домикахъ, палаткахъ, шатрахъ, и просто на лужайкахъ и въ лѣсу подъ деревьями? Нечего сказывать какъ ѣдятъ, пьютъ и веселятся люди богатые и образованные: что въ этомъ оригинальнаго? Но вотъ на кого взглянемъ мы: на этихъ добрыхъ, простыхъ горожанъ, и на Русскихъ мужичковъ, для которыхъ день гулянья день счастья. Какая искренность въ ихъ весельѣ! Какая преданность минутному увлеченію! Какая радость на лицахъ, въ словахъ, въ голосѣ, и въ этой звонкой пѣснѣ, издалека долетающей до васъ!... Тутъ весь характеръ Русскаго народа, неутомимаго въ трудѣ, безропотнаго въ горѣ, и шумнаго, искренняго въ весельѣ! Они всѣ какъ будто повторяютъ стихъ Грибоѣдова: *когда дурачиться, дурачусь!...* Чистая, свѣтлая сторона характера нашего!.. Любопытна также картина *самоваровъ:* они блистаютъ почти возлѣ каждаго дерева, окруженные семейными группами, и этого зрѣлища не увидите больше нигдѣ, въ цѣломъ мірѣ.

Къ вечеру, каретное гулянье утихаетъ, экипажи начинаютъ возвращаться въ городъ; за то ярче и шумнѣе веселится пѣшеходный народъ. Въ палаткахъ и шатрахъ свѣтятся огни; клики и пѣсни сливаются въ неразличимый говоръ и гулъ. Въ домикахъ и разнообразныхъ пріютахъ богатыхъ людей гремитъ музыка, мелькаютъ танцы. Къ полуночи утихаетъ все.

Такъ проводятъ 1-е Мая въ Сокольникахъ безчисленные посѣтители ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно сказать, сколько бываетъ тамъ гуляющихъ, но конечно ихъ надобно считать десятками тысячь. Мы предполагаемъ для гулянья всѣ благопріятныя обстоятельства, въ числѣ которыхъ главное погода. О, дождь, буря, истинное бѣдствіе для веселья подъ открытымъ небомъ! И что, если порядочный ливень вздумаетъ нежданно вспрыснуть всю эту безчисленную толпу? Увы! такъ бываетъ въ иные годы. Тогда картина оттѣняется мрачными красками, и надъ землей и на землѣ. Экипажи опрометью скачутъ въ городъ, знакомые спасаютъ пріѣзжихъ подъ своимъ лѣтнимъ кровомъ, толпы укрываются подъ деревьями, или съ горестью предаютъ себя неумолимому посѣтителю дождю. Всего больше страдаютъ при этомъ праздничные наряды ремесленницъ, нянюшекъ, и бѣлыя платьица субретокъ.... Но зачѣмъ отемнять тяжелою нечаянностью веселую картину? Пусть всегда свѣтитъ солнце въ день 1-го Мая!

Начало этого гулянья полагаютъ со временъ Петра Великаго. Оно бывало прежде не въ самыхъ Сокольникахъ, а въ слободѣ, населенной Нѣмцами, отъ чего и называлось гуляньемъ *на Нѣмецкихъ станахъ*. Послѣ удалилось оно, постепенно, до Сокольнической заставы. Въ 1818 году, когда Москву радовала своимъ присутствіемъ Императорская Фамилія, Государыня Императрица Елисавета Алексѣевна удостоила посѣтить гулянье въ Сокольникахъ, и послѣдуемая тысячами экипажей проѣхала за заставу: съ этого времени гулянье перешло туда.

ВИДЪ И ПАРКЪ ЭРМЕНОНВИЛЛЯ.

Что за волшебство соединено съ мыслью о великомъ дарованіи? Какая невѣдомая сила влечетъ насъ къ нему, сближаетъ съ нимъ, не смотря на различіе вѣка, понятій, и всего, всего въ мірѣ? Эрменонвилль! Это имя тотчасъ пробуждаетъ мысль *о великомъ* и *несчастномъ* Руссо, какъ сказалъ о немъ Карамзинъ!... Эрменонвилль, мѣсто, гдѣ провелъ свои послѣдніе дни и угасъ одинъ изъ краснорѣчивѣйшихъ и самыхъ славныхъ писателей осмнадцатаго вѣка.... Но мы должны, напередъ, познакомить читателя съ этимъ мѣстомъ, замѣчательнымъ и другими воспоминаніями.

Въ тѣ страшныя времена, когда распри за религію, Лига, и всѣ ужасы междуусобной войны раздирали Францію, Эрменонвилль былъ мѣстомъ многихъ военныхъ дѣйствій, а замокъ его служилъ убѣжищемъ для сражавшихся. Но добрый Генрихъ IV, *самый Французскій* изъ всѣхъ Королей Франціи, утишилъ гидру междоусобій, и отдалъ Эрменонвилльскій замокъ своей любовницѣ Габріелль д'Эстре. Тамъ, въ убѣжищѣ любви и сельскаго уединенія, проводилъ онъ счастливые часы. Эрменонвилль только въ 30 верстахъ отъ Парижа. Эта близость его отъ столицы позволяла веселому Генриху проводить всѣ свободныя минуты подлѣ своей Габріелль, которую любилъ онъ, сколько позволяло вѣтреное сердце его. Онъ оставилъ нѣсколько пѣсней, сочиненныхъ имъ въ часы розоваго плѣна. Кому неизвѣстна самая славная изъ нихъ:

Charmante Gabrielle,
Percé de mille dards,
Quand la gloire m'appelle,
Je vole au champ de Mars.
Malheureux jour, etc.

Генрихъ умѣлъ любить, но еще больше умѣлъ быть Королемъ. Онъ хотѣлъ жениться на прелестной Габріелли, и приготовлялъ къ этому обстоятельства. Сюлли, вѣрный Министръ его, противился этому всею своею властью. Раздраженная Габріелль, впрочемъ милая и добрая женщина, осмѣлилась однажды сказать Королю, что онъ долженъ удалить непріязненнаго ей Министра. Отвѣтъ Генриха достоинъ Короля и великаго человѣка: «Если-бъ мнѣ надобно было разстаться съ десятью милыми любовницами, или съ однимъ Сюлли, я не задумываясь оставилъ-бы при себѣ его.» Въ тоже время онъ любилъ ее искренно, душевно, и писалъ ей въ минуту величайшей опасности: «Если мнѣ должно умереть, по-

слѣднею мыслью моею будетъ Богъ, а передъпослѣднею Габріелль!» Трагическій конецъ любимой имъ женщины (полагаютъ что Габріелль была отравлена), заставилъ добраго Генриха покинуть Эрменонвилль. Въ награду заслугъ храбраго Девика, онъ подарилъ ему Эрменонвилльское помѣстье, которое досталось наконецъ, по женской линіи, Рене Людовику Жирардену. Одинъ изъ наслѣдниковъ этой фамиліи, и еще авторъ хорошаго сочиненія о садоводствѣ, употребилъ тридцать лѣтъ жизни и больше трехъ милліоновъ франковъ на украшеніе Эрменонвилльскаго замка и парка. Можно сказать, что онъ создалъ вновь Эрменонвилль. Прежде это была необработанная, болотистая земля; теперь она прекраснѣйшій садъ во Франціи. Жирарденъ много путешествовалъ въ Швейцаріи, въ Италіи, и перенесъ въ свой садъ всѣ прекрасныя воспоминанія объ этихъ странахъ. Онъ сохранилъ все историческое: башня Габріелли,

барельефъ ея, надписи, даже доспѣхи предка его Девика остаются до сихъ поръ; только природа разцвѣла и украсилась всѣми пособіями искуства. Въ послѣдніе годы, это прекрасное помѣстье дало случай одному изъ фамиліи Жирарденей показать свои благородныя чувства. Три прямые наслѣдника хотѣли раздѣлить Эрменонвилль, и рѣшились продать его съ публичнаго торга. Это было въ 1821 году, въ то самое время, когда во Франціи отличалась своимъ ученіемъ *эндюстріальная* или промышленная партія, извѣстная также подъименемъ la bande noire. Для нея не существуетъ ничто прекрасное и достопамятное: деньги и вещественная польза, вотъ все, къ чему стремится она. Она хотѣла превратить и Эрменонвилль въ какую-то фабрику или заведеніе, при чемъ погибли-бы всѣ тамошніе памятники искуства, и всѣ воспоминанія. La bande noire предлагала на торгу самую высокую цѣну; но Г. Станиславъ Жирарденъ, тогда членъ Палаты Депутатовъ, надбавилъ еще 100,000 франковъ, и помѣстье досталось ему за $1\frac{1}{2}$ милліона. Онъ былъ отдаленный родственникъ прямыхъ наслѣдниковъ, и купилъ Эрменонвилль единственно для того, чтобы сохранить его во всей красѣ. Друзья искуства и воспоминаній историческихъ должны благодарить этого достойнаго потомка благородныхъ Жирарденей.

Въ Эрменонвиллѣ виденъ вездѣ и во всемъ вкусъ осмнадцатаго вѣка. Рощицы, лѣса, памятники, садъ, все это въ миловидныхъ, но не величественныхъ образахъ; ножницы и топоръ садовника вездѣ обстригли, обрубили природу; но какъ произведеніе искуства, какъ *гостиная* природы, Эрменонвилль прекрасенъ, очарователенъ. Конечно, всему есть границы; однако мы готовы защищать мнѣніе Вальтеръ Скотта, который, кажется, былъ не врагъ природы и неподдѣльной красоты, а выразилъ, въ сочиненіи своемъ о садовомъ искуствѣ, прекрасную и богатую послѣдствіями мысль, что правильный, такъ называемый Французскій садъ, есть необходимая принадлежность этого искуства. Въ самомъ дѣлѣ, если вы не хотите жить за городомъ въ деревенской хижинѣ и

въ первобытной, безъискуственной простотѣ природы, то вашъ домъ, съ паркетнымъ поломъ, съ зеркальными окнами, украшенный произведеніями художествъ и искуствъ, не будетъ-ли противорѣчіемъ съ дикостью окружающаго васъ лѣса? Отрицать этого нельзя, и потому необходимо чтобы садъ правильный, съ гладкими, правильными дорожками и прямыми аллеями, былъ, такъ сказать, переходомъ къ простотѣ лѣса, или парка, собственно такъ называемаго. Тамъ можете вы собрать все дикое, все безъискуственное, всю *Швейцарію*; но садъ, окружающій домъ, необходимо долженъ быть переходомъ къ этому.

Въ осмнадцатомъ вѣкѣ не давали себѣ такого отчета, и потому въ самыхъ прекрасныхъ садахъ встрѣчаете вы на всякомъ шагу противорѣчія. Подлѣ дикаго утеса, Японскій павильонъ; подлѣ обстриженной аллеи, древняя развалина; дикій островъ усаженъ правильными рядами деревьевъ. Таковъ и Эрменонвилльскій садъ. Но будемъ описывать его какъ онъ есть, удерживая свои критическіе порывы.

Отъ готической башни Габріелли вы подходите къ озеру и къ такъ называемой рощицѣ (le Bocage). Это усладительное убѣжище: совершенное спокойствіе, благоуханіе разнородныхъ растеній, легкое щебетанье птичекъ и иногда плескъ волнъ, погружаютъ васъ въ сладостное забвеніе. Осмнадцатый вѣкъ выказывается здѣсь только въ двухъ надписяхъ; первая, на небольшомъ памятникѣ: Ici règne l'amour (здѣсь царствуетъ любовь); другая Петрарковы стихи:

L'acque parlano d'amore, et l'aura, e i rami,
E gli engeletti, e i pesci, e i fior', e l'erba.
«О любви говорятъ намъ вода и воздухъ, вѣтви и птицы, рыбы, цвѣты и травы.»

Такими и подобными надписями испещренъ весь садъ. Большой и малый паркъ раздѣляются простою загородкою. Эта дорога ведетъ къ великолѣпному гроту; по лѣстницѣ всходите вы на вершину его. Оттуда открывается прелестный видъ: островъ Тополей передъ вами въ самомъ живописномъ положеніи. Кто не слыхалъ объ этомъ знаменитомъ островѣ? Тамъ былъ похороненъ Жанъ-Жакъ-Руссо. Каждый путешественникъ спѣшитъ къ этому мѣсту глубокихъ и грустныхъ воспоминаній. Благодѣтельный Жирарденъ хотѣлъ успокоить несчастнаго поэта-философа, и пригласилъ его жить въ Эрменонвиллѣ. Руссо пріѣхалъ туда 20 Мая 1778 года, а умеръ 2 Іюля. Но въ это короткое время онъ успѣлъ заслужить любовь Эрменонвилльскихъ жителей, не писалъ ничего, гулялъ по прекраснымъ садамъ и рощамъ, ласкалъ дѣтей, кормилъ птичекъ, отдыхалъ въ густой тѣни деревъ, и тихо заснулъ вѣчнымъ сномъ. Наканунѣ своей смерти онъ чувствовалъ себя дурно; поутру проснулся и велѣлъ на креслахъ посадить себя къ окну. Глядя на цвѣтущую природу, онъ произнесъ: Comme la nature est belle!... Это были послѣднія слова его, и вмѣстѣ послѣдняя хвала природѣ. Нашъ краснорѣчивый, чувствительный Карамзинъ, во время путешествія своего, посѣтилъ Эрменонвилль, описалъ его довольно подробно, и на всякомъ шагу встрѣчалъ воспоминанія о Руссо. Это было въ 1791 году, слѣдовательно только черезъ 13 лѣтъ послѣ его смерти. Но вскорѣ настали другія времена: бурная Революція хлынула на Францію, и не пощадила даже памятника мирнаго философа. Народное Собраніе опредѣлило, что прахъ Руссо надобно перенести въ Парижъ, въ Пантеонъ великихъ людей. Ни что не могло отклонить этого рѣшенія: просьбы жителей Эрменонвилля, справедливое сопротивленіе владѣльца, самое чувство приличія не были доступны исполнителямъ варварскаго приказа, и прахъ Руссо былъ потревоженъ 11 Октября 1794 года. Остается только памятникъ, воздвигнутый ему на островѣ Тополей. Онъ въ древнемъ стилѣ и исписанъ любимыми мыслями Руссо. Женщина сидитъ подлѣ пальмоваго дерева, кормитъ грудью младенца, и держитъ въ рукѣ книгу, *Эмиля*, надъ которою она задумалась. Тутъ-же группа женщинъ кладетъ цвѣты на алтарь природы. Девизъ, избранный Руссо для самого себя, написанъ на фронтонѣ памятника: Dévouer sa vie à la vérité (посвятить жизнь свою истинѣ). Г. Жирарденъ прибавилъ тутъ: Ici repose l'homme de la nature et de la vérité. (Здѣсь покоится человѣкъ природы и истины).

Въ паркѣ достоинъ замѣчанія такъ называемый храмъ Философіи, поддерживаемый шестью колоннами. На каждой изъ нихъ написано имя избраннаго Г-мъ Жирарденомъ человѣка, а подъ ними характеръ каждаго выраженъ однимъ или немногими словами: «Ньютонъ. — Свѣтъ.» — «Декартъ. — Нѣтъ пустоты въ природѣ» — Вольтеръ — Насмѣшливость.» — В. Пеннъ. — Человѣчество.» — Монтескьё. — Правосудіе. — Ж. Ж. Руссо. — Природа.» На седьмой, недоконченной колоннѣ, слова: «Кто довершитъ?...»

Конечно, все это кажется намъ похожимъ на забаву дѣтей, которые не знали истинной философіи. На благоговѣніе къ великимъ дарованіямъ и добродѣтели всегда умилительно.

Въ лѣсу есть много остатковъ разныхъ хижинъ, гротовъ, храмовъ; есть и скала,

почти отвѣсная, называемая скалой Юліи. Взобравшись на нее, вы читаете слова Элоизы: «Утесъ стремнистъ, вода глубока, и я въ отчаяніи.» Въ самой глуши есть хижина, очень давно выстроенная. Г. Жирарденъ посвятилъ ее Руссо, который любилъ это дикое мѣсто. Тамъ опять находите нѣсколько краснорѣчивыхъ строкъ автора Эмиля: «На вершинѣ пустынныхъ горъ человѣкъ чувствующій любитъ созерцать природу; тамъ, наединѣ съ нею, онъ принимаетъ отъ нея всемогущія вдохновенія, возвышающія душу надъ заблужденіями и предразсудками.» Дальше читаете: «Тотъ истинно свободенъ, кому не нужно приставлять чужихъ рукъ къ своимъ, для исполненія своей воли.» Нашъ незабвенный Карамзинъ, наглядѣвшись на все, что напоминаетъ въ Эрменонвиллѣ о Руссо, съ чувствомъ воскликнулъ: «Человѣкъ рѣдкій, авторъ единственный; пылкій въ страстяхъ и въ слогѣ, убѣдительный въ самыхъ заблужденіяхъ, любезный въ самыхъ слабостяхъ! младенецъ сердцемъ до старости! мизантропъ, любви исполненный! несчастный по своему характеру между людьми, и завидно-счастливый по своей душевной нѣжности въ объятіяхъ натуры, въ присутствіи невидимаго Божества, въ чувствѣ ея благости и красотъ творенія!...»

Не такъ думаютъ о Руссо въ наше время. Знаменитый Баронъ Барантъ, въ своей *Исторіи Французской Литтературы XVIII столѣтія,* отдавая всю справедливость волшебному дарованію Руссо, изумительной силѣ его краснорѣчія и даже многимъ добрымъ, благороднымъ качествамъ его души, говоритъ въ заключеніе: «Но разсуждая глубже, мы видимъ что этотъ человѣкъ, столь увлекательный для насъ, всегда велъ жизнь полную эгоизма; что онъ все сосредоточивалъ въ себѣ; что наслажденія его всегда были одинокія, не раздѣленныя; что онъ жертвовалъ своими выгодами только своей гордости; что онъ былъ завистливъ ко всему, чего не могъ получить, хотя часто отказывался отъ этого; что даже въ самыхъ привязанностяхъ его былъ характеръ эгоизма; что онъ любилъ для собственнаго удовольствія, а не для другихъ. Словомъ, раскаяваешься за клевету на самого себя, если не почитаешь себя лучшимъ нежели этотъ человѣкъ; видишь всѣ его погрѣшности, но уже не прощаешь ихъ, и не смѣшиваешь объясненій его съ извиненіями.»

Подлѣ Эрменонвилля есть деревня, съ шестью стами жителей. Близъ нея струится рѣчка Нонеттъ. Замокъ раздѣляетъ долину на двѣ части; старинное зданіе служитъ основаніемъ его. Три башни возвышаются на трехъ оконечностяхъ; четвертая развалилась. Рвы, наполненные водой, придаютъ этому убѣжищу благородный видъ, какого не имѣютъ замки, лишенные такого феодальнаго украшенія. Почти ни одинъ путешественникъ не выѣдетъ изъ Парижа не побывавши въ Эрменонвиллѣ. Многія царственныя особы посѣщали его: въ 1777 году Императоръ Іосифъ II-й, въ 1783 году Густавъ III-й. Тогдашняя Королева Французская была у Г-на Жирардена на праздникѣ, достойномъ ея. Французы съ признательностью говорятъ, что въ 1815 году, когда Русскія войска занимали окрестности Парижа, Русскій военный начальникъ, имѣвшій квартиру въ Плесси-Бельвилль, велѣлъ освободить Эрменонвилль отъ всѣхъ военныхъ тягостей, необходимыхъ при занятіи непріятельской земли. Они увѣрены, что причиной такой снисходительности было уваженіе къ памяти великаго писателя, жившаго въ Эрменонвиллѣ, и повторяютъ извѣстный стихъ: Un grand homme appartient à l'univers entier.

СТИХИ ДЕРЖАВИНА.

Не обаятельный-ль, волшебный,
Магическій, сей міръ, фонарь?
Гдѣ видны тѣни перемѣнны,
Гдѣ веселяся ими царь,
Иль магъ какой, волхвъ непостижный,
Въ своихъ намѣреньяхъ обширный,
Планетъ кругъ тайно съ высоты
Единымъ перстомъ обращаетъ,
И земнородныхъ призываетъ
Мечтами быть, иль зрѣть мечты!

(1-го изд. ч. II-я, стр. 174-я).

НАРЯДЪ ПЕРСІЯНКИ.

Несправедливо мнѣніе тѣхъ, которые почитаютъ восточныхъ женщинъ лишенными всякаго эстетическаго чувства. Напрасно думаютъ также, что онѣ только невольницы своихъ мужей. Сообразивши ихъ бытъ, найдемъ разувѣреніе въ томъ и другомъ. Можно упрекнуть ихъ въ беззаботности, въ необузданной страсти къ нарядамъ, къ драгоцѣннымъ каменьямъ, къ ничтожнымъ бездѣлкамъ, но, говоря вообще, онѣ милы, скромны и природный умъ замѣняетъ у нихъ знаніе свѣта или даже общества. Онѣ воспитаны не для свободы, но и не жалѣютъ о ней, именно потому что не имѣютъ ни ма-

лѣйшаго понятія о свободѣ. Да и можно-ли дорожить тѣмъ, любить то, чего мы не знаемъ? Повиноваться мужчинѣ привыкли онѣ съ дѣтства, и почитаютъ это больше нежели необходимостью: настоящимъ порядкомъ вещей. Впрочемъ, напрасно почитаютъ ихъ повиновеніе невольничествомъ. Оно совсѣмъ не то. Восточная женщина въ своихъ комнатахъ, обыкновенно бывающихъ въ верхнемъ жильѣ, существо неприкосновенное. Самое названіе: *гаремъ*, означаетъ это. Она въ немъ полная властительница, и скорѣе можно пожалѣть о мужчинахъ, которыя лишили себя удовольствія женскаго общества, нежели о женщинахъ, не существующихъ для общественной жизни. Онѣ до такой степени удалены отъ мужчинъ, что почитается неприличнымъ упоминать о нихъ, и говоря о женщинахъ, мужчина употребляетъ слово *семейство*. Въ городахъ онѣ посѣщаютъ одна

другую, и тогда дверь гарема заперта даже для мужа. Хозяйка обыкновенно идетъ на встрѣчу къ своей гостьѣ, снимаетъ съ нея покрывало и часть плащья; потомъ начинаются разговоры, обыкновенно о нарядахъ, объ удовольствіяхъ, о здоровьѣ дѣтей. Черныя брови, дугой, сросшіяся, почитаются у нихъ принадлежностью красоты, и Персіянки подкрашиваютъ ихъ. Послѣ бани онѣ также красятъ себѣ ногти, желтою или красною краскою, потому что безъ этого не льзя показаться передъ знакомыми.

На прилагаемой нами картинкѣ изображена Персидская женщина изъ Астрабада. Тамошній нарядъ почти общій всѣмъ Персіянкамъ. Онъ состоитъ изъ короткой рубашки и шараваровъ; голову обвиваетъ шелковый тюрбанъ; иногда кусокъ бумажной ткани накидывается на голову и на плечи. Но когда Персіянка выходитъ изъ дому, она завертывается въ огромное покрывало или *гадру*, обыкновенно шелковую или полосатую бумажную. На ноги надѣваетъ она родъ чулковъ, или *гагоры*, въ которыя опускаются шаравары. Туфли дѣлаются большею частью зеленыя, на высокихъ каблукахъ.

Таковъ нарядъ Персіянокъ средняго сословія. Богатыя не знаютъ границъ своей роскоши, хотя главное основаніе ихъ наряда все то-же. Мужья раззоряются у нихъ такъ-же какъ и у насъ, и одинъ умный Персіянинъ не безъ основанія сказалъ: «Магометъ дозволилъ намъ имѣть много женъ; да онъ зналъ, что это невозможно.»

ЕГИПЕТСКІЕ КОРШУНЫ.

Орлы питаются добычею живою, нападаютъ на свою жертву быстро, неотразимо, и, раздирая ее, пожираютъ еще трепещущую. Напротивъ коршунамъ необходима добыча мертвая, и только немногія породы ихъ, побуждаемыя голодомъ, нападаютъ на самыхъ слабыхъ животныхъ, какъ бы страшась малѣйшей опасности. Это различіе въ дѣйствіяхъ, вмѣстѣ съ различною физіогноміею обѣихъ птицъ, заставило

почитать орла эмблемою силы и смѣлости, а коршуна изображеніемъ слабости и трусливости. Между тѣмъ, подробнѣйшее разсмотрѣніе покажетъ намъ, что ни то, ни другое несправедливо. Орлы, правда, по инстинкту нападаютъ на живыхъ и даже способныхъ къ защитѣ животныхъ; но они до такой степени превосходятъ ихъ силою, такъ мало подвергаются опасности въ этой борьбѣ, и даже такъ мало могутъ предвидѣть опасности, что уважать ихъ тутъ, право, не за что. Коршуны живутъ посреди другихъ птицъ, и никогда не нападаютъ на нихъ; но это единственно потому, что не чувствуютъ никакого влеченія къ живой пищѣ, и, напротивъ, гораздо охотнѣе питаются мертвыми тѣлами. Такимъ образомъ, совсѣмъ не отъ трусости черный коршунъ, кондоръ или перкноптеръ, огромныя птицы, не нападаютъ на кролика или дрозда, а орелъ не изъ чувства своей храбрости раздираетъ этихъ бѣдныхъ животныхъ. И тотъ и другой повинуются природѣ, слѣпо исполняютъ свое назначеніе, и не стоятъ за это ни похвалъ, ни порицаній.

Коршуны раздѣляются на множество различныхъ породъ. Мы представляемъ здѣсь изображеніе и займемся описаніемъ одной изъ нихъ, называемой *Египетскимъ коршуномъ* или *Перкноптеромъ*. Ученые долго не соглашались въ названіи этой породы. Отъ того найдете вы ее у Бехштейна подъ именемъ *Гипаэтоса*, у Савиньи подъ именемъ *Неофрона*; другіе, напримѣръ Иллигеръ и Темминкъ, помѣщали ее въ разрядъ Катартовъ, не изобрѣтая особеннаго названія. Имя *Перкноптера*, тоесть *чернокрылаго*, дано этой породѣ писателями древними; новѣйшіе означаютъ ее именемъ *Египетскаго коршуна*, потому что она водится всего болѣе въ Египтѣ.

Египетскій коршунъ, Vultur percnopterus, leucocephalus et fuscus Гмелина, отличается тѣмъ, что верхняя часть головы и шеи у него безъ перьевъ, покрыта кожею свѣтло-желтаго цвѣта; перья на всемъ тѣлѣ бѣлыя, съ небольшими оттѣнками темнаго и красноватаго цвѣта; большія перья въ крыльяхъ черныя. Длина его два фута и 2 дюйма. Эта птица питается падалью и мертвыми тѣлами всякаго рода; рѣдко нападаетъ она на птицъ и на небольшихъ млекопитающихъ. Ее встрѣчаютъ въ Швейцаріи, въ окрестностяхъ Женевы, въ Испаніи, гдѣ она довольно многочисленна, особенно-же въ Турціи и въ Архипелагѣ; но нигдѣ нѣтъ ея такого множества какъ въ Африкѣ. Цѣлыми тучами слѣдуетъ она за караванами въ пустынѣ, и пожираетъ все, что оставляютъ они. Древніе Египтяне уважали ее за услуги, какія оказываетъ она очищая землю отъ труповъ и падали. Часто изображалась она и на Египетскихъ памятникахъ. Даже теперь почитаютъ не позволеннымъ преслѣдовать ее или причинять ей какое нибудь зло. Правовѣрны Мусульмане завѣщаютъ иногда часть своего имѣнія на содержаніе нѣкотораго числа коршуновъ.

Египетскій коршунъ живетъ въ расщелинахъ скалъ и въ пещерахъ; онъ обыкновенно избираетъ для этого неприступныя мѣста, гдѣ есть вертикальныя расщелины. Хотя онъ мало и ходитъ на ворона, однако несомнѣнно, что у него тѣже самыя привычки и такія-же движенія. Онъ ходитъ точно какъ воронъ и питается всѣмъ, что можетъ найдти. Нѣтъ ни одной полудикой орды, вблизи которой не жила-бы хоть одна пара этихъ птицъ: онѣ, такъ сказать, сопутники ихъ всюду. Дикари щадятъ ихъ и не бьютъ никогда, потому что онѣ кротки и еще полезны тѣмъ, что очищаютъ окрестности. Отъ того и коршуны Египетскіе не боятся людей: охотникъ можетъ подойдти къ нимъ близко.

Къ породѣ Египетскихъ коршуновъ надобно еще отнести *катарта отшельника* (Cath. monachus. *Temm.*) Онъ не такъ великъ, какъ описанный нами, и съ четыреугольнымъ хвостомъ; верхушка головы, щеки и передняя часть шеи у него безъ перьевъ, покрыты кожею краснаго цвѣта. Остальныя части тѣла въ перьяхъ темнаго цвѣта.

Нельзя не удивляться мудрой предусмотрительности природы. У насъ на сѣверѣ, гдѣ большую часть года царствуетъ зима, и гдѣ лѣто не привлекаетъ такого множества всякихъ животныхъ какъ въ жаркихъ странахъ, нѣтъ и птицъ, которыя очищали-бы землю отъ падали; напротивъ, чѣмъ жарче климатъ, тѣмъ больше тамъ хищныхъ услужниковъ, питающихся падалью. Такъ въ сѣверной Африкѣ находимъ Египетскаго коршуна и множество подобныхъ ему птицъ, безъ которыхъ, можетъ быть, не были бы обитаемы тамошнія страны.

ПАРИЖСКАЯ БИРЖА.

Не странно-ли, что въ Парижѣ, великолѣпномъ, богатомъ, модномъ и торговомъ городѣ, не было зданія биржи? Не смѣшно-ли, что Французы предписывали законы вкуса всей Европѣ, а сами, для торговыхъ сдѣлокъ въ своей столицѣ, собирались въ грязномъ сараѣ? Такъ было до 1808 года. Наполеонъ, который видѣлъ все, тотчасъ замѣтилъ и эту странность Парижскаго

быта. Онъ велѣлъ составить великолѣпный проектъ зданія биржи, назначилъ ей мѣсто, и положилъ первый камень 24 Марта 1808 года. Но политическія событія помѣшали этой постройкѣ и она оставалась нѣсколько лѣтъ безъ продолженія. Только въ 1826 году зданіе было довершено и открыто, въ день Св. Карла.

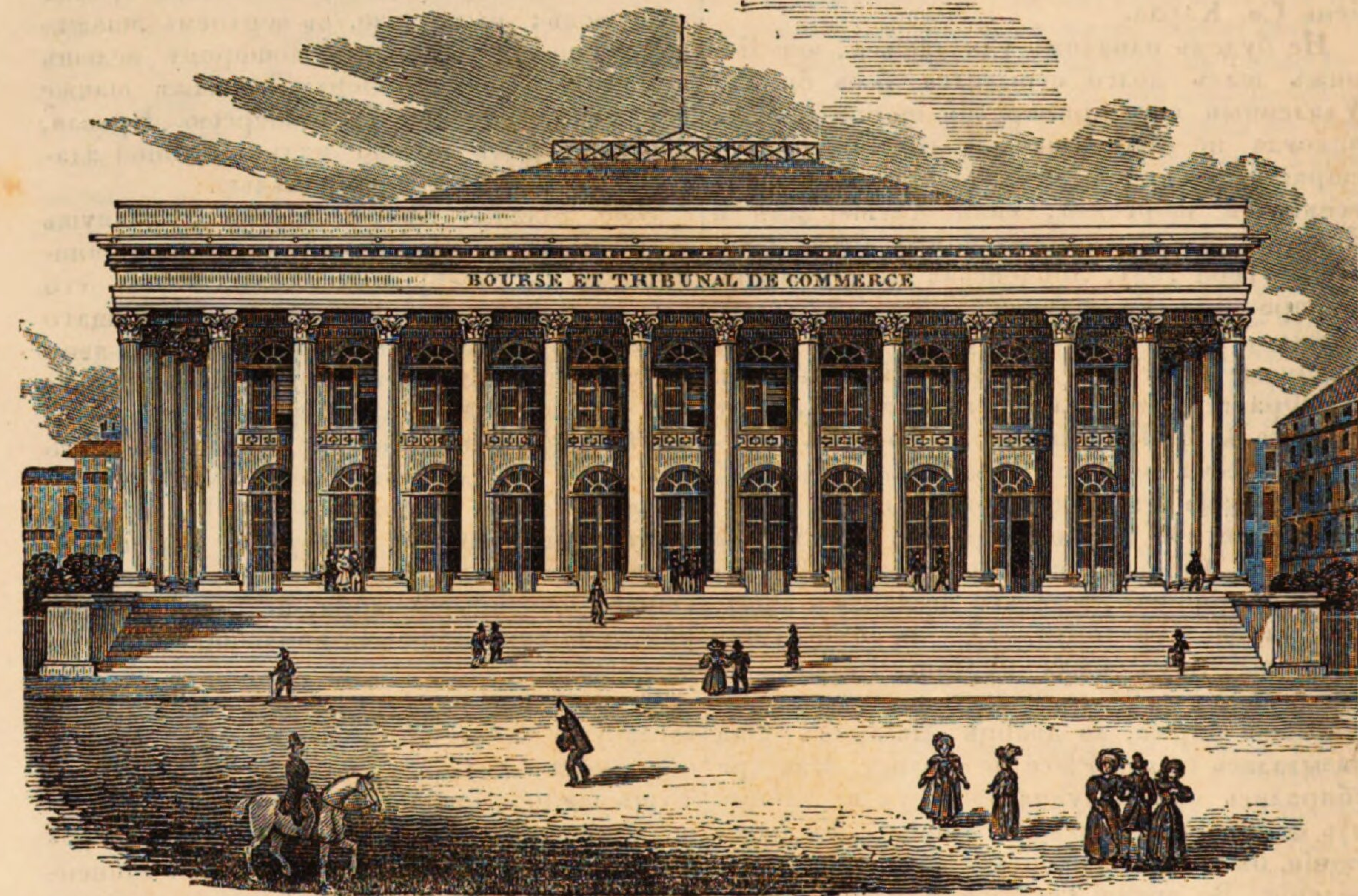
Не будемъ однакожъ удивляться, что Парижъ такъ долго оставался безъ биржи. Удаленный отъ приморской торговли, онъ никогда не былъ точкой соединенія иностранныхъ купцовъ и складочнымъ мѣстомъ всемірной торговли, какъ Амстердамъ и Лондонъ. Амстердамская биржа была начата въ 1608 году, Лондонская Королевская, построенная Гришамомъ, послѣ большаго пожара, въ 1666 году. Тамъ давно были огромные торговые и банкирскіе обороты. Во Франціи это началось, правда, также въ началѣ XVIII столѣтія, но чѣмъ началось? Несчастной системой Лоу, который кинулъ свою геніяльную мысль не во время, не кстати, и не могъ поддержать ея безъ лжей и обмана. Это отодвинуло торговое движеніе во Франціи на нѣсколько десятковъ лѣтъ. Но улица Кенканпуа, гдѣ производились обороты Лоу, была первою Парижскою биржею. Въ 1724 году была учреждена настоящая биржа, во дворцѣ Мазарена. Она называлась тогда Place de Change. Маклера сбирались отъ полудня до часу, въ одномъ изъ флигелей Мазаренова дворца. До революціи, было нѣсколько перемѣщеній этого заведенія. Во время Террора биржа помѣщалась въ церкви des Petits-Pères. Послѣ того она долго была въ улицѣ Фёдо, въ дрянномъ сараѣ, какъ сказали мы въ началѣ нашей статьи. Наконецъ, Наполеонъ далъ ей прочное убѣжище.

Нынѣшняя Парижская биржа принадлежитъ къ числу прекраснѣйшихъ зданій въ городѣ. Она построена въ видѣ паралелограмма, то есть имѣетъ продолговато-четвероугольную форму, на 164 футахъ въ ширину и на 256 футахъ въ длину. Шестьдесятъ шесть колоннъ Коринѳскаго ордена окружаютъ ее со всѣхъ сторонъ. Вышина каждой колонны 32 фута, кромѣ базиса; діаметръ 5 футовъ; между каждою колонною 12 футовъ пространства. Онѣ поддерживаютъ антаблементъ и аттикъ и составляютъ обширную крытую галлерею, въ которую допускаются всѣ, даже во время биржевыхъ занятій. Каменное крыльцо занимаетъ всю ширину западнаго фасада, и ведетъ въ галлерею и къ главному входу. Большая зала, освѣщаемая сверху, нагрѣвается зимою особенными паровыми снарядами. Эта зала имѣетъ сто четырнадцать футовъ въ глубину и семьдесятъ пять въ ширину. Каждая стѣна ея украшена тремя огромными картинами, изображающими четыре части свѣта, главные города Франціи, представленные аллегорически, и обыкновенные аттрибуты промышленности и торговли. Въ глубинѣ, на востокъ, зала маклеровъ; надъ нею, въ верхнемъ этажѣ, Коммерческій Судъ, къ которому ведетъ широкая лѣстница. Верхній этажъ также окруженъ великолѣпною галлереею. Кровля, плоская, кромѣ купола надъ срединой зданія, покрыта желѣзомъ и мѣдью.

Это изящное зданіе можно упрекнуть только тѣмъ, что оно не довольно приноровлено къ своему назначенію. Планъ его былъ сдѣланъ во время самаго цвѣтущаго состоянія Имперіи, и архитекторъ явно заботился о величіи и наружномъ видѣ зданія, больше нежели о внутреннемъ его удобствѣ. Отъ этого и наружный видъ его походитъ на древній храмъ, а не пробуждаетъ мысли о его назначеніи. Но, за всѣмъ тѣмъ, обширность размѣровъ, богатство украшеній, галлереи, мебели, все это достойно столицы Франціи, и дѣлаетъ зданіе биржи прекраснѣйшимъ памятникомъ новаго времени.

Осмотрѣвши самое зданіе, любопытно взглянуть и на тѣхъ, которые занимаютъ обширныя залы его въ назначенный часъ. Тутъ вы не увидите, какъ въ Лондонѣ, Петербургѣ, въ Лиссабонѣ, въ Ливорно, Европейца подлѣ Азіятца, негоціанта Соединенныхъ Штатовъ подлѣ Александрійскаго купца, и пріѣзжаго изъ Восточной Индіи, расхаживающаго объ руку съ Сенъ-Домингскимъ Негромъ. Но если однообразна наружность здѣшнихъ посѣтителей, сколько противоположностей въ другомъ! Здѣсь характеры смѣшиваются и уравниваются какъ капиталы. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ въ другомъ мѣстѣ могутъ встрѣтиться банкиръ дипломатъ и космополитъ, котораго домъ и прислуга спорятъ въ богатствѣ съ дворцомъ и дворомъ Короля, и этотъ скромный купецъ изъ улицы Арсисъ? Какое сходство отыщете вы между мѣняломъ изъ Пале-Рояля, и Перомъ Франціи, членомъ Земледѣльческаго общества, литтераторомъ, художникомъ, и разумѣется членомъ Института? Только на биржѣ исчезаютъ или смѣшиваются всѣ эти различія; только тутъ, въ одной мысли, встрѣчаются умы и способности совершенно противоположные. Биржа, можетъ быть, единственное мѣсто, гдѣ давнымъ давно осуществлена химерическая мысль о равенствѣ. Въ церкви, въ театрѣ, различіе состояній не исчезаетъ; на биржѣ нѣтъ его. Дипломатъ, художникъ,

мѣщанинъ, знатный баринъ, купецъ, забываютъ свои общественныя званія когда приходятъ на биржу. Тутъ существуютъ не чины, а дѣловые или за дѣломъ пришедшіе люди. Этотъ человѣкъ, худой, измученный, въ лоскутьяхъ, обращается къ банкиру-министру, и тотъ отвѣчаетъ ему; здѣсь онъ спрашиваетъ о курсѣ, а у дверей будетъ просить милостыны. Шатобріанъ, Талейранъ, Гумбольдтъ, Тьерсъ, будутъ здѣсь разговаривать вотъ съ этимъ плѣшивенькимъ помощникомъ маклера, который

еще донашиваетъ кафтанъ XVIII столѣтія и говоритъ, при случаѣ, *господинъ* Вольтеръ.

Но что-же дѣлаетъ весь этотъ народъ на Парижской биржѣ, гдѣ нѣтъ торговли со всѣми частями свѣта?... Но Парижъ самъ столица 32-хъ милліоннаго государства; въ немъ около милліона жителей; въ немъ производятся милліоны переводовъ во всѣ города; правительство Французское должно 7,500,000,000 государству; его подряды, обороты, предпріятія, вмѣстѣ съ частными дѣлами, составляютъ невообразимую массу капитала....

БОРГЕЗСКІЙ ГЛАДІАТОРЪ.

ДРЕВНЯЯ СТАТУЯ.

Мы представили нашимъ читателямъ (Ж. О. Т. I-й, стр. 73-я), одно изъ превосходнѣйшихъ произведеній древней скульптуры: *Умирающаго гладіатора,* и упомянули, что есть другая подобная статуя, извѣстная подъ именемъ *Боргезскаго бойца,* или *гладіатора.* Теперь представляемъ изображеніе этой драгоцѣнной статуи, и уже не имѣя надобности объяснять, что такое были гладіаторы, скажемъ о ней мнѣніе знатоковъ искуства.

Это превосходное произведеніе было открыто въ развалинахъ Анціума, не далеко отъ того мѣста, гдѣ за сто лѣтъ былъ найденъ Аполлонъ Бельведерскій. Оно принадлежитъ къ небольшому числу статуй, на которыхъ выставлено имя художника. Здѣсь читаемъ: *сдѣлалъ Агасіа, сынъ Досиоея, изъ Ефеса.* Форма Греческихъ буквъ показываетъ эпоху вѣка Александра Великаго, слѣдовательно эта статуя древнѣе Торса Бельведерскаго, и потому слишкомъ неосновательно назвали ее Боргезскимъ гладіаторомъ; она не можетъ изображать того, чего не было во время ея произведенія. По всѣмъ изысканіямъ и соображеніямъ ученыхъ, и особенно Висконти, она представляетъ воина героическихъ временъ Греціи, сражающагося съ конною Амазонкой. По мнѣнію ученыхъ изыскателей, чѣмъ болѣе раз-

смотриваете движенія изображеннаго лица, тѣмъ болѣе удостовѣряетесь, что это воинъ: одною рукой, на которой еще видны обломки щита, онъ заслонилъ себя отъ удара противника, между тѣмъ какъ другою готовъ нанести ему смертельный ударъ. Направленіе взгляда и движеніе головы показываютъ, что противникъ находится выше его, и наноситъ удары сверху... Но никто не описалъ этой статуи лучше Вин-

кельмана, и мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи перевести нѣсколько строкъ изъ краснорѣчиваго, одушевленнаго описанія этого великаго писателя и знатока изящной древности.

«Боргезскій, такъ называемый боецъ, судя по формѣ буквъ надписи, есть древнѣйшая статуя въ Римѣ, на которой художникъ выставилъ свое имя. Мы не имѣемъ никакого извѣстія объ *Агасіи,* творцѣ ея, но этотъ трудъ уже показываетъ его достоинства. Какъ въ Аполлонѣ и Геркулесѣ выраженъ чистый идеалъ, а въ Лаокоонѣ природа возвышена и украшена идеаломъ и выраженіемъ, такъ въ этой статуѣ собраны красоты природы въ лѣта мужества, безъ всякой прибавки воображенія. Тѣ фигуры похожи на высокое героическое стихотвореніе, и отъ вѣроятнаго возведены до чудеснаго самой истиной; эта—Исторія, гдѣ одна истина, выраженная отборными словами и мыслями. Лицо ясно показываетъ, что его образъ взятъ изъ истинной природы: это человѣкъ уже не въ цвѣтущихъ лѣтахъ, но въ мужественномъ возрастѣ, и въ чертахъ лица его видны слѣды жизни дѣятельной, слѣды труда, придавшаго ему нѣсколько грубости. — Нѣкоторые почита-

ютъ эту статую дискоболомъ, то есть метателемъ кружка металлическаго; но тогда фигура была-бы въ иномъ положеніи, потому что кто готовится бросить что нибудь, тотъ подается тѣломъ назадъ, и чтобы придать болѣе силы своему движенію, опирается на правое бедро, оставляя лѣвую ногу въ бездѣйствіи; а здѣсь видимъ противное. Вся фигура подалась впередъ и лежитъ на правомъ бедрѣ, тогда какъ лѣвая нога выдвинута вся назадъ. — Правая рука статуи новая и въ нее вложенъ обломокъ копья; на лѣвой рукѣ видна рукоять щита. Если сообразимъ, что голова и глаза обращены къ верху, и что фигура закрывается щитомъ отъ чего-то выше ея, то гораздо вѣрнѣе можемъ предположить, что это изображеніе воина, который особенно отличился въ какомъ нибудь опасномъ случаѣ, потому что Греки, по видимому, никогда не удостоивали чести изображенія въ статуяхъ бойцовъ, бывшихъ на зрѣлищахъ. Сверхъ того, это изображеніе, кажется, древнѣе того времени, когда у Грековъ появились бойцы.»

Но это знаменитое произведеніе называется и до сихъ поръ *гладіаторомъ, Боргезскимъ* потому, что оно долго находилось въ Италіи, въ прелестной виллѣ Герцоговъ Боргезе. Одинъ изъ нихъ, женившись на Полинѣ, сестрѣ Императора Наполеона, продалъ ему за 13 милліоновъ свое единственное собраніе памятниковъ искуства. Послѣ 1815 года многія произведенія, взятыя Наполеономъ изъ Италіи, возвратились на прежнія свои мѣста; кажется, и Гладіаторъ Боргезскій привезенъ въ Римъ, гдѣ остается теперь.

МЫСЛИ РАЗНЫХЪ АВТОРОВЪ.

— Если хотите нравиться въ свѣтѣ, рѣшайтесь узнать многое отъ тѣхъ людей, которые сами не знаютъ ничего. *Шанфоръ.*

— Гораздо дороже стоитъ удовлетворять одинъ какой нибудь порокъ, нежели воспитывать двухъ дѣтей. *Франклинъ.*

— Древніе были исполины въ учености и философіи. Согласенъ; допустимъ это Но въ пользу новыхъ народовъ я скажу съ Дидакусомъ Стеллой: «Карло на плечахъ исполина видитъ дальше нежели самъ исполинъ.» *Бортонъ.*

— Польза и добродѣтель соединены одна съ другою такъ, что, можетъ быть, нѣтъ ни одного поступка, признаннаго добродѣтельнымъ, которому не должны-бъ были подражать всѣ, для общей пользы, находясь въ такихъ-же обстоятельствахъ. *Броунъ.*

— Если-бъ у меня былъ умный слуга, я былъ-бы радъ когда-бы онъ подставлялъ мнѣ зеркало при всякой моей вспышкѣ гнѣва: не льзя глядѣть на себя безъ стыда, когда мы сердимся, и онъ вылечилъ-бы меня отъ этой гадкой слабости. *Плутархъ.*

ГЛАСГОУ,

ГОРОДЪ ВЪ ЮЖНОЙ ШОТЛАНДІИ.

Въ наше время, когда правильное произношеніе иностранныхъ словъ сдѣлалось щегольствомъ и мученіемъ пишущаго народа, не льзя не замѣтить, что *Гласгоу* не выражаетъ вполнѣ Англійскаго Glasgow, также какъ не выразитъ его *Гласко, Глазговъ,* или *Глеско.* Надобно однакожь избрать что нибудь, и мы выбираемъ Гласгоу. И такъ — да будетъ — Гласгоу. Это большой городъ въ Южной Шотландіи, при рѣкѣ Клайдѣ, подъ 55° 52′ сѣверной широты. Самое названіе его, заимствованное изъ древняго Гаелическаго языка, и означающее, по выводу совѣстливыхъ этимологовъ, *зеленое мѣсто,* показываетъ древность его происхожденія, потому что оно было поводомъ ко многимъ жаркимъ спорамъ. Никакъ не могли доискаться истиннаго значенія слова Glasgow, и рѣшили споръ предположительно. Историческія извѣстія объ основаніи города также довольно темны. Полагаютъ, что онъ основанъ въ 560 году, святымъ Мунго, или святымъ Кентиджерномъ, Епископомъ, учредившимъ на нынѣшнемъ мѣстѣ города резиденцію свою. Находясь на точкѣ столкновенія двухъ соперницъ, Шотландіи и Англіи, Гласгоу долго не могъ процвѣтать, хотя этому способствовало мѣстное его положеніе. Наконецъ, когда успокоилась вѣковая распря, онъ представилъ собою изумительный и важный примѣръ возрастанія быстраго, прочнаго, блистательнаго. До XVII столѣтія онъ получилъ многія привиллегіи отъ своихъ государей, но въ 1725 году еще не было въ немъ ни одной фабрики, и только безпрерывный приливъ горцевъ изъ сѣверной Шотландіи заготовлялъ руки для будущей дѣятельности. Любопытно взглянуть на слѣдующую таблицу, гдѣ означено постепенное увеличеніе народонаселенія Гласгоу. Въ немъ было жителей,

въ 1560 году	— 4 460,	въ 1785 году	— 45,899
— 1610	——— 7,644	— 1791	——— 68,578
— 1660	——— 14.678	— 1801	——— 77,385
— 1740	——— 17,034	— 1811	———100,749
— 1755	——— 23,546	— 1821	——— 147,043
— 1763	——— 28,300	— 1831	——— 202,426
— 1780	——— 42,832	— 1835	——— 220,000.

Причиной такого быстраго увеличенія народонаселенія была могущественная промышленность. Открытіе торговаго и мануфактурнаго Совѣта, въ 1783 году, можно

почитать началомъ твердаго и вѣрнаго хода всѣхъ промышленныхъ заведеній въ Гласгоу. Въ 1792 году тамъ начато бумагопрядение паровыми машинами; въ 1801 году онѣ примѣнены еще съ большимъ успѣхомъ къ тисненію тканей; въ 1812 году построенъ тамъ первый въ Европѣ пароходъ, и теперь ихъ считается болѣе 60-ти. Соединеніе Шотландіи съ Англіею было особенно выгодно для Гласгоу, тѣмъ что оно открыло ему торговый путь въ Сѣверную Америку. Купцы пустились въ Американскія гавани, и особенно занялись торговлею Виргинскаго табаку. Сначала перевозка производилась на корабляхъ Англійскихъ, но вскорѣ они имѣли уже свои корабли, и благосостояніе торговли ихъ поддерживалось до войны съ Америкою. Эта война прекратила сношенія Гласгоу съ Виргиніею, и потому капиталисты города должны были обратить вниманіе и свои капиталы на что нибудь другое. Разрывъ торговли послѣдовалъ въ то самое время, когда знаменитый Аркрайтъ вводилъ свои усовершенствованія въ бумагопрядильни. Можно судить какъ это было кстати въ такое время, когда множество капиталовъ ждали употребленія. Въ Гласгоу задвигались тысячи веретенъ, и онъ скоро сталъ на чреду первыхъ мануфактурныхъ городовъ Англіи.

Миръ возстановилъ прежнія сношенія съ Виргиніею, и произвелъ новыя, съ другими областями Союза. Разведеніе хлопчатой бумаги въ южной части Соединенныхъ Штатовъ, послужило также источникомъ богатства для Гласгоу, потому что безъ увеличенія необработаннаго матеріяла, Шотландскія мануфактуры не могли-бы удовлетворить всѣхъ требованій своихъ корреспондентовъ, и доставить всѣ сорты, какихъ требовали потребители. Канада и Новая Шотландія представили также новыя мѣста для сбыта. Другой важный источникъ торговли, западныя колоніи, открылся со времени первыхъ войнъ Французской революціи. Въ 1816 году Гласгоу въ первый разъ вошелъ въ прямыя сношенія съ Восточною Индіею, потому что торговля съ тамошними странами стала свободна при возобновленіи привиллегій Компаніи. Въ 1833 году пришло въ Гласгоу десять кораблей изъ Индіи, въ 3437 тоннъ. Въ 1834 году, когда уничтожены послѣднія привиллегіи торговли съ Китаемъ, первый корабль, нагруженный чаемъ и не принадлежавшій Остъ-Индской Компаніи, былъ собственностью одного Гласговскаго торговца. Грузъ его проданъ 14 Ноября 1834 года. Такимъ образомъ торговля Гласгоу постепенно распространилась на всѣ страны свѣта, и въ 1833 году въ тамошній портъ вошло уже 399 кораблей, а на нихъ привезено 81,499 тоннъ разныхъ товаровъ, съ которыхъ взято пошлинъ 779,232 фунта стерлинга (около 20 милліоновъ рублей): сумма, превышаемая только сборомъ пошлинъ въ Лондонѣ, Ливерпулѣ и Бристолѣ.

Не удивительно, что при такомъ распространеніи торговой и мануфактурной дѣятельности, самый городъ увеличился и украсился множествомъ великолѣпныхъ зданій. Большая часть его расположена въ долинѣ, на правомъ берегу Клайда; остальная на возвышенномъ мѣстѣ; предмѣстія занимаютъ лѣвый берегъ и сообщаются съ городомъ тремя мостами. Двѣ главныя улицы, пересѣкающіяся подъ прямыми углами, проходятъ весь городъ въ длину и ширину: первая простирается версты на три; ширина ея 85 футовъ; другая верстъ около двухъ въ прямой линіи; ширина ея 55 футовъ. Большая часть другихъ улицъ также просторны, хорошо вымощены и обведены тротуарами. Съ 1817 года городъ освѣщается газомъ. Красу его составляетъ множество новыхъ зданій изящной архитектуры. Изъ старинныхъ зданій замѣчательна соборная церковь почти единственный памятникъ Готической архитектуры въ Шотландіи, пощаженный бурными послѣдователями протестантизма. Она находится въ самой срединѣ города, на возвышеніи. Это тяжелое, массивное зданіе, отличается больше огромностью своихъ размѣровъ, нежели изяществомъ подробностей и украшеній; однако оно величественно. Внутренность его также тяжела, и напоминаетъ первобытное состояніе христіанской религіи. Оно основано на сводахъ, подъ которыми есть церковь въ самой землѣ. — Новая церковь Св. Андрея почитается одною изъ самыхъ изящныхъ построекъ сложнаго ордена въ Шотландіи. — Гласговскій Университетъ знаменитъ и своею древностью и нынѣшнимъ цвѣтущимъ состояніемъ. Онъ учрежденъ въ 1450 году, Епископомъ Вилліамомъ Торнболлемъ. Іаковъ II и наслѣдники его дали этому учебному заведенію большія преимущества. Нынѣ считается въ немъ около 1600 студентовъ. Въ недавнее время его обогатили своими завѣщаніями Дж. Андерсонъ и Вилл. Гунтеръ. Андерсонъ, самъ бывшій Профессоромъ, отказалъ Университету значительную сумму, съ тѣмъ, чтобы на счетъ ея воспитывалось 80 недостаточныхъ юношей, не только для ученаго поприща, но и для образованія изъ нихъ купцовъ, сельскихъ хозяевъ, художниковъ. Особенное распоряженіе сдѣлано имъ о воспитаніи недостаточныхъ дѣвицъ. — В. Гун-

теръ, родившійся вблизи Гласгоу и получившій образованіе въ тамошнемъ Университетѣ, завѣщалъ мѣсту своего воспитанія богатый музей, наполненный драгоцѣнными предметами Естественной Исторіи, Анатоміи, медалями, монетами всѣхъ родовъ, и при немъ единственное въ своемъ родѣ собраніе книгъ, рукописей, и картинъ первыхъ мастеровъ. Все это цѣнится милліона въ два рублей. Сверхъ того онъ завѣщалъ сумму на увеличеніе Университетскихъ зданій, гдѣ могли-бы помѣщаться его собранія. Вообще, Гласгоу славится своими учеными заведеніями. Ни откуда не вышло столько свѣдущихъ, ученыхъ химиковъ. Канцлеромъ или попечителемъ Университета избирается обыкновенно извѣстный заслугами отечеству ученый мужъ. Эту должность долго занималъ славный Брумъ; теперь занимаетъ ее С. Р. Пиль. Въ Гласгоу есть также Семинарія для 520 воспитанниковъ, нѣсколько ученыхъ обществъ, Ака-

демія художествъ, и обширная типографія Библейскаго Общества. Содержаніе Королевскаго больничнаго дома, для 1500 больныхъ, стоитъ ежегодно около 3000 ф. стерлинговъ. Превосходное зданіе дома сумасшедшихъ, биржа, театръ, обсерваторія, школа верховой ѣзды, Магдаленинская госпиталь и общественная тюрьма, построены Старкомъ, всѣ по образцамъ древнихъ зданій; между прочимъ тюрьма, съ богатою колоннадою, имѣетъ совершенно видъ Аѳинскаго Парѳенона. — Въ Гласгоу поставлена мраморная статуя Министру Питту, и бронзовая Джону Муру, который былъ урожденецъ города и палъ, во время Испанской войны, при защитѣ Коруньи. Это произведеніе Флаксмана. Кромѣ того воздвигнутъ обелискъ Нельсону, въ 142 фута вышины, и три статуи Джемсу Уатту, незабвенному урожденцу Гласгоу. Одна изъ этихъ статуй, во весь ростъ, бронзовая, на гранитномъ пьедесталѣ, находится на Георгіевской площади; другая, мраморная, въ Гунтеровомъ Музеѣ; обѣ работы Чантрея; третья, колоссальная статуя, поставлена въ Механическомъ Институтѣ.

Богатый, просвѣщенный, цвѣтущій, Гласгоу принадлежитъ къ числу первыхъ городовъ Великобританіи. Этому особенно способствовало счастливое его мѣстоположеніе, вблизи неистощимыхъ копей каменнаго угля, на берегу Клайда, соединяющаго его съ Атлантическимъ Океаномъ, тогда какъ Сѣверное море приближено къ нему посредствомъ Клайдскаго канала и рѣки Форта.

РАФАЭЛЕВА ГАЛЛЕРЕЯ ВЪ ВАТИКАНѢ.

Имя и жизнь Рафаэля извѣстны читателямъ нашимъ. Мы представили имъ нѣкоторыя изъ множества безсмертныхъ его произведеній, и начертали главныя событія жизни этого единственнаго художника. Ему было двадцать пять лѣтъ, когда его призвали въ Римъ, довершить и украсить нѣкоторыя части Ватикана. Здѣсь надобно сказать, прежде всего, нѣсколько словъ объ этомъ знаменитомъ зданіи.

Извѣстно, что Римъ построенъ на семи возвышенностяхъ, или холмахъ, какъ называютъ ихъ издревле. Одинъ изъ этихъ холмовъ, Ватиканскій, занятъ отчасти дворцомъ Папъ, который и получилъ отъ того названіе Ватиканскаго дворца, или просто Ватикана. Размѣръ его: 1200 футовъ въ длину и около 1000 футовъ въ ширину. Это, собственно, не одинъ дворецъ, а нѣсколько разныхъ, построенныхъ не въ одно время, передѣланныхъ, улучшенныхъ многими обладателями Католической столицы. Начало его относится къ шестому столѣтію. Папа Евгеній III придалъ ему новый видъ. Около половины двѣнадцатаго столѣтія, Иннокентій II отдалъ его Аррагонскому Королю Петру II-му. Въ 1305 году, Климентъ V, по проискамъ Французскаго Двора, перенесъ свою резиденцію въ Авиньонъ, и Ватиканъ оставался нѣсколько времени забытымъ. По возвращеніи Папъ въ Римъ, они снова начали распространять и украшать свой дворецъ, и постепенно привели его въ нынѣшнее состояніе Скажемъ одно, что величайшіе художники Италіи, Браманте, Бернини, Микель-Анджело, Рафаэль, Доменикино, и всѣ знаменитые архитекторы и живописцы цвѣтущаго времени художествъ, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, участвовали въ постройкѣ и украшеніи этого безпримѣрнаго дворца. Отъ того и остается онъ сборищемъ и образцомъ всего лучшаго, что могли произвести искуства въ величайшемъ своемъ развитіи. Разновременность работъ лишила его общности, но отдѣльныя части блистаютъ красотами вѣчными, которыя можетъ уничтожить только время. Надобно удивляться въ Ватиканѣ не тому, что въ немъ 1100 комнатъ, что богатства драгоцѣнныхъ его украшеній стоятъ неисчислимыхъ суммъ, что въ немъ собраны неисчерпаемыя сокровища древнихъ рукописей, что библіотека его заключаетъ въ себѣ историческіе памятники всѣхъ временъ и народовъ; нѣтъ, все это составилобы славу инаго дворца или даже государства, но въ Ватиканѣ это лишь частности, посторонніе принадлежности, для подробнаго разсмотрѣнія которыхъ, впрочемъ, не достанетъ жизни человѣческой. Ватиканъ богатъ и славенъ собственными, нераздѣльными съ нимъ красотами и сокровищами. Таковы (назовемъ немногіе предметы изъ тысячи) знаменитая La Scala Regia, царская лѣстница, соединяющая дворецъ съ величественнымъ портикомъ церкви св. Петра, безсмертное произведеніе Бернини! Таковы альфреско на стѣнахъ многихъ залъ, гдѣ Микель-Анджело, Рафаэль и множество другихъ художниковъ оставили слѣды своего генія. Одна Сикстинская капелла, гдѣ собрано столько изящныхъ произведеній, есть памятникъ единственный. Наконецъ *Ложи Рафаэля,* которыми займемся мы здѣсь особенно, однѣ эти ложи моглибы обезсмертить художника.

Рафаэль пріѣхалъ въ Римъ въ 1508 году. Браманте, родственникъ его и архитекторъ, любимый Папою Юліемъ II, рекомендовалъ молодаго и уже знаменитаго художника своему покровителю. Рафаэль скоро оправдалъ свою славу. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, онъ написалъ въ Ватиканѣ многія изъ превосходныхъ альфреско, до сихъ поръ изумляющія міръ своей красотой. Но Браманте умеръ, едва начавши постройки во дворѣ Ватикана, и Рафаэлю поручили довершить ихъ. По собственной его модели воздвиглись галлереи, въ видѣ портиковъ и колоннадъ, вокругъ всего двора Ватикана. Эти галлереи, называемыя въ Италіи *ложами* (loggie), назначались имъ для украшеній новаго или лучше сказать возобновленнаго рода, потому что родъ живописи, называемый нами *гротесками* и *арабесками,* былъ извѣстенъ древнимъ. Въ то самое время, когда Рафаэлю поручили устройство и украшеніе Ватиканскихъ ложь, были открыты бани или *термы* Тита. Не льзя сомнѣваться, что мѣлкая, разнообразная живопись, какою украшены всѣ залы этого обширнаго зданія, внушила Рафаэлю мысль примѣнить ее къ галлереямъ, которыя построилъ онъ самымъ выгоднымъ для нея образомъ. Каждая арка въ этихъ портикахъ представляетъ небольшой отдѣльный плафонъ, со множествомъ мѣлкихъ отдѣленій, гдѣ такъ удобно помѣщаются фантастическія арабески.

Разумѣется, что Рафаэль не могъ одинъ исполнить такой обширной работы. Онъ взялъ въ помощь себѣ лучшихъ своихъ учениковъ, изъ которыхъ главнымъ былъ Іоаннъ Удинскій, превосходный живописецъ цвѣтовъ, плодовъ и украшеній всякаго рода. Онъ-же открылъ способъ древней штукатурки, или состава, изъ котораго древніе дѣлали посреди арабесковъ лѣпныя изображенія. Но самыя фигуры, украшенія, и счастливое, можно сказать геніяльное расположе-

ніе ихъ принадлежатъ единственно Рафаэлю. Онъ умѣлъ придать этому роду живописи какую-то легкость, эѳирность, разнообразіе изумительное, и такую оригинальность, которой не могутъ достигнуть послѣ него. Арабески всѣхъ другихъ живописцевъ утомляютъ даже на небольшомъ пространствѣ; Рафаэлевы влекутъ къ себѣ безпрерывно новымъ разнообразіемъ, прелестью фигуръ, и тѣми аллегорическими изображеніями, которыя умѣлъ онъ помѣщать всегда кстати.

Возьмемъ въ примѣръ очаровательныя арабески, въ которыхъ изобразилъ онъ времена года.

Въ самой вышинѣ пиластра представлена Весна. Вы видите двухъ счастливыхъ любовниковъ, которые обнялись, посреди цвѣтовъ и вѣтвей мирта и лавра. Ниже ихъ эмблема Лѣта, въ видѣ богини изобилія, увѣнчанной колосьями, окруженной плодами и маленькими дѣтьми. Это изображеніе поддерживается лозами винограда, символомъ Осени. Множество дѣтей карабкаются на вѣтви его, обрываютъ грозды, выдавливаютъ изъ нихъ сокъ ногами; животворная влага льется ручьями, изъ одного сосуда въ другой... Все это поддерживаетъ созвѣздіе Зимы, холодная Плеяда, окруженная дѣтьми Борея, которые дуютъ зимнимъ вѣтромъ. Изъ обѣихъ рукъ богини сыплются и покрываютъ землю хлопья снѣгу. Зиму напоминаетъ еще и человѣкъ, завернувшійся въ ткани: онъ сидитъ между двухъ обезлиственныхъ деревьевъ, и оканчиваетъ, въ самомъ низу, всю аллегорію.

Съ какимъ удивительнымъ разнообразіемъ идей Рафаэль представилъ, также въ арабескахъ, Возрасты Жизни! Здѣсь эмблемою служатъ Парки. Клото, въ видѣ молодой дѣвушки, работаетъ съ безпечностью лучшаго возраста жизни. Она прядетъ и оборачивается взглянуть на Амура, который держитъ ея веретено. Ниже, Лахезисъ, съ лицомъ больше образованнымъ и важнымъ, внимательнѣе глядитъ на свое занятіе. Это возрастъ труда и печальной предусмотрительности. Она слѣдитъ глазами нить, и видитъ какъ она падаетъ подъ ножницы строгой Атропосъ. Эта сидитъ на кенотафѣ; мертвая голова у ногъ ея, у нея черты лица женщины старой, но еще здоровой. Фигура ея, на поэтическомъ языкѣ искуства, была-бы лучшимъ образомъ смерти, представленнымъ не въ отвратительныхъ формахъ.

Но Рафаэль изображалъ не одни аллегорическіе предметы въ своихъ Ложахъ. Еще драгоцѣннѣе его небольшія картины, по четыре въ каждомъ отдѣленіи сводовъ, изображающія Исторію Ветхаго Завѣта. Эти пятьдесятъ два изображенія справедливо называются *Библіею Рафаэля*. Никакое описаніе не можетъ дать вѣрнаго понятія о нихъ. Они сняты и выгравированы: въ гравюрахъ можно, по крайней мѣрѣ, видѣть мысли художника; но какъ передать мертвымъ словомъ прелесть изобрѣтенія, и великолѣпіе, изящество отдѣлки этихъ превосходныхъ произведеній генія! Мы назовемъ здѣсь только предметы нѣкоторыхъ изъ нихъ. Это: День творенія; Неповиновеніе Адама и Еввы; Изгнаніе ихъ изъ Рая (въ той галлереѣ, которая изображена на прилагаемомъ нами политипажѣ); Потопъ; Авраамъ передъ тремя ангелами; нѣсколько сценъ изъ жизни Іосифа, и проч.

До сихъ поръ мы говорили только о большихъ изображеніяхъ въ Рафаэлевыхъ Ложахъ; но эти главные предметы окружены безчисленнымъ множествомъ мѣлкихъ изображеній, собственно такъ называемыхъ арабесковъ, гдѣ воображеніе и чувство изящнаго во всѣхъ этихъ мѣлочахъ показываютъ, что геній художника былъ неистощимъ. Онъ разсыпалъ тутъ цѣлый міръ фантазіи самой блестящей, самой разнообразной, и всегда вѣрной мѣсту и всему окружающему каждый предметъ. Не надобно забывать, что въ этомъ родѣ живописи, гдѣ художникъ, повидимому, руководствуется необузданною фантазіею, должна быть вѣрная отчетливость и сообразность всѣхъ частей. Можно понять, какъ исполнилъ это Рафаэль, если всѣ знатоки согласны, что Рафаэлевы Ложи остаются неподражаемыми. Этотъ великій художникъ имѣлъ такое удивительное чувство изящнаго, что даже лѣпныя изображенія, рѣзьба дверей, и даже наборный полъ, дѣланные въ Ложахъ по его рисункамъ, ознаменованы красотой несравненною. Его прикосновеніе дѣлало все изящнымъ.

Императрица Екатерина Великая имѣла прекрасную мысль, сдѣлать вѣрный снимокъ съ Рафаэлевыхъ Ложь, и произвести ихъ въ своемъ Эрмитажѣ. Это отчасти исполнено, и какъ рисунокъ такъ и работа дѣлаютъ честь Русскимъ художникамъ. Петербургская Рафаэлева ложа находится передъ входомъ въ Мальмезонскую галлерею въ Эрмитажѣ.

НОРМАНДСКІЙ МЫЗНИКЪ.

Недавно мы представили читателямъ нашимъ изображеніе и описаніе Нормандскихъ поселянъ. Въ дополненіе, вотъ еще фигура одного жителя Нормандіи; но это уже не

земледѣлецъ, не мужикъ, а человѣкъ немного повыше званіемъ и достаткомъ: это мызникъ или фермеръ Нормандскій. Какая важность въ физіогноміи его, какая заботливость въ лицѣ, и въ тоже время какъ спокойно, твердо все его положеніе. Видно, что этотъ человѣкъ думаетъ не о насущномъ хлѣбѣ, а о томъ хлѣбѣ, отъ котораго ломятся у него житницы. Не сегодняшній день занимаетъ его, а будущее, которое представляется ему въ видѣ крѣпкаго сундука, набитаго свѣтлыми монетами. Счастливый человѣкъ! какъ не достигнуть ему своего будущаго, если оно можетъ умѣститься въ сундукѣ? Къ тому-же, онъ на пути, на вѣрномъ пути къ своей цѣли.

Извѣстно, что значитъ *мызникъ* или *фермеръ*. У насъ почти нѣтъ этого класса людей, потому что наши владѣльцы земель, помѣщики и крестьяне, сами занимаются обработываніемъ полей и извлеченіемъ изъ нихъ посильнаго дохода. Напротивъ въ Англіи и во Франціи земли отдаются въ наемъ, особенному классу людей, которые посвятили себя земледѣлію. Они нанимаютъ, обыкновенно на много лѣтъ, землю какого нибудь богатаго помѣщика, платятъ за нее дорого, и за этимъ уже извлекаютъ изъ нея доходъ свой. Можно повѣрить, что для этого надобно много умѣнья, смѣтливости, трудолюбія, и достаточный капиталъ, потому что фермеръ прежде всего старается привести въ лучшее состояніе нанятыя имъ земли, и для этого не щадитъ издержекъ. Когда почва начинаетъ благодатно вознаграждать расходы его, тогда настаетъ очередь экономіи, бережливости, осторожности, и умѣнья собрать и сбыть произведенія земли. Нормандскіе фермеры славятся своимъ искуствомъ и честностью; за то они и бываютъ, по большей части, богаты. Въ прежней статьѣ нашей о Нормандіи, мы довольно подробно говорили о тамошней промышленности. Нормандія житница, за-

пасный амбаръ Парижа. Не должно думать, чтобы фермеры занимались только земледѣльствомъ: они также усердно посвящаютъ труды свои скотоводству, садоводству, огородничеству, и всѣмъ другимъ сельскимъ занятіямъ. Благосостояніе ихъ зависитъ отъ равнаго трудолюбія и вниманія во всемъ, что относится къ сельскому быту. Кто изъ читателей нашихъ желаетъ получить ясныя и подробныя свѣдѣнія о *фермарствѣ*, тѣмъ совѣтуемъ взять для этого книгу Д. П. Шелехова: она печаталась частями въ *Библіотекѣ для чтенія*, а теперь скоро выйдетъ отдѣльно, въ новомъ видѣ, дополненная и приведенная въ систематическій порядокъ. Въ этомъ прекрасномъ руководствѣ для сельскихъ хозяевъ, авторъ описываетъ сущность и подробности фермъ, и пламенно старается доказать, что онѣ ведутъ къ богатству.

ГОРА СИНАЙ.

Заливъ, обыкновенно называемый Чермнымъ моремъ, оканчивается двумя рукавами, которые образуютъ полуостровъ, часть безплодной, дикой страны, извѣстной въ Географіи подъ именемъ Каменистой Аравіи. Мы уже замѣчали одинъ разъ, что это наименованіе невѣрно географически и исторически; но оно естественно при взглядѣ на ужасную природу тамошней страны. Путешественники уподобляютъ ее «морю камней,» и одинъ изъ нихъ говоритъ: «Представьте себѣ необозримое пространство, гдѣ глазъ вашъ не встрѣчаетъ ничего кромѣ каменныхъ громадъ, и долинъ почти безъ

растительной жизни, покрытыхъ скатившимися съ горъ камнями.» Такова эта часть Аравіи.

Въ срединѣ полуострова находится группа Синайскихъ горъ, прославленныхъ великими событіями Библейской Исторіи, во время странствованія Израильтянъ изъ Египта въ Палестину. Главныя возвышенности Синая состоятъ почти всѣ изъ гранита, и образуютъ усѣянную скалами пустыню, неправильно-круглой формы. Она занимаетъ отъ тридцати до сорока миль въ діаметрѣ, и пересѣкается многими тѣсными долинами. Здѣсь самыя возвышенныя горы на полуостровѣ. Ниже ихъ встрѣчаются долины, гдѣ есть плодовитыя деревья: это большею частью къ югу и юго-западу отъ монастыря св. Екатерины. Тамъ есть и тѣнь и ключи свѣтлой воды. Можетъ быть эти-то удобства заставили Израильтянъ пробыть здѣсь около года. Но почти не льзя означить достовѣрно, которая изъ здѣшнихъ возвышенныхъ горъ Хоривъ, и которая Синай, гдѣ Моисей получилъ скрижали завѣта. Тутъ есть двѣ высокія горы, или лучше сказать одна раздѣленная на два отдѣльные пика. Одинъ изъ этихъ, называемый *Гебель-Муса* (Моисеева гора) почитается вообще Синаемъ; другой, *Гебель-Катеринъ* (гора Екатерины), есть, по общему мнѣнію, Хоривъ. Объ этомъ было много разысканій, много споровъ, и кто хочетъ имѣть о нихъ полныя свѣдѣнія, тому совѣтуемъ читать Путешествіе Боркхардта, или статью объ Аравіи въ Modern Traveller, соч. Кондёра. Для насъ довольно знать, что здѣсь мѣсто священное для Іудеевъ, Христіанъ и даже Магометанъ, потому что здѣсь безсмертная въ Исторіи народа Божія гора Синай.

Можетъ быть читатели пожелаютъ знать, отъ чего другая гора, Хоривъ, называется въ наше время горою Св. Екатерины. Мы пояснимъ это. Въ царствованіе Юстиніана, при подошвѣ Хорива былъ построенъ монастырь, во имя Преображенія; онъ сохраняетъ свое названіе до сихъ поръ, но больше извѣстенъ подъ именемъ монастыря Синайскаго или св. Екатерины. Одинъ изъ монаховъ этого монастыря видѣлъ сонъ, что тѣло св. Мученицы Екатерины, пострадавшей въ Александріи, перенесено высшею силою на гору Хоривъ. Монахи пошли туда, отыскали тѣло, и похоронили его подъ горою, которая съ того времени получила названіе св. Екатерины.

Монастырь находится въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ гора, раздвоенная природою, начинаетъ возвышаться и представляетъ довольно крутой всходъ на Синай и Хоривъ. За монастырской стѣною тотчасъ дорога идетъ въ гору: для удобства пѣшеходовъ на ней были сдѣланы каменныя ступени, но теперь онѣ полуразрушены временемъ и и свирѣпствомъ стихій. Около часу надобно идти по этой лѣстницѣ, пока наконецъ достигнете площадки, гдѣ, посреди каменныхъ скалъ, построена часовня Святой Дѣвы. На самой площадкѣ есть довольно обширное зданіе, грубой постройки: это церковь Св. Иліи. Монахи всходятъ туда въ назначенное время года, для отправленія службы. Отъ этого мѣста, узкая лѣстница ведетъ на самый верхъ горы, гдѣ также есть площадка, имѣющая шестьдесятъ шаговъ въ окружности. Здѣсь, на самой вершинѣ горы, находится небольшая церковь, главный предметъ, къ которому стремятся Христіанскіе пилигримы. Она выстроена вся изъ гранита, но очень пострадала отъ Арабовъ, которые разломали ее во многихъ мѣстахъ и раскрыли полъ, отыскивая здѣсь скрижали завѣта. Почти на той-же площадкѣ, хотя нѣсколько выше, на отдѣльной скалѣ, Мусульмане построили свою мечеть, которая составляетъ предметъ *ихъ* благоговѣнія и пилигримства. Бедуины часто всходятъ сюда, но главная цѣль ихъ—отпечатокъ ноги Магомета, который будто-бы приходилъ когда-то на Синай и оставилъ этотъ слѣдъ. Въ самомъ дѣлѣ, на переходѣ отъ церкви Св. Иліи къ верхней часовнѣ, есть въ одномъ камнѣ слѣдъ ноги; но это явно игра природы, потому что такая ступня могла принадлежать развѣ какому нибудь великану.

Гора св. Екатерины выше и живописнѣе Моисеевой. Всходить на нее также очень затруднительно; за то какой видъ будетъ передъ глазами вашими, когда вы станете на вершинѣ ея!... Вотъ Акаба и Суецъ, два залива или два рукава Чермнаго моря, обнимающіе полуостровъ! Вотъ островъ Тераанъ, деревня Торъ, и вся картина величественнаго моря, освѣщеннаго пламеннымъ солнцемъ! Новѣйшій путешественникъ, Г. Леонъ де Лабордъ, всходившій на Хоривъ, увѣряетъ, что съ него видны даже отдаленныя горы Африки. Вершина Синая гораздо ниже, и потому вся передъ зрителемъ. Съ другой стороны то «море опустошенія,» тѣ каменныя равнины, которыя такъ поражаютъ странника. Говорятъ, что это видъ, единственный въ своемъ родѣ.

Между Синаемъ и Хоривомъ, въ долинѣ Эль-Леджа, есть небольшой монастырь Эль-Эрбейнъ: онъ довольно въ хорошемъ состояніи, и служитъ мѣстомъ отдыха для странниковъ, сходящихъ съ этихъ безплодныхъ, нагихъ горъ. Долина, гдѣ находится

онъ, тѣсная и загроможденная каменьями, представляетъ однакожь пріятное убѣжище. На прилагаемомъ нами рисункѣ изображена часть этой междугорной долины, гдѣ начинаются опять каменныя ступени вверхъ.

МОНТРО.

Французскій городъ Монтро (Montereau), въ департаментѣ Сены и Марны, красивый мѣстоположеніемъ и зданіями своими (что можно видѣть и въ прилагаемой нами картинкѣ), находится при впаденіи Іонны въ Сену. Началомъ его былъ небольшой монастырь, съ часовнею св. Мартина, и въ лѣтописяхъ Французскихъ онъ называется Mont Réau или Montreau (королевская гора, Mons Regalis). Въ 1026 году, Рейнаръ, Графъ Санскій, построилъ на стрѣлкѣ, образуемой Сеной и Іонной, замокъ, и съ этого времени начался городъ Монтро, впослѣдствіи присоединенный къ владѣніямъ Французскаго Короля.

Монтро достопамятенъ для насъ не тѣмъ, что онъ былъ театромъ многихъ междуусобныхъ распрей въ средніе вѣка, что въ немъ былъ предательски убитъ Іоаннъ Безстрашный, Герцогъ Бургонскій, или что во время Лиги его два раза истребляли враждующіе. Нѣтъ, все это были домашнія или сосѣднія распри Франціи, которыя не представляютъ для насъ полной занимательности. Мы должны вспомнить о томъ, что здѣсь, въ 1814 году, лилась кровь за освобожденіе Европы и самой Франціи, что здѣсь было упорное сраженіе между войсками союзными и Наполеоновыми.

Чтобы дать общее понятіе о предшествовавшихъ событіяхъ, выпишемъ здѣсь нѣсколько строкъ изъ сочиненія Генералъ-Лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго (Описаніе похода во Франціи въ 1814 году).

«Наполеонъ, разбивъ Силезскую армію и отбросивъ ее къ Шалону, устранилъ опасность, угрожавшую Парижу. Онъ не преслѣдовалъ Блюхера далѣе Этожа, но оставилъ противъ него Маршаловъ Мортье и Мармона, а самъ, съ гвардіею и прочими войсками, возвратился изъ Шампобера чрезъ Монмираль въ Мо, чтобъ оттуда начать наступательныя дѣйствія противъ главной арміи. Предварительно извѣстилъ онъ Маршаловъ Макдональда, Виктора и Удино, что выступилъ къ нимъ на помощь, и немедленно придетъ на позицію, занятую ими при Гинѣ. 4 Февраля вся армія его сосредоточилась тамъ усиленными переходами. Къ ней присоединились въ этотъ день значительные отряды пѣхоты и конницы, пришедшіе изъ Испаніи. На слѣдующее утро всѣмъ войскамъ назначено было идти впередъ. И такъ, въ третій разъ въ этомъ походѣ Наполеонъ начиналъ наступать: въ первый подъ Бріенномъ, во второй подъ Шампоберомъ, въ третій изъ Гиня, и каждый разъ въ передовой линіи своихъ противниковъ встрѣчалъ Рускихъ. — Въ это время три корпуса главной арміи находились на правомъ берегу Сены: Наслѣдный Виртембергскій Принцъ въ Монтро, Графъ Вреде въ Донмари и Бре, а Графъ Витгенштейнъ, долженствовавшій по диспозиціи находиться въ Провенѣ, самъ собою, вопреки предписанію Князя Шварценберга, пошелъ въ Нанжисъ, и отправилъ въ Морманъ авангардъ, подъ командою Графа Палена.» Этотъ авангардъ нашъ претерпѣлъ пораженіе. Описавши его, Историкъ похода прибавляетъ: «Сильное преслѣдованіе кончилось за Нанжисомъ, около Мезонъ-Ружъ. Здѣсь Французы раздѣлились: Маршалъ Викторъ обратился къ Донмари, а Маршалъ Удино къ Провену, гдѣ корпусъ Графа Витгенштейна стоялъ на позиціи. Потеря наша въ этотъ день заключалась въ девяти орудіяхъ и въ 2,114 убитыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ. Бывшіе въ авангардѣ пѣхотные полки защищались долго и упорно. Командиръ Селенгинскаго, Полковникъ Лебле, отражалъ нѣсколько кавалерійскихъ атакъ, и бился до послѣдней крайности, доколѣ не былъ изрубленъ саблями и взятъ въ плѣнъ. Уронъ этого полка и Ревельскаго былъ до такой степени значителенъ, что съ сей поры они на нѣкоторое время перестали существовать, и въ строевыхъ рапортахъ показывали ихъ съ отмѣткою: «посланы для переформированія въ Плоцкъ.»

Послѣ такихъ значительныхъ успѣховъ, Наполеонъ съ гнѣвомъ узналъ, что Маршалъ Викторъ не могъ взять Монтро, храбро защищаемаго Виртембергцами. Давши имъ время утвердиться въ городѣ, Викторъ тщетно усиливался сбить ихъ, потерялъ много людей, въ томъ числѣ храбраго Генерала Шато, своего зятя, и принужденъ былъ наконецъ прекратить нападеніе. Неудача Маршала и блистательная храбрость Виртембергцевъ, вывели Наполеона изъ терпѣнія. Онъ взялъ бывшія вокругъ него войска и самъ бросился къ Монтро. Тотчасъ овладѣвши высотами Сюрвилля, повелѣвающими городомъ при сліяніи Сены съ Іонной, Наполеонъ поставилъ тамъ гвардейскую артиллерію и открылъ смертоносный огонь. Можетъ быть никогда не показывалъ знаменитый Французскій полководецъ такой пылкости и нетерпѣливости, какъ въ эту минуту: онъ самъ наводилъ пушки, самъ

командовалъ стрѣлять, и какъ будто вспомнилъ свое прежнее званіе артиллерійскаго офицера. Между тѣмъ выстрѣлы противоположной Виртембергской батареи ложились вокругъ него, и безстрашные гвардейцы стали роптать, что Наполеонъ подвергаетъ жизнь свою опасности. Замѣтивши это, онъ съ усмѣшкой сказалъ имъ: «Полноте, ребята! ядро, которое убьетъ меня, еще не отлито.»

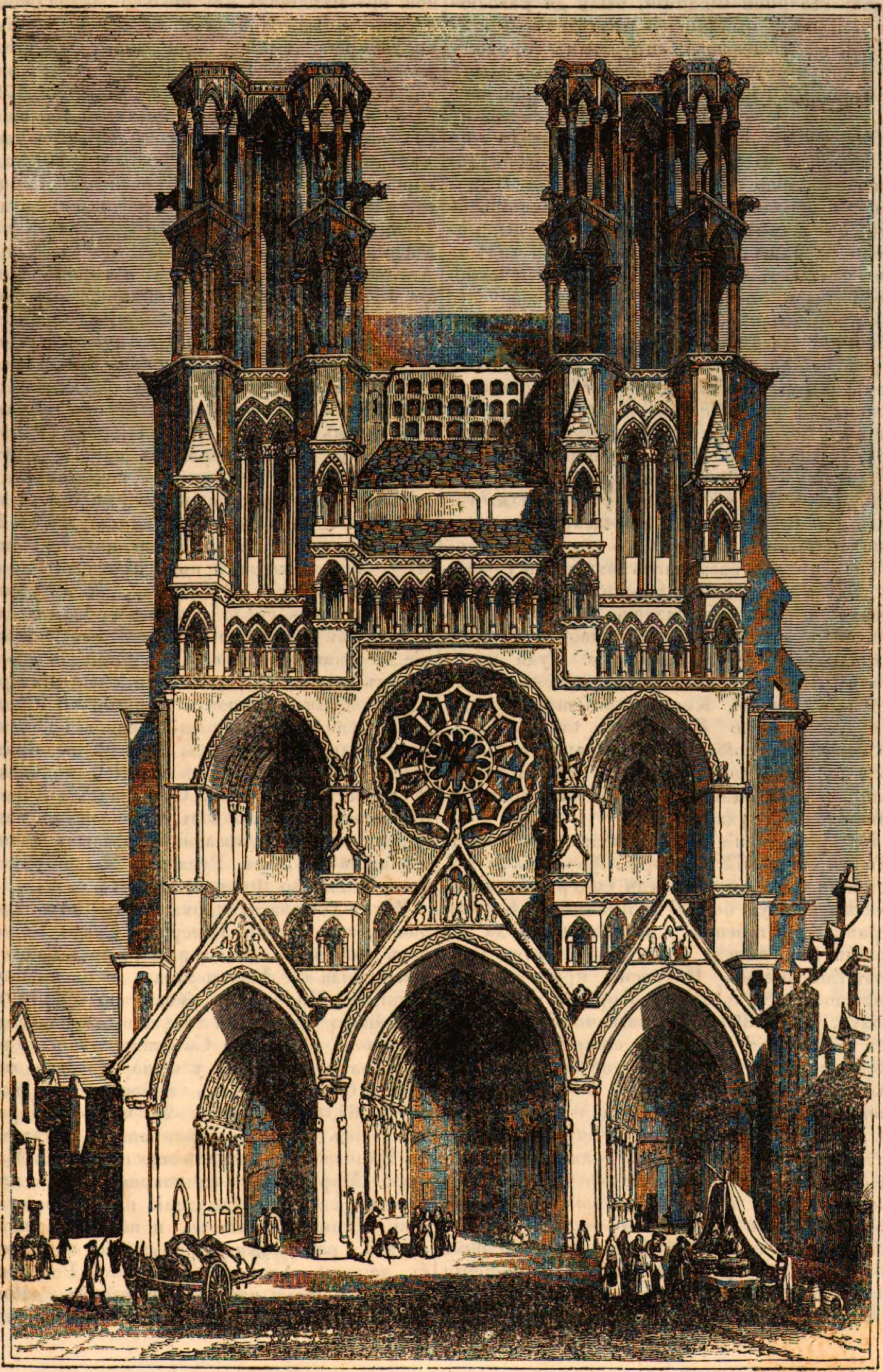
Усиленный огонь Французской артиллеріи произвелъ свое дѣйствіе, и подъ покровительствомъ его пѣхота заняла Мелёнское предмѣстіе, а Генералъ Пажоль съ своею кавалеріею быстро овладѣлъ мостомъ. Принцъ Виртембергскій оказалъ въ этомъ сраженіи удивительное мужество, и началъ отступать, когда уже не льзя было держаться. Впрочемъ, цѣль, для которой онъ былъ оставленъ въ Монтро: задержать Французовъ

и дать союзнымъ войскамъ время сосредоточиться, эта цѣль была достигнута. Наполеонъ увидѣлъ, что успѣхъ не соотвѣтствовалъ его усиліямъ, и что онъ одержалъ поверхность только на полѣ битвы. Можетъ быть это разсердило его особенно, и онъ выразилъ свой гнѣвъ противъ многихъ Генераловъ: отнялъ корпусъ у Маршала Виктора и отдалъ его Жерару, сдѣлалъ строгій выговоръ Генераламъ Леритье, Гіо, Дижону, Монбрёну, которые въ самомъ дѣлѣ надѣлали ошибокъ или оказали недѣятельность. Но всего больше шумѣлъ онъ на Виктора, за то, что онъ не атаковалъ Монтро накануне, далъ время Виртембергцамъ занять выгоднѣйшую позицію, и заставилъ погубить много людей по пустому. Смягчая свои упреки, онъ сказалъ, что Виктору нуженъ покой, что онъ слишкомъ страдаетъ отъ многочисленныхъ своихъ ранъ, и наконецъ прибавилъ: «Прежде Викторъ бывалъ неутомимъ, а теперь ему надобно лучшую постель въ главной квартирѣ.» Это оскорбило Маршала и онъ отвѣчалъ ему: «Государь! я солдатъ, и еще не разучился владѣть ружьемъ: позвольте мнѣ стать въ ряды вашей гвардіи.» Наполеонъ протянулъ къ нему руку и сказалъ: «Ну, полно! останемся друзьями. Я отдалъ твой корпусъ Жерару, но тебѣ даю двѣ дивизіи моей гвардіи. Прими команду надъ ними, и ни слова о прежнемъ!»

«Въ такія-то минуты,» говоритъ при этомъ В. Скоттъ, «когда онъ укрощалъ движенія гнѣва и являлся добрымъ и великодушнымъ, Наполеонъ былъ точно любезенъ и очарователенъ.»

СОБОРНАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ ЛАНѢ.

Ланъ (Laon), одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ сѣверной Франціи, былъ до революціи и прежде нынѣшняго раздѣленія Французскаго Королевства, окружнымъ городомъ въ обширной области Пикардійской. Нынѣ онъ главный городъ Эньскаго департамента.

Полагаютъ, что онъ существовалъ еще во времена Цезаря; по крайней мѣрѣ достовѣрно, что во всей Французской Исторіи онъ игралъ нѣкоторую роль. Построенный на возвышеніи и вблизи границы, посреди равнины, на которой можно видѣть его издалека, Ланъ по самой мѣстности своей былъ значителенъ при первоначальномъ образованіи Государства. Если вѣрить историку Девиму, въ 407 году его осадили и разграбили Свевы, Аланы и Вандалы. Потомъ онъ выдержалъ осаду отъ страшнаго Аттилы, который не имѣлъ успѣха при этомъ. Вскорѣ св. Реми, Епископъ Реймсскій, урожденецъ Ланскаго округа, сталъ увѣщавать своихъ земляковъ, чтобы они покорились Хловису. Онъ учредилъ въ городѣ ихъ Епископство, причислилъ къ нему свое помѣстье Анизи, и по этому-то Епископы Ланскіе назывались вмѣстѣ и Графами. Здѣсь соединилась такимъ образомъ духовная и свѣтская власть. Короли Французскіе втораго поколѣнія любили Ланъ, и сдѣлали его своею столицею. Туда переѣхалъ Людовикъ Заморскій, вскорѣ послѣ избранія его въ Короли: онъ-то построилъ знаменитую *Башню* (la tour de Louis d'Outremer), которую такъ варварски сломали въ 1832 году, и для увеличенія рынка лишили себя одного изъ древнѣйшихъ памятниковъ Государства.

Въ продолженіе двѣнадцатаго и тринадцатаго столѣтій, Исторія Лана занята вся войнами общины. Жители выдерживали самую тягостную борьбу за права свои. Короли Французскіе третьяго поколѣнія иногда помогали имъ, иногда были пособниками Графовъ-Епископовъ. Наконецъ права города уничтожились въ пользу Королей. Филиппъ Валуа, въ 1332 году, назначилъ отъ себя, для управленія общиною, старшину, которому помощниками были шесть избираемыхъ городомъ совѣтниковъ. Борьба общинъ, почти нигдѣ не описанная на Русскомъ языкѣ, вообще представляетъ любопытную и важную картину развитія гражданскаго общества во Франціи. Это предметъ совершенно новый для насъ, о которомъ надобно написать нѣсколько томовъ, чтобы объяснить его вполнѣ. Мы упоминаемъ о немъ потому только, что въ этомъ отношеніи городъ Ланъ чрезвычайно замѣчателенъ.

Филиппъ-Августъ ограничилъ число Перовъ Франціи, до тѣхъ поръ неопредѣленное: онъ назначилъ ихъ только двѣнадцать, и однимъ былъ Епископъ Ланскій, который имѣлъ право носить, при коронованіи Королей, ампулу (елеохранильницу); это достоинство оставалось за нимъ до 1793 года. Епископы Лана принимали большое участіе въ дѣлахъ, и, къ сожалѣнію, въ смутахъ, терзавшихъ Францію. Въ 1418 году городъ палъ во власть Бургонскаго Герцога, а въ слѣдующемъ году достался Англичанамъ. Черезъ десять лѣтъ, когда Жанна д'Аркъ одержала чудесныя побѣды надъ Англичанами, освободился и городъ Ланъ. Въ 1544 году тамъ былъ обнародованъ знаменитый договоръ, положившій конецъ соперничеству Франциска I-го и Карла V-го. Вскорѣ секта протестантовъ нашла жаркихъ поборниковъ въ Ланѣ, и депутатъ его, ученый Боденъ, отличался передъ собраніемъ чиновъ въ Блуа. Послѣ смерти Герцога Гиза, Ланъ упорно держался партіи Лиги. Въ 1590 году, Генрихъ IV тщетно осаждалъ этотъ городъ; но когда онъ взялъ Парижъ, городъ сдался на капитуляцію. Во время смятеній при малолѣтствѣ Людовика XIII, Ланъ находился подъ властью Герцога Вандомскаго, и потомъ, когда умный Ришельё такъ смѣло и вѣрно губилъ феодализмъ, онъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе въ жителяхъ Лана. Такъ прошелъ этотъ городъ сквозь всѣ тревоги и смятенія *приготовительной* Исторіи Франціи, и принималъ дѣятельное участіе почти во всѣхъ значительныхъ случаяхъ. Вмѣстѣ съ образованіемъ Французской монархіи, кончилась и его отдѣльная роль. Онъ сталъ въ чреду обыкновенныхъ городовъ, и только въ наше время былъ свидѣтелемъ кровавыхъ битвъ, славныхъ для насъ, Русскихъ. Мы разумѣемъ здѣсь войну во Франціи въ 1814 году.

Послѣ упорнаго, жаркаго дѣла подъ Краономъ, гдѣ Русскій Генералъ Графъ Воронцовъ покрылъ себя славою, армія Блюхера отступила къ Лану и заняла тамъ крѣпкую позицію. Наполеонъ имѣлъ только 40,000 линейнаго войска, и еще нѣсколько тысячь народной стражи. Съ ними рѣшился онъ атаковать Блюхера, у котораго было почти 110,000 человѣкъ войска, и въ томъ числѣ 67,000 Русскихъ. 25 числа Февраля завязалось дѣло съ перемѣннымъ успѣхомъ; но Наполеонъ выжидалъ еще прибытія Маршала Мармона, и единовременно съ нимъ хотѣлъ сдѣлать нападеніе на союзную армію. Мармонъ пришелъ, и послѣ неважнаго успѣха, расположился со своимъ корпусомъ въ деревнѣ Атисъ, на большой Реймсской дорогѣ, потому что по диспозиціи, данной ему Наполеономъ, онъ дѣйствовалъ отдѣль-

по, по другую сторону города. Блюхеръ рѣшился уничтожить этого противника, и ночью, съ 25-го на 26-е число, атаковалъ его огромными силами, безъ выстрѣла, холоднымъ оружіемъ. Внезапность нападенія такъ смутила Французовъ, что послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ они бросились къ Берп-о-Баку и Фиму, оставивъ на полѣ сраженія 45 орудій, 100 зарядныхъ ящиковъ и больше двухъ тысячь плѣнныхъ. Послѣ такой потери, Наполеонъ уже тщетно возобновлялъ, на другой день, свои нападенія на городъ: онъ погубилъ нѣсколько тысячь своего войска, и долженъ былъ отступить къ Суассону. Въ сраженіи подъ Ланомъ онъ потерялъ 46 орудій, 12,000 убитыхъ и раненыхъ, и, главное, увидѣлъ невозможность разбить Силезскую армію, противъ которой дѣлалъ столько усилій. Нравственная потеря его была гораздо важнѣе вещественной.

Удивительныя событія новѣйшей исторіи сдѣлали достопамятными для насъ, Рускихъ, многіе города Франціи, и въ этомъ числѣ почетное мѣсто принадлежитъ Лану. Онъ помнитъ наши громы, какъ мы не забудемъ никогда мѣстъ, гдѣ оружіе наше было увито лаврами.

Ланъ замѣчателенъ еще однимъ памятникомъ архитектуры, который изображенъ на приложенномъ здѣсь рисункѣ. Это соборная церковь, построенная, какъ полагаютъ, въ 1115 году. Не много существуетъ въ Европѣ такихъ изящныхъ зданій готическаго стиля. Тройной порталъ этой церкви, величественные размѣры ея, двѣ огромныя и вмѣстѣ легкія, смѣлыя башни, безчисленныя окна, украшенныя разрисованными стеклами, и вся эта рѣзьба архитектурная, если можно такъ выразиться, обращаютъ на себя вниманіе истинныхъ любителей искуства. Ланская соборная церковь служитъ неоспоримымъ доказательствомъ, что готическая архитектура можетъ быть разнообразна и въ главныхъ своихъ размѣрахъ. Сыщите что нибудь похожее на этотъ изящный храмъ христіанскаго благочестія!

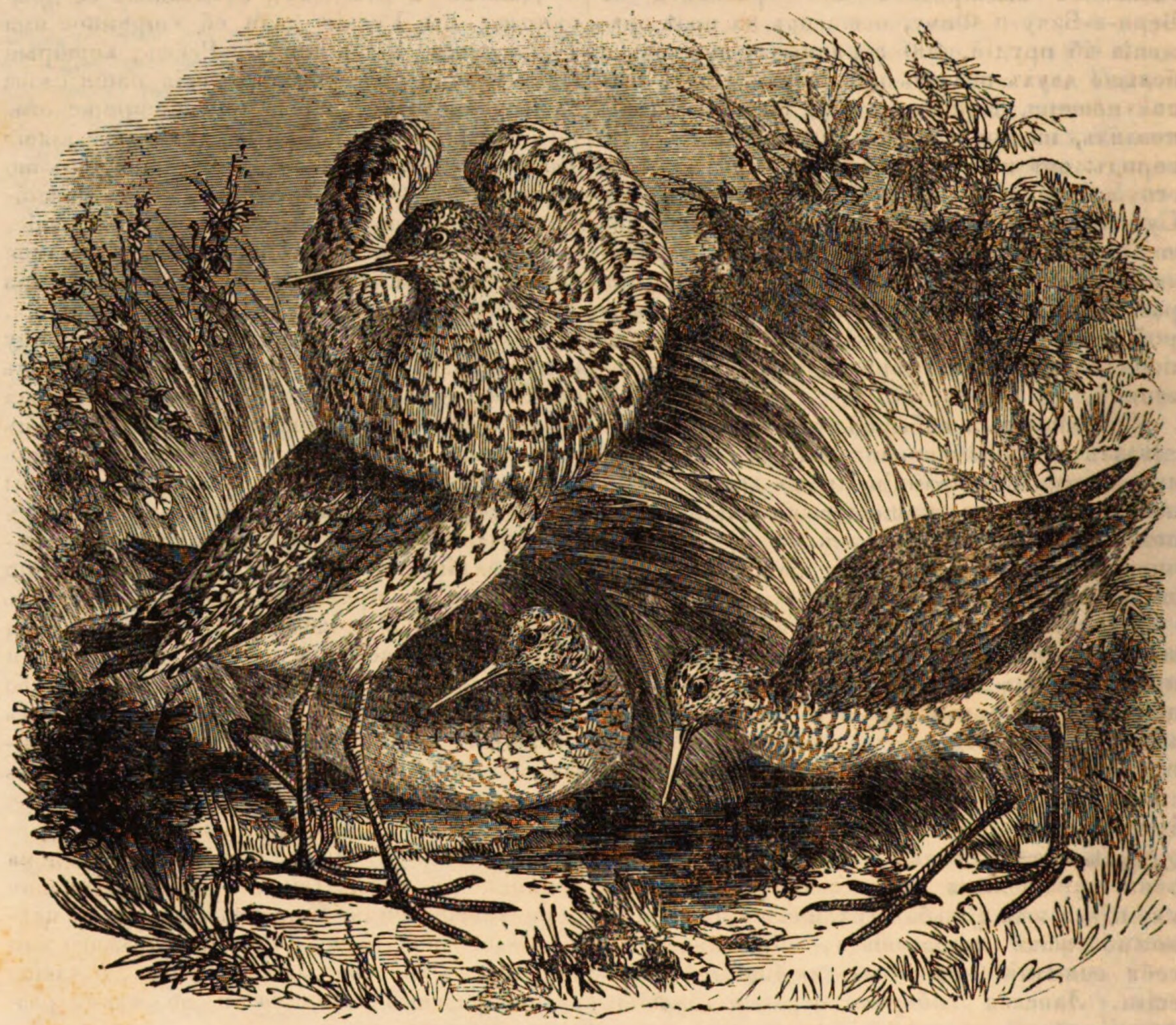
Для исторической точности надобно замѣтить, что Ланскій соборъ былъ сожженъ въ XII-мъ столѣтіи, во время одной междоусобной тревоги; но его вскорѣ возобновили, еще въ лучшемъ, изящнѣйшемъ видѣ. Такихъ памятниковъ немного въ самой Франціи, богатой древними, величественными церквами.

ТУРУХТАНЪ.

Можетъ быть ни одна изъ птицъ не имѣетъ такихъ разнообразныхъ и неопредѣленныхъ именъ у разныхъ народовъ, какъ эта. Англичане называютъ самца the ruff, а самку the reeve; Французы даютъ ей имя, вообще, le Combattant, а въ просторѣчіи le paon de mer (морской павлинъ); на Германскихъ нарѣчіяхъ (собственно по Нѣмецки, по-Датски и Шведски), называютъ ее *драгуномъ;* мы Руские дали ей странное имя *Турухтана*. Жаль что Г. Рейфъ, который такъ удачно отыскивалъ многія наши слова въ Персидскомъ, Арабскомъ, Санскритскомъ, не объяснилъ намъ, съ какого языка взято слово *Турухтанъ!* Оно отзывается чѣмъ-то восточнымъ. Въ Словарѣ Академіи Россійской находится для этого слова объясненіе, но также не сказано, откуда взялось самое слово. Натуралисты приняли для означенія Турухтана Латинское слово Tringa pugnax, и только Кювье, назначивши эту птицу первообразомъ рода Machetes, называетъ ее Machetes pugnax. И все таки большая часть этихъ словъ означаетъ *драгуна!* Отъ чего-жь такую геройскую идею соединяютъ съ Турухтаномъ? Вотъ отъ чего. Турухтаны лучшее время лѣта проводятъ въ войнѣ другъ съ другомъ, иногда по одиначкѣ, иногда цѣлыми фалангами, но всегда по какимъ-то опредѣленнымъ правиламъ. Часто битвы ихъ бываютъ продолжительны и кровавы. Такая война продолжается у нихъ часть лѣта, или время любви. Тогда самцы бываютъ во всей красотѣ своей: грудь и шея ихъ украшены длинными перьями въ родѣ щита, и они точно развертываютъ ихъ для защиты, начиная бой. Это украшеніе, такъ-же какъ небольшія мясистыя бородавки на носу Турухтана, исчезаютъ во время линянія, въ концѣ Іюня, и онъ совершенно перемѣняетъ видъ. Перья его бываютъ цвѣта бѣлаго или сѣраго, а иногда рыжаго или чернаго, съ фіолетовымъ отливомъ, и часто разнообразятся пятнами и полосками разныхъ цвѣтовъ.

Эта птица живетъ на приморскихъ берегахъ, и водится въ сѣверной Франціи, въ Англіи, Голландіи, Германіи, Россіи, Сибири и въ Исландіи. Гнѣзда свои дѣлаетъ она въ землѣ, въ небольшихъ углубленіяхъ, сложенныхъ дерномъ. Самка кладетъ туда пять или шесть яицъ, совершенно пестрыхъ, покрытыхъ пятнами темнорыжими, и черезъ три мѣсяца выводитъ дѣтей. Турухтуна ѣдятъ въ нѣкоторыхъ странахъ: Англичане и Голландцы большіе охотники до его мяса. Въ Англіи иногда ловятъ его и откармливаютъ мякишемъ хлѣба; только при этомъ надобно держать его въ темнотѣ, потому что какъ скоро онъ видитъ свѣтъ, то начинаетъ биться до изнеможенія; сверхъ того, если держать нѣсколько

Турухтановъ вмѣстѣ, то при свѣтѣ они дерутся за все: за пищу, за питье, за клочекъ зелени. Самки ихъ такъ-же злы и вздорливы какъ самцы. Натуралисты описывали много разныхъ родовъ Турухтана въ Европѣ, но теперь извѣстно, что ихъ существуетъ только одинъ родъ, который является разнообразнымъ и даже не похожимъ на себя въ разныя времена года. Длина Турухтана около девяти дюймовъ. На прилагаемой нами картинкѣ онъ изображенъ во всей красѣ своей: съ щитообразнымъ ожерельемъ. Самки

не имѣютъ этого украшенія, и вообще не такъ красивы.

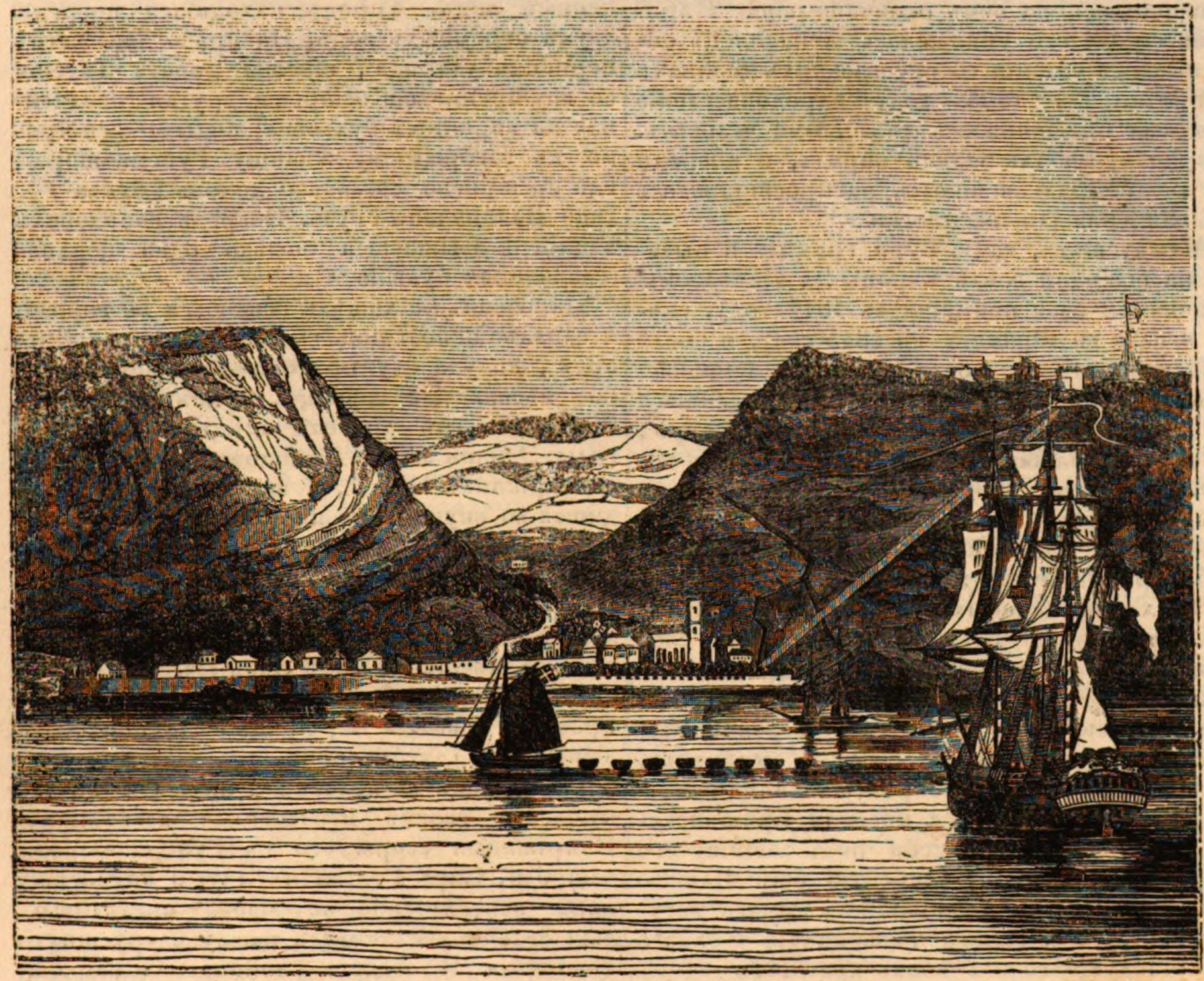
ОСТРОВЪ СВЯТЫЯ ЕЛЕНЫ.

Въ какомъ уголкѣ міра неизвѣстно имя острова св. Елены? Кто изъ людей, если онъ не дикій островитянинъ или Африканецъ, кто не знаетъ какую знаменитость получила въ наше время эта

.....скала, гробница славы!...
Тамъ погружались въ хладный сонъ
Воспоминанья величавы,
Тамъ угасалъ — Наполеонъ!

Да!... всемірное имя Наполеона, и послѣдніе годы его, проведенные на островѣ Святыя Елены, придали этой скалѣ океана высокую, торжественную извѣстность!... Провидѣніе какъ будто приготовило для него этотъ странный, пустынный островъ, потому что ему не было мѣста на землѣ!.. И забытая Исторіей, почти незамѣтная на картѣ точка земнаго шара, сдѣлалась предметомъ общаго любопытства, ученыхъ разысканій, и вдохновенія поэтовъ. Провидѣніе дало Наполеону такую безпримѣрную роль въ Исторіи міра, окружило имя его такимъ яркимъ блескомъ, что могильный холмъ, гдѣ покоится прахъ этого великаго человѣка, долженъ обращать на себя общее вниманіе. Не завоеватель, не Императоръ Французовъ, не врагъ нашей родины достопамятенъ и великъ для насъ въ этомъ историческомъ лицѣ, а человѣкъ, въ которомъ

провидѣніе заключило изумительную силу генія, дало ему поприще, соразмѣрное его силѣ, и потомъ какъ-бы хотѣло показать, что лишь прямое стремленіе къ добру прочно и несокрушимо. Примѣръ поучительный и великій! Вотъ почему и островъ св. Елены, эта крайняя точка Наполеонова поприща, пробуждаетъ въ насъ всегда столько думъ, размышленій и справедливаго любопытства. Прежняя исторія острова Св. Елены очень неважна. Португальскій мореплаватель Іоаннъ де Нова открылъ его въ 1502 году, Мая 21-го, въ день Константина и Елены, и по имени этой святой назвалъ новоот-

крытый островъ. Тогда Португальцы владѣли морями, имѣли колоніи и поселенія во всѣхъ частяхъ свѣта. Имъ очень кстати пришелся этотъ островъ, необитаемый, образовавшійся изъ подземной лавы, сожженный тропическимъ солнцемъ, но поставленный природою какъ-бы для роздыха плывущихъ кругомъ свѣта или въ Восточную Индію, потому что онъ находится почти на равномъ разстояніи отъ Африки и Южной Америки. Отъ него 1800 миль до мыса Доброй Надежды, и 600 миль до ближайшаго острова Вознесенія. Самая большая длина его 10½ миль, ширина 6¾, а окружность около 28 миль. Онъ находится подъ 16° южной широты, и 6° западной долготы отъ Гринича. Объявивши себя владѣтелями острова, Португальцы сдѣлали на немъ небольшое поселеніе, оставили разнаго скота, птицъ, начали разводить плодовитыя деревья, и тропическая природа помогла имъ въ этомъ. Вскорѣ не одни Португальскіе, но и Голландскіе и Англійскіе корабли начали приставать у острова Св. Елены. Между тѣмъ Португальцы умножили свои заведенія на берегахъ Африки и Америки, такъ что прежній роздыхъ, столь важный для нихъ, сдѣлался меньше значительнымъ при перемѣнѣ обстоятельствъ. Островомъ овладѣли Голландцы, около 1600 года; но они также оставили его, и около 1650 года онъ достался Англичанамъ. Тогда-то заведено было на немъ настоящее заселеніе, потому что Португальское уже давно не существовало. Англійская Остъ-Индская Компанія заложила маленькую крѣпость, противъ по-

го мѣста, которое означено внизу прилагаемой нами картинки буквою *c.* Это укрѣпленіе назвали *Сенъ-Джемсомъ,* въ честь тогдашняго Іоркскаго Герцога, бывшаго послѣ Короля Іакова II. Въ 1672 году Голландцы захватили островъ нечаяннымъ нападеніемъ и снова хотѣли было оставить за собой; но Англичане вскорѣ опять взяли его, и уже утвердились на немъ окончательно. Народонаселеніе его умножилось и наконецъ образовались селенія во внутреннихъ долинахъ острова. Въ 1805 году народонаселеніе острова простиралось до 3078-ми человѣкъ. Мирно прозябалъ этотъ народъ, и посреди него учреждались школы, распространялась бѣдная гражданственность.

Между тѣмъ, какія бури гремѣли и пылали на твердой землѣ Европы!... Наполеонъ, кончившій свое поприще въ 1814 году, снова явился во Франціи въ 1815 году, и послѣ стодневнаго властвованія, послѣ громовой битвы Ватерлооской, рѣшился удалиться въ Америку. 3 Іюля былъ онъ въ Рошфорѣ, откуда небольшая Французская эскадра готовилась перевезти его къ берегамъ новаго свѣта. Но Англійскіе крейсеры внимательно стерегли прибрежіе, и Наполеонъ увидѣлъ себя принужденнымъ отдаться непримиримымъ своимъ врагамъ. Тогда-то написалъ онъ къ Принцу Регенту Англійскому свое знаменитое письмо, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Преслѣдуемый партіями, раздирающими мою страну, и неріязненностью «великихъ державъ Европы, я довершилъ «свое политическое поприще. Какъ Ѳемис«токлъ, иду укрыться посреди Британска«го народа; отдаю себя подъ защиту его «законовъ, которой требую отъ Вашего «Высочества; требую защиты самаго могу«щественнаго, самаго постояннаго и самаго «великодушнаго изъ моихъ враговъ.»

Его приняли на Англійскій корабль и привезли къ берегамъ Англіи. Но рѣшеніе союзниковъ было противно ожиданіямъ Наполеона; и надобно сказать, что его не могли оставить въ Европѣ. Съ этимъ согласится всякой, кто приметъ трудъ сообразить тогдашнія обстоятельства и расположеніе умовъ. Островъ Св. Елены былъ назначенъ мѣстомъ всегдашняго его жительства. Наполеонъ протестовалъ противъ этого, однако долженъ былъ повиноваться, и вскорѣ по волнамъ океана отправился къ пустынному острову, который съ этого времени обратилъ на себя вниманіе всего свѣта. 15 Октября 1815 года, корабль *Нортомберлендъ,* на которомъ находился Наполеонъ, прибылъ на видъ острова Св. Елены. Во время пути, Императоръ показывалъ совершенное равнодушіе, бывалъ даже веселъ, и сходя на берегъ благодарилъ Адмирала Кокборна и офицеровъ его, какъ добрыхъ сопутниковъ своихъ.

Наружный видъ острова, съ моря, производитъ впечатлѣніе ужасное. Вы видите высокія, стремнистыя скалы, и только Джемсъ-Тоунъ, единственный городъ и пристань, оживляетъ нѣсколько этотъ безжизненный видъ. Городъ находится посреди двухъ огромныхъ горъ. На право отъ него, перпендикулярная, тѣсная дорога ведетъ во внутренность острова; другая (означенная на картинкѣ буквою *e*) подымается прямо къ загородному жилищу Губернатора, гдѣ построено нѣсколько домовъ (буква *f*). Это Плантешнъ-Гоузъ. Посреди городскихъ зданій возвышается только одна церковь (означенная буквою *d*).

Наполеонъ не хотѣлъ остаться въ городѣ, и занялъ небольшой сельскій домикъ, Бріарсъ, покуда ему приготовляли опредѣленное мѣсто для жилища, тотъ извѣстный Лонгвудъ, гдѣ провелъ онъ свои послѣдніе годы. Этотъ загородный домъ не изображенъ на картинкѣ нашей, потому что онъ находится во внутренности острова, въ прямой линіи противъ буквы *b*, поставленной вверху. 9-го Декабря переселился Наполеонъ въ это жилище, съ частью окружавшихъ его, которые были: Графъ и Графиня Монтолонъ съ дѣтьми, Графъ Ласъ-Казесъ, съ сыномъ, Генералъ Гурго и Докторъ О'Мира; Графъ и Графиня Бертранъ были помѣщены вблизи, въ другомъ домѣ.

Пять лѣтъ съ половиной томился въ заключеніи своемъ несчастный изгнанникъ. Непріятныя ссоры его съ Губернаторомъ острова, Сиръ Годзономъ Лоу, и грубость, даже непріязненность этого послѣдняго, еще больше увеличивали тоску и грусть его положенія. Не будемъ упоминать о страданіяхъ Наполеона... а чтобы описать вполнѣ занятія его на островѣ Св. Елены, надобно составить цѣлую книгу. Скажемъ здѣсь только одно, что онъ успѣлъ надиктовать много томовъ своихъ Записокъ и замѣчаній о разныхъ предметахъ, и явился столько-же великимъ писателемъ, сколько великъ былъ на всѣхъ поприщахъ. Часть Записокъ его издана въ 8-ми томахъ.

Постепенно овладѣвали имъ болѣзни, и желѣзная природа его мало по малу разрушалась. Наконецъ, 5 Мая 1821 года, онъ отдалъ свою душу Всемогущему Богу!...

Наполеонъ завѣщалъ, чтобы прахъ его покоился на берегахъ Сены. Этого нельзя было исполнить, и мѣстомъ могилы его избрали уединенную долину близъ Лонгвуда, гдѣ изгнанникъ любилъ отдыхать во время печальныхъ своихъ прогулокъ. «Тамъ есть

свѣтлый ручей, изъ котораго Китайскіе слуги его наполняли серебряныя вазы, и относили ихъ въ Лонгвудъ, для собственнаго употребленія Наполеона. Въ этомъ мѣстѣ больше тѣни и зелени, нежели во всѣхъ другихъ окрестностяхъ, и знаменитый изгнанникъ часто приходилъ отдыхать тамъ, подъ прелестными плакущими ивами, которыя окружаютъ источникъ. Тѣло умершаго было выставлено на парадной постелѣ, въ небольшой его спальнѣ, куда приходили взглянуть на него всѣ значительные жители острова. Мая 8-го отправились на мѣсто погребенія. Вмѣсто покрова, гробъ былъ накрытъ плащемъ, который Наполеонъ имѣлъ на плечахъ своихъ въ день Маренгской битвы. Вокругъ шли всѣ особы его дома, въ траурныхъ плашьяхъ; за ними Губернаторъ, Адмиралъ, и всѣ военные и гражданскіе чиновники. При этомъ торжественномъ случаѣ стояли подъ ружьемъ всѣ войска, находившіяся на островѣ. Дорога не позволила печальной колесницѣ проѣхать до самой могилы, и Англійскіе гренадеры имѣли честь донести туда гробъ на своихъ плечахъ. Аббатъ Виньяли прочиталъ обычныя молитвы. На адмиральскомъ кораблѣ стрѣляли изъ пушекъ каждую минуту. Наконецъ, при трехъ залпахъ изъ пятнадцати пушекъ, гробъ опустили въ могилу, и надъ нею былъ положенъ огромный камень: онъ закрылъ небольшое пространство, въ которомъ умѣстился тотъ, кому была тѣсна цѣлая Европа.» Это простое и прекрасное описаніе заимствовали мы у хладнокровнаго историка, В. Скотта.

Надъ могилою Наполеона нѣтъ надписи. И на что была-бы она?

Ici gît... point de nom!... demandez à la terre!

Мы, Рускіе, столь долго враги Наполеона и мстители за кровавыя обиды его, мы повторяемъ теперь устами нашего поэта:

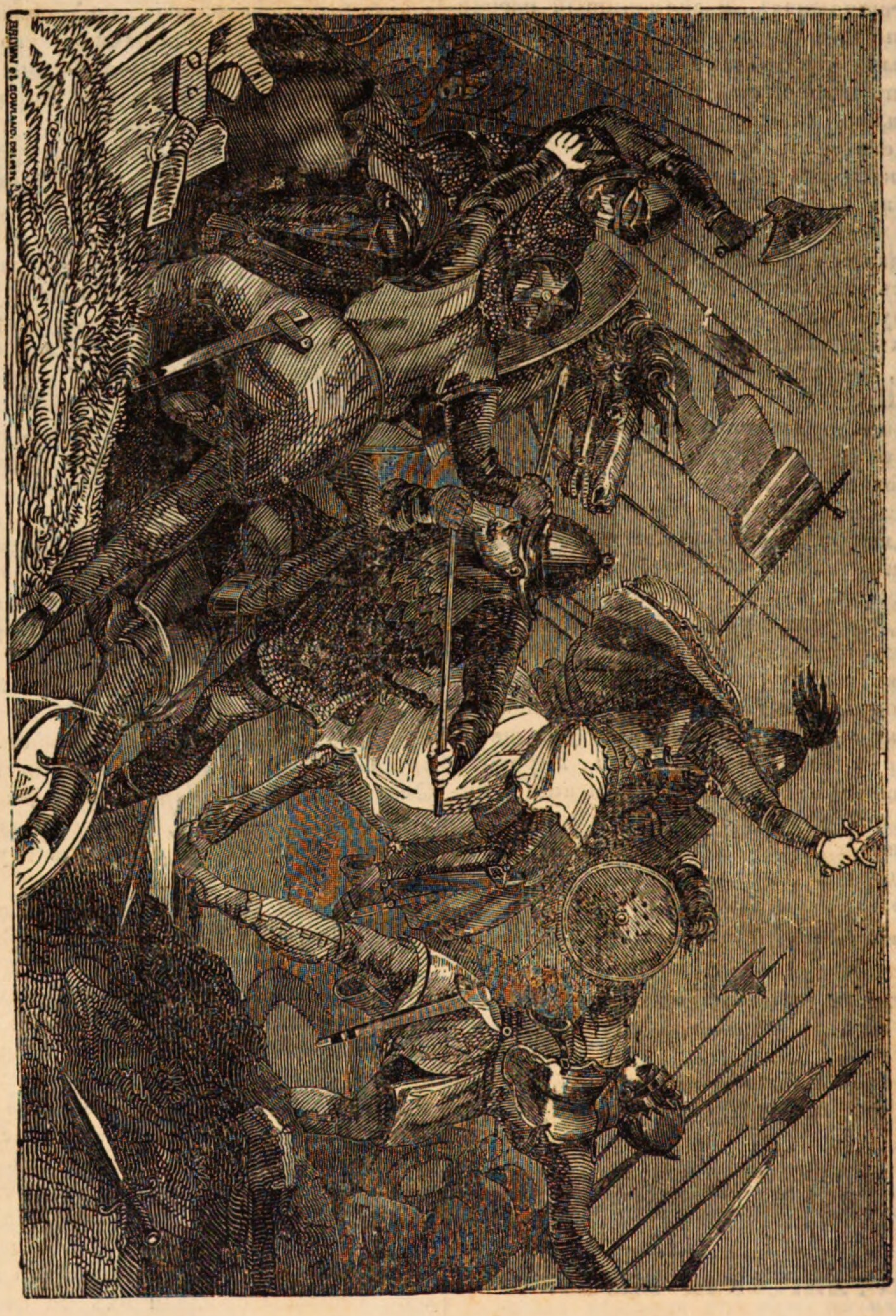
О ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будетъ полнъ,
Пріосѣненъ твоею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила...
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила
И лучъ безсмертія горитъ.
.

ГАСТИНГССКАЯ БИТВА.

Послѣ смерти Эдуарда Цѣломудреннаго, Короля Англійскаго, два человѣка объявили свои права на его престолъ: первый былъ Вильгельмъ, названный впослѣдствіи Завоевателемъ, Герцогъ Нормандскій; другой, Гарольдъ, Саксонецъ родомъ, оказавшій услуги государству. Первый основывалъ свои права на родствѣ съ Эдуардомъ, и говорилъ, что Король назначилъ его своимъ наслѣдникомъ; ссылался также на буллу Папы, который отдалъ ему Англію, за обѣщаніе извѣстной платы Римскому престолу. Гарольдъ, напротивъ, опирался на свои заслуги, богатства, и любовь народа, что заставило умирающаго Короля назначить его преемникомъ своимъ. Такія права должны были превозмочь, и дѣйствительно Гарольдъ былъ избранъ въ Короли. Вильгельмъ и не думалъ остановиться на этомъ: онъ громко говорилъ о своихъ правахъ, потому что надѣялся на свое оружіе, и ему надобенъ былъ предлогъ для того только, чтобы употребить силу оружія. Онъ приглашалъ всю Европу на грабежъ Англіи, и къ нему собрались многочисленныя толпы, кромѣ храбрыхъ его Нормандцевъ. Тысяча пять сотъ судовъ перенесли войска его отъ береговъ Нормандіи черезъ Ламаншскій проливъ.

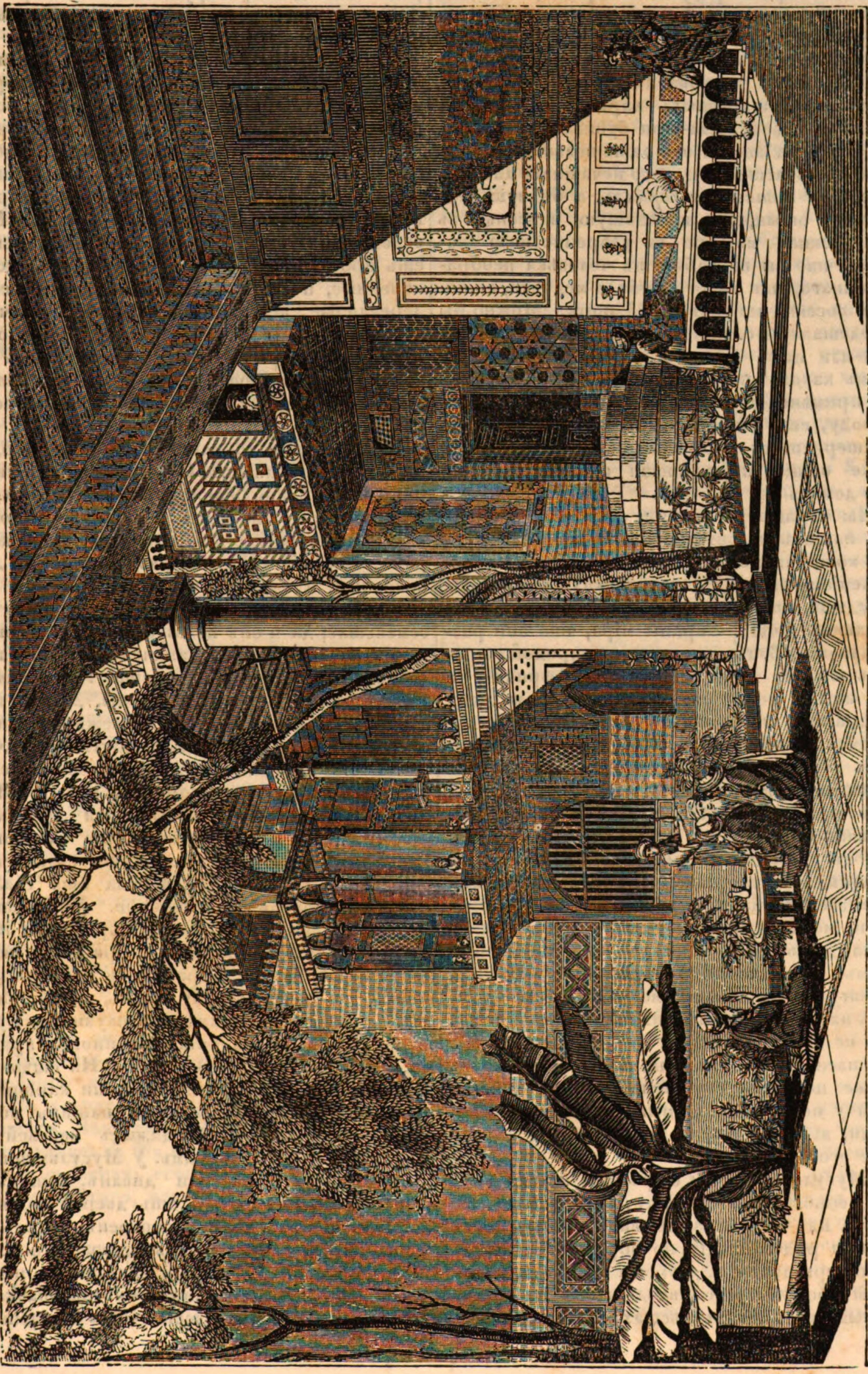
Между тѣмъ Гарольдъ ждалъ непріятеля и готовился встрѣтить его оружіемъ. Но въ это самое время Норвежцы сдѣлали высадку въ сѣверѣ Англіи. Гарольдъ бросился противъ нихъ, смѣлымъ, геройскимъ ударомъ сокрушилъ армію ихъ подъ стѣнами Іорка, и сдержалъ слово Норвежскому Королю, которому обѣщалъ онъ, передъ сраженіемъ, шесть футовъ земли. Но знамя Нормандское съ тремя львами уже развѣвалось на берегу Англіи. Гарольдъ быстро кинулся противъ Вильгельма, и, на этотъ разъ, излишняя поспѣшность была для него пагубна. Онъ не далъ времени своимъ утомленнымъ войскамъ отдохнуть, и не сождалъ подкрѣпленій, шедшихъ къ нему изъ внутреннихъ областей. Онъ надѣялся вдругъ разсѣять Нормандскія войска, и неожиданною быстротою уничтожить всѣ планы Вильгельма. Но Завоеватель былъ остороженъ: едва вышедши на землю, онъ укрѣпился лагеремъ и смѣло ждалъ врага. При такой перемѣнѣ обстоятельствъ, Гарольдъ остановился въ нѣсколькихъ миляхъ отъ непріятеля, велѣлъ дѣлать окопы, и, кажется, хотѣлъ дождаться новыхъ войскъ. Вильгельмъ не далъ ему времени для этого: воспламенивъ фанатизмомъ свои полчища, онъ пустилъ ихъ въ бой. Нормандцы выступили, запѣли балладу Роланда, и съ крикомъ крестоносцевъ: Намъ поможетъ Богъ! устремились на непріятелей. Саксоны ожидали ихъ за своими окопами. Три раза Нормандцы нападали съ яростью, и три раза отбивали ихъ ужасными ударами Саксонскихъ топоровъ, противъ которыхъ не могли устоять ни копья, ни мечи, ни желѣзныя кольчуги. Тогда Вильгельмъ рѣшился вызвать Англійское войско на долину, велѣлъ сдѣлать ложное нападеніе и тотчасъ отступать въ безпорядкѣ.

Этотъ манёвръ удался ему. Увлеченные своею пылкостью и призракомъ побѣды, воины Гарольдовы вышли изъ лагеря, начали преслѣдовать бѣгущихъ, и тогда только увидѣли свою ошибку, когда Нормандцы снова обратились противъ нихъ, одолѣли ихъ числомъ, и вмѣстѣ съ ними вошли въ ихъ укрѣпленія. Тамъ сѣча сдѣлалась ужасна. Гарольдъ, братья его, почти всѣ военачальники пали. Битва продолжалась до ночи и была рѣшительна. Она сдѣлала Нормандцевъ обладателями Англіи. Саксоны долго сохраняли свою самобытность, но Вильгельмъ уже не встрѣчалъ нигдѣ сильнаго сопротивленія. Съ этого дня началась новая эпоха въ Исторіи Англіи.

Гастингсская битва происходила въ осьми миляхъ отъ Гастингса, 14 Октября 1066 года. На мѣстѣ ея вскорѣ было основано аббатство, и теперь еще есть деревушка, называемая, въ память знаменитой битвы, Battle-Abbey. У Англичанъ это великое событіе пользуется народною славою.

ВНУТРЕННОСТЬ ДОМА ВЪ КАИРѢ.

Архитектура и внутреннее расположеніе домовъ характеризуютъ народъ, такъ-же какъ убранство и разныя принадлежности въ комнатѣ характеризуютъ человѣка. Если въ кабинетѣ зажиточнаго хозяина вы видите двадцать разнокалиберныхъ трубокъ, нѣсколько открытыхъ картузовъ табаку, сальную свѣчку, двѣ-три бутыли на окнахъ, да еще при этомъ отвратительнаго мопса, и не замѣчаете ни одного печатнаго листка, *нигдѣ ни пятнышка чернилъ,* а бѣдную чернилицу отыщете заросшую плѣсенью въ углу окна, можете съ увѣренностью сказать, что вы въ кабинетѣ человѣка необразованнаго, или какого нибудь медвѣдя, который сосетъ лапу въ своей норѣ. Можно-бы представить сотни такихъ картинъ, и каждая изъ нихъ была-бы вѣрнымъ изображеніемъ какого нибудь характера. Точно тоже примѣненіе можно сдѣлать и къ каждому народу, если внимательно разсмотрѣть характеристику его городовъ, деревень, и даже общей наружности и внутренности его домовъ.

Мы обращаемъ теперь вниманіе читателей нашихъ на внутренность дома въ Каирѣ, которая можетъ служить общимъ изображеніемъ всѣхъ Мусульманскихъ домовъ. Не забудьте, что послѣдователи Магомета занимаютъ лучшія страны міра, что они разселились по благословеннымъ природой странамъ южной Азіи и сѣверной Африки, и что жизнь подъ открытымъ небомъ, или по крайней мѣрѣ на воздухѣ, у нихъ необходимая потребность. Это и служитъ главнымъ условіемъ устройства ихъ домовъ. Имъ неизвѣстно наше наслажденіе сидѣть передъ пылающимъ каминомъ, или въ теплой, свѣтлой комнатѣ, съ умной книгой въ рукѣ, или въ усладительной бесѣдѣ съ милой женщиной и добрымъ другомъ. Магометанинъ весь преданъ окружающей его природѣ, и, можетъ быть, умѣетъ лучше насъ наслаждаться ею, хотя умъ его спитъ при этомъ. Его счастіе: курить трубку сидя на мягкомъ оттоманѣ, молчать, и взглядывать на чистое небо прихлебывая свой кофе. Онъ не любитъ бесѣды: онъ преданъ только чувственнымъ наслажденіямъ. Семейная жизнь также невѣдома ему, потому что жена и дѣти у него необходимыя принадлежности жизни, а не друзья, не радость, не услажденіе его.

У Мусульманъ домы строятся всегда внутри дворовъ, а не наружу, какъ у насъ. Въ Каирѣ, идя по улицѣ, вы видите только заборы, и рѣдко зданія, но обращенныя окнами внутрь дворовъ. Ворота всегда на запорѣ, и постучавшись входите вы во дворъ, чистый, во многихъ мѣстахъ усаженный деревьями; посрединѣ его возвышается передъ вами домъ, окруженный галлереями. Здѣсь царство домашней жизни Мусульманина; здѣсь *наслаждается* онъ жизнью.

Такому устройству домовъ былъ причиною и законъ, то есть Коранъ, который повелѣваетъ строить возвышенныя и богатыя мечети, а въ домахъ наблюдать простоту. Отъ того всѣ Мусульманскіе домы низки и съ плоскими кровлями, замѣняющими иногда наши балконы: тамъ, въ прекрасныя ночи лѣта, отдыхаютъ и нѣжатся Мусульманскія жены. Коранъ также запрещаетъ простымъ обывателямъ строить домы каменные, и потому домы ихъ почти всегда деревянные, чему приписываютъ многочисленные пожары Мусульманскихъ городовъ. Но главною причиною пожаровъ у нихъ употребленіе жаровень, которыя ставятся, въ холодное время, подъ столы и посреди комнатъ.

Расположеніе комнатъ почти вездѣ одинаково у Мусульманъ. Обыкновенно, въ нижнемъ этажѣ помѣщаются слуги. Въ верхній этажъ ведетъ широкая лѣстница, у богатыхъ людей мраморная или устланная коврами. Верхнія комнаты раздѣляются на двѣ половины, и одна изъ нихъ недоступна ни для кого изъ мужчинъ, кромѣ старшаго въ семействѣ; да и онъ пользуется входомъ туда съ нѣкоторыми ограниченіями. Эта половина, *гаремъ* (что значитъ: *священное мѣсто*): тамъ живутъ женщины. Другая половина, *саламлекъ,* принадлежитъ отцу семейства, его сыновьямъ, и другимъ мужчинамъ. Во многихъ большихъ домахъ есть еще посредствующая комната между обѣими половинами: она и называется *мабеиннъ* (между двухъ). Но туда рѣдко входятъ. Пріемными комнатами служитъ саламлекъ, открытый на галлерею, и сама эта галлерея, называемая *диванъ-хане.* Убранство комнатъ вообще чрезвычайно просто. Стѣны расписаны какою нибудь краскою; надъ дверями стихъ изъ Корана; въ разныхъ мѣстахъ, но всегда вверху стѣнъ, имена Бога, Магомета, и монограмма царствующаго Султана. Эти надписи пишутся иногда яркими красками и даже золотомъ. На стѣнахъ нѣтъ ни обоевъ, ни живописи, ни картинъ, ни эстамповъ. Всѣ украшенія нашихъ комнатъ и тысячи *необходимыхъ* мебелей и бездѣлицъ, неизвѣстны имъ. У Мусульманина все замѣняетъ софа или диванъ, который дѣлается во всю стѣну, отъ дверей до дверей. Онъ широкъ, низокъ, спокоенъ, мягокъ, и обитъ какою нибудь тканью, смотря по состоянію хозяина, который сидитъ на немъ цѣлый день поджавши ноги, иногда облокачивается на руку, но всего чаще остается

неподвиженъ по цѣлымъ часамъ. Надобно-ли ему написать что нибудь, онъ не нуждается въ столикѣ, въ стулѣ, и во многихъ другихъ принадлежностяхъ нашего писанья: ему подадутъ бумагу, перо, и онъ пишетъ на колѣнѣ. Настаетъ часъ обѣда или ужина, ему приносятъ, на низенькомъ табуретѣ, кушанье въ оловянномъ или серебряномъ блюдѣ, ставятъ его на полъ, покрытый ковромъ, и важный Мусульманинъ сдвигается съ своего дивана. Потомъ онъ опять садится на диванъ, и когда надобно спать, на томъ-же диванѣ разстилаютъ ему коверъ, а въ холодное время приносятъ шубу, и онъ засыпаетъ укутанный или закрытый на диванѣ. Такъ проходитъ вся его жизнь, исключая выѣзды или выходы со двора.

Мы упомянули, что Мусульмане любятъ воздухъ и наслаждаются имъ. Жаль что мы, въ нашемъ морозномъ климатѣ, не можемъ подражать имъ въ этой благодѣтельной привычкѣ. У нихъ всѣ комнаты провѣваетъ вѣтромъ, потому что въ окнахъ вовсе нѣтъ рамъ со стеклами или вмѣсто ихъ служатъ рѣшетки и занавѣски; двери также всегда отворены. Но любимое мѣсто Магометанъ въ той галлереѣ, которая называется диванъ -хане. Она только защищена отъ солнца крышею, а впрочемъ совершенно открыта. Въ ней также дѣлаются диваны, вокругъ перилъ и стѣнъ, которыя бываютъ иногда расписаны, то есть украшены изображеніемъ цвѣтовъ, деревъ, и рѣдко животныхъ. Тамъ сидятъ хозяева и принимаютъ гостей. Иногда сходятъ и во дворъ, подъ тѣнь какого нибудь дерева, и остаются подъ нимъ уже до ночи. Украшеніемъ и убранствомъ Мусульманскихъ дворовъ можно почесть фонтаны, которые необходимы имъ для исполненія предписаній религіи, и которые находятся у богатыхъ, такъ-же какъ и у бѣдныхъ, съ той разницей, что у богатыхъ они мраморные, а у бѣдныхъ изъ простаго камня. Ковры также необходимая принадлежность для Мусульманина: они разостланы у него и въ мечетяхъ, и въ домахъ, и даже на зелени дворовъ, гдѣ иногда выходитъ онъ отдыхать.

Замѣтимъ, что описаніе наше относится особенно къ домамъ Египетскихъ Мусульманъ, и другихъ, живущихъ въ жаркихъ климатахъ. Чѣмъ сѣвернѣе страна, тѣмъ больше измѣненій. Въ Константинополѣ, напримѣръ, въ окнахъ есть и рамы со стеклами, и много другаго, чего нѣтъ въ Каирѣ.

МАНГОВОЕ ДЕРЕВО.

Манговое дерево замѣчено было сначала въ Восточной Индіи, потомъ въ Америкѣ. Теперь оно во множествѣ растетъ на Антильскихъ островахъ и въ Бразиліи. Въ Ямайкѣ развели его съ 1782 года. Это дерево огромное, достигающее тридцати и даже сорока футовъ въ вышину, съ толстыми и развѣсистыми вѣтвями. При первомъ взглядѣ оно похоже на дубъ, но разсматривая находите въ немъ большую разницу отъ нашего царя лѣсовъ. Стволъ его покрытъ толстою, шишковатою и почти черною корою; самое дерево ломко, но защищено множествомъ листьевъ, довольно большихъ и угловатыхъ. Плодъ его, собственно называемый *манго,* принадлежитъ къ самымъ вкуснымъ и усладительнымъ плодамъ всего растительнаго царства. Его есть множество разныхъ видовъ, какъ всѣхъ плодовъ, о которыхъ заботился человѣкъ, угождая своимъ потребностямъ и еще больше вкусу. Говорятъ, что не льзя ни съ чѣмъ сравнить пріятности, какую чувствуешь во рту отъ этого плода: онъ и сладокъ, и соченъ, и ароматенъ. Отъ того-то Индѣйцы и Креолы дорожатъ имъ удивительно, и даже приписываютъ ему многія цѣлительныя свойства. Вообще, манго имѣетъ форму продолговатаго яблока, сжатаго въ бокахъ, и надутаго въ той оконечности, которою прикасается оно къ вѣткѣ. Во всю длину его идетъ легонькая бороздка. Величиною бываетъ оно съ абрикосъ, и также съ грушу самаго большаго рода. Вѣситъ отъ нѣсколькихъ унцій до двухъ фунтовъ. Кожа его, тонкая, гладкая и лоснистая, выпускаетъ изъ себя смолистыя капли при малѣйшей царапинкѣ; она бываетъ обыкновенно зеленая, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ красная и желтая. Тѣло плода, желто-оранжевое цвѣтомъ, заключаетъ внутри косточку, съ оболочкой непріятнаго вкуса; отъ того-то уважаются особенно тѣ виды манго, въ которыхъ косточка меньше. Плодъ, такъ-же какъ листья и разныя части дерева, издаетъ отъ себя легкій запахъ терпентина: къ нему надобно привыкнуть.

Самый обыкновенный видъ этого дерева называется *манго Индійскій* (Mangifera indica); другіе извѣстные виды его: M. laxiflora и M. fœtida.

Путешественники истощаютъ всѣ похвальные эпитеты описывая вкусъ манго; мы не можемъ судить о немъ, потому что въ Европейскихъ теплицахъ, и то очень не многихъ, показываютъ манго за рѣдкость. Но въ Индіи (благословенная Индія!) его ѣдятъ почти такъ-же какъ мы свои огурцы: и свѣжій, и соленый, и приготовленный съ разными приправами. Вареные въ сахарѣ плоды манго также въ большомъ уваженіи. Но знатоки и охотники почитаютъ все

это варварствомъ: они говорятъ, что манго надобно ѣсть свѣжій, прямо съ дерева. Какъ-же намъ сдѣлать это, когда у Индѣйцевъ есть даже суевѣрное преданіе, будто манго *не хочетъ* переселиться въ Европу, и съ грусти по милой родинѣ умираетъ въ пути! Однако въ Парижскомъ Ботаническомъ саду, этомъ истинномъ храмѣ природы, вырастили довольно большое дерево манго, которое даетъ и плоды, но не такъ

вкусные какъ на своей родинѣ. Лучшіе манго произрастаютъ въ Восточной Индіи: тамъ дерево красивѣе видомъ и ростомъ, и даетъ плоды самые изящные. За то, какъ лелѣютъ ихъ жители! Во время созрѣванія плодовъ, они приставляютъ къ нимъ стражу.

ПРИБЫТІЕ ЮЛІЯ ЦЕЗАРЯ ВЪ БРИТАНІЮ.

Есть имена, которыя оставили неизгладимый слѣдъ въ Исторіи. Въ числѣ ихъ конечно одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ блистательное имя Юлія Цезаря. Этотъ человѣкъ, первообразъ желѣзнаго Римлянина, совершилъ въ немного лѣтъ своей жизни такіе подвиги, что они изумляютъ насъ и теперь. Напомнимъ читателямъ нѣкоторыя черты его могучей жизни, можетъ быть страшной для человѣчества, но увлекательной для ума и воображенія.

Древній Римъ, всегда обильный великими людьми, никогда, казалось, не представлялъ такого сближенія сильныхъ, могущественныхъ дарованій и характеровъ, какъ во время появленія Цезаря на политической сценѣ.

Не за долго геройствовалъ Марій, и еще дѣйствовали Силла, великій Помпей, краснорѣчивый Цицеронъ, и столько-же странный сколько дикій Катилина, когда возвысилось новое имя Цезаря. Онъ родился за сто лѣтъ до нашего лѣтосчисленія, слѣдовательно въ то время, когда власть и дѣйствія Рима приняли размѣры гигантскіе: отъ того и дѣйствователи его казались героями. Но уже зародышъ упадка и смерти проявлялся во всемъ. Цезарь понялъ свое положеніе и кинулся въ политическую бурю. Молодость свою провелъ онъ въ буйствахъ и шалостяхъ, сыпалъ золотомъ, обременялъ себя долгами. Но и въ этотъ періодъ жизни его высказывался иногда будущій властитель

Рима. Семнадцати лѣтъ не хотѣлъ онъ повиноваться Силлѣ, когда этотъ требовалъ развода его съ женой, между тѣмъ какъ всесильный Помпей исполнилъ такую-же волю Диктатора. Цезарь отправился въ Азію, учился тамъ, пріобрѣталъ опытность, и и попавшись къ морскимъ разбойникамъ изумилъ ихъ дерзостью. Они требовали двадцать талантовъ за выкупъ его. «Этого мало: вамъ дадутъ пятьдесятъ,» сказалъ онъ имъ; » но какъ только я буду свободенъ, я велю распять васъ!» И онъ сдержалъ слово. Почти нѣтъ сомнѣнія, что Цезарь былъ сообщникомъ Катилины. Смѣлость и дерзость спасли его. Онъ отправился въ ближнюю Испанію намѣстникомъ, и проѣзжая черезъ бѣдное селеніе сказалъ: «Лучше здѣсь быть первымъ, нежели въ Римѣ вторымъ.» Эти слова показываютъ къ какому полету готовился Цезарь. Онъ возвратился изъ Испаніи съ богатствомъ и славой, сблизилъ недавнихъ враговъ, Красса и Помпея, и вмѣстѣ съ ними составилъ первый въ Римской Исторіи тріумвиратъ. Бывши въ тоже время консуломъ, онъ подкрѣплялъ Помпея, и противъ воли Сената заставилъ принять законъ о раздѣлѣ нѣкоторыхъ земель между бѣдными гражданами. Это сдѣлало его идоломъ народа. Онъ привязалъ къ себѣ и всадниковъ уступкой имъ части суммы изъ податей. Годъ консульства его кончился, и онъ обратилъ свой взглядъ на сѣверъ. Римъ, погрязшій въ интригахъ и козняхъ, былъ тѣсенъ для него: онъ рѣшился завоевать сѣверъ, и имъ покорить столицу міра подъ свою власть. Девять лѣтъ пробылъ онъ въ Галліи и почти все это время провелъ въ войнахъ съ разными народами, покорилъ окончательно Галлію, два раза переходилъ черезъ Рейнъ, и два раза переплывая въ Бри-

таніи, завоевалъ ее и сдѣлалъ Римскою областью. « Воображаю, » говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ историковъ, «это блѣдное и бѣлое лицо, прежде времени увядшее отъ Римскаго разврата; воображаю какъ этотъ человѣкъ, нѣжный и болѣзненный, идетъ подъ дождями Галліи, впереди своихъ легіоновъ, переплываетъ черезъ рѣки, или сидитъ на конѣ, посреди своихъ секретарей, диктуетъ имъ вдругъ пять, шесть писемъ, и волнуя Римъ изъ глубины Бельгіи, истребляетъ на пути своемъ два милліона людей. Въ десять лѣтъ онъ покорилъ Галлію, Рейнъ и сѣверное море. »

Подвиги Цезаря, какъ воина и полководца, изумительны. Человѣкъ, который былъ вправѣ судить объ этомъ, Наполеонъ удивляется многимъ соображеніямъ его во время походовъ въ Бельгіи, Германіи и Британіи. Но для Цезаря это была только ступень къ другимъ, огромнѣйшимъ предпріятіямъ. Послѣ тяжелой и сомнительной борьбы съ Помпеемъ, онъ уничтожилъ этого соперника своего, совершилъ, мимоходомъ, множество завоеваній, переходилъ изъ Европы въ Азію, въ Африку, присоединилъ огромныя области къ владѣніямъ Рима, и, главное, сдѣлался безграничнымъ властителемъ республики. Безпрерывныя противодѣйствія заставляли его почти не выпускать изъ рукъ меча, и въ одно время мы видимъ Цезаря въ разныхъ областяхъ и даже въ разныхъ частяхъ свѣта. Успѣхъ вѣнчалъ всѣ его подвиги. Кончена была и кровавая борьба въ Испаніи, съ приверженцами Помпеевой партіи. Тріумфъ встрѣтилъ побѣдителя. Здѣсь, можетъ быть неосторожно выказанное, гордое честолюбіе погубило Цезаря, тогда какъ онъ уже давно обладалъ тѣмъ, за что рѣшились умертвить его нѣсколько отчаянныхъ республиканцевъ. Въ полномъ собраніи Римскаго Сената, Цезарь палъ подъ ударами заговорщиковъ, у подножія Помпеевой статуи.

Такъ кончилась жизнь одного изъ величайшихъ героевъ древняго міра, или, лучше сказать, съ нимъ кончился древній міръ, который весь былъ тогда въ Римѣ.

Завоеваніе Британіи конечно одинъ только листокъ въ лавровомъ вѣнкѣ Цезаря, но листокъ свѣжій, неувядающій. Это событіе также составляетъ первое звѣно Англійской Исторіи, потому что, до прибытія Цезаря, Британія была обитаема народомъ дикимъ, не имѣвшимъ никакихъ преданій. Одинъ отличный Англійскій живописецъ, Блакей, желая изобразить въ рисункахъ всю исторію своего отечества, началъ это именно тою картинкою, которую мы прилагаемъ къ нашей статьѣ Художникъ не могъ довершить своего предпріятія, но что успѣлъ сдѣлать, то прекрасно. Для объясненія рисунка его предлагаемъ довольно подробный разсказъ самого Цезаря о первой высадкѣ Римлянъ на берега Британіи. Мужественный авторъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ.

« Распоряженія были кончены, погода настала благопріятная, и Цезарь отплылъ къ берегамъ Британіи. Около десятаго часа утра были въ виду острова. Войска, готовыя къ сраженію, покрывали весь берегъ, и непріятель занималъ позицію выгодную, потому что господствующія высоты отдѣлялись отъ моря тѣснымъ прибрежіемъ, черезъ которое могла перелетѣть стрѣла. Цезарь увидѣлъ, что это мѣсто не годится для высадки, и оставался на якорѣ только до трехъ часовъ по полудни, въ ожиданіи остальнаго флота. Онъ однакожь созвалъ своихъ военачальниковъ и военныхъ трибуковъ, объяснилъ имъ свои намѣренія согласно съ донесеніемъ Волузена, и распорядился такъ, чтобы они могли дѣйствовать сами, соображаясь съ обстоятельствами, потому что на войнѣ, особенно въ морскихъ экспедиціяхъ, одна минута перемѣняетъ иногда все. Лишь только онъ отослалъ ихъ, какъ вѣтеръ и теченіе сдѣлались благопріятны: онъ подалъ знакъ, снялся съ якоря, и подвинувшись миль на семь, остановился передъ открытымъ и сплошнымъ прибрежіемъ. Варвары догадались о намѣреніи Римлянъ, и тотчасъ послали впередъ свою кавалерію и военныя телеги, которыя обыкновенно употребляютъ они. Затѣмъ шли всѣ ихъ войска, для того чтобы не допустить сдѣлать высадку. Насъ всего больше затрудняла высота судовъ, отъ чего надобно было останавливаться въ открытомъ морѣ, далеко отъ берега. Солдаты, обремененные тяжестью оружія, не могли двигаться свободно, не знали мѣстности, должны были кидаться въ воду и противиться волнамъ и непріятелю, тогда какъ варвары сражались на сухомъ мѣстѣ, или по волѣ входили въ море, не были стѣснены въ движеніяхъ, и зная мѣсто дѣйствія, навѣрное пускали стрѣлы и бросались въ море на лошадяхъ, пріученныхъ къ тому. Наши изумились, потому что не привыкли къ этому роду сраженія, и вступали въ него не съ такимъ жаромъ какъ въ сухопутный бой. Цезарь замѣтилъ это и велѣлъ отдалить большіе корабли отъ галеръ, которыхъ форма была неизвѣстна варварамъ и которыя гораздо поворотливѣе: ихъ велѣлъ онъ приблизить, на веслахъ, къ открытому флангу непріятеля, и отогнать варваровъ камнями изъ пращей, стрѣлами и военными машинами. Это очень пособило нашимъ: непріятель, изумленный

формою галеръ, движеніемъ на веслахъ и новостью мешательнаго оружія, остановился и по немногу отошелъ. Нашихъ солдатъ еще затрудняла глубина моря, когда имѣвшій въ рукахъ орелъ десятаго легіона, призывая боговъ, воскликнулъ: «Товарищи! за мной, если не хотите оставить орла варварамъ; а я исполню свой долгъ республикѣ и императору. «Громко произнесъ онъ эти слова, кинулся съ борта, и понесъ орла къ непріятелю. Всѣ наши, убѣждая другъ друга, что не должно покрыть себя стыдомъ, кинулись въ воду, а за ними пошли и солдаты ближайшихъ кораблей. Сражались съ обѣихъ сторонъ жестоко; но нашихъ тѣснили, потому что не льзя было ни сохранять строю, ни сбираться около знаменосцевъ; непріятель, напротивъ, зналъ всѣ углубленія, и гдѣ видѣлъ, что наши сходятъ съ корабля, тамъ кидался противъ нихъ на лошадяхъ, и нападалъ на смущенныхъ и разстроенныхъ: на одного нападали многіе; другіе, объѣзжая открытые фланги, пускали стрѣлы въ толпу. Тогда Цезарь посадилъ солдатъ на лодки галеръ, на легкія авангардныя суда, и послалъ ихъ на помощь къ бывшимъ въ опасности. Какъ только Римляне стали на землѣ и соединились, построились, они сдѣлали на варваровъ такой натискъ, что обратили ихъ въ бѣгство. Но преслѣдовать ихъ далеко они не могли, за недостаткомъ кавалеріи, и вотъ одно, чего не достало въ этотъ день для обычнаго счастья Цезаря.»

ГОРОДЪ МЕСЪ.

Авзоній, Латинскій поэтъ IV-го столѣтія, прославлялъ множествомъ стиховъ очаровательные берега Мозеля, и городъ Месъ, который существовалъ уже въ его время. Вначалѣ, этотъ древній городъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Mediomatrici, потомъ подъ именемъ Metis, изъ чего составилось нынѣшнее его названіе, Metz. Послѣ смерти Хловиса, при раздѣлѣ наслѣдства между четырьмя его сыновьями, онъ сдѣлался столицею Аустразіи. Въ 840 году въ немъ умеръ Людовикъ Простодушный, и церковь св. Арну приняла смертные останки этого монарха. Въ царствованіе Отона II-го, Месъ, такъ-же какъ Туль и Верденъ, отдѣлились отъ Франціи и вступили въ союзъ Нѣмецкихъ городовъ, подъ покровительство Императора. Это была эпоха блестящаго времени въ исторіи Меса. Три столѣтія пользовался онъ независимостью и былъ славенъ своимъ богатствомъ, и храбростью, мужествомъ своихъ гражданъ. Многіе знаменитые воители и государи затмили свою славу въ войнахъ съ нимъ, и за то многіе искали чести получить въ немъ права гражданства. Въ 1552 году, Германскіе государи воевали съ Карломъ Пятымъ, и просили помощи у Французскаго Короля: Генрихъ II-й согласился на это, но съ условіемъ уступить емуТуль, Верденъ иМесъ. Успѣхъ его требованія приписываютъ ловкости и пронырствамъ Коннетабля Монморанси. Съ этого времени Месъ потерялъ свою независимость. Но Карлъ V, вскорѣ заключивши миръ съ своими непріятелями, былъ раздраженъ противъ Французовъ, которые оказали имъ помощь. Онъ осадилъ Месъ; но мщеніе гордаго властителя оказалось безсильнымъ: онъ сдѣлалъ нѣсколько приступовъ къ городу, истощилъ всѣ средства осады, и простоявши подлѣ него три мѣсяца, долженъ былъ отступить. Защита Меса прославила Герцога Гиза, управлявшаго тогда (въ 1553 году) военными силами города. Въ самомъ дѣлѣ, Карлъ V, со 100,000 войска, отступаетъ отъ небольшой крѣпости, которой не могъ онъ взять. Послѣ этого Месъ не даромъ заслужилъ имя *неприступнаго*. Вообще онъ знаменитъ воинскими доблестями своихъ жителей, которые искони поддерживали славу храбрости. Многіе рыцари и витязи прибавляли къ именамъ своихъ фамилій имя города Меса, и это почиталось самою лестною наградою за подвиги подъ стѣнами или въ стѣнахъ его.

Теперь, древній Месъ почти совершенно изгладился въ улучшеніяхъ новаго времени. Мѣсто извилистыхъ, темныхъ улицъ, заняли прямыя, широкія улицы; вмѣсто нездоровыхъ, печальныхъ предмѣстій, возникли миловидные, красивые, чистые домы, раздѣленные садами и бульварами. Словомъ, теперь это одинъ изъ лучшихъ городовъ во Франціи. Онъ главный въ Мозельскомъ Департаментѣ, и столько-же прекрасенъ наружнымъ видомъ, сколько хорошъ и красивъ расположеніемъ и зданіями своими. Рѣка Мозель служитъ первымъ украшеніемъ его ландшафта: она вьется посреди плодоносныхъ луговъ, и потомъ раздѣляется на многіе рукава кругомъ крѣпости, которая и дѣлается отъ этого неприступна. Зданіе, ослѣпительное бѣлизной, удивительное архитектурой, возвышаетъ свою четвероугольную громаду передъ глазами путешественника: это Палата правосудія, зданіе, которое выдержитъ самое гордое сравненіе.... На лѣво отъ него, соборная церковь, отдѣляющаяся своимъ темнымъ цвѣтомъ отъ другихъ зданій: шпиль ея возносится на 345 футовъ, и вокругъ него есть нѣсколько другихъ шпилей, вырѣзанныхъ *ажуръ*, въ видѣ обелисковъ, Издали не видно страннаго контраста готической архитектуры ея съ тяжелымъ но-

вымъ порталемъ; но главныя части этой огромной церкви прекрасны. На колокольнѣ ея есть большой колоколъ, называемый la Mutte: голосъ его такъ густъ и громокъ, что онъ производитъ замѣтное дрожаніе въ каменныхъ стѣнахъ церкви.

Въ городѣ есть много другихъ великолѣпныхъ и огромныхъ зданій; не льзя исчислять всѣхъ, но мы упомянемъ о прекрасныхъ укрѣпленіяхъ, построенныхъ Вобаномъ и Бель-Илемъ, объ арсеналѣ, о военной школѣ, о церкви св. Венсана, о новомъ крытомъ

рынкѣ, обо всемъ кварталѣ Сенъ-Тіебо, и наконецъ объ инженерномъ и артиллерійскомъ училищѣ, гдѣ образовываются будущіе защитники Франціи, и гдѣ порядокъ и направленіе ученья не оставляютъ ничего желать.

Въ нравственномъ и ученомъ отношеніи Месъ также занимаетъ почетное мѣсто. Вольтеръ говоритъ гдѣ то, что проѣзжая черезъ Месъ онъ удивлялся видя тамъ много пирожниковъ и конфетчиковъ и не замѣтивши ни одной книжной лавки. Теперь злой сатирикъ не сказалъ-бы этого: въ Месѣ не только есть книжныя лавки, но и общественная библіотека съ 40,000 томовъ. Онъ нашелъ-бы также нѣсколько ученыхъ обществъ, нѣсколько отличныхъ школъ, и жителей образованныхъ, любезныхъ, трудолюбивыхъ. Впрочемъ, промышленность не была, и, кажется, никогда не будетъ удѣломъ Месскихъ жителей. Городъ остается до сихъ поръ военнымъ, потому что въ крѣпости его всегда бываетъ много войскъ, и безпрестанныя ихъ ученья, громъ барабана, стрѣльба изъ пушекъ, придаютъ однообразный видъ жизни.

Не забудемъ также, что Месъ отечество многихъ достопамятныхъ людей: тамъ родились Фаберъ, Кюстинъ, Лазалль, Себ. Леклеркъ, Муи, и несчастный Пилатръ де Розьеръ, одна изъ первыхъ жертвъ воздухоплаванія.

Народонаселеніе города не такъ велико въ наше время какъ было прежде, однако въ 1827 году въ немъ считалось больше 45,000 жителей.

КЛАДБИЩЕ ОТЦА ЛАШЕЗА, ВЪ ПАРИЖѢ.

Вѣроятно многіе изъ нашихъ читателей слыхали объ этомъ знаменитомъ кладбищѣ. Но, такова участь наша! знаемъ все по слуху, по отголоску, и рѣдко приходитъ намъ въ мысль знать что нибудь не поверхностно? Если таковы мы въ предметахъ важныхъ и близкихъ къ намъ, то что-же въ познаніи отдаленныхъ событій и памятниковъ? Правда, есть одно исключеніе: по какому-то странному стеченію обстоятельствъ, мы знаемъ Парижъ очень хорошо, знаемъ его (тяжко выговорить) почти лучше нежели родныя наши столицы! Но и онъ извѣстенъ намъ только по именамъ предметовъ, а не по историческимъ событіямъ. Безпрестанно слышите и читаете: Père-Lachaise, Père-Lachaise, а чѣмъ замѣчательно и славно это Парижское кладбище, не узнаете изъ Русскихъ книгъ и едва-ли услышите отъ многихъ путешественниковъ. Въ такихъ случаяхъ *Живописное Обозрѣніе* можетъ служить нѣкоторымъ пособіемъ. Вмѣстѣ съ изображеніемъ предмета, оно всегда представляетъ и описаніе его, по возможности подробное, удовлетворительное, такъ что читатели наши могутъ составить себѣ вѣрное понятіе о предметѣ, и узнать о немъ многія подробности. На этотъ разъ мы идемъ прогуляться по Парижскому кладбищу Отца Лашеза; но прежде всего надобно запастись историческими свѣдѣніями о томъ, кто далъ ему свое имя.

Франсуа д'Эсъ де Лашезъ былъ Іезуитъ, духовникъ Людовика XIV-го. Онъ родился въ 1624 году и происходилъ отъ почтенной и уважаемой фамиліи. Окончивши курсъ наукъ въ Іезуитскихъ школахъ, Лашезъ былъ Провинціаломъ ордена, когда Людовикъ, послѣ смерти Отца Ферье, избралъ въ замѣну его смиреннаго Франсуа Лашеза. Этотъ выборъ изумилъ многихъ, тѣмъ больше, что уже давно ни одинъ Іезуитъ не занималъ важнаго мѣста королевскаго духовника, а тутъ одинъ изъ нихъ достигъ этого въ такое время, когда партіи Янсенистовъ, Молинистовъ, и проч., раздѣляли Дворъ и столицу. Лашезъ увидѣлъ себя въ затруднительномъ положеніи. Монтеспанъ и Ментенонъ, Янсенисты и Іезуиты глядѣли другъ на друга непріязненно, и такъ называемый великій Людовикъ колебался между ними. Однако Лашезъ умѣлъ поддерживать себя, хотя ни Монтеспанъ, ни Ментенонъ не могли терпѣть его, и часто отпускали на счетъ его злые сарказмы. При всѣхъ важныхъ случаяхъ по духовному вѣдомству, каковы объявленіе Французскаго духовенства о свободѣ Галликанской церкви, уничтоженіе Нантскаго эдикта, споры о кіетизмѣ, бракъ Короля съ Ментенонтою (въ 1686 году), Лашезъ долженъ былъ принимать участіе, и, не смотря на обдуманную осторожность свою, не могъ избѣжать ненависти партій. Но безпристрастные и даже противные ему судьи, напримѣръ Герцогъ Сенъ-Симонъ и Вольтеръ, отдаютъ справедливость твердому и благородному его характеру. Вольтеръ приписываетъ его совѣтамъ важное обстоятельство, что Людовикъ XIV не объявилъ публично своего брака съ Ментенонъ, и не далъ ей правъ своей супруги. Вдова Скаррона и тайная жена Короля преслѣдовала честнаго духовника, но не могла лишить его милости Людовика. Лашезъ оставался любимымъ его совѣтникомъ въ духовныхъ дѣлахъ, даже въ то время, когда старость и болѣзни сдѣлали его движущимся трупомъ и ослабили умственныя его способности. Онъ умеръ въ 1709 году, 85-ти лѣтъ. Послѣ него осталось нѣсколько сочиненій богословскихъ и археологическихъ. Особенно любилъ онъ Нумизматику, и даже оказалъ ей нѣкоторыя услуги. Людовикъ XIV-й подарилъ ему, подлѣ Парижа, въ концѣ нынѣшнихъ Новыхъ Бульваровъ, землю, гдѣ духовникъ его выстроилъ себѣ домъ и развелъ обширный садъ. Въ этомъ-то саду находится теперь кладбище отца Лашеза. Домъ его, называвшійся прежде Монъ-Луи, потому что онъ находился на холмѣ, существовалъ еще недавно... Какое странное сближеніе! Тамъ гдѣ жилъ могущественный Іезуитъ, гдѣ окружали его придворные со своими интригами, гдѣ, можетъ быть, обдумывалъ онъ многіе честолюбивые планы, тамъ теперь спокойное жилище мертвыхъ, тихое лоно, гдѣ исчезаютъ всѣ страсти, всѣ волненія жизни.

Встарину, въ Парижѣ, какъ и во всѣхъ городахъ Европейскихъ, кладбища были при церквахъ; были и загородныя, но обывателямъ предоставлялось на волю избирать мѣста для умершихъ родныхъ и друзей. Только въ 1790 году, Народное Собраніе отдало общій приказъ выбрать мѣста для кладбищъ за городомъ, и хоронить тамъ умершихъ. Но вскорѣ настало время Террора и безумія, когда оффиціяльно объявили, что со смертью человѣка оканчивается для него все, слѣдовательно о немъ нечего и заботиться. Они не думали о живыхъ!.. Въ 1804 году, Императорскимъ декретомъ Наполеона велѣно было устроить кладбища непремѣнно за городомъ, и въ числѣ этихъ грустныхъ устройствъ назначено кладбище отца Лашеза. Земля, принадлежавшая нѣкогда духовнику Людовика XIV-го, была куплена за большую сумму, а распланировка и устройство ея поручены Г-ну Бропьяру.

21-го Мая 1804 года она была освящена и готова для своего назначенія. Съ тѣхъ поръ кладбище отца Лашеза сдѣлалось единственнымъ въ своемъ родѣ.

При входѣ на него построены изящныя бронзированныя ворота, съ приличными надписями изъ священнаго писанія и прекрасными эмблемами. Широкая аллея, перерѣзанная множествомъ боковыхъ аллей, усаженныхъ тополями, идетъ черезъ все кладбище, и производитъ неизъяснимое впечатлѣніе, когда среди этого моря зелени и цвѣтовъ вы повсюду видите надгробные памятники. На возвышеніи, гдѣ былъ домъ прежняго владѣльца, построена прелестная часовня. Отсюда видна вся *божія нива,* расположенная удивительно живописно. Вдали видны и городъ и окрестности его. Все это представляетъ такую разительную, великолѣпную, и потрясающую душу картину, что Парижъ справедливо можетъ гордиться ею. Нигдѣ и ничего нѣтъ подобнаго. Здѣсь жилище мертвыхъ похоже на самый богатый, очаровательный идеальный садъ. Это тѣнь того Эдема, въ который просилась безутѣшная Пери... И въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ окружать смерть печальными, тяжкими образами? Она и безъ того грустна, убійственна для тѣхъ, кто терялъ милыхъ сердцу. Будемъ-же представлять себѣ ихъ обитателями свѣтлыхъ, горнихъ жилищъ, а прахъ, драгоцѣнный намъ, окружимъ изящною роскошью міра, въ которомъ оставили они и вещественный слѣдъ... Намъ кажется, что мысль учредителей Парижскаго кладбища отца Лашеза достойна подражанія. Тамъ предупреждены всѣ желанія задумчивыхъ посѣтителей. Хотите-ли вы положить вѣнокъ на могилѣ друга? передъ вами огромные цвѣтники и теплицы, гдѣ во всякое время года найдете вы самые роскошные цвѣты и растенія. Хотите-ли узнать всѣ подробности этого мѣста? Тамъ устроено особенное управленіе, которое также и оберегаетъ священный пріютъ мертвыхъ. По обширности пространства, кладбище раздѣлено на пятьдесятъ шесть отдѣленій, означенныхъ небольшими столбами и надписями. Такія раздѣленія были необходимы, чтобы не заблудиться въ этомъ могильномъ лабиринтѣ. Есть также особенныя отдѣленія для протестантовъ и для израильтянъ. Право быть погребеннымъ на этомъ кладбищѣ покупается. Оно бываетъ *временнымъ* или *всегдашнимъ*. Для незнакомыхъ съ этимъ обычаемъ объяснимъ его: временное право означаетъ, что надъ могилою можно построить рѣшетку *деревянную,* и когда она развалится отъ ветхости, земля принадлежитъ управленію. Всегдашнее право покупаютъ для прочныхъ памятниковъ, и на большей части ихъ, въ концѣ надписей, трогательныхъ или хвастливыхъ, глубокомысленныхъ или нелѣпыхъ, читаете слова: concession à perpétuité. Послѣ того какъ въ одну ночь похищено было множество мѣдныхъ украшеній съ памятниковъ, запрещено употреблять всякіе цѣнные металлы. Но и безъ этого здѣсь много изящныхъ памятниковъ, мраморныхъ, гранитныхъ, украшенныхъ дорогими статуями; впрочемъ, едва-ли не лучшее украшеніе ихъ составляютъ цвѣты, благоухающія деревья и кустарники, которыми обсажена почти каждая могила....

Не льзя исчислить достопамятныхъ и славныхъ именъ, поражающихъ здѣсь глаза любопытнаго посѣтителя. Почти всѣ знаменитости Наполеоновой Имперіи — здѣсь. Вотъ Массена, Даву, Ней, Келлерманъ, Лефевръ, Сюше, Камбасересъ, и множество другихъ сподвижниковъ великаго человѣка! Здѣсь также покоится прахъ Лапласа, Кювье, Денона, Вольнея, Монжа, Фуркруа, Ланглеса, и проч. Литтераторъ отыщетъ имена Бернарденъ де Сенъ-Пьера, Дезожье, Парни, І. Шенье, Мерсье, Женгене, Делиля, Г-жь Дюфренуа, Коттенъ. Вотъ благодѣтели человѣчества: Сикаръ, Гаюи, Пармантье. Какъ Русскіе, мы должны упомянуть, что на этомъ-же кладбищѣ покоится прахъ незабвенной, милой соотечественницы нашей, Елисаветы Александровны Демидовой, урожденной Баронессы Строгоновой, супруги Н. Н. Демидова. Надъ могилой ея воздвигнутъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ и самыхъ великолѣпныхъ памятниковъ: онъ сдѣланъ изъ лучшаго Каррарскаго мрамора, въ видѣ храма, окруженнаго колоннами, съ простымъ означеніемъ имени ея и кончины.

Надобно было-бы написать цѣлую книгу, чтобы исчислить всѣ достопамятности кладбища отца Лашеза. Въ заключеніе скажемъ, что съ 1804 года по 1831 годъ оно населилось 31,000 надгробныхъ памятниковъ... Сколько ощущеній вызываютъ эти нѣмыя цыфры!..

ЯВАНСКАЯ ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ.

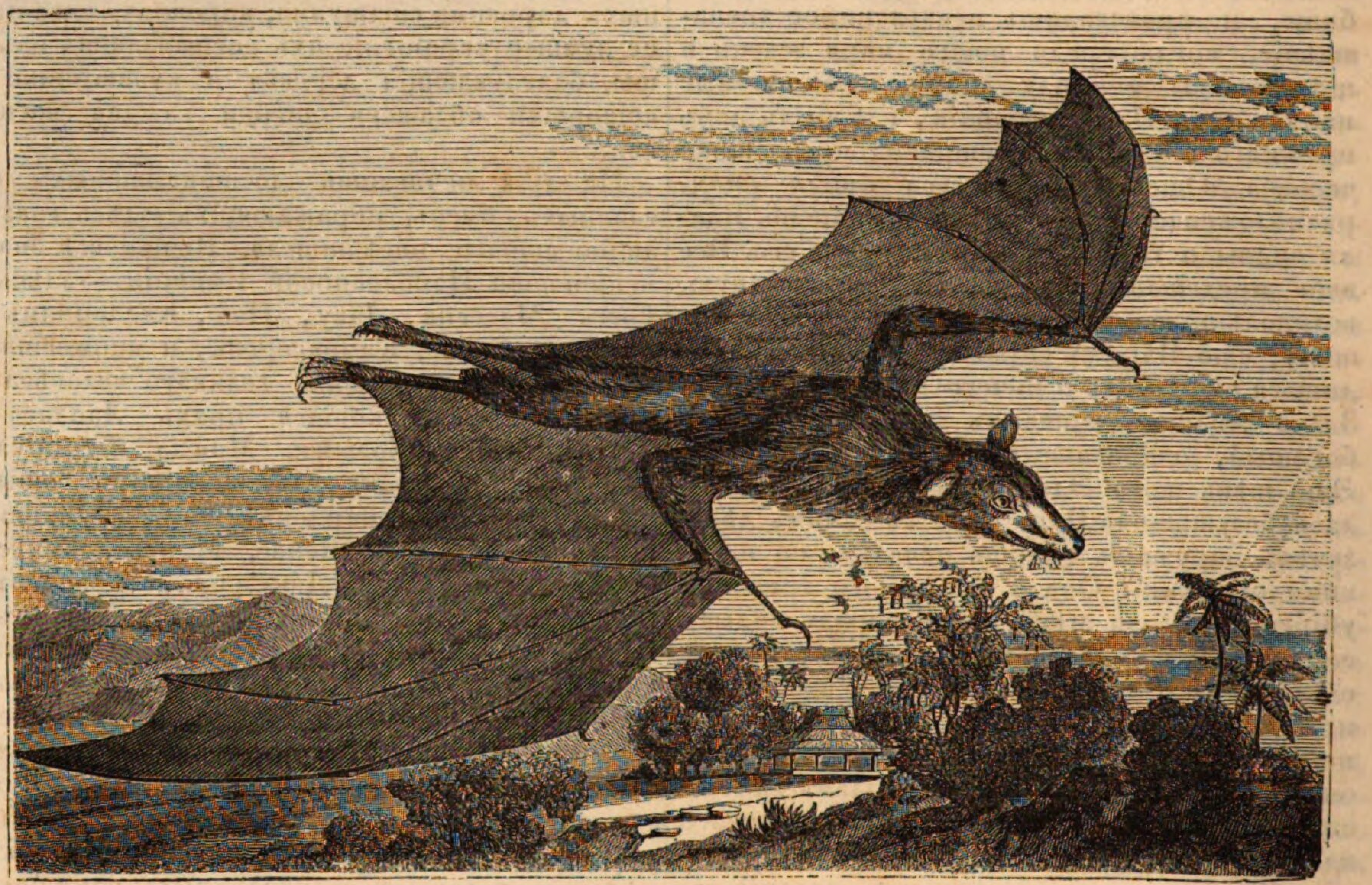
Можно сказать утвердительно, что *летучія мыши,* это любопытное млекопитающее животное, извѣстны какъ должно только натуралистамъ. Людей незнакомыхъ съ наукою пугаютъ сказки и нелѣпыя выдумки объ этихъ животныхъ, а ихъ странная и даже уродливая фигура отвращаетъ всякаго. Но физическое образованіе и обычаи летучихъ мышей такъ необыкновенны и лю-

бытины, что мы войдемъ здѣсь въ нѣкоторыя подробности о нихъ.

Древніе натуралисты знали ихъ не лучше нежели въ наше время простолюдины. Они причисляли ихъ къ птицамъ, зная только, что у нихъ *кожаныя крылья*, и что онѣ производятъ *живыхъ дѣтенышей*.

Но по всей организаціи своей, летучія мыши настоящія млекопитающія. Сходство ихъ съ птицами больше мечтательное нежели существенное.

Отличительный характеръ ихъ представляютъ верхніе члены, по которымъ ихъ тотчасъ можно узнать. Они очень велики, особенно въ тѣхъ частяхъ, которыя соотвѣтствуютъ рукамъ. Здѣсь видите вы пальцы, чрезвычайно длинные, безъ ногтей (кромѣ одного, отдѣльнаго и короткаго):

они соединены тонкою перепонкой, которая находится также между членами, и есть не иное что какъ продолженіе кожи на бокахъ Ее составляютъ двѣ сросшіяся кожицы, изъ которыхъ одна, верхняя, идетъ отъ спины, другая, нижняя, отъ брюха; окружая всѣ задніе члены, онѣ оканчиваются у ногъ, всегда свободныхъ и вооруженныхъ ногтями. Переднею частью тѣла летучія мыши очень похожи на обыкновенныхъ домашнихъ мышей. Величина ихъ различна. Въ нашихъ климатахъ нѣтъ большихъ породъ; но въ Индіи, въ Африкѣ, нѣкоторыя бываютъ величиною съ порядочную собаченку. Кажется что онѣ очень привязаны къ своимъ дѣтямъ (которыхъ бываетъ у нихъ по двое): вылетая ночью, онѣ носятъ ихъ съ собой. Чувства ихъ чрезвычайно тонки, и особенно слухъ и осязаніе. Зрѣніе, у большей части, нѣжно, такъ что онѣ могутъ переносить только самый слабый свѣтъ. Но нѣкоторыя породы могутъ летать и при солнечномъ свѣтѣ: это доказано. Вообще однакожь днемъ онѣ скрываются и остаются прицѣпившись задними ногами къ своду какой-нибудь пещеры или темнаго ущелья, а только въ сумерки, или до разсвѣта, вылетаютъ добывать себѣ пищу, которую обыкновенно составляютъ насѣкомыя, и рѣдко плоды. Тогда-то увидите вы ихъ полетъ, больше или меньше быстрый, но вообще неловкій и какъ-бы принужденный, потому что онѣ долго кружатъ или описываютъ углы своимъ полетомъ, прежде нежели сядутъ на что нибудь. Наѣвшись онѣ возвращаются въ свое жилище, то-есть въ щель какой нибудь стѣны, подъ стропила, на чердакъ, а внѣ жилья въ какую нибудь пещеру или разсѣлину.

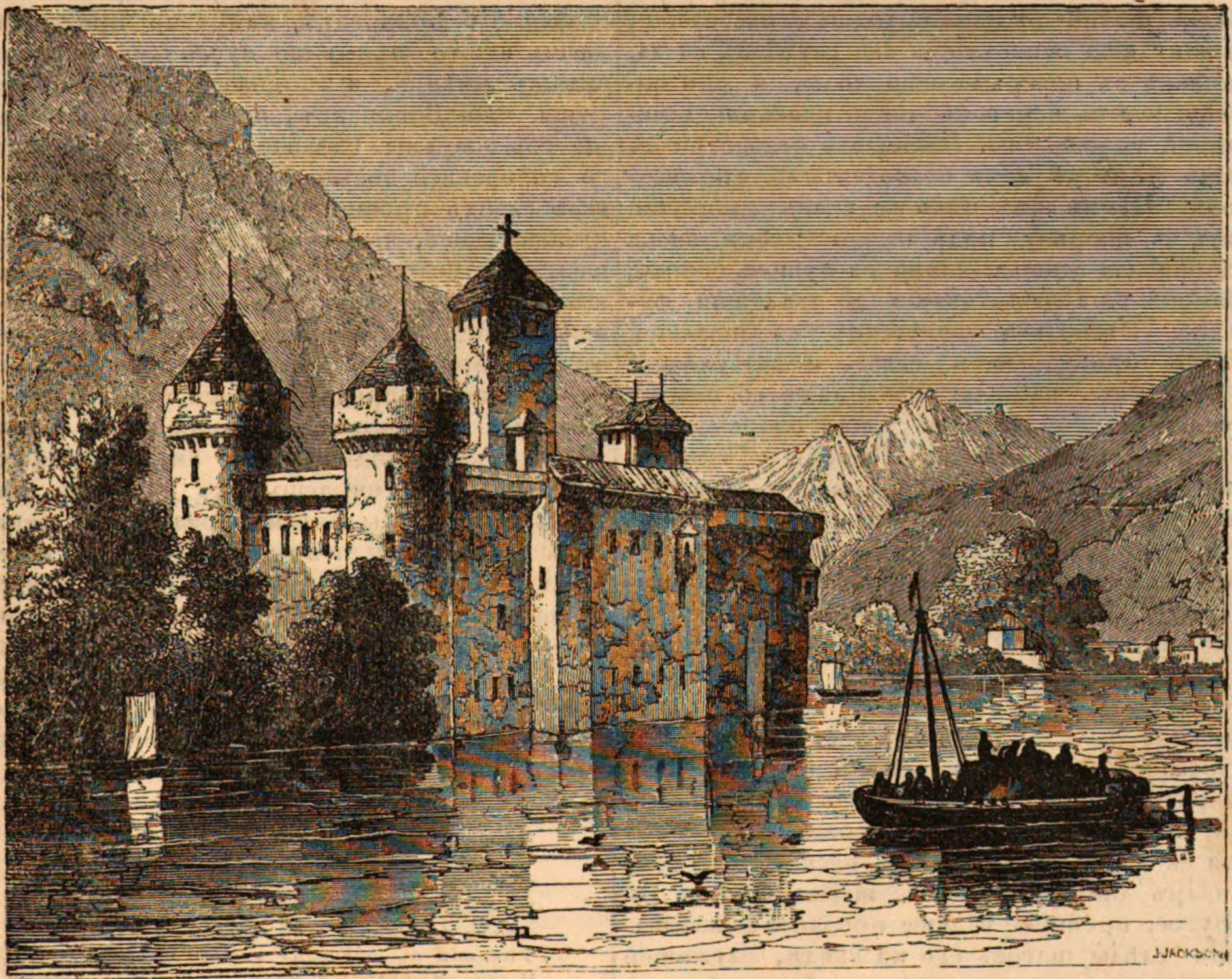
Въ нашихъ климатахъ, зимою летучія мыши впадаютъ въ усыпленіе или оцѣпенѣніе, почти такъ-же какъ сурки и нѣкоторыя породы бѣлокъ Завернувшись въ свои крылья онѣ прицѣпляются, въ какомъ нибудь пріютѣ, къ своду, и остаются неподвижно, въ онѣмѣніи всѣхъ чувствъ, цѣлую зиму. Въ этомъ со-

стояніи можно ихъ трогать, даже кидать: онѣ не показываютъ ни малѣйшаго знака жизни. Чувства ихъ оживаютъ въ теплѣ, и весною, когда отогрѣвается все: тогда начинаютъ онѣ снова свои обычные полеты. Но и въ это время года, когда послѣ теплыхъ дней бываютъ иногда морозы, онѣ опять приходятъ въ оцѣпенѣніе и скрываются въ свои ущелья.

Въ семействѣ Летучихъ мышей можно легко означить двѣ породы: 1-я, *травоядныя рукокрылыя* (Chéiroptères), 2-я, *летучія мыши собственно такъ называемыя* и *питающіяся насѣкомыми*. Первая изъ этихъ породъ подраздѣляется на пять видовъ; вторая заключаетъ въ себѣ всѣ остальные, очень многочисленные виды. Раздѣленіе это тѣмъ основательнѣе, что по немъ можно отличить и физическое устройство каждой породы: зубы, объемъ тѣла, когти, полетъ, все приноровлено у нихъ къ одному изъ способовъ питанія. Первая порода гораздо больше объемомъ тѣла, и совершенно безвредна для животныхъ; вторая иногда садится на млекопитающихъ, даже на человѣка, и сосетъ изъ нихъ кровь. Къ ней-то принадлежитъ знаменитый видъ летучихъ мышей: Вампиры.

Представленная на прилагаемой нами картинкѣ, *Яванская летучая* мышь*, принадлежитъ къ первой изъ означенныхъ породъ (Pteropus Javanicus); это самая огромная изъ всего поколѣнія. Въ Музеѣ Остъ-Индской Компаніи есть нѣсколько экземпляровъ ея, и каждая, растянувши крылья, занимаетъ не меньше пяти футовъ. Ихъ чрезвычайно много на островѣ Явѣ.

ЗАМОКЪ ШИЛЬОНЪ.

Замокъ Шильонъ получилъ въ наше время большую славу. Прежде взглядывали на него равнодушно, и не думали посѣщать мрачныхъ его подземельевъ; теперь, каждый пріѣзжающій въ Женеву почитаетъ за долгъ побывать въ Шильонѣ и прочесть тамъ нѣсколько стиховъ Байрона, который придалъ безсмертіе мертвымъ камнямъ полуразрушеннаго зданія.

Замокъ Шильонъ находится на полупути

между Клараномъ и Вилльнёвомъ, подлѣ самаго берега восточной части Женевскаго озера, недалеко отъ устья Роны. На противоположномъ берегу возвышаются высокіе и красивые утесы Мельери. Позади зâмка шумитъ величественный водопадъ, и вообще вся эта картина представляетъ больше высокаго и грознаго, нежели плѣнительнаго и милаго, какъ описалъ ее Руссо въ своей *Нов й Элоизѣ*. «Кларанъ,» говоритъ путешественникъ Симонъ, «небольшая деревушка, довольно запачканная и совсѣмъ не лучшая по мѣстоположенію. Мы искали глазами гдѣ-бы помѣстить Барона д'Этанжа и выбрали зâмокъ Шашеларъ, повыше деревни. Руссо вѣрно поселилъ-бы свою Юлію въ деревенькѣ Монтрё, если-бы это имя звучало не хуже Кларана. Въ полу-льё дальше находится зâмокъ Шильонъ, зданіе довольно тяжелое и не замѣчательное: оно построено за шесть сотъ лѣтъ, знаменитымъ Принцемъ Петромъ Савойскимъ, котораго называли *маленькимъ Карломъ Великимъ*. Этотъ зâмокъ точно будто выходитъ изъ озера, потому что основаніемъ его служитъ скала, наравнѣ съ поверхностью воды, и онъ сообщается съ берегомъ посредствомъ деревянной платформы. Нѣсколько человѣкъ солдатъ были въ немъ безполезнымъ гарнизономъ. Одинъ изъ нихъ вздумалъ провести насъ въ тюрьму подъ озеромъ: она очень удобна для житья; длина ея футовъ сорокъ; ширина отъ пятнадцати до двадцати футовъ. Нѣсколько отдушинъ въ толстой стѣнѣ пропускаютъ свѣтъ и воздухъ, и сквозь нихъ заглядываютъ даже солнечные лучи. Надобно сказать, что тюрьма эта совсѣмъ не подъ озеромъ. Чтобы убѣдиться въ томъ, стôитъ только сравнить высоту отдушинъ внутри и снаружи, или замѣтить гдѣ пробирается вода въ разсѣлину скалы, въ которой устроена тюрьма: вода потопила-бы ее, если-бъ не была ниже. Теперь уже не запираютъ никого въ здѣшнюю тюрьму, и я прошу Гг. поэтовъ вѣрить, что очень желалъ-бы помѣстить ее ниже воды, но какъ-же мнѣ измѣнить истинѣ для ихъ удовольствія!... Въ одномъ изъ столбовъ, поддерживающихъ сводъ, есть обрывокъ цѣпи, и камень кажется вытертъ отъ движенія ея. Здѣсь-то, говорятъ, несчастный Бонниваръ былъ прикованъ шесть лѣтъ. Но другое, противорѣчащее преданіе показываетъ слѣды шаговъ его на скалѣ, служащей вмѣсто пола, по которому будто-бы онъ ходилъ вдоль и поперегъ, во время своего продолжительнаго заключенія. Многіе путешественники начертили на столбѣ свое имя: между прочими и Лордъ Байронъ.»

Несчастный Бонниваръ былъ жертвою тѣхъ раздоровъ, которые описали мы въ Исторіи Женевы (Ж. О. томъ II, стр. 330). Герцогъ Савойскій, притѣснитель этого города, засадилъ въ тюрьму Шильонскую надежнѣйшихъ защитниковъ независимости Женевы: въ числѣ ихъ былъ и Бонниваръ, тогда молодой человѣкъ. Онъ сидѣлъ въ Шильонскомъ подземельѣ съ 1530-го по 1537-й годъ. Между тѣмъ война продолжалась; Герцогъ постепенно былъ вытѣсняемъ отвсюду, и у него оставался только Шильонъ; вскорѣ и это укрѣпленное мѣсто осадили жители Берна и Женевы, съ сухаго пути и съ озера. Бонниваръ слышалъ, какъ пушки земляковъ его громили крѣпость, въ которой томился онъ; наконецъ побѣда возвратила ему свободу.

Вотъ событіе, изъ котораго Байронъ образовалъ свою прелестную небольшую поэму, или сказку (a Fable, какъ онъ самъ называетъ ее). Сухіе критики замѣчаютъ, что онъ имѣлъ невѣрныя свѣдѣнія о своемъ героѣ; что Женевскій гражданинъ, сообщившій ему извѣстіе о Бонниварѣ, напрасно представляетъ этого какимъ-то мученикомъ независимыхъ мнѣній, и въ доказательство говорятъ, что Бонниваръ, только что вышедши изъ тюрьмы, сдѣлался членомъ жестокаго городскаго совѣта, который преслѣдовалъ своихъ противниковъ именно за мнѣнія; прибавляютъ, что и послѣ былъ онъ гонителемъ другихъ, не хуже какого нибудь инквизитора. Но чтô намъ за дѣло до всего этого, когда мы читаемъ произведеніе поэзіи? Байронъ представляетъ *человѣка:* довольно этого; представляетъ какъ человѣкъ томится въ тюрьмѣ, безвозвратно и безнадежно, какъ видитъ онъ смерть милыхъ братьевъ, и умираетъ ихъ смертью нѣсколько разъ. Мы имѣемъ прелестный переводъ Байроновой поэмы, В. А. Жуковскаго. Если кто, читая эти стихи, не увлечется картинами Байрона, не забудетъ всѣхъ привязокъ критики и не ощутитъ въ душѣ живаго чувства, тому не совѣтуемъ раскрывать поэтическихъ книгъ. Въ поэмѣ Байрона есть едва нѣсколько стиховъ о самомъ Шильонскомъ зâмкѣ.

На лонѣ водъ стоитъ Шильонъ;
Тамъ въ подземельѣ семь колоннъ,
Покрытыхъ влажнымъ мохомъ лѣтъ,
На нихъ печальный брежжетъ свѣтъ:
Лучъ, ненарокомъ съ вышины
Упадшій въ трещину стѣны
И заронившійся во мглу.
И на сыромъ тюрьмы полу
Онъ свѣтитъ тускло-одинокъ,
Какъ надъ болотомъ огонёкъ,
Во мракѣ вьющій ночномъ.
Колонна каждая съ кольцомъ;
И цѣпи въ кольцахъ тѣхъ висятъ;
И тѣхъ цѣпей желѣзо — ядъ;

Мнѣ въ члены вгрызлося оно;
Не будетъ ввѣкъ истреблено,
Клеймо, надавленное имъ.
И день тяжелъ глазамъ моимъ,
Отвыкнувшимъ съ толь давнихъ лѣтъ
Глядѣть на радующій свѣтъ;
И къ волѣ я душей остылъ
Съ тѣхъ поръ, какъ братъ послѣдній былъ
Убитъ неволей предо мной,
И рядомъ съ мертвымъ я живой
Терзался на полу тюрьмы...
.

Цѣпями тѣми были мы
Къ колоннамъ тѣмъ пригвождены,
Хоть вмѣстѣ, но разлучены;
Мы шагу не могли ступить;
Въ глаза другъ друга различить
Намъ блѣдный мракъ тюрьмы мѣшалъ;
Онъ намъ лицо чужое далъ
И братъ сталъ брату незнакомъ.
Была услада намъ въ одномъ:
Другъ другу голосъ подавать,
Другъ другу сердце пробуждать
Иль былью славной старины,
Иль звучной пѣснію войны —
Но скоро то-же и одно
Во мглѣ тюрьмы истощено...

Описавши смерть всѣхъ своихъ братьевъ, несчастный заключенникъ продолжаетъ:

Но что потомъ сбылось со мной,
Не помню... свѣтъ казался тмой,
Тма свѣтомъ; воздухъ исчезалъ;
Въ оцѣпенѣніи стоялъ,
Безъ памяти, безъ бытія,
Межь камней хладнымъ камнемъ я;
И видѣлось, какъ въ тяжкомъ снѣ,
Все блѣднымъ, темнымъ, тусклымъ мнѣ;
Все въ мутную слилося тѣнь;
То не было ни ночь, ни день,
Ни тяжкій свѣтъ тюрьмы моей,
Столь ненавистный для очей:
То было тма безъ темноты;
То было бездна пустоты,
Безъ протяженья и границъ;
То были образы безъ лицъ;
То страшный міръ какой-то былъ,
Безъ неба, свѣта и свѣтилъ,
Безъ времени, безъ дней и лѣтъ,
Безъ промысла, безъ благъ и бѣдъ,
Ни жизнь, ни смерть, какъ сонъ гробовъ,
Какъ океанъ безъ береговъ,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, темный и нѣмой.

Послѣ этихъ страшныхъ образовъ поэтъ описываетъ появленіе пѣвчей птички въ скважинѣ стѣны заключеннаго.... Какъ плѣнительно оно, это описаніе чувствъ безотраднаго плѣнника!... Напослѣдокъ цѣпь его оборвалась; ему оставили *свободу ходить по тюрьмѣ!* Ему удалось прорыть своими оковами ступени въ стѣнѣ: онъ взглянулъ на божій міръ, увидѣлъ вновь забытыя имъ красы природы,

И слезы новыя изъ глазъ
Пошли, и новая печаль
Мнѣ сжала грудь... мнѣ стало жаль
Моихъ покинутыхъ цѣпей.
Когда-жь на дно тюрьмы моей
Опять сойти я долженъ былъ,
Меня, казалось, обхватилъ

Холодный гробъ, казалось, вновь
Моя послѣдняя любовь,
Мой милый братъ передо мной
Былъ взятъ несытою землей;
Но какъ ни тяжко ныла грудь —
Чтобъ отъ страданья отдохнуть,
Мнѣ мракъ тюрьмы отрадой былъ.

*

День приходилъ, день уходилъ,
Шли годы — я ихъ не считалъ;
Я, мнилось, память потерялъ
О перемѣнахъ на земли.
И люди наконецъ пришли
Мнѣ волю бѣдную отдать.
За что и какъ? О томъ узнать
И не помыслилъ я: давно
Считать привыкъ я за одно,
Безъ цѣпи-ль я, въ цѣпи-ль я былъ!
Я безнадежность полюбилъ;
И имъ я холодно внималъ,
И равнодушно цѣпь скидалъ,
И подземелье стало вдругъ
Мнѣ милой кровлей... тамъ все другъ,
Все одноземецъ было мой:
Паукъ темничный надо мной
Тамъ мирно ткалъ въ моемъ окнѣ,
За рѣзвой мышью при лунѣ
Я тамъ подсматривать любилъ;
Я къ цѣпи руку пріучилъ:
И... столь себѣ невѣрны мы!...
Когда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнулъ —
Я о тюрьмѣ своей вздохнулъ!...

Вотъ что прославило Шильонъ!... Не Бонниваръ, не горестная судьба его, не романтическая мрачность крѣпости и тюрьмы на берегу Женевскаго озера, а эти стихи, исполненные силы и движенія, эти страшныя картины, начертанныя смѣлою рукою, составляютъ славу и прелесть Шильона!... Непостижимая сила искуства и генія!... Тысячи людей проходятъ мимо предмета, видятъ его, разсматриваютъ, описываютъ: онъ остается для насъ холоднымъ предметомъ любопытства... Но едва коснется къ нему геній, едва устремитъ онъ на него свой взглядъ, и мертвые камни получаютъ жизнь, дѣлаются краснорѣчивы, пробуждаютъ мысли и чувства, которыхъ прежде мы не соединяли съ ними!...

КОРОНА ЦАРСТВА КАЗАНСКАГО.

Вотъ еще одинъ изъ царскихъ вѣнцовъ нашихъ Великихъ Государей, напоминающій славное въ Исторіи Русской событіе: взятіе Казани, окончательное завоеваніе тамошняго царства, столько времени безпокойнаго и тяжелаго для предшественниковъ Іоанна IV-го! Прекрасна была минута въ царствованіи этого необыкновеннаго Государя, когда главный военачальникъ его, герой Князь Михайло Воротынскій, прислалъ сказать ему, стоявшему въ отдаленіи отъ

битвы: « Радуйся, благочестивый Самодержецъ! Твоимъ мужествомъ и счастіемъ побѣда совершилась: Казань наша. Царь ея въ твоихъ рукахъ, народъ истребленъ или въ плѣну, несмѣтныя богатства собраны: что прикажешь? « *Славить Всевышняго!* отвѣчалъ Іоаннъ, поднялъ руки и благодарилъ подателя побѣдъ, благодарилъ прежде всѣхъ самъ, и потомъ тотчасъ велѣлъ пѣть молебенъ подъ святою хоругвію, своимъ военнымъ знаменемъ. На этомъ-же мѣстѣ онъ собственными руками водрузилъ крестъ, въ ознаменованіе мѣста для первой христіанской церкви въ Казани. Онъ встрѣтилъ съ легкимъ упрекомъ, однако съ милостію, Царя Казанскаго Эдигера, и когда побѣжденный Царь сталъ передъ нимъ на колѣни и просилъ милосердія, Іоаннъ простилъ его... Всѣхъ сподвижниковъ своихъ, даже всѣ дружины наградилъ онъ *хвалою и милостивымъ словомъ*. Когда очищенъ былъ входъ въ городъ, Іоаннъ поѣхалъ туда, встрѣчалъ вездѣ, посреди пожара и мертвыхъ тѣлъ, радостныя лица своихъ воиновъ и восторженныя привѣтствія освобожденныхъ плѣнниковъ Русскихъ. Во дворцѣ онъ принялъ новыя поздравленія отъ окружавшихъ его, велѣлъ тушить огонь пожара и отдалъ

всю добычу, всѣхъ плѣнниковъ, всѣ богатства Казанскія своему войску. Для себя удержалъ онъ только Царя Эдигера, и взялъ утварь его, *вѣнецъ,* жезлъ, знамя и пушки, сказавъ: «Частныя богатства принадлежатъ не мнѣ: *моя корысть спокойствіе и честь Россіи!*»

Таковъ былъ славный въ нашей исторіи день 2-го Октября 1552 года. Вмѣстѣ съ другими утварями Царя Казанскаго поступила въ нашу сокровищницу и *корона* его, или вѣнецъ, донынѣ сохраняемый въ Московской Оружейной Палатѣ. Эта корона вся золотая, сканнаго дѣла, съ чернью; украшена жемчугомъ и разными драгоцѣнными каменьями. Въ ней 1 яхонтъ, 12 искръ яхонтовыхъ алыхъ, 30 бирюзъ, 14 зеренъ жемчужныхъ и 22 лалла. Вышина ея до яблока 4 вершка; яблоко съ яхонтомъ и необыкновенной величины жемчужиною $2\frac{1}{4}$ вершка; ширина короны въ діаметрѣ 5 вершковъ. Она остается одною изъ величайшихъ достопамятностей нашей государственной сокровищницы, и, означая власть Россійскихъ Государей надъ Казанскимъ царствомъ, выносится въ торжественныхъ случаяхъ, на подушкѣ, вмѣстѣ съ другими регаліями. Для археолога это любопытный предметъ старинная Азіятскаго искуства, а для вѣрнаго сына Россіи блистательный символъ нашей древней силы, когда Россія укрѣплялась на великіе подвиги, послѣ неслыханныхъ бѣдствій Татарскаго владычества. Въ наше время, когда *могущество* и *Россія* означаютъ почти одно и тоже, умилительно глядѣть на памятникъ царства, долго тягостнаго для нашихъ предковъ, а теперь составляющаго мирную области великой Русской Имперіи.

14.	Хозяйство сельское, домашнее и лѣсное........	57	176
15.	Словесность и Искуства.	316	557
16.	Смѣшанныя сочиненія...	288	250

— *Дешевыя книги.* — Въ противуположность драгоцѣнному изданію, о которомъ упомянули мы выше, скажемъ, что въ тоже время дешевыя и вмѣстѣ красивыя, даже изящныя изданія, появляются только въ наше время. *Всѣ* Сочиненія Ламартина, въ одномъ томѣ, съ превосходными рисунками и портретомъ, продаются *въ Москвѣ за* 20 *рублей!* Въ другихъ изданіяхъ они составляютъ больше десяти томовъ и стоятъ рублей сто слишкомъ. Дидотово изданіе романовъ В. Скотта продается въ Парижѣ по 2 *франка за романъ!*

БѢДНЫЙ ПОЭТЪ.

КАРРИКАТУРА ГОГАРТА.

Полагали, что въ этой каррикатурѣ Гогартъ изобразилъ портретъ Левиса Теобальда, больше всего извѣстнаго изданіемъ Шекспировыхъ сочиненій, и осмѣяннаго извѣстнымъ Попомъ въ его *Донсіадѣ*. Впрочемъ, Теобальдово изданіе Шекспира совсѣмъ не дурно, хотя стихотворенія и драматическія пьесы его давно забыты.

Но простая, личная насмѣшка была-бы недостойна такого великаго знатока сердца человѣческаго, и глубокомысленнаго живописца, какъ Гогартъ. Нѣтъ, не Теобальда, не плохаго стихотворца, не посредственнаго писателя хотѣлъ онъ представить въ каррикатурѣ своей, а тотъ особенный родъ людей, которые существовали въ Гогартово время, существуютъ и теперь, да, кажется, будутъ существовать и всегда. Эти люди, труженики, страдальцы своей мысли, подымающіе бремя не по силамъ, и за то осужденные страдать среди общества, въ которомъ нѣтъ для нихъ мѣста. Человѣкъ съ дарованіемъ не умретъ съ голоду, не станетъ унижаться посреди толпы, не станетъ вымаливать у нея куска хлѣба. Онъ сосредоточитъ поэзію души своей въ самомъ себѣ, скроетъ высокій даръ свой отъ равнодушія людей, и толпа не станетъ указывать на него какъ на гаера, на человѣка рожденнаго забавлять ее, и дастъ ему уголокъ посреди своихъ страстей и отношеній. Это говоримъ мы о поэтѣ, поставленномъ судьбой въ неблагопріятныя, тяжелыя обстоятельства, о поэтѣ не узнанномъ и не признанномъ людьми. О, свѣтъ самъ дѣлается рабомъ поэта, какъ скоро лучезарный блескъ успѣха кидается ему въ глаза! Гёте, В. Скоттъ, Байронъ были властителями и царями въ своемъ мѣстѣ. Но мы хотѣли сказать только, что никакія обстоятельства не могутъ довести поэта истиннаго до униженія. Это участь душъ слабыхъ и дарованій посредственныхъ, которыя почитаютъ себя назначенными *писать, печатать, издавать*, и готовы терпѣть за это всѣ возможныя страданія. Шекспиръ убѣжалъ отъ людей, когда ему стало душно и тѣсно въ ихъ обществѣ. Но дарованія безсильныя... Не угодно ли взглянуть на одинъ примѣръ человѣка съ такимъ дарованіемъ?

Вы видите бѣдную комнату, какой нибудь чердакъ, и главное лицо въ немъ поэтъ-писатель. Онъ только что всталъ поутру, накинулъ на себя утреннее платье, и уже сидитъ подлѣ своей милой рукописи. Онъ сочиняетъ поэму: *Богатство*; но окружающее не внушаетъ ему поэтическихъ мыслей для его предмета, и онъ подбираетъ метафоры, сравненія, фразы.... изъ Бишева «Искуства Поэзіи». Почесывая за ухомъ, онъ остановился, глядитъ въ книгу и ждетъ отъ нея мыслей и словъ. Бѣдный поэтъ! Напрасно читаемъ мы на рукописи его *Богатство*, напрасно видимъ на стѣнѣ изображеніе *золотыхъ рудниковъ Перу*.... судьба улыбается ему совсѣмъ не поэтически. Онъ наканунѣ былъ въ какомъ нибудь литтературномъ собраніи, или, можетъ быть, въ театрѣ, гдѣ упала его пьеса, и свидѣтельствомъ досады служитъ парадное его платье, брошенное на полу, и занятое покуда кошкою, которую сосутъ ея дѣтеныши; тутъ-же и шпага, непремѣнная принадлежность Англичанина въ старые годы. Крикъ ребенка заглушаетъ всѣ мысли нашего поэта и движеніе правой руки его очень похоже и на то, какъ будто онъ хотѣлъ-бы заткнуть себѣ ухо. Но, кажется, долго еще кричать бѣдному ребенку, потому что матери его недосугъ подумать о немъ. Она занята двумя важными дѣлами: зашиваетъ нижнее платье своего мужа-поэта, и выслушиваетъ упреки и угрозы молочницы, которая показываетъ ей долговую нарѣзку и требуетъ уплаты. Бѣдная молодая женщина хочетъ притвориться спокойною, но лицо съ трудомъ повинуется ей, и на немъ ясно выразилось грозное упоминаніе о полицейской расправѣ, къ которой хочетъ прибѣгнуть молочница. Передъ угасшимъ каминомъ сушатся только что вымытыя маншеты и рубашка поэта; ведро, гдѣ производился этотъ химическій процессъ, придвинуто къ письменному столу, а недалеко оттуда и листокъ газеты Grub Street Journal... Присутствіе такого листка есть самое большое униженіе для бѣднаго поэта, потому что онъ принужденъ писать статьи для этого собранія сплетней, низкихъ пересудовъ и наглыхъ клеветъ...

Вотъ какова существенность въ жизни нашего бѣднаго поэта, который мечтаетъ о славѣ и рудникахъ Потози, а въ комнатѣ его уже поселилась нищета, со всѣми своими ужасами, и скоро, можетъ быть, придется ему перемѣнить и этотъ бѣдный чер-

дакъ на тюрьму... Жалкая и грустная картина. Кто не подумаетъ, глядя на нее: Несчастный! брось свое неблагодарное перо, свои ничтожныя занятія! ты не рожденъ быть поэтомъ, не рожденъ и къ борьбѣ съ судьбой этого высокаго призванія! Сдѣлайся землекопомъ, поденьщикомъ, и прежде всего спаси свое несчастное семейство отъ нищеты, а потомъ, спокойно отдыхая за черствымъ обѣдомъ, развивай свои поэтическіе помыслы!

Bayerische Staatsbibliothek München

слѣдствіи, оцѣняя первые подвиги своего великаго брата)? А это, сдѣланное за трономъ *мѣсто, съ небольшимъ отверстіемъ,* знаете-ли какое назначеніе имѣло оно? Тамъ, во время своего властвованія, при торжественныхъ аудіэнціяхъ, становилась Софія, умная, хитрая соправительница юныхъ Царей, слушала рѣчи, обращаемыя къ нимъ, и нашептывала имъ отвѣты. Какое дивное изображеніе младенчества дипломатіи, младенчества царственныхъ обрядовъ и вмѣстѣ тогдашней Россіи! Да, Софія была истинною Царицею въ юные годы Петра, потому что Іоаннъ почти не вмѣшивался въ дѣла правленія. Этого казалось ей мало. Она хотѣла, постепенно захватывая въ свои руки власть, сдѣлаться и именемъ и самымъ дѣломъ Царицею. Но воля Провидѣнія могущественнѣе всѣхъ человѣческихъ предположеній. Ухищренія Софіи обратились на собственную главу ея, и черезъ семь лѣтъ она уже была заключена въ монастырь, а юный орелъ, братъ ея, столько-же прямодушный, сколько великій во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, смѣлою и твердою рукой управлялъ судьбами Россіи.

Вотъ какія размышленія пробуждаетъ въ насъ взглядъ на этотъ тронъ Іоанна и Петра Алексѣевичей. Въ описаніи, представленномъ нами выше, не льзя было означить, что къ этому трону принадлежатъ еще два столба, такіе-же какъ находящійся противъ средины трона. Ни одного изъ нихъ нѣтъ въ прилагаемомъ нами рисункѣ, потому что они составляютъ отдѣльныя части. Работа трона и всѣхъ принадлежностей къ нему, что̀ можно видѣть изъ самаго рисунка, старинная, тяжелая и массивная. Таковы были всѣ *Нѣмецкія* произведенія того времени, которыми щеголяли у насъ. Но, повторимъ въ заключеніе: не работа, не драгоцѣнный металлъ и богатыя принадлежности составляютъ красу и важность этого трона, а идея, которую мы соединяемъ съ нимъ. Конечно тоже скажутъ и всѣ наши соотечественники, глядя на него въ свѣтлые дни весны, когда Московская Оружейная Палата бываетъ открыта для безчисленныхъ посѣтителей. Тамъ хранится этотъ тронъ, вмѣстѣ со множествомъ иныхъ драгоцѣнныхъ историческихъ предметовъ. Съ 1682 года онъ стоялъ въ Грановитой Палатѣ, а въ Мастерскую и Оружейную перенесенъ въ 1706 году.

ГОРНАЯ КОЗА.

Бюффонъ и современные ему естествоиспытатели причисляли это животное къ антелопамъ; но въ наше время дознано, что горная коза составляетъ средній родъ между обыкновенною дикою козою и ланью, отличаясь отъ серны своими размѣрами. У насъ на Русскомъ языкѣ нѣтъ для нея опредѣленнаго названія. По-Латини называется она Capra ibex, по-Французски Le Bouquetin, по-Нѣмецки der Steinbock, по-Англійски the Ibex.

Это любопытное животное обитаетъ только на высокихъ горахъ, и потому-то его встрѣчаютъ на Альпахъ, Пиренеяхъ, Аппенинахъ, въ Тиролѣ, на хребтахъ Сибирскихъ горъ и даже въ Камчаткѣ, такъ-же какъ на Ливанѣ, Таврѣ и нѣкоторыхъ горахъ сѣверной Африки. Тамъ живетъ оно небольшими стадами, въ которыхъ обыкновенно бываетъ одинъ самецъ и нѣсколько самокъ. Они остаются вмѣстѣ до Апрѣля мѣсяца, то-есть до того времени, когда самки родятъ дѣтей.

Видъ горной козы чрезвычайно выразителенъ: вы видите въ ней какую-то легкость, смѣлость, быстроту въ каждомъ движеніи. Голова у нея небольшая, сжатая, но морда длинная и ротъ широкій; глаза ея не велики, но блистаютъ огнемъ и дикою живостью. Главная красота ея и отличительный признакъ, эти огромные, колѣнчатые рога, которыми щеголяетъ она больше всѣхъ своихъ собратій-козъ. Они темнаго, почти чернаго цвѣта, идутъ дугой отъ передней части головы надъ всею длиной тѣла, и загибаются внутрь, описывая такимъ образомъ почти правильную дугу. Съ перваго взгляда, можно подумать, что они составляютъ ненужную тяжесть; но больше подробное разсмотрѣніе показываетъ намъ, что рога способствуютъ горной козѣ бѣгать съ тою непостижимою быстротой, которою отличается она. Закинувъ ихъ назадъ, она смѣло пускается въ бѣгъ, уравновѣшиваетъ ими тѣло свое на самыхъ неприступныхъ скалахъ, и по устройству своихъ заднихъ ногъ, которыя длиннѣе переднихъ, придаетъ быстроту своему бѣгу именно тѣмъ положеніемъ, какое помогаютъ ей принять огромные рога. Ноги у нея тонкія и сухія; хвостъ очень коротокій. Цвѣтъ шерсти измѣняется по временамъ года, но вообще онъ рыже-сѣроватый на верхнихъ частяхъ, и грязный-бѣлый на нижнихъ. Полоса черной шерсти идетъ вдоль всего хребта, и оканчивается вмѣстѣ съ хвостомъ. Она бываетъ особенно замѣтна во время зимы, когда темный цвѣтъ шерсти вообще становится свѣтлѣе. Задняя часть тѣла горной козы всегда покрыта бѣлою шерстью; по нижней части рёберъ идетъ темная полоса, которая служитъ

какъ-бы раздѣлительною линіею цвѣта нижней и верхней части тѣла; борода всегда черная. Размѣры горной козы, пойманной въ Швейцаріи, были слѣдующіе: длина, отъ морды до хвоста, 4 фута 6 дюймовъ; хвостъ 6 дюймовъ; вышина, по головѣ, 5 футовъ 4 дюйма.

Это животное, всегда живущее на свободѣ, въ удаленіи отъ людей, способно однакожь дѣлаться ручнымъ, если его возьмутъ въ первомъ возрастѣ. Самокъ даже спариваютъ съ самцами домашнихъ козъ, и изъ этого выходятъ ублюдки, у которыхъ шерсть бываетъ отцова, а рога такіе-же какъ у матери.

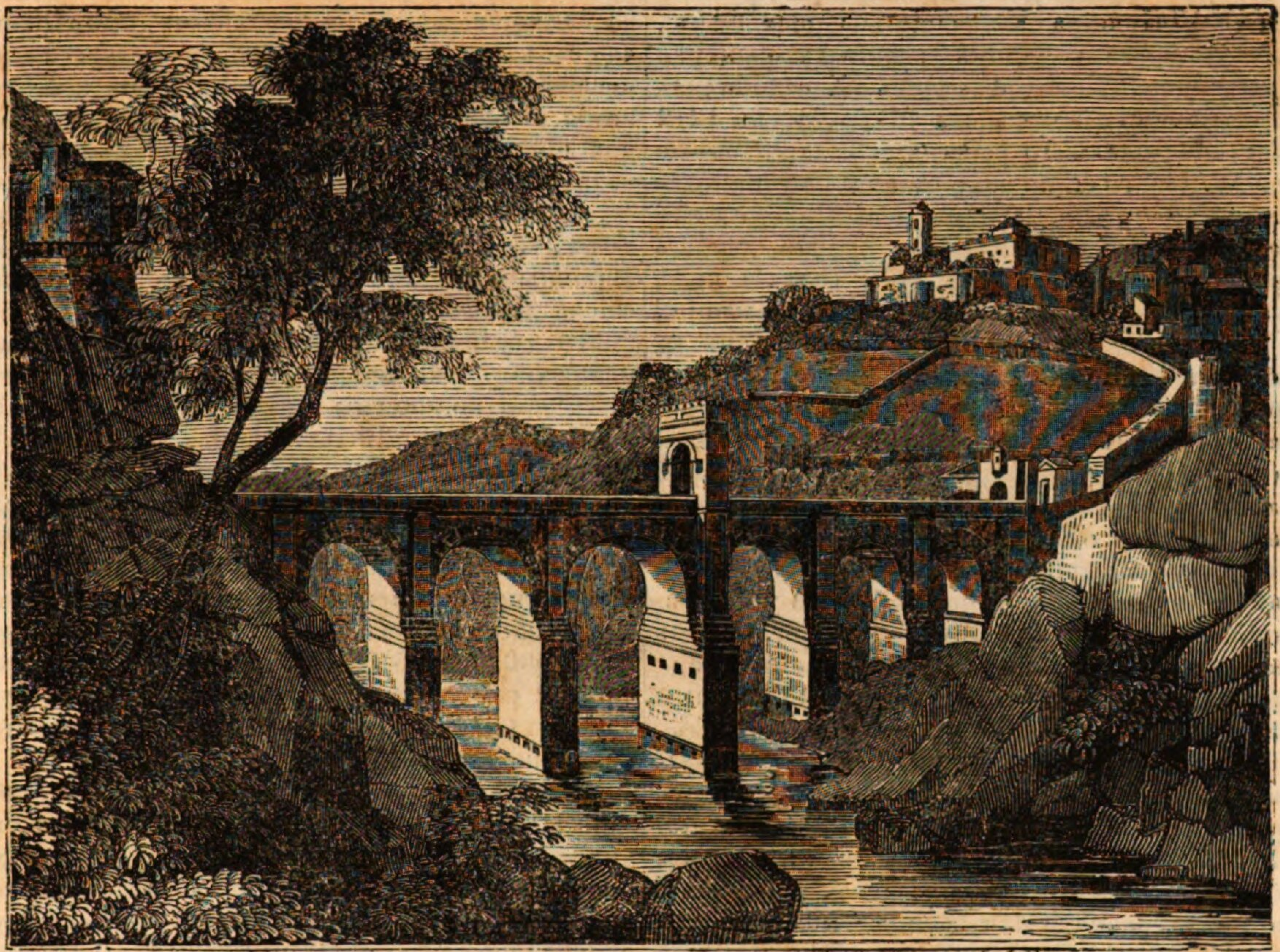
Видовъ этой породы извѣстно два или три. 1-й, открытый Палласомъ въ Сибири, Ibex alpium sibericarum, который однакожь

представляетъ такія отличія, что его вѣроятно отчислятъ къ другимъ породамъ козъ, когда узнаютъ подробнѣе. 2-й, *Нубійская горная коза*, Capra nubiana. Подъ этимъ названіемъ описана Фридрихомъ Кювье порода дикихъ козъ, живущихъ въ Нубіи и Аравіи. Онѣ отличаются длинными, тонкими и больше загнутыми рогами, прелестными формами тѣла, и особенною легкостью въ движеніяхъ. Цвѣтъ шерсти нѣсколько свѣтлѣе нежели у горной козы; во всемъ остальномъ рѣшительное сходство. 3-й видъ, *Кавказская горная коза,* Capra caucasia, описанная Гильденштедтомъ. Рога у нея треугольные; во всѣхъ остальныхъ частяхъ совершенное сходство съ главной породой.

Надобно-ли намъ описывать здѣсь трудную охоту за горными козами? Это стоило-бы особенной статьи. Скажемъ только, что въ Швейцаріи, гдѣ такъ много охотниковъ, привыкшихъ цѣпляться по горамъ и скаламъ не хуже самихъ горныхъ козъ, эта охота доведена до большаго совершенства; но и тамъ представляетъ она величайшія трудности. Пугливость, осторожность козъ, удивительные прыжки ихъ через стремнины, быстрота ихъ бѣга, требуютъ въ охотѣ за ними величайшей ловкости, неустрашимости и неутомимости. Только по ночамъ сходятъ онѣ иногда въ подгорные лѣса, но и тутъ, чуткій слухъ извѣщаетъ ихъ о малѣйшей опасности, и онѣ стрѣлою пускаются на неприступныя вершины горъ. Извольте взбираться туда за ними.

АЛКАНТАРА.

Нигдѣ слѣды Римскаго владычества (разумѣется кромѣ самой Италіи) не встрѣчаются въ такомъ множествѣ, и такъ ясно, живо, какъ въ Испаніи. Тамъ рѣдкій городъ не представитъ вамъ какого нибудь памятника, оставленнаго Римлянами. Къ этому примѣшивается воспоминаніе объ Арабахъ или Маврахъ, которые также долго властвовали въ Испаніи. Таковъ характеръ большей части городовъ Полуострова, не смотря ни на какія измѣненія, бывшія тамъ послѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ. Это общее замѣчаніе оправдывается при взглядѣ на каждый древній городъ Испаніи.

Алкантара, небольшой пограничный городъ Испанской Эстремадуры, находится на возвышенномъ берегу Тага. Названіе свое получилъ онъ отъ моста, построеннаго во время Римлянъ: *Алъ кантара* значитъ по-Арабски *мостъ*. Мавры были изумлены великолѣпіемъ, изяществомъ и прочностью моста, по которому перешли они въ этомъ мѣстѣ черезъ Тагъ, и заложивши при немъ городъ, не нашли для него никакого лучшаго названія. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ памятникъ Римскаго Искуства достоинъ удивленія. Онъ вполнѣ сохранился до нашего времени, и одно это уже показываетъ прочность его постройки. Неизвѣстно, что было побудительною причиною для Римлянъ, когда они заставили жителей Лузитаніи перекинуть черезъ Тагъ такой великолѣпный и прочный мостъ. Конечно, сообщенія ихъ съ нынѣшнею Португаліею были многочисленны; однако мы знаемъ, что постройка была сдѣлана на счетъ Лузитанскихъ жителей, слѣдовательно это былъ родъ чрезвычайнаго налога или дани. Надпись на одной изъ арокъ моста показываетъ, что онъ построенъ въ царствованіе Траяна. Высота его отъ поверхности рѣки 211 футовъ. Онъ утвержденъ на шести аркахъ, изъ которыхъ двѣ среднія имѣютъ въ отверстіи по 94 фута. Ширина моста 27 футовъ шесть дюймовъ, а длина 576 футовъ 11 дюймовъ. По срединѣ его возвышается тріумфальная арка, съ надписью въ честь Императора Траяна. Римскій архитекторъ не забылъ и себя: онъ построилъ не далеко отъ моста небольшое зданіе, гдѣ назначилъ хранить свой прахъ послѣ смерти. Огромность камней и прочность ихъ кладки сберегли это зданіе, обращенное теперь въ небольшую часовню, посвященную Св. Юліану, и потому то окре-

стные жители имѣютъ къ ней особенное уваженіе.

Кромѣ этихъ достопамятныхъ древностей, Алкантара замѣчательна еще тѣмъ, что она была городомъ военныхъ рыцарей Калатравы. Когда Альфонсъ IX освободилъ городъ отъ владычества Мавровъ, въ 1212 году, онъ отдалъ его рыцарямъ Калатравы; но черезъ два года потомъ Алкантару передали рыцарямъ Св. Юліана дель Пареро, или по-Русски сказать Юліана *Груши*. Этотъ орденъ, учрежденный въ 1170 году, вскорѣ оставилъ прежнее свое странное названіе, и назвался рыцарями Алкантары; онъ въ тоже время принялъ зеленый цвѣтъ для креста fleur-de-lys, который носилъ на своемъ широкомъ бѣломъ плащѣ, вѣроятно для того чтобы отличить себя отъ рыцарей Калатравы. Алкантара была отдана рыцарямъ *Груши* съ тѣмъ условіемъ, чтобы они жили въ братствѣ съ орденомъ Калатравы, наблюдали одинакіе съ нимъ обѣты и установленія, и наконецъ, чтобы Великій Магистръ того ордена имѣлъ надъ ними главный надзоръ. Вскорѣ однакожь рыцари Алкантары стали недовольны этимъ обязательствомъ, и уклонились отъ исполненія его подъ разными предлогами. — Вообще исторія этихъ орденовъ занимаетъ важное мѣсто въ исторіи войны съ Маврами, главною цѣлью, для которой были они установлены. Это, собственно говоря, были военные монахи, подвергавшіе себя такимъ-же обѣтамъ какъ Бенедиктины. Послѣ изгнанія Мавровъ и взятія Гренады, оба ордена подчинились непосредственной власти Кастильскихъ Королей, Фердинанда и Изабеллы. Городъ поступилъ также въ общее управленіе Королевства. Замѣтимъ между прочимъ, что орденъ Рыцарей Алкантары былъ одинъ изъ богатѣйшихъ: уже въ то время, когда онъ сравнительно почитался бѣднымъ, во владѣніи его оставалось еще 33 командорства, 4 алкадства и 4 пріорства, дававшія ежегодно 80,000 дукатовъ дохода. Что-же было прежде?

Въ наше время, Алкантара, какъ уже мы сказали, небольшой и бѣдный городокъ. Находясь на границѣ Португаліи, онъ довольно хорошо укрѣпленъ. Въ немъ около 3000 жителей, которые по большей части занимаются выдѣлываніемъ полотенъ и суконъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

— ***Рѣдкость типографическая.*** — Гг. Рихтеръ и К., Лондонскіе книгопродавцы, издали въ 1837 году, на Англійскомъ языкѣ, Новый Завѣтъ, съ объясненіями и примѣчаніями Достопочтеннаго Матью Генри. Это составляетъ томъ, въ 4-ку, болѣе 500 страницъ, напечатанныхъ *на бѣлой эмальированной бумагѣ,* золотыми буквами. Прежде, золотыми буквами печатали въ книгахъ только немногія мѣста, и мало есть примѣровъ чтобы какая нибудь брошюрка была вся напечатана ими. И такъ Гг. Рихтеръ и Компанія показываютъ *первый примѣръ* подобной типографической роскоши въ большомъ изданіи! Кромѣ того, не льзя не изумляться, при взглядѣ на это изданіе, красотѣ литеръ, бумаги, тщательности оттиска, и огромнымъ издержкамъ, какихъ требовало столь дорогое предпріятіе. Драгоцѣнность книги увеличивается еще тѣмъ, что ея напечатано очень немного экземпляровъ. Изъ нихъ три подписаны manu propria покойнымъ Королемъ Вильгельмомъ, за нѣсколько дней до его смерти. Онъ назначилъ одинъ экземпляръ для себя, одинъ для Королевской библіотеки въ Гёттингенѣ, и одинъ для Ганноверской библіотеки. Цѣна каждаго экземпляра, переплетеннаго лучшими Лондонскими мастерами, назначена 20 фунт. стерлинговъ (500 рублей). Вотъ до какого совершенства и роскоши дошло типографское искусство, въ концѣ четвертаго столѣтія по изобрѣтеніи его!

— *Статистика книжной торговли въ Германіи.* — Каталогъ Пасхальной Лейпцигской ярмарки 1837 года, представляетъ еще большее противъ прошедшихъ годовъ число книгъ. Въ немъ наименовано 4,251 сочиненіе оконченное, 487 обѣщанныхъ, и 105 ландкартъ. Въ каталогѣ 1836 года было означено только 3941 сочиненіе. Но увеличеніе числа книгъ ничего не значитъ передъ увеличеніемъ числа сочинителей. Въ 1787 году считалось ихъ въ Германіи только 6100; теперь — 18,000! Изъ нихъ было женщинъ только 12; теперь ихъ болѣе 200.

Вотъ любопытная сравнительная роспись книгъ, изданныхъ по разнымъ отраслямъ знаній въ 1787 году и въ 1837 году:

Предметы сочиненій	*Число* въ 1787 г.	1837 г.
1. Философія	49	47
2. Богословіе	334	753
3 Исторія	154	285
4. Филологія	69	366
5. Юриспруденція	101	193
6. Политика и администрація	57	146
7. Естествознаніе	113	209
8. Медицина и Физіологія	153	328
9. Географія	100	155
10. Математика	23	79
11. Военныя знанія	14	66
12. Педагогія	120	462
13. Торговля и промышленность	25	179

ТРОНЪ ЦАРЕЙ ІОАННА И ПЕТРА АЛЕКСѢЕВИЧЕЙ.

По кончинѣ Царя Θеодора Алексѣевича, престолъ Россійскаго Царства безспорно принадлежалъ старшему по немъ брату, Іоанну Алексѣевичу. Но этотъ юный Царевичъ, которому было тогда шестнадцать лѣтъ, отказался отъ преемничества, въ пользу меньшаго своего брата, десятилѣтняго Петра Алексѣевича, впослѣдствіи Великаго Преобразителя Россіи. Нѣтъ надобности замѣчать, что, въ то время, слабый лѣтами отрокъ, онъ, такъ-же какъ и старшій братъ его, болѣзненный тѣломъ и духомъ Іоаннъ Алексѣевичъ, дѣйствовали конечно не собственною волею, а по интригамъ и желаніямъ партій, всегда раздѣляющихъ Дворъ при юныхъ Государяхъ. Вскорѣ это и оказалось, самымъ несчастнымъ образомъ для спокойствія и блага государственнаго.

Семейство Царское составляли, кромѣ вдовствующей Царицы и нѣсколькихъ родственницъ, дѣти отъ перваго брака Царя Алексія Михайловича, Іоаннъ съ шестью сестрами, и отъ втораго брака Петръ, съ двумя сестрами, еще младенцами. Старшія сестры были оскорблены избраніемъ Петра на царство, будто-бы въ обиду старшаго брата, Іоанна Алексѣевича. Онѣ не хотѣли сознаться искренно, что Іоаннъ былъ не способенъ къ державной власти надъ великимъ царствомъ: больной, слабый зрѣніемъ, косноязычный, онъ не оказывалъ и никакой умственной крѣпости. Напротивъ Петръ, съ младенческихъ лѣтъ отличаясь умомъ, былъ замѣчателенъ вмѣстѣ здравіемъ и красотой тѣла, такъ, что не смотря на меньшій возрастъ свой, онъ казался старшимъ Іоанна по всему. Но страсти разсуждаютъ иначе, если только онѣ способны разсуждать. Изъ шести старшихъ Царевенъ, одна рѣзко отличалась пылкимъ умомъ, смѣлостью духа, но вмѣстѣ и страстями неукротимыми: это была Софія Алексѣевна. Она, со своими единомышленниками: Милославскимъ, Толстымъ, Шекловитымъ, и нѣсколькими начальниками Стрѣлецкихъ полковъ, возставила бунтъ противъ избранія единодержавнымъ Царемъ Петра Алексѣевича. Кровавая распря кончилась тѣмъ, что Іоаннъ былъ признанъ Царемъ, соцарствующимъ Петру Алексѣевичу, а сестру ихъ Царевну Софію *молили* принять бразды правленія, во время малолѣтства обоихъ Государей. Она отказывалась. Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній, собраніе чиновъ и народа отправилось къ Софіи, снова умоляло ее принять правленіе, и наконецъ, какъ-бы снисходя на просьбы ихъ, она согласилась, то есть достигла исполненія своихъ честолюбивыхъ желаній. Но не желая вдругъ показать свои отдаленныя надежды, она не хотѣла принять титула Царицы, не позволяла даже помѣщать своего имени въ царскихъ грамотахъ, и ограничилась титуломъ Правительницы. Іюня 25-го 1682 года было назначено коронованіе обоихъ Государей, и для нихъ приготовили два вѣнца, двѣ державы, два скипетра и *двойной тронъ*. Царевна хотѣла придать достойный блескъ новому царствованію, и тронъ былъ заказанъ въ Гамбургѣ, лучшимъ чужеземнымъ мастерамъ. Изображеніе его прилагаемъ мы въ началѣ нашей статьи. Онъ сдѣланъ весь изъ литаго и частію накладнаго серебра, съ позолотою и съ изображеніемъ разныхъ звѣрей, птицъ, листьевъ и цвѣтовъ. Три ступени ведутъ къ сѣдалищу; надъ ними, ниже подушекъ, три круглые медальона, гдѣ изображены два льва и одинъ *единорогъ;* по сторонамъ ихъ также львы и грифы. Самый тронъ разгороженъ посрединѣ поручнемъ, противъ котораго находится шестиугольный, низкій, прорѣзнымъ золоченымъ серебромъ украшенный столбъ; сверхъ столба глава, тоже изъ прорѣзнаго золоченаго серебра; около главы привинчены серебряные двуглавые орлы; надъ главою сдѣлано прорѣзное яблоко, надъ которымъ небольшой шаръ, а надъ нимъ еще двуглавый орелъ. Съ обѣихъ сторонъ витые Коринθскаго ордена столбы, надъ которыми, начиная отъ капителей, сведены двѣ серебряныя, чеканною работою украшенныя арки. Верхняя позади часть къ сидѣнію, и обѣ боковыя стороны убраны серебромъ, съ золочеными, то-же чеканной работы разными изображеніями. На самомъ верху, въ срединѣ, Россійскій государственный гербъ въ большомъ видѣ, и по сторонамъ два поменѣе. Боковые поручни украшены серебряными грифовыми головами; на груди у грифовъ Россійскіе серебряные гербы. За трономъ сдѣлано мѣсто, съ небольшимъ отверстіемъ, закрытымъ парчею.

Мы заимствовали это описаніе, почти слово въ слово, изъ драгоцѣннаго въ своемъ родѣ сочиненія: *Описаніе древняго Россійскаго Музея,* ч. 1-я, 1807 г. Но здѣсь читатель видитъ только указанія: Исторія должна придать всему этому жизнь и значеніе. Чья Русская душа не зашевелится отъ глубокаго чувства, когда подумаемъ, что на этомъ тронѣ сидѣлъ Державный Отрокъ, благодѣтель и преобразитель Россіи? Кто равнодушно станетъ разсматривать этотъ драгоцѣнный символъ тогдашней Россіи, представляя себѣ Петра, юнаго годами, но уже высокаго духомъ, и подлѣ него Іоанна, добросердечнаго, готоваго на все благое (что и доказалъ онъ впо-

Buchbinder
Marktplatz

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Semen, Avgust

Živopisnoe obozrěnie dostopamjatnych predmetov iz nauk, iskustv, chudožestv, promyšlennosti i obščežitija s prisovokupleniem živopisnago putešestvija po zemnomu šaru i žizneopisanij znamenitych ljudej
Bd.: 3,1 (1837)

Moskva 1837

4 Per. 88 e-3,1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10532778-3